80 коп.

23 I-14

Индекс 70544

1990 9 МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1990

9

ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АБВ

береза

Аз Буки Веди

В 1991 ГОДУ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:

Николай Вирта. «ЧЕРНАЯ НОЧЬ». Книга вторая.— Роман-хроника о возникновении и гибели гитлеровского рейха. Первая книга опубликована в № 6, 7 за 1990 год.

Владимир Чивилихин. «БИОГРАФИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ». Воспоминания писателя о времени, о людях, с которыми свела его судьба на литературном и жизненном пути.

Дмитрий Мищенко. «ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ». Исторический роман о борьбе славян в конце VI века за независимость против могущественной Византии и о вторжении в славянские земли обров. (Перевод с украинского).

Олесь Бровко, Юрий Тараскин. «ОДИННАДЦАТЬ». Остросюжетная повесть о борьбе чекистов в период Великой Отечественной войны с фашистскими бандформированиями ОУН, УПА на только что освобожденной территории Ровенщины.

Арнольдо Таулер Лопес. «ЧАСОВЫЕ РАССВЕТА». Политический детектив о попытке ЦРУ провести операцию по уничтожению лидеров кубинской революции.

Лев Филимонов. «ДОРОГА НА ЭВЕРЕСТ». Документальная повесть о совместной китайско-советской экспедиции по разведке путей покорения высочайшей вершины мира и о жизни на Тибете на переломном моменте его истории.

Ванцетти Чукреев. «ДЕНЬ И ЧАС». Роман-хроника. В романе на строго документальной основе анализируется период в жизни Советского государства 1940—1941 гг. вплоть до 22 июня, показаны реальные усилия Сталина и руководства страны по подготовке к отражению фашистского нашествия.

Свои новые работы обещали журналу: **Юрий Бондарев, Валентин Распутин, Михаил Алексеев, Петр Проскурин, Иван Стаднюк, Николай Кузьмин, Юрий Сергеев, Сергей Михеенков;** поэзия будет представлена творчеством **В. Цыбина, И. Савельева, В. Фирсова, Е. Юшина, И. Тюленева, И. Ляпина, В. Сорокина, В. Солоухина, В. Смирнова, Ф. Чуева;** нам готовят литературно-критические и публицистические статьи **М. Лобанов, В. Бушин, Н. Федь, Э. Володин, С. Королев, В. Якушев, И. Дьяков, А. Василенко, В. Литов, Г. Назаров, В. Васильев, В. Зарубин.**

Журнал планирует продолжить публикацию рассказов русских писателей и талантливых произведений современной литературной молодежи.

Напоминаем, что в розничную продажу «МГ» практически не поступает. Подписка принимается без ограничений. Наш индекс: 70544.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МГ 1990 9

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Рис. И. Андреевой

«Молодая гвардия», 1990, № 9, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

И. РОДИОНОВ,
генерал-полковник

КОГДА ПЕРЕСТАНУТ ГЛУМИТЬСЯ НАД АРМИЕЙ И ДЕРЖАВОЙ?

Из всех структур общества армия и флот по существу и по форме являются наиболее полными символами государства. Кто хочет разрушить государство до основания, начинает с шельмования Вооруженных Сил. Мысль Клаузевица о том, что народ, который не уважает свою армию, будет кормить чужую, верна и сегодня. Печать и лица, которые сеют злые семена неуважения к своим Вооруженным Силам, готовят вторжение чужой армии. Во всех странах, даже не очень правовых, такая деятельность карается судом как занятие преступное и антинародное. Наполеон говорил, что «четыре газеты могут сделать больше, чем стотысячная армия». История дает тому суровое подтверждение. «Желтая сотня» газет подвергла массированному глумлению русскую армию в начале века и французскую перед нашествием Гитлера. Итог известен — поражение русской армии в Маньчжурии и разгром Франции Гитлером. Причем обе побежденные страны имели более мощный военный потенциал, чем их противник. Аргументы и методы тех лет один к одному совпа-

дают с тем, что делают сегодня наша пресса и телевидение, которые давно пора признать как оружие массового поражения в войне идей.

Печать и тогда убеждала читателей, что на страну никто не собирается нападать, что армия — это дорогостоящий пережиток, что войны не будет, потому что все страны слишком интегрированы экономически и что война нужна только генералам, которых слишком много. Словом, тот же плоский набор полуистин и полуправды, что внушают сейчас народу.

Важно заметить, что русская армия, если не считать спровоцированной сдачи Порт-Артура, не понесла ни одного явного поражения. Япония сама была на грани краха. Но печать создала вокруг войны и нашей армии такую бурю истерики, паники и шельмования, что можно смело утверждать: маньчжурский позор создан не столько оружием самураев, сколько ядовитыми перьями ненавистников России.

Чернители знают, что 97 процентов офицерского корпуса страны — это русские, белорусы, украинцы и татары. Армия, таким образом, выражает и наивысшую ценность нашего государства — это подлинное братство народов. Это-то и вызывает тайную злобу врагов: они видят, что армия подтверждает идею, что ядром, монолитом и гарантом державы являются сыны России, Белоруссии и Украины, сплотившие вокруг себя братские народы и показавшие в войнах прочность этого единства.

Ложь никогда не ходит одна. Голая клевета не достигает цели, она легко различима. Ложь всегда одевается в одежды правды, как зло всегда — в личине добра. Злокачественные клетки всегда проникают в организм как «свои», как «доброжелатели», это знает любой иммунолог. Модель лжи в печати всегда одна и та же, несмотря на тысячи вариантов. Показывает, допустим, «Огонек» жизнь и будни офицеров дальней авиации. Перед читателями фотографии с горшками, бельем, скученность, убожество быта летчиков. Как тут не прослезиться при виде того, как режут правду-матку огоньковцы. Ведь и впрямь тяжела жизнь наших офицеров, быть может, самой социально незащищенной части нашего общества. Но в судьбе любого солдата, кроме дрязг, бытовщины и невзгод, есть и минуты подлинного величия, есть риск, братство и подвижничество, на котором тысячу лет стоит Россия. Но в «желтой» печати вы этого никогда не найдете. Дедовщина есть, а взаимовыручки нет. Неуставными отношениями заразило армию общество, и армию же обвиняют. Альфред де Виньи говорил о «неволе и величии солдата». Неволю покажут в самом низменном виде, а на величие даже намека не будет.

Но главное и самое опасное то, что в антиармейской пропаганде скрыта самая злая русофобия. Враги государства знают — чтобы разрушить «союз нерушимый», надо ослабить и оклеветать все исторические ценности прежде всего русского, белорусского и украинского народов. В нашей стране с Крымской войны и ранее антирусские и антиармейские действия проводятся одновременно. В недавнем прошлом это наиболее наглядно проявилось хрущевской русофобской оттепелью. При нем были закрыты не только почти все суворовские училища, но и десять тысяч русских церквей, которых и без того в России было мало. Тогда же был унижен офицерский корпус и на десятилетия отброшено назад авиационное и морское строительство. Расшатывание устоев государства имеет много обличий. Печать скрытно и умело сеет недоверие между народом и армией, а внутри армии — между солдатами и офицерами, а в офицерском корпусе — между старшими и младшими офицерами или между офицерами и генералами. Делается это бесцеремонно, напористо и истерично. Заодно сеют панику среди матерей, дети которых пойдут в армию.

Ни в одной стране нет такого беспардонного разрушения государства. Шельмуя армию, заодно разрушают и образ главы государства, где Президент по Конституции — Верховный главнокомандующий. Вся антиармейская пропаганда, по сути, это разрушение перестройки и унижение Верховного главнокомандующего.

Сегодня немыслим в мире ни один серьезный флот без авианосцев. Этим классом кораблей располагают не только ведущие державы, но и Индия, Бразилия, Испания, Италия. Требовать уничтожения уже построенного авианосца, куда вложены народные миллиарды, это то же, что и предлагать разрезать все самолеты и заниматься на весь мир разоруженческим «стриптизом». Где возможна такая дикая пропаганда? Только у нас. Самым любимым занятием для «желтой сотни», кроме наркотической болтовни о «конвертируемой валюте», является разжигание в себе и читателях низменных инстинктов «по поводу генералов». Холуйское смакование генеральской темы должно как бы показать всем, как эти журналисты и академики пекутся о простых людях после вояжей за океан. Многие высшие партаппаратчики хотят за критикой армии скрыть собственную политическую несостоятельность. Вы читали когда-либо, чтобы какой-нибудь офицер потребовал провести общенародную переаттестацию всех академиков по общественным дисциплинам, получивших звания в застойные годы, когда их научные труды были полуграмотным изложением гуманитарных наук, которые держались на цитатах «классиков» и восхвалении Брежнева, которого они уже мертвого пинают?

Травля — занятие, видимо, заразительное, коли в нее вовлекаются даже почтенные седовласые государственные мужи.

В Сумгаите и Тбилиси, в Фергане и Абхазии, в Баку и Карабахе, равно как и в Вильнюсе, армия выполняла прямые указания политического руководства страны и делала это, глубоко страдая и стиснув зубы, но выполняя святые для солдата законы устава и присяги. Армия — орудие государства, и решения его высшего руководства для нее — закон. Ее могут привлечь к выполнению и внутренних задач, но убежден: лишь тогда, когда исчерпаны все другие средства, не достигли цели политические рычаги и использованы все возможности внутренних войск и КГБ. Уверен, что и руководство страны не испытывает радости, вовлекая священный ресурс страны, свою армию в гражданскую службу и подавление беспорядков. Но сейчас дезорганизацией и временной неопытностью руководства пользуются ведомства МВД и КГБ. Они уходят за «широкую спину» армии вместо того, чтобы решительно браться за свои прямые обязанности. Армия, к радости «желтой сотни», подставляется под огонь критики и подвергается шельмованию. Невольно возникает вопрос: не делается ли это преднамеренно? Кто-то понимает, что унизить армию — значит разрушить основу державы. Уверен, что и в Тбилиси можно было бы обойтись без участия армии, но кто-то упорно добивался и добился этого.

Вернусь еще раз к этим трагическим событиям. Сегодня многие, а иные на свой хитрый аршин, «ищут» и «провозглашают» свою «правду» о них, рассказывают доверчивым читателям были и небылицы о жертвах «армейского разбоя», как изрек на страницах «Московских новостей» (№ 16 от 22.04) Егор Яковлев. Свою лжеправду по поводу годовщины Тбилисской трагедии высказал и «Огонек», по обыкновению точно попадая в тон «правдолюбцев» из «Голоса Америки» и «Свободы». В классической манере желтой скандальной печати главное умалчивается, нужное раздувается, а главное, те, кто разжег тбилисские события, — они же проливают наигранные слезы.

Собчак и Коротич, Гельман и Яковлев — далеко не полный перечень тех, кто выступил с «правдой», чтобы набрать политические очки на людском горе. На чем же основана их правда?

В ход идут недоказанные и непроверенные факты, псевдокинодокументы, «объективные» живописания очевидцев и просто слухи, сдобренные домыслами и эмоциями, — вот главный набор «правдолюбцев», не имеющих отношения ни к грузинскому народу, ни к русскому. Они увидели и услышали немало, но хитро умалчивают о зачинщиках кровавых столкновений, об озверевших хулиганах, не проявляя при этом ни интереса, ни сострадания к изувеченным солдатам, к тем, кто пытался спасать, не давая затоптать упавших и раненых людей. Будто у мальчиков-солдат, изувеченных в Тбилиси, павших в Карабахе, Фергане, нет матерей и отцов, братьев и сестер, нет Родины, которая помнит о них.

Обрушивая на читателей лавину лжи, «желтая» пресса, делает свое дело. Сегодня на вопрос: «Отчего погибли люди в Тбилиси?», большинство у нас и за рубежом отвечают: «От саперных лопаток и газов».

Пройдут годы, и «саперная лопатка» останется в истории мировой журналистики как классический пример умелой лжи. Четыре газеты в политике могут сделать больше, чем стотысячная армия. Студентам будут рассказывать о том, как ни один человек не погиб ни от колющей, ни от режущей раны, но зато миру точно навязан образ «саперной лопатки». Возможности печати, похоже, даже Наполеон недооценивал. Поистине хозяин в стране не тот, у кого вооруженные силы, КГБ, милиция или обученный аппарат, а тот, у кого в руках печать и телевидение.

Но и этого мало егорам яковлевым. Потому главный редактор «Московских новостей», которые и не московские, и не новости, разжигает читателя рассказом о том, как он с Гельманом ходил прощаться с «жертвами армейского разбоя»:

«Убогая квартира. Гроб на столе. В нем — шестнадцатилетняя девушка. Красавица на фотографии и ужасное темно-лиловое лицо в гробу. Солдат сбил ее с ног дубинкой и наступил сапогом на горло» («МН», № 16, 22 апреля 1990 г.). Подлинное горе в Грузии в многотиражной поспешности заезжего московского газетчика звучит не только фальшиво, но и подозрительно суетливо. После таких чудовищных обвинений потом само собой следует, что советские солдаты и офицеры — зверье и оккупанты, и «убийцы», а наша армия — «жандарм» своего народа. Не такова правда об апреле в Тбилиси. Подлинную правду мы установим, чего бы нам это ни стоило.

Наш министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе заявил о своей готовности уйти в отставку, если не будет установлена о событиях в Тбилиси полная правда. Отношусь с уважением к этому заявлению министра. Кто же мешает установить правду?

Кто хочет правды, пусть не боится ее. Надо с суровой честностью оценивать трагическую действительность и не скрывать и не фальсифицировать факты, уже найденные и признанные.

В этой связи хочу спросить тиражных правдолюбцев из прессы и самого министра иностранных дел:

«Кто вам мешает опубликовать заключение судебно-медицинской экспертизы о погибших в Тбилиси?» Тогда лопатки превратились бы в ослиные уши лжи. Это во-первых.

Во-вторых: почему до сих пор не обнародовано заключение экспертов ООН по газам? Что вы затаились? Или думаете, что вам сойдет с рук грязная ложь о Тбилиси?

В-третьих, когда вы опубликуете материалы комиссии, возглавлявшейся депутатом Верховного Совета СССР Г. С. Таразевичем?

В-четвертых, отчего так упорно обходите молчанием материалы Военной прокуратуры (не входящей, кстати, в систему Министерства обороны и подчиненной только Генеральному прокурору СССР)?

Боитесь, что весь мир убедится в том, что на телах затоптанных толпой людей не было обнаружено ни одной колото-резаной раны, ни следов химических отравлений? У лжи короткие ноги. Те, кто пустил в ход «лопаты» и «газы», не были солдатами.

Нет, как выяснилось теперь, этим оружием орудует только «желтая сотня».

Хочу спросить редактора «Огонька» правдолюбца В. Коротича: кто ему помешал опубликовать мое открытое письмо Э. А. Шеварднадзе, выступившему с обвинениями в мой адрес? Но даже он вынужден был признать, что Родионов дольше всех сопротивлялся применению силы. А ведь в том письме я тоже пытался ответить на вопросы, волнующие всех нас.

Уверяют, что публикация упомянутых материалов может вызвать нежелательную реакцию в Грузии, породить новую напряженность и т. п. Эта отговорка может только унизить грузинский народ. Не верю, что есть народ, которому нужна «ложь во спасение». Тем более она не нужна грузинам, за плечами которых трагическое величие духа, испытанное в тысячелетиях суровой судьбы. Ложь нужна лжедемократам, чтобы спрятать за криками о «лопатках» и «газах» главных виновников гибели людей — провокаторов, экстремистов, мафиози и главарей оголтелого национализма.

Между тем одурманенные телегазетным ядом люди нередко искренне полагают, что именно эти растлители душ и есть герои дня, а вот народная армия, выступающая реальным гарантом стабильности, порядка и безопасности граждан, является чуть ли не главным их врагом. Пришла пора разобраться в корнях и движущих силах национализма, экстремизма, открытого антисоветизма и русофобии. Пусть народ узнает, кто является тайным дирижером этих процессов, кто исполнитель и кто попустительствует этому разложению общества.

Разумеется, каждый имеет право на свое мнение, но никто не вправе злонамеренно рыть пропасть между армией и народом и использовать в этих целях печать и обрезанную гласность.

Армия — самая социально незащищенная структура общества, самая жертвенная часть его, закрывавшая своими телами смерто-

носные реакторы Чернобыля, умиравшая за Гиндукушем и в Карабахе — эта армия обвиняется «желтой» прессой в преступлениях, которые она не совершала, а общественность пережевывает эту лживую телегазетную жвачку и молчит. Сегодня начали с армии, завтра примутся за главу государства и все устои державы. Да уже и начали. Почему никто не потребовал к ответу органы печати и телевидения, ставшие главными очагами разложения общества и разрушения основ государственности и права? Ни в одной стране мира такая антигосударственная деятельность не прошла бы безнаказанно. Или мы становимся все менее правовым государством? Мы уже докатились до того, что принимаем специальный закон о защите Президента от оскорблений. Удивляет и молчание Верховного Совета СССР, разработавшего куцый Закон о печати. Депутаты не могут не видеть, что печать стала главным тормозом на пути к демократизации и честной гласности.

У народа и армии есть суровый счет к печати. В 1988 году был убит один офицер в стране. В прошлом году без Карабахов, Прибалтики и Ферганы в своей родной стране убито 59 офицеров. Убито подло и намеренно. Эти невинные люди имели семьи, детей, отцов и матерей. Такой кошмарной мерзости не знала Россия за тысячу лет истории. Кровь этих офицеров лежит на тех, кто уже пять лет ведет сознательную и грязную травлю армии и флота через средства массового поражения во главе с телевидением, «Огоньком», «Московскими новостями», «Комсомольской правдой», «Собеседником», «Известиями», «Неделей», «Советской культурой» и прочими органами. Это благодаря им сейчас некоторые отказываются служить в армии, пишут рапорты об увольнении некоторые офицеры, снижается боевой дух армии и флота, разлагается общество, слабеет патриотизм в среде молодежи.

Растлители добились многого, но не всего. Желтая пачкотня сплачивает основную массу офицеров и еще теснее сближает их с солдатами. Они понимают, что выполняют историческую миссию спасения державы одним фактом своего существования. Порукой тому — кровь невинно павших офицеров. Народ и армия будут едины, как бы ни бесновалась по этому поводу «желтая» печать. И народ все яснее понимает, что эта «желтая» пресса не имеет ничего общего с народом и его коренными чаяниями.

Еще раз взяться за перо меня побудило отнюдь не стремление к словесным баталиям по поводу тех или иных публикаций. Есть нечто гораздо более важное, нежели личные счеты и амбиции, чьи бы они ни были: судьба нашей Родины, ее престиж и целостность, судьба и честь наших Вооруженных Сил и их способность надежно обеспечить безопасность страны.

Мы все хотим приблизить рождение нового ненасильственного мира, но, оставаясь на почве здравого смысла, нельзя не видеть, что язык силы еще не ушел в прошлое. Известно, что США и некоторые их союзники продолжают осуществлять программы вооружений и не стесняются применять силу, не считаясь ни с мировым общественным мнением, ни тем более с нашими академиками или яростными прорабами перестройки. Идет опасное расползание по миру ядерного оружия. Нередки вспышки региональных стычек и войн у наших границ. Мир непредсказуем, — напоминает даже М. Тэтчер. История карает за беспечность и слабость. То и дело разжигаются страсти вокруг послевоенных границ. Германия идет к объединению. На востоке Япония стала

третьей страной в мире по уровню боевой мощи. Наши ученые тетерева все толкуют о том, что на нас никто не собирается нападать. Эта формула рассчитана на слабоумных. Нет лучшего «добродетеля» в обществе, чем тот, кто расслабляет его здоровую бдительность.

В «колонке редактора» 17-го номера «Огонька» В. Коротич шутовски иронизирует по поводу источников военной опасности, вопрошая: «Кому и зачем нужно нападать на нас?» Он с апломбом судит о «низком боевом уровне многих частей», якобы «доказанном трагичным Афганистаном», сообщает читателям о «едва ли не окопном быте многих офицерских семей» и т. п. Можно подумать, что он отечески печется о них. Во многих публикациях «Огонька» и других изданий обыгрываются темы «дедовщины», непрофессионализма офицеров, барства генералов, бесправия солдат, «жандармских функций» армии и прочих реальных, а чаще мнимых недостатков.

Зачем это делается? Каждый духовно зрелый и верный идеалам чести офицер знает, что самое отсталое и неблагополучное в стране — это не армия и флот, не сельское хозяйство, не промышленность и не партаппарат. Самое убогое, неинтеллигентное, некультурное и отсталое в мире — это наша «желтая» печать и телевидение. Чего же она добивается, черня армию и расшатывая устои общества и паническими воплями пугая гражданской войной, тем самым провоцируя ее?

Причина всех причин не в тех или иных недостатках (их полно во всех социальных институтах нашего общества), а в той роли, какую Вооруженные Силы играют как фактор стабильности государства, особый организм, связующий все народные семьи державы, стоящий над национализмом и способный помочь или помешать в борьбе за власть.

С началом перестройки на политическую арену вышли и те силы, которые всегда хотели любыми путями прийти к власти, изменить общественный строй и добраться до новых сверхобильных корыт. Они знают: если страна будет ввергнута в кровавую анархию, в бессмысленный и беспощадный бунт, о котором писал Пушкин, им будет легче ловить рыбку, но история учит, что демагоги и политиканы в жадной ловле «рыбки» гибнут не только сами, но и увлекают за собой миллионы других.

Для таких политических авантюристов армия — серьезная помеха. Отсюда и стремление подорвать ее авторитет, противопоставить народу, снизить ее боеспособность.

С этими же целями выступает и академик Г. Арбатов. О чем бы он ни писал, а проглядывает между его строк лукавая попытка противопоставить генералов своей же армии в расчете внести смуту и в души молодых офицеров! Он, видите ли, борец против военно-промышленного комплекса. Так почему бы американисту хоть разок, хоть для экзотики, не покритиковать американский военно-промышленный комплекс или японский?

Но нет, весь его академический интеллект направлен на иное: «Стране угрожают сегодня скорее не военная опасность, а угроза развала экономики и экологических катастроф, усиление социальной и национальной напряженности». Казалось бы, расхожая общеизвестная банальщина. Но академик и здесь преследует еще одну сверхзадачу. А именно: убаюкать общественное сознание по поводу военной опасности и подогреть настроение тех, кто рассчи-

тывает легко и просто решить все наши проблемы за счет лишь сокращения оборонных расходов.

Если вернуться к пробпеме военной опасности, то ведь «проклятая диалектика», от которой нам никуда не деться, подсказывает, что именно в условиях «развала экономики» и других наших бед у кого-то могут зачесаться руки, чтобы кое-какие споры с нами решить силой. Поэтому, выбираясь из всех наших бед, решая неотложные экономические и социальные проблемы, нельзя ни на минуту забывать о безопасности Родины. Нам всем нужно думать о разумном количестве и должном качестве слагаемых оборонного потенциала. Как известно, одними призывами и пожеланиями это не достигается. Повышение качественных параметров как техники, так и личного состава Вооруженных Сил требует соответствующих средств, немалых затрат. И как бы тяжело нам ни было, на некоторые из них надо идти, если мы не хотим однажды проснуться безнадежно отставшими от тех, кто и не думает отказываться от новых военных наступательных программ.

В этой связи будет кстати вспомнить о таком предлагаемом способе повышения качества Вооруженных Сил, как переход на систему их полной профессионализации и вольного найма. Сама по себе эта идея требует серьезного отношения и проработки, тем более что у нас уже есть опыт полной профессионализации офицерского корпуса и вольного найма прапорщиков, мичманов, некоторых других категорий военнослужащих. Но и в этом случае нужно помнить о реальных экономических и финансовых возможностях, учитывать, что такой переход потребует дополнительно немалых средств, будет длительным, болезненным, а на какое-то время и снижающим уровень боеспособности Вооруженных Сил. В данный момент это могут быть решающие соображения о путях развития Вооруженных Сил. Но каковы бы они ни были, ясно одно: нужно иное отношение к армии и ее личному составу.

Это снова заставляет вернуться к язвительным словам В. Коротича о «полях битв», на которых-де «сражаются» сегодня наши Вооруженные Силы. То, что обстоятельства и сила приказа вынуждают их участвовать в решении внутренних задач, действовать, как пишет Коротич, на городских площадях — это великая драма (и даже трагедия) наших дней. Не в таких «битвах» завоевывалась подлинная слава армии. Нам всем нужно помнить об этом и сделать так, чтобы подобных «битв» у нас не было никогда. Но наживать на этой проблеме политический капитал, использовать ее для нагнетания враждебности к Вооруженным Силам, их солдатам и офицерам не только аморально, но в высшей степени антипатриотично.

Да, к великому сожалению, были в этих «битвах» и кровь, и жертвы с обеих сторон, болью отзывающиеся в каждом. Но было и спасение огромных масс людей от погромов и убийств, от разгула самых злобных экстремистских сил, от полного хаоса и беспорядка. И делали это солдаты и офицеры Советской Армии и внутренних войск, не щадя своей собственной жизни.

Автор перечисляет гонорар в Фонд ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы.

●

Поэзия

Евгений ЮШИН

ВСАДНИК

Быль

Один со страху помер — другой ожил.

Вожа*

Просторной, синею дорогой,
В Рязанских землях выбрав путь,
Река течет от стога к стогу,
Волной прищуриваясь чуть.
У края леса обернется,
За ветку зацепив платок,
И вдруг нежданно улыбнется
Кувшинкой около осок.

---

* 11 (24) августа 6886 (1378) года свершилось побоище на реке Воже, когда Рязанская сторона впервые одержала победу над ордыщами. Существует предание, что русский ратник тех времен вновь появляется, чтоб оберечь родную землю от несчастий и разора.

Крестом под солнцем — коршун зоркий.
В цветах гудят, кипят меды.
Разгульный ветер на пригорке
Пасет тяжелые сады.
И облаков литое тесто
Подходит пышно и бело.
Умели предки выбрать место:
Где храм поставить, где село.

Герман

Ко мне пришел приятель — Герман.
Поправил кудри, в кресло лег.
Его пиджак, как новый термин,
Мое внимание привлек.
— Ну ты пижон! —
А он читал
На память Блока, Пастернака
И часто повторял:
— Однако,
Как рядом с ними каждый мал! —
И улыбался.
Но глаза,
Глаза улыбки не рождали,
Они ответа ожидали,
По собеседнику скользя.
Прямые губы, нос горбат,
Категоричен, робок в меру,
Не скрытничал, любил «Мадеру»
И часто посещал Арбат.
«Возьми меня с собой на Вожу».
И, нежную погладив кожу
Слегка припухлых белых щек,
Он собирает вещмешок.

Встреча

Вот мы приехали. Уселись
За стол в саду.
Приятель мой —
Весь удивленье и несмелость —
Глаза таращит на грибной

Душистый суп, на сковородку,
Где вздрагивает холодец,
И на солененький, под водку,
Тугой, как правда, огурец.
И вечером под звездной бездной,
Гармошку вывернув свою,
Поет нам дядя Леша песни
Про лошадей и про зарю.
Затем рассказывает долго,
Как волк его
овцу задрал,
Как он потом ходил на волка
И как однажды заплутал:
— Вот мне почудилось, что вижу,
Как всадник на рысях спешит.
При нем лук-стрелы, в шапке рыжей,
А побоку свисает щит.
Ищу следы — их нет. Рехнулся,
Наверно, думаю, но сам
Спешу за ним. И вдруг очнулся
У края Засеки *. Глазам
Своим от радости не верю —
Уж вот село. Я даж присел!
— А всадник где?
— Да я теперя
Не помню. Я тогда болел.
И жар, и кашель донимали.
Чулчиха травами спасла... —
Поднялся я: — Она жива ли? —
— Живет. Вчера-кось тут была.
Все бродит что-то, все ворожит,
А то весь день стоит у Вожи.
Чудная...
Но пора нам спать —
Скотину скоро выгонять...

Утреннее слово

Хотя поспать люблю я утром,
Но радость наблюдать восход,

---

* **Засека** — лес получил это название, когда рязанские воины-лучники засекали и валили деревья, чтобы не прошла конница хана Бегича.

Когда слепых туманов пудра,
Как сон, парит у тихих вод —
Не променяю на дремоту.
И с красным гребнем на боку
Заря слетает с неба в воду
С разливистым «ку-ка-ре-ку!».
И где ж тут спать, когда на ухо,
На шею, к августу озлясь,
Как мысль назойливая, муха
Садится триста тридцать раз!
— А знаешь, Герман, не пойти ли
С ночевкой в Засеку?
Костер
В ночи пожжем. И накоптили б
Немного рыбки. —
В мыслях скор,
Я вспомнил детство, и покосы,
И запах мяты на заре:
— Поджарим петуха в золе,
Здесь нет еще сальмонеллеза. —
...Итак, к обеду собрались.
Поймали петуха кривого
И гребешком на пень — держись! —
Срубили утреннее слово.

Испытания

У Засеки, в траве вечеровой
Под сенью дуба, около обрыва
Палатку мы разбили. Огневой
Волной крученой наслаждалась ива.
Костер сжигал последний локон дня,
И тени подступали гуще, ближе,
Тяжелое молчание тая,
И падали порой на уголь рыжий.
Кричу: — Неси скорее петуха!
Еще не ощипал? Остынут угли. —
А эти угли, как миры разбухли
И дышат, словно звездные меха.
И Герман с петухом своим бежит:
— Сейчас поджарим! —
И луна косится.

За облачною шторой, как девица
Сокрытая до времени лежит.
И дышат угли.
Кажется, что в них
Бунтует страсть, перетекают чувства,
Вот-вот родится пламя — только миг —
Вот-вот, и жизнь осветит землю густо.
В огне стрельнула ветка. Хрустнул сук.
Рванулся ветер, опаляя веки.
Вдруг, безголовый, щипаный петух
«Ку-ка-ре-ку!!!» — в руках прокукарекал.
Еще: «Ку-ка-ре-ку!» И, бел насквозь,
Швырнул передо мною Герман птицу.
И так застыл, не шевелясь, как гвоздь.
Кто б увидал в то время наши лица!
Я растерялся: — Вот так чудеса! —
Но голос Геры выдавал не робость,
Не удивленье — страх. Его глаза
Охотней бы сейчас смотрели в пропасть.
Он думал — нет! не думал! В голове
Метались бестолково два-три слова:
— Как может быть такое? Он же не...
Как может кукарекать безголовый?
Не может быть! Тут что-то не вполне... —
Себя он успокаивал смущенно, —
Какой-то дикий случай. —
При луне
Лицо его казалось обожженным.
— Не бойся, Гера!
— Нет. А я боюсь!
Да-да, боюсь! Во мне инстинкт беречься... —
— Да полно! Это дремлющая Русь
По-гоголевски к нам пришла развлечься.
Пригнулись травы, полыхнул костер,
И гром потряс разбуженные листья.
Деревья крылья вскинули в простор,
И новой вспышкой осветило лица.
Поток дождя, родившись в небесах,
Как водопад обрушился на землю.
Он мял ее, рычал. И бил вразмах
По влаге стосковавшуюся зелень.
Мы спрятались в палатке. Дождь лупил,
Трепал ее. Но так же, как начался,
Ушел внезапно, выбившись из сил.

...Костер наш снова ясно разгорался.
Срывались капли с листьев в тишине.
Теперь луна уже глядела в оба,
Косу свою расправив по волне.
Какая любопытная особа!
Мы пили чай.
— Эй, как тут к вам пройти? —
Девичий голос от реки раздался. —
Я не могу никак тропу найти. —
— Да где же ты?
— Я — здесь! —
И я поднялся.
Зажег фонарь. А голос звал меня:
— Скорей, скорей! —
Я побежал на голос.
Высокая трава, почти по пояс,
Меня цепляла, каплями слепя.
— Скорей, скорей!!! —
Я оступился и
Остановился, чтобы приглядеться,
Прислушаться на легкие шаги:
Куда б это могла девчушка деться?
И, приглядевшись, я увидел вдруг,
Что только шаг остался до обрыва,
А там, внизу, волна ласкала гриву
Седой ветле. И расходился круг
Ночной воды.
Мелькнуло в голове:
«Русалка!»
И, себе же улыбаясь,
Назад пошел я по сырой траве.
— В-в-вернись! — кричал мне, заикаясь,
Приятель мой.
— Иду, уже иду!
— Что бросил ты меня?
— Да я ведь рядом.
— А мне минута показалась адом! —
Казалось, Герман был в полубреду.
В руке — топор:
— Чей голос это был?
— Не знаю, — улыбнулся я, — русалки.
Едва сейчас за нею не уплыл. —
...Костер затих, дышал уже не жарко.
А лес стонал.

Ошметки облаков
Тянулись быстро к северу, где горсти
Зеленых звезд кружились, словно гости
На празднестве разбуженных веков.
Кружась в листве и падая в волну,
Невольно обжигая наши плечи
Дыханием своим, вращались смерчи.
И понял я, что мы у них в плену.
Затрясся Герман: уши — тетивой:
— Уйдем отсюда! Что творится с нами?! —
И страх его пронзительный, живой
Мне в душу дунул стылыми губами.
— Ты и меня-то вгонишь в страх.
Рабы,
Пускай они — не мне ж Руси бояться,
Когда вскипает жизнь и звезды тмятся.
О, рабий страх! Тебе не знать судьбы,
Минувшего воочию не видеть,
Грядущего просторного не знать.
Смотри! Смотри!!! Вот-вот — и всадник выйдет
С копьем могучим змея поконать. —
И вправду: хруст валежника и звуки
Тугой узды.
И справа от костра
Из темноты крутой к реке, к излуке
Рванулся всадник. Пика у бедра,
Обтянут кожей щит, шелом тяжелый.
Скакун копытом угли разметал,
Промчавшись мимо во широко поле...
И Герман дико вдруг захохотал —
Сорвались нервы... Я же был спокоен.
Пошел к реке и ждал, когда заря
Расправит крылья, надо мной паря.
И слушал эхо звездных колоколен.

Прозрение

День провели мы весело и шумно.
Картошку черногрудую пекли,
Купались, загорали — так бездумно
Минуты наши к вечеру текли.
И прошлые ночные треволненья
Казались странным сочетаньем снов.

И все же Герман резко, без сомненья,
Решил, что ночевать пойдет под кров.
И я тогда в село за ним подался.
Бежать от страха, память теребя,
Смешно тому, кто жизни испугался.
И убежишь ли разве от себя?
Уж первый сон слетел листом с березы,
Столпились кучей овцы в катухе,
Позвякнул цепью пес, и, словно осы,
Зарницы с лёта путались в стрехе.
Мы на крыльце присели. Было тихо.
Я чиркнул спичкой, чтобы прикурить.
И вдруг из глубины крыльца Чулчиха
Приподнялась. И попросила пить.
Мы принесли воды.
— Что, тетя Нюша,
Не у себя ты? Спать уже пора.
— Да просто так. Люблю сидеть и слушать.
То там, то здесь. Была тут и вчера.
Мне в августе чегой-то плохо спится.
А здесь покойно. Все вокруг видать.
Как сумрак вяжут травяные спицы!..
— Ну, ты как знаешь. Мы же будем спать. —
Храпит за печкой добрый дядя Леша.
Мы улеглись. И глаз не разомкнуть.
Почти неслышно ходики полощут
Густую темень.
Что-то не уснуть.
Скребется мышь, забравшись под обои.
Намаялся я — веки не поднять.
То прокричит петух, то пес завоет,
И спать хочу, и все не в силах спать.
Проходит час, другой его торопит,
Подушка истомилась под щекой.
А за окошком слышен конский топот.
Не всадник ли?
Укрывшись с головой,
Ворочаюсь.
А хоть бы всадник — что же?!
Он шесть столетий скачет по Руси.
Мой древний-древний предок с вечной Вожи.
Что ищет он, Господь его спаси?
К окну я через силу приподнялся,
Взглянул — окаменел! — слезал с коня,

Хрустя кольчугой, плетью опоясан,
Не кто-нибудь (сказать-то страшно!) —
Я.
...И от окна отпрянув, прозревая,
Я выбежал из дома на крыльцо.
Сутулая, навстречу мне, зевая,
Чулчиха встала:
— Я твое лицо
Сейчас вон там, за речкою, видала.
— А ты еще не спишь?
— Еще не сплю.
Сны стерегу, какие вам связала.
Пойду теперь, а скоро и рассвет. —
И побрела, шатаясь. словно спьяну.
Видать, из-за меня и сна-то нет.
...Я в дом вошел. Лежит гора посуды.
Паук над ветхой форточкой, рассвет.
Слегка сквозит из подпола остудой,
Облокотился о косяк буфет.
Изба.
Она пропахла
прошлым веком.

Здесь по утрам в углах коптится тень
И дверь, зевнув, скрипучею телегой,
Не торопясь, въезжает в новый день.
Я из него, из этой светлой рани,
Что звонко над антеннами встает!
И старый, добрый дом из-под Рязани
Меня ль, друзья, по свету не ведет?
И к злым, и к добрым людям, и к нелепым,
И к петухам, зовущим звонко небо.
И, легкий путь протаяв по росе,
К моей реке — во всей ее красе,
Пойду умыться, и чешуйки брызг
Легко стряхну на утро голубое.
Я жив, друзья,
влюблен
и счастлив вдрызг.

Смотрите!

Солнце —
нимбом
над избою...

Эпилог

В квартире моей за спокойной, унылой беседой
Мы с Герой сидим, вспоминая минувшее лето.
Заводит он речь то о девушках, то о столице,
То вспомнит о книгах и только о Воже — таится.
— Послушай! —
Меня он спросил. —
Невеселый ты что-то:
То смотришь подолгу в окно, словно ищешь кого-то,
А то погружаешься в мысли далёко-далёко —
Тебе, видно, так же, как мне, на земле одиноко?
— Нет, Гера, я жду, понимаешь ли, жду и мечтаю,
Чтоб мимо витрин, небоскребов, проспектов, трамваев,
Чтоб мимо заводов, ларьков и распятой рекламы,
Чтоб мимо Останкинской первой и третьей
программы,
Чтоб мимо базаров и шлюх высочайшего класса
По городу главною улицей Всадник промчался!
. . . .
Не месяцы — годы истаяли.
Вот уж я слышу:
Горячая скачка смелее, отчетливей, ближе.
Асфальты гудят, над проспектами ветер поднялся.
Вы помните Геру?..
Он больше со мной не встречался.

Московская область

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Геннадий ГЕОРГИЕВ

* * *

Ко мне прикоснулась береза,
как будто хотела тайком
шепнуть среди царства мороза
на древнем наречье своем:

«Так хочется птичьих концертов,
тепла и напева реки!
Я скоро с вороньим акцентом
начну говорить от тоски...»

И, гордость свою пересилив,
прижался я к зябким ветвям:
«Мы все истомились в России
по нашим родным соловьям.

Терпи.
Стали дали просторней,
февраль догорает дотла.
У нас с тобой крепкие корни,
а значит, дождемся тепла!»

* * *

На Филях, на Арбате старом
в моде импортные товары.

На Петровке, на Маросейке —
всюду импортные наклейки.

Словно кость царапают горло
в разговорах «мэны» да «герлы»,

и (простите за прозаизм)
«спонсор», «менеджер», «плюрализм»...
Что случилось с Россией нашей,
с детства вскормленной
щами да кашей?
Что случилось с землей былинной,
где — «пиццерия» вместо «блинной»?

Я судить тебя не берусь.
Знать, со временем попривыкну.
Только нет, никогда не воскликну:
«О моя джинсовая Русь!»...

Москва

Геннадий СУХОРУЧЕНКО

РОСТОВСКИЙ БАЗАР

Люблю бродить я по базару,
но без попутчиков, а сам...
Здесь помидоры, как пожары,
пылают знойно тут и там.

Бахчою дышит он и лугом,
и виноградниками гор.
До луковок завален луком
стоящий рядышком собор.

Гогочут гуси в этой давке,
щекочет запах шашлыков.
Согнулись крепкие прилавки
от поросят и индюков.

Смешались языки и мовы...
С пупырышками огурцы,
арбузы с мякотью медовой
для ростовчан везут донцы.

Картофель ранний — с Украины,
творог армяне продают,
урюк — туркменский, с Волги — дыни,
молдавские орехи тут.

Грузины персики привозят
и крупный черный виноград,
а белорусы вязки носят
сушеных сморщенных маслят.

Над баклажанными возами —
казачки... Узнаю я вас —
Аксиньи с добрыми глазами
и Лушки с жаркими губами,
все молодицы — высший класс!

Гудит донской базар! И люди
довольны ценами вполне...

Все это было?
Или будет?
Или привиделось во сне?

Ростов

Владимир СУСЛОВ

* * *

Сойдемся и заколобродим:
не там, где надо, переходим,
не то, что надо, говорим,
не тех порой боготворим,
не тех клянем, не тех мы хвалим,
не тех в пример народу ставим...
Умрут, мы похороны справим,
наоборот заговорим.

Челябинск

Бату ДАНЕЛИА

НЕВЕСТКА

За тебя молва цепляется и зависть...
Раздраженье мужа — как размолвки завязь...
До отеческого дома так далеко...
Это платье шелестит или дорога?..

Долгий путь,
молву,
размолвку,
зависть,
прелесть, —
все покроет
этот шелест,
шелест,
шелест!

Тбилиси

Перевод с грузинского Марины КУДИМОВОЙ

Павел КАЛИНА

* * *

Гения блистательное слово
Оборвал дуэльный пистолет.
Минул век с того тридцать седьмого...
А другого Пушкина все нет.

Нет, не верю я, что оскудели
Силы нашей матушки-земли.
Или мы его не разглядели,
Или — снова! — не уберегли.

* * *

Вспоминается мамин турецкий платок:
Фон неброский, по цвету землистый,
В центре — хитрый узор, к завитку завиток,
А вокруг — все табачные листья.

Не под этот ли самый турецкий табак,
Чуть приправленный горстью изюма,
Мой прапрадед — простой запорожский казак —
Затевал свою бранную думу?

И мечта уносила меня за Дунай
За казацкою песней походной,
Где метался в ночи черных воронов грай
Да рыдания выпи болотной.

И хоть юных мечтаний умолкшпй исток
Не влечет меня больше к Дунаю,
Вспоминается мамин турецкий платок...
А зачем я его вспоминаю?

ЗВЕЗДЫ НАД ЧЕРЕШНЕЙ

Эх, стать бы мне чуть-чуть безгрешней,
И где-нибудь в краю родном
Под расцветающей черешней
Забыться безмятежным сном.

Во сне считать вороньи гнезда
На опечаленном дубу
И, в небе озирая звезды,
Опять загадывать судьбу.

Она свела в такие дали,
Что умерла от горя мать...
Ах, звезды, что ж вы нагадали!
Я все теперь готов отдать.

Готов отдать все, чем богатый, —
Вплоть до волос, что в серебре,
Лишь только б перед белой хатой
Уснуть, как прежде, на дворе.

И южной ночью, в тьме кромешной,
Прощаясь с безмятежным сном,
Гадать на звездах под черешней
Теперь о чем-нибудь другом...

Москва

Александр ЧЕРЕВЧЕНКО

КОПНА В ОКЕАНЕ

А. В. Антошкину —
Герою Социалистического Труда,
капитану СТ «Вкрадчивый»

Мы вышли из бухты Отрадной
до света, в положенный час.
Она оказалась «отравой»
в итоге — для многих из нас.
Мы прятались от урагана,
а вышло-то наоборот:
вредна рыбакам Магадана
экзотика южных широт.
Представьте: на солнечном склоне
страдания девки поют,
пасутся спокойные кони,
коровы лениво жуют.
Нелепо под ласковым солнцем —
и это ведь каждый поймет! —
устроить в краю сенокосном
унылый текущий ремонт.
Вблизи бесподобного леса,
на травах, что зреют не зря,
уж если уместно железо,
так только в руках косаря!
В душе капитана проснулась
крестьянская ревность и злость.
Не юность ли вам улыбнулась,
загадочный северный гость?
А может быть, та, в сарафане?
А может быть, эта, в шелках?..
И вот уже мы на поляне,
и — косы сверкают в руках!
Во славу крестьянского хлеба,
во имя любви и добра
на острове выросла к небу
рыбацкая наша копна!
Мы вышли из бухты Отрадной,
покинули новых друзей
для нашей привычной и жадной
работы — ловить ивасей.
И там, за чертою тумана,
исчезла, осталась одна
копна посреди океана —
рыбацкая наша копна!
Стаканов стеклянные грани
пусть высекут искры не раз
за то, что по-прежнему ранит,
печалит и радует нас.
За то, что на солнечном склоне
высокие травы встают,

пасутся спокойные кони,
коровы лениво жуют.
За тех, кого мы поджидали
под желтой японской луной,
за тех, кого мы обнимали
под нашей высокой копной.
Чтоб вовремя травы косили,
чтоб крепла в любви и труде
душа необъятной России
на Малой Курильской гряде!

Рига

Валерий ЧЕРКАШИН

* * *

Могут ли, земля моя, скажи,
честь и честность
вырасти на лжи,
воля — на всесилии оков,
мудрость — на ухмылках дураков,
бескорыстье — на горсти монет?

Могут, если верить, —
Веры нет...

* * *

Я разглядел:
что клад, что кладь...
До корня
темный лес прозрачен.
Но как же горько прозревать,
себя давно считая зрячим,
и обнаружить:
жизнь пуста
без огорченья и восторга,
что правота, увы,
жестока
и беззащитна доброта,
что действие
незримей жеста,
и в слове главное
не звук.
Что далеки от совершенства
и наше зрение
и слух.

Москва

Дмитрий МИЩЕНКО

СИНЕОКАЯ ТИВЕРЬ

Исторический роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*

КУДА ПРИВЕДУТ БОГИ

Поскольку у них (славян) много князей и между ними нет согласья, выгодно некоторых из них переманить на свою сторону — или обещаниями, или богатыми дарами, особенно тех, кто по соседству с нами.

Псевдо-Маврикий. «Стратегикон»

* Окончание. Начало см. в № 8, 1990 г.

Океан-море — всем морям мать; омывает это море весь белый свет, обошло это море вокруг всей земли.

Из стихотворения о «Голубиной книге»

Среди моря-моря стоит красная комора.

Загадка

Разве родился и разве живет под солнцем такой человек, который покорил бы себе нашу силу?..
В этом мы уверены, пока на свете есть война и мечи.

Менандр Протиктор. Ответ вождя славян аварам

I

Такого за Малкой прежде вроде и не замечал. Беда или радость в семье — всегда была рассудительной, иногда не по-женски мудрой. Сегодня же ни рассудительности, ни ума — распалилась, узнав, что снова собирается послать Богданко учиться ратному делу. Стала между сыном и отцом-князем стеной.

— Не пущу! — сказала, как отрубила. — Лучше возьми меч и убей меня, если хочешь сделать по-своему, а пока жива, к дядьке сына не пущу!

— Ты в своем уме? — оторопел Волот.

— Как видишь. Эта твоя наука и так чуть со свету не сжила сына. Теперь снова?

— А ты как думала? Ему в наследство землю и стол принимать! Князья — себе не принадлежат. Запомни это. У них один отец и одна мать — земля родная и народ. И другого пути-выбора нет. Только одно: всю жизнь острить меч и ум, иначе сам погибнет и земля за таким князем пропадет.

— Да пусть хоть подрастет немного, окрепнет, а тогда уж и пойдет, раз такая доля.

— Одумайся, Малка. Отроку восемнадцатый год уже. Или я не сбрасывал на то, что случилось с ним, или мало ждал, пока забудет все, что случилось? Когда и постигать ему ратное дело, науку княжескую? Когда князем станет?

Он и кричал на жену, и пытался подольстить ей — все напрасно. Она плакала и клялась, что не уступит, и он, стыдно сказать, сдался, ограничился полумерой: ладно,

не отпускает сына к дядьке, так он возьмет его с собой на полюдье, правеж править у поселян. Дело идет к зиме, в городищах и весях заканчивается веректа, смолкают цепы и терницы в овинах, в скотницах гуртуется скот. Поселяне меряют ныне берковцами и держат в тех же берковцах или ссыпают в подклети урожай; ремесленный люд — портные, чесальники, кожевники, ткачи — спешат сбыть свой товар на торжищах и положить в кису заработанные резаны, медницы, ногаты; лучники, седельники, мастера по металлу и золоту делают, как и всегда, свое дело — гнут луки, мастерят седла, куют или золотят кузнечные изделия. Для князя же и его мужей приходит время думать о пополнении княжеской скитницы гривнами, ногатами или ромейскими солидами — для покупки у тех же ромеев камьяной потерти, которая пойдет на украшение стен в гридницах и вежах, щитов и мечей, снаряжения для лодий, думать о пополнении житниц новым зерном, медом, воском, как и подклетей — волокном, мехами — для нужд стольного города Черна, дружин, для торговли с теми же ромеями. Каждый помнит: чтобы земля была сильной, а жизнь на ней надежной, поселянин должен отдать князю то, что с него положено, а князь взять все, что ему надлежит — от борти — дымное, от рала — меру пшеницы, ржи, проса, овса, дикуши, от борти, тенет, силков и сетей — десятина, как и от заработка мастеровых тоже десятая доля. Всяк знает свою повинность, а все же князь и его мужи должны сами побывать в каждой общине и взять то, что причитается. Теремные, старосты — люди доверенные, но не всегда верные, сутяги ретивые, однако заботятся и тянут в первую очередь себе.

— Кони, хуры приготовлены? — спросил челядника.

— Приготовлены, княже. Походная скитница — тоже.

— Скажи воеводе Стодорку, пусть зайдет ко мне.

С тех пор, как Вепр отрекся от высокого звания воеводы в княжьей дружине, на его место сел Стодорка, может, не такой и отважный, как Вепр, зато сообразительный. Этот не полезет на рожон, этот сначала подумает, потом скажет, сперва взвесит, потом сделает. А все же было бы лучше, если бы его сообразительность соединялась с отвагой Вепра. Знал бы, что не один стоит на страже Тиверской земли.

— Звал, княже?

— Да. Уезжаю на полюдье, Стодорко. В тереме остав-

ляю Малку, а в остроге тебя. Будь побдительней и потверже, ни на пядь не отступай от того, что ввел я ради спокойствия, тем паче в дни торгов и больших праздников.

— Выходит, долго собираешься задержаться на полюдье?

— Почему — долго?

— Ты же говоришь: и больших праздников. А большие праздники скоро не предвидятся.

— Всякое может случиться. Чтобы не задерживаться, едем тремя валками, во все концы земли нашей: Власт на север, Бортник — на юг, я — на запад. На тебя оставляю соседние с Черном общины и сам Черн. Из города не отлучайся, посылай вместо себя верных людей, но постарайся, чтобы до коляды правежи были и в скитнице, и в житнице. Без этого намерениям нашим не сбыться.

— Хорошо, княже, сделаю, как велишь. Только не понимаю, чем ты встревожен? Не зря же ты говоришь об осторожности?..

Волот пытливо взглянул на него.

— Для страха причин, может, и нет, а для тревоги есть, воевода. Вепр лют, ушел от нас кровно обиженный, а он обид не забывает.

— Думаешь, может наскочить на нас?

— Сам вряд ли посмеет, а ромеев может привести.

Видно было: Стодорко не совсем верит тому, что слышит.

— Неужели так?

— А почему бы и нет, воевода? Раздор пошел между нами, а где раздор, там всего можно ожидать.

— Так, может, не ехать тебе на полюдье? Я поеду...

— Нет, пойду сам. Надо ведь и сына учить — как княжить над людьми.

Дорога стелилась коню под ноги твердая, хотя земля еще не промерзла. Прохладная, но не холодная стояла пора, когда не только на возу, и в седле чувствуешь себя привольно. Если бы не возы да не надо было держаться их, пустил бы повод, припал к луке да погнал бы Серого от дола к долу. Звенят от грохота и стука колес не только околии, звенит и сердце, отзывается на зычное ржание

коней не только успокоенная за ночь даль, отзывается молодецким клекотом все естество человеческое.

— Что, Богданко, — спрашивает князь, как бы подслушав мысли сына, — не разучился держаться в седле? Мог бы погнать Серого во всю прыть и не упасть под копыта?

— Мог бы, отче, — улыбнулся сын и весело сверкнул глазами. — Да, правду сказать, и хочется! Какой воздух звонкий, и дорога утоптана как для лета на скакуне!..

— Будет тебе еще их, — удовлетворенно коснулся плеча сына князь. И желаний, и случаев, и торных и неторенных дорог. Обвыкни сначала, вспомни дядькину науку, а тогда уже и поскачешь. Я разрешу. Это мать за тебя боится, я не боюсь.

— Не пускала на полюдье?

— Да нет, на полюдье пустила. К дядьке не хочет пускать. А сам ты что скажешь, что думаешь?

— А что тут думать? Я уже вырос, окреп, а другой науки, кроме ратной, для мужа нет.

Князь обрадовался достойному слову, он прямо-таки сиял, как и сын, по-молодецки веселыми глазами.

— Ну, так считай, что ты уже вернулся к ней. Не догадываешься, зачем взял тебя с собой на полюдье?

— Чтобы в ратную науку вернуть!

— Не совсем так, сын. Хочу, чтобы и другую науку перенял — как держать власть на Тивери. Тоже княжья и не менее важная, чем ратная, наука. Приглядывайся, с кем и как будет говорить князь, что и как будет требовать от общины, а что от теремных. Рано или поздно, придет день, когда сядешь вместо меня на столе. Должен уже сейчас знать, как управлять людьми.

— Неужели это так трудно: пойти и взять, что положено?

— Если б это было так — пришел и взял...

— А как будет?

Князь посмеялся на его наивностью.

— Говорю же, затем и взял тебя, чтобы смотрел. В одном можешь быть уверен: всякий раз будет по-своему. Понимаешь, что имею в виду?

— Понять-то можно. Но лучше раз увидеть, чем десять — услышать.

— О! Это верно. Самому увидеть, пощупать, потрогать — это и есть самое важное в княжеской науке.

Первой общиной, с которой должны были взять дань, была приславская, по названию городища — Прислава, что лежало в подгорье, опоясанное с долов неширокой, зато солнечно-прозрачной из-за чистоты своих вод рекой. Городище открылось взгляду, как только выехали из дубравы на поляну, полого уходившую в дол. Люди сразу оживились, заговорили наперебой, кто показывал в сторону городища пугой, кто просто любовался им, не в силах скрыть своего восхищения: под солнцем оно казалось словно нарисованным на картине.

Любовался Приславой и Богданко, бросал взгляд то в одну, то в другую сторону и князь.

— Что видишь, сын? — спросил Волот.

— Городище вижу, и очень пригожее.

— Это и все?

— А что же еще?

— Плохо смотришь. Вон там, среди деревьев, — показал, — скачет всадник. Видишь?

— Вижу. И что?

— А чего он, по-твоему, по лесу скачет, а не поляной, не по торному пути?

Отрок пожал плечами.

— Это посланец от лесных хуторов. Высмотрел нас и спешит предупредить приславского старосту и поселян, что едет князь, и не в гости, а правеж править, поэтому должны быть настороже.

— Даже так?

— Так, сын, так. А вот эта стежка, что нырнула в дубраву, о чем тебе говорит?

— Наверное, к хуторам ведет?

— Верно, к хуторам. Приславское городище — людное, как и вся Приславская вервь. Люди живут и по ту, и по эту сторону перевала.

Ну, то, что поселяне живут и за перевалом, для Богданко не диво. Всюду теперь так: старинные роды придерживаются городищ, молодые же, особенно те, кто отбился от рода, поселяются весями, а то и отдельными хозяйствами в лесах. Больше удивлялся он, когда въехали в Приславу. Князя встретили хлебом-солью, медовыми речами, разместили в княжьем тереме. А он отчего-то хмурился и если не возмущался пока, то и удовольствия не показывал. Знай посматривал на тех, что льстили ему сладкими речами, и отмалчивался.

«Отчего отец так строг, подозрителен? — думал Богданко. — На подворье много комор, в них — мед, урожай, воск, волокно. Везде порядок, и люди следят за княжеским добром, а теперь они стелются перед ним, как перед богом, он же хмурится, кого-то вообще не замечает, кому-то лишь холодный взгляд бросит и молчит».

Разгадка проклюнулась, когда князь остался один на один с теремным и старостой общины. Пока те похвалялись ему, сколько и чего собрали, кто из поселян вовремя и исправно платит дань, а из кого надо вытягивать ее, словно дурного теленка из болота, князь ходил по терему и слушал. Не выказывал неудовольствия и тогда, когда положили перед ним палки и считали по зарубкам, сколько взяли подымного, сколько — поральнего, медового, кто платил волом, кто мехами, полотном, сколько, если считать купно, собрано ролейного, а сколько ремесленного, ловчего. Иначе повел себя князь с ролейным старостой, когда услышал, сколько недодано и почему недодано, и уже совсем иначе, когда убедился, и староста подтвердил это, что в Приславской верви за минувшее лето число поселянских дворов выросло всего лишь на два десятка.

— Дворы эти в городище? — спросил как бы между прочим и, услышав, что в городище, остановился, внимательно посмотрел на каждого из подответных.

— А веси, которые поблизости Приславы, кому платят дань?

Ролейный староста заморгал непонимающе, удивленно перевел взгляд на теремного.

— Это не веси, княже, — еле выдавил тот. — Это хутора из двух-трех домов. У них и полей-то еще нет, а иные и не собираются их иметь.

— Что, божьим промыслом живут?

— Вынуждены, княже. Это в основном беглый люд, те, что ушли от ромеев или от своих общин в чем мать родила. Пусть обживутся, думаем, сделают из роздертей или из лядин ниву, тогда уж и будем брать с них дань.

— Кто это так думает?

Князь подождал немного и, так ничего и не дождавшись ни от теремного, ни от ролейного старосты, решительно повернулся к сыну.

— Бери, Богданко, пять отроков и скачи в те веси, что видели неподалеку от Приславы. Посмотри, на са-

мом ли деле такие бедные, сколько дворов, что за люди живут и как. Узнай обо всем и мне скажешь.

— Слушаю, княже! — ответил и поклонился, как учил в свое время дядька.

Или таким важным показалось княжичу поручение отца, или ему хотелось дать понять отрокам, что выполняет особое поручение, но он даже не сказал им, что направляются в дубраву. Лишь когда выехали к озеру и увидели стадо коров, а затем и телят, а потом и ряд халуп на опушке, Богданко остановился, удивляясь:

— Ого! А сказали — всего две-три халупы.

Отроки переглянулись между собой, догадавшись, зачем приехали сюда. Когда созвали поселянских людей, старший из них сказал:

— Перед вами княжич Богданко, сын князя Волота. Желает знать, как называется весь, кто ролейный староста.

— Озерная, достойный, — ответили поселяне. — Весь называется Озерной, а старосты у нас нет, есть старейшины родов. Я — один из них, — поклонился говоривший княжичу. — Чем могу услужить сыну властелипа земли?

Богданко покраснел под его пытливым взглядом, но недолго раздумывал.

— Давно ли живете здесь, к какой верви относитесь?

— Относимся к Прислáвской верви, княжич, а живем здесь шестой год, с той поры, как Хильбудий сжег нас и выгнал из Придунавья.

— Дань князю платите?

— А то как же! И дымное, и медовое, с сетей, тенет, перевесищ также.

— А в это лето оплатили уже?

— Сплатили и в это лето. Мы благодарны князю, общине за место в лесу, за все, чем наградили, глядя на нашу беду. Потому и платим исправно. Как и ролейному старосте. А как же! Нападут ромеи, где найдем защиту, как не в городище.

Княжич подобрал поводья и осадил Серого.

— Это хорошо. Очень хорошо. Ну, а с полем как? Поле есть?

— Всего лишь роздерти, достойный. Когда-то, может, будет и поле. Можем показать, если княжич не верит.

— Не надо! Я верю, с меня достаточно.

Бросил еще раз взгляд на халупы (видно, считал их)

и, сказав привычное: «спаси бог», повернул Серого в обратный путь.

За ним двинулись и отроки.

— Все или еще куда поедем?

— Посмотрим весь по другую сторону дороги, а потом повернем в Приславу.

Снова ехал впереди и молчал. Когда же пришло время докладывать князю, оставил, как и положено, Серого на других и пошел в верхнюю клеть терема.

— Княже! — воскликнул с порога. — Теремный неправду сказал.

— Как это — неправду?

— А все наврал. Поселяне живут весями на два десятка халуп и каждый год платят тебе дань. Вот это и есть правда...

— Погоди, погоди. Сейчас позову и теремного, и ролейного старост, скажешь все это при них.

Богданко растерялся.

— Зачем при них?

— А как же? Если все, что ты говоришь, правда, будем судить обоих. Того закон и обычай требуют.

— Я правду говорю, однако лучше, чтобы мужам сказал это не я.

— А кто же?

— Тот, кто будет судить.

— Э, нет, сын. Так не годится. Хочешь спрятаться за мою спину? Княжий суд должен быть справедливым, а на справедливом суде правду в глаза говорить не стыдно. Вот и привыкай. Знаешь ли, что будет с людьми твоей земли, если и ты будешь бояться говорить правду?

— А что?

— Блуд будет и несправедливость. Дерево живет до тех пор, пока живет корень. Сгнил корень — упало и дерево.

II

В ту осень князь направлял и направлял хуры на Черн — с зерном, медом, воском, с мехами, кожами и волокном; пополнялась резанами и ногатами и скитница. А на следующий год поселяне закричали о беде и сами пошли к Черну.

— Смилуйся, княже, — просили, — не бери это лето дань зерном, медом, волокном. Видно, боги разгневались

на нас: выгорели посевы на нивах, трава на лугах. Ныне только одна надежда — на леса да прибрежные травы. А чем будем кормить скот зимой — не знаем.

И сказал князь старейшинам:

— А все потому, что только о себе думаете, только о себе печетесь. Для блага земли я беру с вас. А кто возьмет для блага богов, если сами не понесете?

— Правда твоя, княже, — ответили старейшины. — Ох, правда! Дороги к богам нашим зарастают терном, требища не знают щедрых жертв. С этим мы тоже пришли к тебе: надо что-то делать, надо, чтобы кто-то постоянно заботился о жертвах богам.

— Кроме нас с вами, думать об этом некому.

— Народ тиверский уже опомнился, приносит жертвы в гаях и урочищах, как и в домах своих. Но этого, считаем, мало. Есть у нас требища всей земли: здесь, в Черне, богу Хорсу и там, в Соколиной Веже, богу Перуну. Сделай, княже, так, чтобы боги всегда были сыты и довольны нами.

— Хорошо. Занимайтесь своим делом. Я позабочусь о требищах всей земли.

— Мы не сомневаемся в этом. И все же, — заметили старейшины, — подумай, князь, как часто отлучаешься ты от Черна. Ходишь в походы в Тиру, в Подунавье, в волости. Кто тогда заботится о богах и требищах всей земли? Никто. Может, Хорс потому и карает нас, что последние годы больше заботились о Перуне, чем о нем. Согласись, княже: после того как прозрел твой сын, это было именно так.

— А что вы советуете?

— Передай эту заботу кому-то из старейшин или волхвов. У тебя и без того много хлопот. Земля наша хоть и невелика, да хлопотна. А князь один, князь везде нужен.

Все это так: забот ему не занимать. Однако кто, кроме князя, может стоять ближе к богу и говорить с богом? Волхвы? Старейшины?

— Ну что ж, когда буду отлучаться, переложу заботы о богах на кого-то из вас. Пока же я в Черне, буду заботиться сам. Таков обычай, разве забыли?

— Твоя воля, княже, хотя, если говорить правду, и законы, и обычаи не вечны: ныне одни, завтра могут быть другие.

Время уже было идти, и старейшины напомнили, с чем пришли к князю:

— А с данью как будет?

— О дани поговорим на вече. Думаю, сразу после требы.

И печально, и тревожно было в то лето в земле Тиверской. Озими лежали выгоревшие, стелясь по земле, яровые же — просо, дикушу — вообще не сеяли: ни весной, ни летом не выпало ни единого дождя. Земля потрескалась и ссохлась как камень, а солнце с каждым днем палило с высоты все невыносимее. Тем, кто ходил за скотом или работал на подворье, казалось, что тело не просто изнемогает — оно раскаляется от жары, — как уголь. Люди норовили спрятаться в тень или под крышу, но и тень источала жару.

Днем, словно чуя беду, выли псы, ночью пугающе кричали совы. Но еще тревожнее становилось от горьких человеческих предчувствий. Сердце — вещун, оно не обманет. А как будут жить, думали люди, если уже теперь спасаются только тем, что дают козы, коровы, овцы? Придет голод — никого не пожалеет. Расплодятся тати, пойдут нелады на земле, и те, кто спасется от мора, станут жертвами убийц и грабителей. Одна надежда осталась — на милость богов. Лишь они, всесильные и всеблагие, властелины морей и океанов в поднебесье, могут сжалиться над людьми, нагнать туч, заступить ими солнце и напоить жаждущую землю медоносными дождями.

У всех это на уме, да не у каждого на языке. Люди ходили, словно тени, но поглядывали, как дела у соседей, а при встрече больше отмалчивались или отделывались пустыми словами. Однако и молчание их, и тяжелые вздохи говорили сами за себя. Когда же разнеслось повсюду, что тиверский люд снова стекается в Черн (две седмицы назад тоже шли — тогда приносили жертву богу солнца — Хорсу), весь народ, не раздумывая, присоединился к идущим, беря с собой последнее, что было в доме, чтобы принести требу Перуну. Он последняя их надежда, может, даже большая, чем Хорс. Тот только светит, а то и жарит, Перун же может послать спасительную влагу.

Чем ближе подходили к урочищу, где было требище

Перуна, тем тесней становилась дорога. Людей видимо-невидимо, и каждому хотелось не просто подойти, поклониться и попросить бога о том же, о чем просили все, но и оказаться причастным к общему воздаянию, к общей мольбе. Ведь только такая причастность будет зачтена каждому, только тогда бог не оставит своим вниманием Тиверь и ее народ, Тиверь и каждого, кто принес жертву. Мольбу и жертву. И таких щедрых жертв, как ныне, никогда прежде не было ни в одном жертвеннике, таких искренних молитв не слышал никогда прежде ни стар, ни млад, не слышали их, наверное, и живущие в земных обителях боги. Не диво, что и князя словно подменили. Куда и подевался сильный, суровый в ратном одеянии муж! Стоит, с виду покорный, по-княжески величественный, по-человечески простой, молится, как и все, как и все — уповает на милость божью. Когда приходит черед и к нему подводят очередную жертву, не торопится, не суетится, не выказывает боязни и слабости — твердо берет из рук волхвов нож, уверенно перерезает удерживаемой старейшинами твари выгнутую над чашей шею. Собранную с жертвы кровь выплескивает на огонь, тело твари передает волхвам и протягивает руки к небу.

— Спаси нас, Перун! Выйди из вертепов поднебесных, из затененных райскими садами веж, сядь на коня своего буйвогривого.

— Сядь, боже! — многоголосо вторит собравшийся народ. — Выйди и сядь!..

— Прогреми им по морю-океану! Разбуди дев дождедоносных, нагони на наше небо туч проливных, дай нам дождя животворного.

— Дождя, боже! Молим-просим, дождя дай!

— Умилостивься щедростью нашей, Перун, и сам стань щедрым!

— Стань щедрым, боже!

Слова молитвы разносились далеко над урочищем, слышно их было и в Соколиной Веже, где тоже толпился, на пути к требищу, тиверский люд.

Еще перед жертвоприношением князь отметил, что требище обнесено высоким и крепким, из дубовых бревен, частоколом. Видно, кто-то додумался и убедил других в своей мудрости: людей к святилищу всей земли Тиверской идет много, — что же станет с божьей обителью, а особенно с источником под дубом, если все будут топтаться тут, прося заступничества и утоляя жажду? Не лучше ли, если доступ к божьей обители будут иметь лишь те, кто приносит жертвы? Остальные же пусть подходят к ней одной стежкой, а уходят другой.

Не мог уйти князь, не спросив, чья это забота. Указали на одного из волхвов.

Волот был высок, но волхв, на которого указали, оказался чуть не на голову выше его. И в плечах шире, и руки такие, что волу запросто скрутит рога.

— Кто ты?

— Волхв Жадан, достойный князь.

— Ограда вокруг обители бога Перуна — твоих рук дело?

— Да, моих и братии волхвующей.

— Кто же надоумил вас?

— Боги, — не задумываясь, ответил Жадан.

— Что же, общаетесь с богами?

— Не все. Лишь я, когда творю требу, не брезгую попробовать кровь животного, которое приношу в жертву. Этот напиток и наделяет меня высшим даром — слышу голос бога и беседую с богом.

— Что же говорит бог о посланной на нас каре?

— А то, княже, что лучше не слышать.

Не по сердцу пришлась Волоту такая беседа, и уж он повернулся было, собираясь идти, но передумал.

— Мне нравится то, что ты сделал. Не мешало бы озаботиться, чтобы божье подобие не мокло под дождем, чтобы было оно недоступно первому же супостату, который вздумает глумиться над нашей верой и нашими богами

Волхв сузил глаза и внимательно посмотрел на князя.

— В твоих речах, повелитель, слышу достойную тебя мудрость и сделаю, как велишь.

— То не мое, Жадан, это божье повеление. А еще, — начал было и смолк, раздумывая, говорить или не говорить. — А еще вот что хочу сказать тебе. Впредь пусть будет так: когда Перун потребует жертву, а я не объявлюсь, занятый делами земли, тогда на требище ты будешь приносить жертву. Слышишь, волхв?

— Слышу и покоряюсь воле князя.

— Вижу, покоряешься охотно, потому возлагаю на тебя еще одну обязанность: оберегай вместе с волхвующими людьми обиталище бога Перуна. Поселяйся здесь и оберегай.

III

Это правда, обида Вепра на князя Волота не знает ни меры, ни границ. Это одна из тех обид, которые не забываются и о которых на смертном одре говорят детям: «Вот ваш самый злой враг. Помните это и не прощайте ему. Ни ему, ни роду его, пока кто-нибудь из рода не заплатит кровью за кровь и смертью за смерть». Но правда и то, что не только обида разжигает сердце Вепра. Она — всего лишь поле, на котором проросли и дали корни давние замыслы Вепра. Да, всего лишь поле. Это на людях называл он себя побратимом Волота и счастливым отцом, у которого растет сын, достойный княжеской дочки, у которого есть и дочка, достойная породниться с княжеской семьей. На самом деле он, затаившись, ждал случая, чтобы сравняться с Волотом, а то и стать на его место. Это на людях не раз и не два провозглашал: «Ты — наш князь, на тебе держится земля Тиверская, твоей мудростью живет и благоденствует люд тиверский», — про себя же думал: «А я чем хуже? До каких пор должен ходить под Волотом и служить ему своим умом, своей волей?» Это для вида он горланил за трапезой: «Слава князю Волоту, победителю ромеев!», а наедине заглядывал в будущее и сплетал свои думки другим узором: «Был бы из тебя победитель и гонитель ромеев, если бы не моя сулица и не мой меч». А еще уверен был, да и от Волота слышал не раз, что тиверская дружина — дитя его, Вепра. Не князь и не кто другой из мужей — Вепр закалил и вышколил ее такой, какой она есть ныне: способной биться и побеждать ромеев. Не Волот ли сказал как-то, любуясь ратной выправкой старшей дружины: «Что бы я делал без тебя, Вепр? Понимаешь ли сам, как это хорошо, что ты у меня есть?»

О, эти коварные думы и это поле для дум! Он не мог уже отказаться от них, особенно после того, как получил землю при Дунае из рук того же Волота. А все же до поры до времени был осторожен. Он понял тогда и запомнил, что князь не ради шутки обмолвился: «Хорошее пристанище будешь иметь. Не захочешь ли стать удельным князем?» Он, Вепр, возрадовался тогда, возликовал в душе, но тут же натянул на себя личину верного князю мужа: «Такое княжество, как мое займище, — сказал, — соседи проглотят и не поперхнутся».

Может, долго бы еще притворялся он побратимом Волота, если бы не Боривой и то, что с ним случилось. Смерть сына прибавила отваги, а уж отвага — всего другого. Первое, что сделал, — перестал появляться в Черне, а когда князь сам прибыл в Веселый Дол и пожелал говорить со своим воеводой — объявил тому, что отныне он не воевода. Берет на себя другие обязанности — строителя сторожевой вежи в Подунавье и защитника Подунавья — чтобы подальше от побратима, который стал супостатом, и не хочет он больше знаться с супостатом, который лживо называет себя его побратимом.

Тем началось, тем и кончилось княжье гостеванье в Веселом Долу. Выпроводив непрошеного гостя и немного успокоившись, Вепр сказал себе: «Пусть едет и тешит себя надеждой, что пройдет моя печаль по сыну — пройдет и гнев. Я другое лелею в мыслях и отныне твердо буду идти к тому, что задумал. В землях славянских издавна так водилось и так будет вечно: у кого есть голова, а не пустая макитра на плечах, тот и князь; кто крепко держит меч в руке, да к тому же умеет соорудить острог — надежное укрытие для людей в годину чужих вторжений, тот тоже князь. У меня все это есть. Ты теперь сам, без меня, попробуй и город построить, и пристанище в устье Дуная. Я же, когда заселю землю тиверским людом, еще не так о себе напомню».

Четыре года жил с этими мыслями, а теперь они уже стали делом. Широко развернулся на своих землях, чувствуя волю и независимость от князя, — не обычную сторожевую вежу, а острог возвел: поднялась в поднебесье высокая, рубленная из дуба вежа, под ней гридница, клети для коней, клети и овины для живности, что будет у гридней. На другой стороне подворья — его, воеводы Вепра, терем с подземельем и клетями в подземелье, с хозяйскими постройками, что не уступят княжескому двору в Черне. Слева и справа от его терема заложили или заложат скоро свои дома те, кто возглавляет сторожевую заставу, строит острог и пристанище. Это будет детинец. Позднее его обнесут высокой стеной и отделят от окольного города — того освобожденного от лесных дебрей места, которое он отдаст огнищанам да гридням. Пусть пока и негусто их, новых поселян в новом городище, но дальше будет больше. Ведь если дойдет до того, что Холм будет иметь свое пристанище и в это пристанище зачастят заморские гости с товарами, то объявятся людишки прислуживать гостям, будет кому и покупать,

и перепродавать здешний товар. И всему этому люду тоже захочется жить в городе, быть под защитой гридней и стен острога. Тогда не только детинец, но и окольный город наполнится людьми, повеселеют ближние и дальние околия. Он, воевода и властелин, позаботится о выгодах и льготах поселенцам. О его земле, о его морском пристанище пойдет по свету добрая слава, а где слава — там и люди, а где люди — там и свое княжество.

Чтобы все стало именно так, и поскорее, Вепр поехал сказать жене своей: «Хватит нам жить врозь. Бери детей, оставь Веселый Дол на челядь, а сами будем жить теперь на Дунае». Пример Людомилы станет добрым знаком для многих. «Воевода Вепр, — скажут, — перевез уже и семью. Значит, уверен: есть под рукой сила, способная уберечь поселян от напасти, город — от ромейского вторжения. А коли уверен воевода, то чего нам сомневаться? В Подунавье много земли, много рыбы, будет с чужеземьем живая торговля. А где такие выгоды, там и достаток, там и благодать».

Сердцем чувствовал: не только Людомила, но и народ тиверский пойдет на его зов, снимется с насиженных мест и подастся ближе к Дунаю. Думал так, а на Людомиле уже и споткнулся.

— Не рано ли забираешь нас из Веселого Дола? — спросила она, удивленная его словами.

— Рано? И это говоришь ты, жена? Неужели не надоело быть одной, без мужа?

— Надоело, Вепр. Если бы знал, как надоело. Да я уже не о себе думаю. Мое счастье, считай, отлетело за те долы, откуда не возвращаются. Что будет с Зоринкой, когда переедем, — вот чем тревожусь.

— А что с нею может быть?

— Как это — что? Взрослая девка уже, шестнадцать лет. С кем обручится в твоем Подунавье?

Он даже язык прикусил. И в самом деле, с кем?

— Сама могла бы уже позаботиться об этом, — согнал досаду на жене.

— И позаботилась бы, если бы не забили ей голову раньше.

— Богданко Волотов на уме?

— А то кто же!

— Пусть выбросит из головы. Или я не говорил тебе: чтобы думать о нем не смела!..

— Я тоже говорила, да наши слова на ветер летят.

— Видится с ним?

— С тех пор как заказано, не виделась, а сохнуть сохнет по нем и нас попрекает, что не пускаем.

— А ну, позови, я поговорю с ней.

— Не надо, Вепр.

— Как это не надо?

— Тайны сердца — это наши, женские тайны, тебе негоже лезть в них.

— Пустое. Я знаю, как сказать и что, чтобы не обидеть и не вспугнуть преждевременно. Скажи лучше, Людомила, на кого надежда, куда повезти Зоринку, с кем познакомить?

Вепрова призадумалась.

— По мне, так к Колоброду не мешало бы нам заехать с ней. Жена его — моя подружка в девичестве. Сама красавица, и сын красавец.

— Ну, тогда зови девку. Так и скажу ей: «Наступает Коляда, праздник, поедем все к Колоброду».

IV

Прошлое славянского рода теряется в туманной дали веков. В памяти людей сохранилось лишь то, что наиболее поразило ее. Деды рассказывали о тех веками не забываемых событиях внукам, внуки — своим внукам, а те — снова своим. Так и идут из поколения в поколение и слава, и позор. Поныне гордится славянский род тем, что были в его прошлом мужи воистину мудрые, которые сами утвердились и других утвердили в мысли: пуща лесная, болото — не такие уж и надежные укрытия. Даже обнесенное стеной или рвом жилище не дает уверенности, что ты защищен от соседей. Уверенность может дать только единство родов в племени и единство племен одного языка, одного обычая в делах и помыслах. На этом давно стали, лишь потому и выстояли в земле Трояновой. Да, лишь потому. Потому что и тогда были времена не лучше нынешних, а на южных границах стояли не менее завистливые, чем ромеи, соседи — римляне. Не их ли алчность и подсказала славянам: спасение в единении! А уже единение помогло собрать рать, которую те же римляне, имея в виду высокий рост людей, живших в славянских землях, назвали антской.

Значит, была причина считаться с силой антов, если дальше Дуная римляне не пошли. Это, правда, не поме-

шало тому, что на головы славян нашлись другие соседи, не соседи даже, а пришельцы из далеких земель, пустивших об антах дурную славу. То ли пращуры славян от роду от веку были такие доверчивые, то ли уж слишком успокоились они, отвадив чужестранцев зариться на свои земли, но, когда готы высадились в устье Вислы и пошли, не встретив сопротивления венетов, к северным границам славянских земель, удивились анты, удивились, и насторожились, и собрались вместе, и вышли навстречу незваным гостям.

— Кто вы и зачем идете в наши земли? — спросили.

— Мы подданные короля Германарика, — сказали готы. — Идем из тех холодных краев, где много туманов, а мало солнца. Земля та не может прокормить нас, ищем другую.

— В наших краях вольных земель нет. От Вислы до Днепра и дальше за Днепром живет люд славянский.

— Мы это знаем, но знаем и другое: на северных границах Меотиды, да и в солнечной Тавриде есть земли или никем не занятые еще, или с редкими поселениями. С тем и хотим обратиться к антам: пусть пропустят нас с миром через свои земли. Ни злодейств, ни убытков обещаем не чинить вашим людям, пройдем, и все.

— Ждите, — ответили готам, — посоветуемся со старейшинами.

И так судили, и этак рядили, и спорили между собой пращуры, а вырядили не то, что надо было бы.

— Издавна существует обычай, — говорили одни, — если приходят с миром, с миром и дозволяют пройти через свои земли.

— Не надо забывать, — возражали другие, — готы опустят меч свой на головы тавров или еще кого-нибудь. Разве это по-соседски — позволять им это? Разве это пристало добрым соседям?

— А если они всего лишь пройдут и сядут на берегах никем не занятой Меотиды? Зачем сражаться и класть головы, если у людей мирные намерения? Все под богом живем, глядь, еще самим бы не пришлось переселяться когда-нибудь. Понравится вам, если встанут на пути и скажут: «Поворачивайте туда, откуда пришли»?

Согласились анты вместе с князем своим с доводами старейшин и дали волю пришельцам из чужих краев, а потом их детям и внукам пришлось расплачиваться за эту покладистость. Еще при жизни Германарика пришли

в Тавриду гунны и победили готов, сделали их своими подданными. А быть подданным — не то что сидеть у кого-то на шее. Несладко пришлось богом выбранному народу в Тавриде. Но ни духа, ни силы восстать против своих угнетателей у них недостало, и готы в конце концов стали под инсигнии наследника Германарика — Винитария и двинулись в земли антов.

Теперь уже не просили: пройдем — и только. Шли с мечом и огнем, разоряли землю, как и гунны, а то еще и почище гуннов творили зло. Анты не ожидали такого нападения. Но когда готы, ступив на их землю, сразу и недвусмысленно показали, зачем пришли, — а они схватили князя Божа, всех его сыновей и домочадцев и распяли их на крестах, которыми уставили путь свой, «чтобы трупы непокорных удвоили страх покоренных», — анты уже не сомневались и не раздумывали: собрали рать и, заручившись поддержкой гуннов, разгромили и вытурили подлых готов за пределы своей земли.

С той поры и живет в славянском мире молитва, похожая на проклятье, и проклятье, похожее на молитву. «Боже, покарай гота, рыжего пса!» И живет с тех пор, как зарубка в памяти, завет быть осмотрительным. «Доверяй другу, — говорят вещие люди, — а недругу палец в рот не клади». Так было с готами, но кто знает, не так ли будет, если он, князь Волот, будет легкомыслен и слишком доверчив в отношениях с Вепром. Уже заметно, больно старается воевода, торопится утвердить свои порядки в придунайских землях. От людей не скроешь, кто сторожевые вежи возводит, а кто — город. Кто посадил в сторожевых вежах воинов и тем ограничился, а Вепр сзывает к себе торговый и ремесленный люд, щедро раздает землю тем, кто пришел к нему, чтобы жить на той земле оседло. Может, он хочет тем насолить князю, напомнить лишний раз, кого потерял, потеряв такого друга и воеводу? О нет. Такие старания — не похвальба. Так может думать только тот, кто не знает Вепра. И надо не знать ромеев, чтобы не понимать: они воспользуются раздором и недовольством Вепра, чем-нибудь да обольстят его. Так уже было когда-то, так и теперь может быть: и бога предадут, а единство между славянскими княжествами и родами сведут на нет.

Вот когда пожалел Волот, что в свое время склонил вече к мысли отдать придунайские земли ратным мужам. Укоренятся на Дунае, почувствуют себя воеводами, са-

мовластными хозяевами людей и земли — и будет у него тогда вместо мощи и надежности юных границ гнилая стена, а вместо союзников — супостаты, готовые к междоусобицам и разделу отчей земли. Заныло у Волота сердце: неужели придется расплачиваться за свою недальновидность? Велика плата будет... Эти тревожные мысли не оставляли Волота и заставили, наконец, сесть на коня, гнать через леса и долины в далекий Волын, к князю Добриту.

Давно не бывал он в стольном городе дулебов и думал, что удивит всех своим появлением — едет же не зван, не прошен. Но удивляться пришлось самому: князь Добрит ждал его и искренне обрадовался, когда увидел Волота.

— Князь Тивери сердцем почуял нашу нужду видеть его в Волыне или мои гонцы успели так быстро обернуться?

— Гонцы?

— Да, на днях послал за князем своих мужей.

— Не довелось видеть их. Сам, по своей воле приехал.

— Ну, и хорошо сделал, — не переставал показывать свое удовольствие появлением тиверца. — Говори, коли так, что привело тебя в Волын? Далеко идущие планы или тревога?

— И то и другое, достойный.

Волот присел напротив повелителя дулебов и стал поверять ему свою печаль.

— Так ты что, не можешь посадить их на место, своих мужей? — незло, но и не без подозрения посмотрел на него Добрит.

— Мог бы, почему нет, да сомневаюсь, должен ли я делать это. Вепр — мой побратим. Но вышло так, что уличи наказали смертью его сына за татьбу, а я не сумел защитить. За это он в великом гневе на меня. Потому и злится, потому, думаю, и склонен предать землю и народ свой. Если же приструню его еще и на Дунае, вовсе взбеленится. Вот и приехал просить, чтобы ты, княже, вмешался, положил конец нашей вражде, а главное — воспрепятствовал Вепру упасть до конца. Как старшему в роду славянском тебе наиболее подходит это.

— Гм. Считаешь, что могу сделать и то и другое?

— Можешь, княже. Введи в сооруженный при Дунае Холмгород своих воинов — тем удержишь воеводу Вепра

от губительного шага. Присутствие твоих воинов не позволит ему сделать то, что замыслил.

Добрит не видел оснований возражать, но и не спешил соглашаться с Волотом.

— А что скажет народ тиверский? — спросил наконец. — Ведь мы объединялись не для того, чтобы сеять вражду между собой. Так и говорили тогда: нога дулеба, как и нога тиверца или полянина, улича, может ступить на землю другого племени только для защиты от чужеземных татей во время вторжения. Уговаривались, что нет других причин переступать границы соседей. Потому и спрашиваю: что скажет тот же Вепр, что скажут тиверцы, если в мирную пору воины мои придут и сядут в тиверском городе? Вече дало на это свое согласие?

— Нет. Мои слова о Вепре — всего лишь подозрение, разве я мог выносить это на вече?

— А ты вынеси. И сделай так, чтобы вече поверило твоим подозрениям. Тогда и приведешь воинов в Вепров город, только не моих — своих. Коли будет решение веча, и Вепра зацепит, и его люди задумаются.

— Но как мне переубедить и Вепра, и вече, если это лишь догадка?

— К сожалению, дела наши в Подунавье складываются так, что помогут тебе в этих мерах. Затем и посылал гонцов к тебе, к полянам, к уличам.

— Что, опять ромеи поднимают голову?

— Да нет, ромеи сами не знают, как им быть. Между лангобардами, которые живут в землях Паннонии, и их соседями на западе — гепидами идет сеча. Лангобарды обратились за помощью к своим старым приятелям — обрам. Те сидят сейчас на берегах Меотиды. Если пойдут на зов лангобардов, им придется идти через наши земли. Надо думать, как уберечь людей наших и землю славянскую от напасти.

V

Сестра Евпраксия сказала правду: матушка-игуменья потому и игуменья в женской обители, что у нее неженский ум и на удивление женское сердце. Уж так возмущалась, так ругала вельмож за богопротивные поступки — и того же Хильбудия, наместника Фракии, и того же навикулярия Феофила, будто ей самой довелось от них пережить то же, что и Миловиде, а потом подошла, поло-

жила на плечо Миловиде свою белую, словно из мрамора, руку.

— Успокойся, дитя человеческое, — сказала ей тихо и сочувственно. — Слезы невинных рано или поздно превратятся в камень, который ложится на грудь виновных.

Миловида чувствовала себя скованно в непривычной для глаза христианской обители, чем-то странными и непонятными казались люди, окружающие ее. И все же она отважилась поднять глаза на игуменью и ответить:

— Ныне этот камень на моей груди, матушка.

— Знаю, но верую. Знай и ты: люди причиняют друг другу большое горе, но люди же и приносят утешение друг другу. Святая обитель не чурается тебя, девицы другой земли и другой веры, она подает тебе руку помощи. Если уверуешь в бога нашего Иисуса Христа, ты обретешь покой и отраду душе. Господь сказал: он дает утомленному силу, а изнемогающему — твердь.

— За помощь и отраду — спаси бог, — сказала облегченно. — А уверую ли в Иисуса Христа, не знаю. Испепелилась я, выгорела душа после всего, что случилось с моим ладой.

— Христос много даровал нам благ своих, но наибольшее из них — вера. Она поможет тебе воскреснуть, а воскреснув, одолеешь и свои страдания, снимешь камень с груди своей.

— Мне остается уповать на это, матушка.

— Вот и ладно. Господь с тобой, — сказала, осенив девушку крестом, игуменья и повелела сестре Евпраксии показать послушнице, названной в миру Миловидой, келию, в которой та будет жить и готовить себя к принятию веры Христовой.

Теперь, когда прошло с того дня несколько лет, Миловида уж и не вспомнит, понимала ли она, куда ведет ее Евпраксия, сознавала ли, что девушке из Тивери негоже было оставаться в христианской обители, а тем паче молчанием своим как бы соглашаться, что она будет готовить себя к принятию новой веры. Но ведь так было: Евпраксия нашла ее на берегу моря разбитой горем, и Миловида пошла за ней, да и некуда было идти ей больше. И послушницей монастырской стала потому, что не языком иной веры разговаривали с ней, а устами добра и справедливости. Если бы другие люди встретились ей тогда, она могла бы и отшатнуться от них, и проклясть их, и броситься, как ее Божейко, в волны. Но правда и то,

что в странствиях она немало наслышалась о христианах и знала: святая обитель — далеко не мед для тех, кто верил в бога, кто желал остаться непорочным перед богом. Обитель — приют для самых несчастных и обездоленных, кому уже нечего ждать от мира. До того ли было и Миловидке, чтобы думать, что скажут ее родные боги, если она найдет приют у других. Только позднее, когда в ней переболело все, что могло болеть, когда в той же обители ее попрекнули, чего она оказалась в чужом возу, Миловида словно от дурмана очнулась и с оторопью подумала: как же она дожила до того, что готова отречься от богов, которым молились, на которых уповали ее отец и мать, дед с бабкой, ее и их щуры и пращуры. Как смеет она принимать в сердце бога тех самых ромеев, которые сожгли ее родную выпальскую хату, убили всех кровных, которые сгубили ее Божейко?

Сердце ее, словно объявшее прошлое и заглянувшее в будущее, пронзило неземным холодом. Миловида сжалась, ушла в себя, стараясь изо всех сил, чтобы потаенная мысль, казавшаяся простой и страшной истиной, не вырвалась наружу, чтобы никто вокруг не заметил этой перемены в ней, чтобы не заподозрила чего сестра Евпраксия. Та не допытывалась, что с Миловидой, отчего она такая печальная, отчего сторонится всех, почему ей милее проводить дни с монастырским стадом, а не с людьми. Зато опека ее стала похожей на стражу. Ходит Миловидка возле монастырских пчел (еще от деда знала, как управляться с ними) — Евпраксия рядом; пасет осенью или весной коров — та снова рядом, все рассказывает или читает по писемным книгам, какой добрый к обиженным и гонимым несчастьем людям Иисус Христос, какие муки принял он, утверждая веру, ради спасения грешного человечества, как терпеливо прощает грехи тем, кто совершает их по неведенью своему, кто всего лишь заблудился, и как карает фарисеев, тех, у кого власть над людьми, кто пользуется ею во зло, и тех, кто чревоугодничает, кто ради сытости и утехи творит богопротивные дела, насилует и убивает или вынуждает людей накладывать на себя руки. Иисус Христос — бог милостивый, но до поры до времени. Людям не дано знать, когда, а все же когда-то настанет день Страшного Суда. Тогда воскреснут мертвые, праведники и грешники и станут перед грозным судией. Вот тогда и спросит он Хильбудия: «Ты ходил с разбоем в земли тиверцев?» — «Я, господи». — «Ты сжигал мирные

хаты, сгонял люд, брал в плен ради чревоугодия своего?» — «Я, господи». — «Вечное пекло тебе и кара вечная!» — присудит бог. То же самое он учинит и с навикулярием Феофилом.

— А если у того Феофила да будут, матушка, кроме грешных, и праведные дела? — вспомнила Миловида его заступничество в море. — Как тогда быть?

— Бог все взвесит. Вот один богатей был очень скуп, все думал, как бы себе побольше загрести. А однажды расщедрился. Вез он по грязной улице выпеченный хлеб. Воз пошатнулся на выбоине — и из него упала в грязь горелая корка. Голодный нищий кинулся к ней, чтобы взять себе. Богач замахнулся было кнутом, но в последний момент передумал и позволил нищему: «Бери, она твоя». Когда дошло до суда божьего, господь взвешивал его грехи и добрые дела. Чаша грехов сильно перевешивала. И тут появился ангел и положил к добрым делам подаренную нищему горелую корку. И чаша добра перевесила все зло.

— Так Страшный Суд был уже?

— Нет. Бог судит не только на Страшном Суде. Он и апостолы его судят каждого человека после смерти.

Миловидка задумалась.

— А что же мне будет, матушка? Что будет, если отрекусь от богов моих?

— А ты уверена, что они — боги?

— Отцы и деды молились им, молилась и я и верила.

— Ну и что? Разве они помогли тебе или заступились, когда просила их вернуть Божейко, а потом покарать за Божейко? Неистинные твои боги, дитя, поганские. Едино истинный, едино всемогущий бог — Христос.

Удивлялась ее речам Миловида или не верила, — смотрела себе под ноги и молчала. Хотела было сказать Евпраксии: «А ваш бог тоже не заступился за вас», — да не знала толком, как и чем была обижена эта женщина, когда жила среди мирян, почему оказалась в монастыре.

— Целые народы отрекаются от поганской веры, — убеждала та, — и ничего. В Колхидском царстве, в армянской земле все уже стали христианами. Да и галлы, саксы уверовали в Христа. И ты — живешь в обители христианской, и ничего. А как тебе будет, не приняв нашей веры?

— Я еще приму, но лучше потом.

— Когда — потом? Или у тебя времени не было подумать? Ровесницы твои давно стали сестрами в обители, а ты все послушница да послушница. Такая уважительная и умная девушка, а все на хозяйском дворе пропадаешь, возле пчел да коров отираешься.

И упрекала, и уговаривала Миловидку, и читала ей по памяти из Святого писания. «Не бойся и не стыдись меня, — и поднимала палец к небу, — я бог твой, я помогу тебе уверовать в себя, поддержу тебя десницей правды моей».

— Есть еще другая правда, матушка Евпраксия.

— Какая еще другая? — таращила глаза монашка, пугаясь, что услышит сейчас такое, что сердце разорвется от испуга или досады.

— А та, которой меня учили в отцовой хате — и мать, и бабушка, и дед. Мать Божейки в Солнцепеке. Что я скажу людям, когда вернусь?

Евпраксия не обиделась, даже не прикрикнула на послушницу из антов. Лишь вздохнула тяжело и крестясь:

— Господи, прости нам грехи наши!

VI

Уже немало времени скачут всадники вдоль Днестра. Не замечают, как припекает солнце. Дальний и трудный путь утомил их. Дядька и раньше был неумолим, с утра до вечера мордовал отроков, обучая стрелять из лука, умению соскакивать на бегу с коня и садиться на него (с седлом и без седла), показывая, как удержаться у оседланного и испуганного коня под чревом, когда тот мчит полем во всю прыть. А теперь, когда поползли слухи об обрах, стал и вовсе неумолим. Ничем на него не угодишь. Сказал, не пустит к отцу-матери ни одного — и не пускает, сказал — пойдем в понизовье, поживете в шалашах, как воины в походе, — и пошли, идут и идут берегом, а куда, как далеко, никто не знает.

— Вон там, может, и станем табором, — остановился наконец и показал на поляну, открывшуюся вдоль берега.

— В такой пустыне? — усомнился кто-то из отроков.

— Это еще не пустыня. Видишь, — дядька показал вдаль, — лодии стоят у берега. А если есть лодии, значит, поблизости и жилье.

Разбили под гаем шалаши: один — для дядьки, два — для себя, разложили, как водится, костер. Собрались

было идти к Днестру по воду, чтобы сварить еду, да обнаружили — забыли соль.

— Хорошие же из вас вояки будут, — упрекнул дядька. — Ладно, пусть кто-нибудь варит, а другие разыщут жилье, добудут соли.

На поиски вызвался Богданко, с ним еще двое.

— В лесу одному негоже плутать, — сказали.

Сначала пошли к лодьям: оттуда должна быть тропа к жилью. Тропа и на самом деле отыскалась там, повела к лесу, однако, сколько ни шли по лесу, а к жилью не вышли.

— Неужели сбились с пути? — засомневался Богданко. — Может, не заметили, как стежка отвернула в сторону?

Думали-думали — и вернулись-таки назад. Несолоно похлебавши. Дядька выслушал своих разведчиков и не так расстроился их неудачей, как удивился.

— Долго, говорите, и далеко ходили, — переспросил, — а жилья нет?

— Ей-богу, далеко!

— Хм. Ну, ладно. Поедим несоленого. В походах и такое бывает.

Поев, легли отдыхать. Дядька, однако, разбудил их в тот самый момент, когда сладкий сон только разморил их.

— Хватит, ребята, хватит спать! Забыли, зачем приехали? Седлайте коней, да скорее, скорей!

Сгоняя остатки сна, поспешили к коням, с конями — к реке.

— Здесь, — показал дядька на плес, — будете учиться, как одолеть реку в паре с конем.

— Такую широкую?

— Зато тихую. Научитесь — будут потом вам и бурные переправы.

Первым вошел в воду Жалейко, сын воеводы Стодорка, за ним — еще отрок, а потом уже Богданко с Бортником. Княжич знал: его Серый легко одолеет речную ширь, вынесет и всадника, только не надо мешать ему. Да и воды он сроду не боялся, а после того, как она вернула ему зрение, и вовсе уверен был, что в реке не утонет.

— Кто не потеряет в Днестре сапог, — шутил дядька, подбадривая их, — тот может считать себя настоящим воином.

Сам дядька тоже не остался на берегу. Взяв еще двух отроков, остальным велел дожидаться своей очереди и,

плывя рядом, подсказывал, где сподручнее быть дружиннику, чтоб управлять конем, и как управлять, чтобы не мешать коню, а, напротив, помогать, подбадривать, чтоб не боялся воды и чувствовал, что хозяин рядом.

Богданко хотел отличиться, чтоб быть первым, да не совсем удачно вышло. Он так задергал Серого, что тот, не поняв, чего хочет всадник, чуть ли не с середины реки повернул обратно. Немало усилий стоило отроку, чтобы успокоить и себя, и коня, но развернул-таки Серого, переправился. Над ним не смеялись, никто и словом не обмолвился о неловкости княжича, но сам видел, какие торжествующие взгляды бросают сотоварищи. И так расстроился, что на берегу даже не присел вместе со всеми, а побрел и побрел куда-то один. Дядька неожиданно нагнал его и спросил:

— Чем недоволен, княжич?

— Всем.

— Так уж и всем? Эка невидаль. Ратную науку без шишек не одолеешь. Лучше подумай, как из каждого промаха урок извлечь.

Не хотелось княжичу соглашаться с дядькой, но и возразить ему было нечем. Молчал, глядел на речную быстрину, а на сердце, однако, становилось спокойнее.

Перед ночью дядька, как будто ничего не случилось, подозвал княжича и Жалейко.

— Даю каждому из вас по шесть отроков и назначаю старшими над стражей. Ты, Жалейко, будешь охранять со своими отроками наше стойбище и коней; ты, княжич, смотри за лодиями у берега и за подошедшими к лодиям.

Жалейко воспринял приказ как должное. Всегда так было: где стали, там и охрана на ночь. Богданко же удивился, даже переспросил:

— А чего нам эти лодии? Чего их караулить?

— Дело не в лодиях. Нужны те, кто оставил их тут. Очень может быть, что это тати и что возвратятся они с тем, за чем отправились, ночью. Будь внимателен, княжич. Татьба разная бывает и тати тоже разные. Дело важное, потому и поручаю тебе.

— Надо задержать их, если появятся?

— Задержи, если сможешь. А будут сопротивляться, действуй, как положено воинам: ловко, беспощадно, стремительно.

Богданко старался скрыть и радость, и тревогу, охватившие его в предощущении серьезного дела, но его на-

строение передалось и отрокам, которые пошли с ним. Они тщательно выбрали себе засаду, гадая, что же это за тати, куда пошли, когда и с чем возвратятся.

— Узнаем, если не проворонпм, — остепенил их Богданко. — А вот чтобы взять их, если придется брать, одной засадой не обойдемся.

— Думаешь, их много будет?

— А что тут думать? Лодий две, в каждой может быть по четыре весла. Значит, татей не меньше восьми, если не больше.

— А если их больше?

— Хоть и больше, а надо как-то управиться.

— Сказал бы дядька засветло, так припрятали бы весла! Не с собой же они взяли их. Может, поищем?

— Ночью? Нет. Их днем не так-то просто найти. Сделаем лучше по-другому: переставим на другое место лодьи.

— А что это даст? Тати их так и так найдут.

— Когда пойдут на поиски, разобьются на две или три группы. А нам того и надо. Насядем, приберем к рукам сперва тех, кто останется с ношей, потом остальных.

— Твоя правда, — согласились отроки со своим княжичем-предводителем.

— Вяжите лини ближе к уключинам, — велел Богданко. — Потянем лодии против быстрины. Вверх по реке они вряд ли кинутся искать.

Было уже за полночь, когда они перепрятали лодьи и вернулись к засаде. О сне никто не думал, жили предчувствием событий, которые назревали. Но, как ни бодрились, дрема оказалась сильнее, сморила их.

— Ладно, спите, — разрешил княжич, — а мы с Бортником понаблюдаем. Если тати придут сегодня, то не иначе как на рассвете.

И наблюдали. Откуда им, молодым и доверчивым, было знать, что те, кого ждут, — выдумка старого учителя. Услышал, как говорили: «Жилья человеческого нет поблизости», и усмехнулся сердцем: «Плохо же вы искали, отрочата. А если так, подброшу вам на ночь забот. Учитесь быть дозорными и сообразительными. Выспитесь днем, благо наука не идет без бука».

Знал, ничего не случится там, возле лодий, потому и спал сном праведника. А Богданко с Бортником наблюдали. Уже и воз наклонил вниз дышло свое, уже и от Днестра начало тянуть прохладой, лес отозвался, взволнованный прохладой и ветром, а княжич поглядывал перед собой, изредка тихонько переговариваясь с другом.

— Может, других поднимем, — напомнил Бортник, зевая, — а сами вздремнем.

— Хочешь спать?

— Хочу. Скоро уж светать будет.

— А если те, кого разбудим, проворонят спросонья?

— Не должны.

— Ладно, — уступил княжич, — буди кого-нибудь, пусть станет на твое место. Я посижу до утра.

Только сказал это и сразу же прикусил язык: впереди послышался подозрительный шорох, а вслед за ним чьи-то шаги.

— Тати! Буди всех скорей!

Их было шестеро. Два — впереди, приглядывались, отыскивая приметное место, за ними четверо несли что-то на носилках. В темноте было не разобрать, что именно, да и не это интересовало отроков: что будут делать тати, не найдя оставленных здесь лодий.

Богданко дал знак отрокам: замрите! А тати сначала удивились, стали оглядываться, переговариваясь, потом заспорили.

«Уличи, — определил по говору Богданко. — Зачем же пришли на нашу сторону, что у них на носилках?»

Как он предусмотрел, так и случилось. Двое пошли на поиски лодий за быстриной, двое — в противоположную сторону, двое остались с ношей. Дозорные княжича, видя, почуяли отвагу.

— Тихо! — приструнил Богданко. — Подождем, пока отойдут подальше.

Знал: в поисках лодий тати будут идти и идти, пока не иссякнет надежда. В такой оказии все можно думать: кто-то, не видя хозяев, угнал лодьи к своему пристанищу; могло случиться, что сами сбились, возвращаясь с пути. Впрочем, пусть что хотят, то и думают, лишь бы ушли подальше от тех, кто остался с ношей.

— Кажется, пора.

Богданко поманил Бортника, шепнул тихо:

— Бери трех отроков и заходи оттуда, — показал рукой, — я с остальными зайду с этой стороны. Следи за татями, но нападем на них вместе, как сблизимся.

Обошли и подкрались бесшумно. Собрались уже кинуться на супостатов, как под вербой послышался то ли стон,

то ли сдавленный крик. Те, что следили за ношей, повернулись, и один сказал с издевкой:

— Чего тебе, девка? Ай па помощь зовешь? Зря, тут тебя никто не услышит. Не услышит и не придет, чтобы помочь. Терпи, скоро будешь там, где надо.

Тиверцы все поняли. С двух сторон они обрушились на татей, наставили на них мечи.

— Ни с места!

У тех и челюсть отвисла. Не успели сообразить, что к чему, как были уже без мечей.

— Кто тут? — Богданко подошел к носилкам.

Тати, угнувшись, молчали.

Богданко наклонился, вызволил пленницу из корзна. Вытащил кляп, которым забили ей рот.

— Богданко!.. — услышал с болью и с испугом. Он не поверил своим ушам.

— Зоринка, ты?!

Где развязывал, а где рвал на ней путы. Спешил, словно чувствовал, что через минуту будет поздно, вот-вот вернутся ушедшие за лодьями и он может опять потерять свою ладу, счастье свое, дороже которого нет у него на свете.

— Бортник! — сказал наконец. — Оставайся здесь и не прозевай тех, что вернутся. Я отведу пленных в лагерь и вернусь с подмогой.

Взял Зоринку за руку, повел, спрашивая, как случилось, что попала она, дочь Вепра, в руки заднестровских татей?

Девушка еще не отошла от страха, который нагнали на нее насильники. Сквозь слезы сказала, что и сама не понимает, как она доверилась незнакомому человеку. А вышло так. Постучался в ворота какой-то старик. Челядница спросила, кто, мол, и чего надо? Тот назвался гостем из далеких земель. Попросил позвать хозяев, у него для них хороший товар есть.

Выслушав челядницу, мать Людомила повелела той впустить гостя с товаром во двор. И сама вышла туда вместе с Зоринкой. Гость кланялся им, показывал, что у него было. Когда Людомила облюбовала паволоку и пошла в терем за солидами, торговый человек тихонько спросил Зоринку: «Ты и есть Зоринка Вепрова?» — «Да», — подтвердила она. «Выйди после к лесу, молодец ожидает тебя».

Она не переспрашивала, что за молодец. Во-первых, вышла мать, а во-вторых, она уж выглядывать своего Богданко устала. Потому и не раздумывала. Дождалась, пока мать, радуясь покупкам, занялась ими, да и шмыгнула со двора. А прибежала к той поляне, где обычно встречалась с Богданко, удивилась, что его нет. Решила, что кто-то ее разыграл. Хотела идти домой, а к ней чужанин навстречу.

— И крикнуть не успела, — пожаловалась своему ладо. — Заткнули рот тряпкой, скрутили по рукам и ногам и понесли не знамо куда. День и ночь несли. Отдохнули в какой-то халупе и снова несли. Кто они, Богданко, чего хотели?

— Уличи они, Зоринка, а чего хотели, узнаем после.

Дядька, заслышав клич Богданка, проснулся сразу, да не сразу в толк взял, о чем говорит княжич.

— Какие тати? Откуда им взяться тут? — удивился.

— Взялись, учитель.

— Напали на стойбище?

— Нет. Они к лодьям пришли, да не одни, а с пленевной девушкой. Мы взяли двоих, остальные пока лодии ищут. Этих оставляю, а сам за теми пойду. Но придется, наверное, взять еще несколько отроков.

— Да нет, — старый согнал с себя остатки сна. — С пленными татями оставайся уж ты. За остальными пойду я... О, боженько! — посетовал вслух. — Скажи ты, напасть какая. Кто бы подумал, что такое может быть?

VII

В Черне, перед судьями и дружинниками тати запирались недолго. Да и чего запираться? Поймали их с выкраденной в Тиверской земле девушкой, знают, чья девка, знают и то, из какой земли пришли за ней. Оставалось узнать, почему пришли именно за Вепровой дочкой. Сознаваться им, ясное дело, не хотелось, за такое по головке не гладят, однако и не признаваться было нельзя. Тиверцы просто так не отпустят, первой побасенке не поверят. Правда, могли бы поверить, что умыкнули девку для жениха, не только ведь уличи, и в других родах умыкают девок, но и девка не дура, не скажет, что брали по ее воле, по согласию. Так не лучше ли не вертеть, а сознаться, что привело их в Тиверскую землю и почему именно к Вепру?

— Это я брал, остальные ни при чем, — выступил вперед молодой улич.

— А ты знал, что ходить в нашу землю, да еще на татьбу, запрет?
— Знал.
— Почему же пошел?
— Очень красивая девка, потому и пошел, потому и брал.
— И знал, как сурово за это карают?
— Если бы не поймали, не покарали б.
— Ага. Чей же ты такой ловкий?
Примолк, но ненадолго.
— Старейшины Забрала.
У всех, кто стоял поблизости и слышал это дерзкое признание, глаза повылезли. Вот оно что! Так это младший сын того самого Забрала, который так лютовал, добиваясь смертной казни Боривоя? Ну и ну! Той крови, выходит, мало было, захотели большей.
— За брата пришел мстить?
— За брата уже отомстили, сестра осталась неотомщенной.
На него смотрели, как на обреченного уже, но все еще ощетинившегося зверька.
— Вот что, молодец, судить тебя будем, так не очень-то храбрись. Крови ты, к счастью, не пролил, а за насилие ответишь по всей суровости нашего закона.
Богданко меньше всего интересовался судом и тем, что присудят пойманным на татьбе уличам. Не чужим горем — своей радостью жил: у него гостюет Зоринка, он от нее ни на шаг, и мать-княгиня возле нее, и сестрички-затейницы. Все рады, что удалось выручить Зоринку. Расспрашивают и у нее, и у Богданко, как все было, хвалят княжича, он, мол, у них настоящий муж. Смеется, радуется с детьми и княгиня.
— Веселитесь, — наконец говорит она им, — а я пойду к князю, спрошу, послал ли в Веселый Дол людей. Надо дать знать Людомиле, да поскорее, что Зоринка у нас.
На вопрос княгини, послал ли он гонцов к Вепру, Волот только брови сдвинул.
— Я же сказал, — ответил резко, — пошлю. И пошлю!
— Волот, я хочу, чтобы послал кого посообразительней. Мало сообщить Вепрам эту радость. Надо бы пригласить их к нам в гости.
— А вот просить не следует, — возразил он. — Хватит, просили уже.
— Ты все за старое... У нас их дочь, и спас ее наш

сын, а в руках тиверских судей — сын старейшины Забрала.
Княгиня, кончив говорить, поклонилась мужу и пошла. Уверена была: советует доброе дело. Не везти же им девку самим, не льститься с ней к Вепрам. Пусть сами едут и забирают, да подумают, как им быть, когда забирать будут: мириться ли наизнатнейшими родами в Тиверской земле или и дальше смотреть друг на друга волком.
Глядя, как тянутся Богданко с Зоринкой друг к другу, Малка думала: «Только бы боги были добры к ним, умилостивили бы своенравного Вепра! Пусть бы дети сходились да брали с благословения Лады слюб. Если не сейчас, то на Коляду или на Ярило. Девка созрела, собой пригожа, сердце у нее открытое — другой Богданко не надо».
— Это сколько же лет ты не была у нас? — обняв Зоринку, Малка заглянула ей в глаза.
— Давно, матушка-княгиня, считайте, с тех пор, как воины наши вернулись из ромеев.
Кивнула, соглашаясь, а про себя подумала: «Не сказала: с тех пор, мол, как казнили Боривоя и отец враждовал с князем. И правильно делает, что не говорит. Ни к чему помнить раздор. К миру надо править».
Немалую надежду возлагала на славу, которая пойдет о сыне по Черну, а там и по всей земле. Как же, дядька без устали рассказывает мужам и отрокам, как ловко, умело повел себя Богданко, когда брал татей. А если уж дядька хвалит Богданко, то почему же она, княгиня и мать, должна думать иначе? Разве ее сын не достоин уважения? Разве перед таким не смягчится жестокое сердце Вепра? А есть же еще добрая Людомила! Кто-кто, а она-то желает дочери счастья, она-то знает, что их дети давно полюбили друг друга. Стать им преградой — все равно что сгубить обоих.
Сердце, должно быть, подсказывало Малке, что для Богданко, для Зоринки, да и для Волота с Вепром, не говоря уж о ней с Людомилой, настал решающий час. Думала, если приедет за Зоринкой отец, да еще с матерью, они с Волотом не отпустят их такими, как были до сих пор. Ни щедростью, ни мудростью не поскупятся, а выбьют-таки из их памяти все дурное. Разве им, Вепрам, не видно теперь, что правда — на стороне Волотов? Пусть и так — не сумел князь отстоять Боривоя. Зато сумел же княжич выхватить из хищных лап Забрала их Зоринку,

не позволил татям надругаться над девкой. Вина окуплена и честью, и доблестью, а обычай славянский так и гласит: за честь платят честью.

Видно, уж слишком уверовала, что будет так, как думает. Когда же за Зоринкой прибыл из Веселого Дола целый отряд конников и Малка не увидела среди них ни Вепра, ни Вепровой, она словно онемела. Это так поразило ее, что не нашлась что сказать, что сделать. Было такое чувство, что оскорбление и боль сжигают ее изнутри.

«Как же это? — спрашивала сама себя. — Разве это возможно? Пусть Вепр не смеет показываться нам на глаза. А Людомила как же? Что она думает? Няню-наставницу прислала. И это к нам, князьям земли Тиверской?!»

Очнулась Малка — и к князю:

— Как же так можно, Волот? — спрашивала, не скрывая заплаканных глаз. — Ты видел? Они не изволили прибыть за дочкой, няньку прислали. И это после всего, что сделали для них. Это же позор, бесчестье нам!

— А ты надеялась на другое? — князь был спокоен, только хмурый вид показывал его неудовольствие. — Это, Малка, Вепр, чести от него не дождешься. Ну а о бесчестье не думай. Бесчестье если и будет, так не нам. Теперь наверное знаем: примирения не было и не будет. Мы — недруги и отныне должны вести себя с Вепрами как с недругами.

— А дети? Что будет с детьми?

— Время, надеюсь, убедит и их, что между ними ничего уже быть не может.

VIII

Не то удивило Миловиду и наполнило ее всю тревожным страхом, что Божейко подошел неслышно, — удивила его печаль, скрытая боль в глазах, даже укор.

«Чего ты?» — спросила она тихо и смущенно.

«А ты не знаешь чего?»

«Не знаю».

Помолчал немного, потом сказал:

«Мамка умирает».

«Как?!»

«Посмотри, — кивнул туда, где должна была быть

Тиверь, — спрашивает, на кого теперь останется наш Жданко».

Миловида оглянулась, но никого не было ни поблизости, ни вдали. Холодок пробежал у нее по спине. Повернулась — и Божейки нет.

«Ладонько мой! Где ж ты?» — крикнула и, наверное, испугалась своего крика — сразу же проснулась.

— Боже мой! — простонала. — Сон это был или виденье? Сон, пожалуй, но почему такой: «Мамка умирает, спрашивает, на кого останется наш Жданко?»

Встала, встревоженная, подошла к окну. Было еще рано, утро только занималось, хмурое, не иначе как перед дождем. Потому, видать, и снятся умершие, — подумала она, но слова Божейко никак не шли у нее из головы. А может, это знак ей? Мать его болела уже, когда провожала ее, Миловидку, в ромеи. Ждала-ждала, да не дождалась, выходит. Шутка ли, пятое лето уже идет, как ушла она из Солнцепека. Обещала вернуться вместе с Божейко. А за эти годы, и правда, можно истлеть, ожидаючи да плача, теряя последние надежды. В первый год небось думала: не успела Миловидка, все еще ищет Божейко по миру. А зимой, наверное, говорила себе: если и нашла сына, и выкупила, то как они вернутся, когда дороги занесены снегом, море покрыто льдом? А что оставалось думать ей на второй, третий, четвертый год? Это же не дни, а годы! Боженьки! Какой же это камень на сердце, когда понимаешь, что не будет уже ни детей, ни доброй весточки от них... Никаких слез на это не хватит.

Как же Миловидка дошла до такого? О себе позаботилась, думала, время залечит раны, а христианская обитель даст покой истерзанной обидами душе, а о том, что то же самое время подтачивает на родной сторонушке веру матери в возвращение сына, забыла. Ей, Миловидке, люди отдали все, до медницы, до обола, не сомневались, что вернется с сыном, а если и не найдет его, то придет и скажет: «Нет Божейко в ромеях. Искала долго и ревностно, а не нашла».

Легок вещий сон, да тяжела разгадка.

Миловидка вспомнила, как обещала сестре Евпраксии и матери-игуменье, что на ближайшем христианском празднике примет крещение. Что будет, если сдержит слово и уверует в Христа? Что будет тогда соединять ее с родной Тиверью, с людьми? Станет чужой им и никогда уже не

пойдет за Дунай? Да, тогда уж одно и останется: оборвать пуповину, которая связывает со всем родным, и заживо погрести себя в монастырских стенах, остаться тут до скончания века.

Так и не сомкнула она до утра глаз от тяжелых дум. Уж рассвело, пришло время гнать коров на пастбище — Миловидка не встала. Сестра-казначея заглянула в келию, спросила, не переступая порога:

— Что с тобой? Ты больна?

Услышала в ответ только всхлипы под веретой. Чуть погодя сбежались послушницы, пришла Евпраксия. Послав кого-то пасти скот, она принесла воды Миловиде, присела возле нее.

— Святый боже, святый единый и бессмертный, — молилась и за себя, и за Миловиду, — помилуй нас. Дай нам силу одолеть боль сердечную, жалость и смятение. Будь милостив, господи, всели в сердца наши благодать свою.

Молила о заступничестве, пока не убедилась: Миловидка затихает.

— Ты для меня словно дочь родная, — искренно и доверчиво заглянула девушке в глаза. — Твои боли — мои боли, твоя печаль — моя печаль. Скажи, все еще боишься богов своих?

— На этот раз, матушка Евпраксия, самой себя страшно.

— Себя?

— Да. Приснился Божейко. Пришел и сказал: «Мамка умирает». А она ведь мне не чужая, матушка Евпраксия. — И все, что думала-передумала в эту ночь, рассказала ей.

— Сон, дитя, только сон и есть. Разве можно брать его близко к сердцу!

— Как же не брать? — удивилась Миловида. — Разве не повинилась я перед матерью Божейко, разве не предала ее?

Монашка стала было перечить, но почему-то раздумала, только вздохнула тяжко, а потом и вовсе согласилась с Миловидой. «Может, — сказала, — ты и права». Грех обманывать людей, а особенно старших. И Иисус Христос этому учит. Одна из заповедей его так и гласит: не обмани ближнего своего. А все же подумать надо: от всякой ли правды людям добро? Лучше ли станет, если мать узнает, что случилось с сыном?

— Я больше тебя прожила, больше видела и знаю, — доверчиво увещевала монашка. — Поверь, иногда лучше жить в неведенье и надеяться, чем наоборот. Ведь мать его небось думает — раз нет тебя так долго, то, наверное, с тобой что-то случилось. Не с сыном, а с тобой. Ведь она — его мать! А может, тешит себя, что вы нашли друг друга, да ни пробиться домой, ни весточку подать о себе не можете. Горе не тетка, оно давно бы скосило людей, если бы всевышний не наградил их верой, малой или большой, а все же надеждой. Надо ли убивать эту надежду, рубить под корень? Да и тебе — хорошо ли мучить себя так, терзать душу?

Помолчала, потом добавила:

— Давно я присматриваюсь к тебе. Чистая у тебя душа. Чистая и невинная. Так чего нам еще ждать? Собирайся, пойдем с тобой...

— Куда?

— На службу божью. Сегодня ты нигде и ни в чем не найдешь утешения — лишь там.

— Я же веры еще не приняла, как можно?

— Ничего. Господь сказал: я каждому доступен, а убогому да кому нужда — тем паче.

Она не посмела ослушаться Евпраксию — пошла. Ноги были словно каменные, сердце обмирало и падало, а шла. Да и что делать, если Евпраксия — единственная опора и защита в этом страшном и неприветливом мире. Нужен совет — посоветует, нет уверенности — добавит. А захочет кто-то обидеть ее — Евпраксия горой на защиту. Она ей и заступница, и утешительница, и отрада. Как же не послушать такую было и не пойти?

В церкви было празднично, казалось, от всего исходило торжественное благолепие. Все вокруг, даже воздух источал здесь блаженство. В многоголосом согласии возносилось к куполу от амвона молитвенное пение. Но более всего торжественности придавало правлению службы хоровое пение на клиросе. Оно было таким стройным и тихим, таким прочувствованным, что Миловида не заметила, как покорилась ему и вознеслась вслед за ним к неземным высотам.

Долго ли была она в плену этой благодати, и сама не знала, но помнит, что наступил миг, совершенно неожиданный для нее, когда сжавшимся в комочек сердцем, той крохотной ледышечкой, в которой словно заморожена была вся прожитая ею жизнь, все ее страдания, боли,

тоска по родной земле, — и вот этой дрогнувшей, оттаявшей ледышечкой, давшей горячий толчок крови, она вдруг ясно, отчетливо поняла, что она чужая и лишняя в этом храме. Огляделась и увидела: все здесь при деле; одни истово молятся, крестятся и бьют поклоны, другие подходят к образам, меняют свечи, шепча молитвы и осеняя себя крестом, она же одна стоит, словно вкопанная, не знает, куда себя деть. Молиться с другими не могла — не приняла еще Христовой веры, а стоять без дела, как соглядатай, было еще хуже.

Но как уйти, если рядом сестра Евпраксия, а вокруг — монашки и монашки. Зато когда кончилась служба, Миловида, не обращая ни на кого внимания, спешно стала пробираться к выходу. Стыд жег лицо, она боялась, что в нее станут тыкать пальцами и говорить: вон она пошла, не наша, как будто с краденым.

Женская обитель — не так уж и велика, от людского глаза некуда деться. А ей, как никогда, хотелось побыть одной. Где уединиться? В саду? Так он недолго будет пустым: сестры после службы сходят в трапезную и заполнят его. В келию податься? Но туда сейчас же придет Евпраксия, начнет расспрашивать, что да как. Нет, может, только на пастбище никто не хватится ее.

До монастырского пастбища на лугах около десяти стадий. Дорога не раз мерена, ноги сами несут, идет не отдыхая и не оглядываясь. Может, думает Миловида, и не вернусь нынче в келию, заночую в пристройке возле загона. Не раз уж было так — небось никто не хватится.

За лугами стелются поля, за полями — пологие, покрытые зеленью отроги гор. Если взойти на них и глянуть на север, видно будет, как вдали темнеют высокие и крутые горы, которые не каждый и одолеть может, но за ними пойдет знакомая ей Фракийская долина, исхоженная и горестная, а все чем-то родная. Не тем ли, что она открывает путь в отчую землю, что если бы дошла до тех гор да перевалила их, считай, была бы почти дома. Но это только сказать легко: если бы. Попробуй пойди да перейди их!.. Никаких сил, никакой мочи не хватит. Не из-за этого ли не отваживается она покинуть святую обитель у теплого ромейского моря? Что же делать ей, горемычнице, без надежд, без счастливой доли? Божейки ее нет, так зачем ей тут оставаться? Креститься? Чтобы обречь себя на такую жизнь, как у матери-игуменьи, сестры Евпраксии? Чтобы быть навечно отлученной от мира? Будь у

нее солиды, она, не раздумывая, отдала бы их теперь первому, кто взял бы ее на лодию и переправил в Тиверь. Но никто не перевезет — нечем платить ей за переезд. А идти пешки не отважится: и пути не знает к Дунаю, и долгий, очень долгий это путь. Года на два, а то и на три.

Бедная она, бедная. Она же пленница тут, в монастыре, а Божейко еще и недоволен ею, пусть и во сне, но все же упрекнул: на кого, мол, останется Жданко?.. И вспомнилось ей, как на Ярило весь вечер бегала, играла в паре с Божейко. Она еще и не прислонялась к нему, не давала себя обнять, как другие, но и не боялась его. Куда звал, туда и шла, на что подбивал ее в играх, на то и соглашалась. Радовались и смеялись вместе. Знала: другой такой беззаботной и счастливой пары во всем выпальском гурту не было.

И как-то случилось в тот вечер, что заговорили меж собой о Жданко. Условились, что до Купалы будут обязательно встречаться, иначе, мол, им и праздника не дождаться. И Божейко спросил, не станут ли перечить ее родители, не будут ли ругать ее за это?

«Меня родители любят, — похвасталась она. — Они добрые, никогда меня не ругают».

«Так-таки и никогда?»

«Лишь раз и накричали, да и то не мамка, а бабушка».

«Бабки жалеют внучат, а твоя накричала?»

«Потому что виновата была».

Мало ему этого было, он спросил:

«А чем?»

«Лилий нарвала в озере».

«Разве это вина?..»

«Я сама думала, что нет в этом ничего такого, а бабушка другое сказала. Девке не к лицу быть жестокой. Лилии — русалочьи детки, зачем же их обрывать? Русалка будет плакать о детках и может утопить меня при случае».

Он задумался над ее словами, а Миловидка продолжала:

«Я бы и внимания не обратила на это, да вскоре мне сон был. Будто плыву в лодии и вижу много-много лилий! Протягиваю руку к одной — лилия такая белая, пышная, сама в руки просится, а сорвала — гляжу, у меня в руках мальчик. Не остановилась, сорвала другую — снова мальчик, третью — опять мальчик. Ой, — опомнилась наконец, — что же делаю? Это ж русалочьи дети!

Стою в лодии, держу их на руках и не знаю, что с ними делать. И в воду бросить страшно — ведь живые, и у себя боюсь оставить».

Божейко бросил на нее быстрый взгляд, помрачнел.

«Это нехороший сон, Миловидка».

«Думаешь, хлопоты будут?»

«Люди говорят, если снятся дети — быть хлопотам».

А ей страшно хотелось сказать, что на самом деле вещает этот сон, — она-то знала, но стеснялась. От стыдобушки даже щеки заполыхали. Божейко заметил это и удивился:

«Чего ты?»

«А ничего. Бабушка по-другому разгадывает этот сон».

«Как?»

«А будто у меня будут только мальчики, не будет девок».

«Ого-го!» — воскликнул он и так сверкнул глазами, что совсем вогнал ее в краску. Схватил ее за руку и, чего-то смутившись сам, потащил ее к огню, где гуртовалась молодежь.

«Знай, — сказал вдруг, словно споткнувшись на полдороге, — если поженимся и будет мальчик, назову его Жданко».

Не дождались ни мальчика, ни девочки. Повытоптали все цветы легионеры Хильбудия. Все прахом пошло. А почему все же вспомнил Божейко в ее сне мать и Жданко? Не намек ли это, что она, принимая крещение, убивает в себе родимую землю, Тиверь-матерь, и себя обрекает на пустоцветье в жизни? А разве нет? Затворит себя за стенами обители и будет сохнуть, пока не отцветет ее плоть. Разве за тем отправлялась в чужие края? Глубоких омутов и дома хватает. Она же молодая еще, красивая. Пусть нет Божейки, лада желанного, но разве лучше, если останется она одинокой былинкой, не пустит от себя отросточка? Спасибо сестрам в обители, что пригрели, дали кусок хлеба, приют, но остаться без детей — не слишком ли это большая плата за хлеб и приют?

Там, за широким Дунаем, давно проснулись, наверное, поля, покрылись листвой деревья, буйствует под теплым, но нежарким солнцем трава. Зацвели цветы. О, она не забыла, какой духмяный запах стоит на лугу! Дух захватывает, замирает сердце. Как шальные поют над лугами птицы... Здесь, в ромеях, все по-другому. Как будто и

тот же кусок, да другой вкус во рту. Родной же хлеб хоть и горек, а все слаще кажется...

— Иди в обитель, сестра, ты свободна, — сказала Миловида, подходя к монашке, что заменила ее утром. — Я буду пасти коров.

— А что так?

— Побыла на службе божьей, успокоила свои тревоги.

Но та решила остаться:

— Чего я пойду? Если не одну, так другую работу придумают. Может, под вечер пойду уж?

— Смотри сама, — согласилась Миловида.

Они понемногу разговорились, а после дойки, за трапезой, и вовсе дали себе волю. Так смеялись, словно на них хохотунчик напал. Куда и подевалась смиренность, что была будто написана на их лицах там, за монастырскими стенами. Забыли и о писании: когда ешь, то ешь молча.

— А ты чего плакала утром? — спросила напарница.

— Сама не знаю.

— В три ручья слезы лились, а почему — не знаешь? Все прячешься от нас, думаешь, если мы другого рода-племени, то уже и чужие, не можем понять, помочь?

— Да нет, — искренне возразила Миловидка. — Скорее потому, сестра, что сама знаю, никто моей беде не пособит.

— Да, это так, — согласилась та, — а все же нехорошо чураться нас, сестра.

Что сказать на это? Она вроде и не чурается послушниц, а и неблизка с ними. Одна только Евпраксия ей по сердцу, а с остальными — веселятся они или спорят — Миловидка больше молчит. Но ничего тайного, ничего постыдного в ее слезах нет. И Миловидка рассказала, какой сон разбудил ее утром, в какую сторону текли ее горючие слезы.

— Тебе, — помолчав, сказала ей напарница, — надо было бы дать весточку его матери, чтобы знала, что с ним, да и с тобой тоже. Иначе не успокоишься, всю жизнь будет совесть мучить.

— Весточку? А как пошлешь ее, когда такая даль?..

— Сходи к морскому пристанищу, порасспрашивай людей. Может, найдешь мореходов, которые идут туда, передашь с ними.

— Мореходы... А знаешь ли, как далеко в лесу живет Божейкина мать? Туда никакие мореходы не дойдут.

— Тогда сама иди!

— Пустые разговоры, сестра. Впереди или горы, или море без края, а у меня ни солида.

Добровольная советчица стояла, однако, на своем:

— Горами не ходи, горами не пройдешь. Направляйся берегом. Тут и дороги проторены, и все время люди. Где пешком, где остановишься заработаешь солид-другой, да и пойдешь.

Совет вроде бы и прост был, а запал в сердце. Ведь это правда — ромейские берега непустые. Где к рыбакам пристанет — заработает, где на поле пойдет — снова заработает. Лето — пора горячая, рабочие руки всем нужны. Путь долог, зато с каждым годом будет она ближе к родной земле.

Вернувшись в обитель, постаралась пройти в свою келию незамеченной. Ждала, вот-вот придет Евпраксия или мать-игуменья, боялась их расспросов. Сидела у окна, прислушивалась к каждому шороху, а мысль, словно выпущенная из клетки птица, летела все дальше и дальше от этого каменного мешка — на широкий простор летела, где приволье, где за далями раскинулась родная земля.

...Видно, очень уж далеко улетела Миловида от монастыря, от келий монастырских, — не услышала шагов игуменьи и сестры Евпраксии. Тогда лишь и очнулась, как открылась дверь и они переступили через порог.

— Мир с тобой, дитя человеческое. — Игуменья осенила послушницу крестом. — Что не спишь так долго?

— Сон не берет, матушка.

Миловида опустилась на колено, поцеловала игуменье руку. «Что им надо от меня? — думала. — Так поздно явились и вдвоем. Что-то, значит, надо им...»

— Сестра Евпраксия говорит, сомнения и смятения духа еще не оставили тебя. Это правда?

— Сама не знаю, почему так.

— Ты же говорила, что уже готова принять веру Христову, а потом плакала, виноватясь перед родом своим.

— Чувствую виноватой, матушка.

Игуменья замолчала, пристально вглядываясь в Миловиду.

— Это правда, дети должны быть верны своим родителям, — сказала чуть погодя и села. Ее примеру последовала и Евпраксия. — Однако, принимая веру Христову, ты, дитя, не делаешь ничего противного родителям твоим. Спросишь: почему? А потому, что это доброе дело. Кто

знает, может, именно твой пример наставит и других на путь истинный.

И долго потом рассказывала, сколько щедрот даст вера Христова, какое блаженство ожидает тех, кто поймет суть этой веры и примет ее без принуждения — сердцем. Ведь и ее, Миловиду, никто не заставляет. Приходи, когда захочется, в храм, слушай церковные службы. Постигай таинства богослужения, которые поднимают дух человеческий, дают простор мысли. Мысль в соединении с поднятым до высот мудрости духом дает прозрение.

— Слова мои, надеюсь, не останутся гласом вопиющего в пустыне, — игуменья встала и положила руку на голову послушнице. — Ты будешь делать так, как я говорю. Правда?

— Да, матушка-игуменья. Я очень благодарна за приют и спасение. Вот только...

— Что — только?..

— Засомневалась я, матушка, что, даже приняв веру Христову, смогу остаться в обители, что вера будет мне спасением.

— Даже так? — не ожидала игуменья такого признания и снова села. — Что заставляет тебя так сомневаться в себе?

— Многое, матушка.

И она, не думая, плохо это или хорошо, рассказала наставницам обо всем, что передумала, что смущало ее дух.

— Скажите, — заглядывала она в глаза то одной, то другой, — разве это по-божьему будет, если я отрекусь от мира и ничегошеньки не оставлю для земли своей, для рода своего? Я, живая, в силе и при здоровье, смогу ли я сидеть за этими стенами и думать, что просижу так всю жизнь, не пустив от себя ни веточки, ни отросточка? И мука это тяжкая, матушка, и грех, наверное, большой. Вот я и думаю: какой бы веры ни был бог, а нельзя обманывать его. И лучше пойти мне, достойные, к моим кровным. Где жить буду и как — не знаю, не ведаю, однако пойду. Плоть зовет, земля зовет. Видно, не могу, не способна я переборогь в себе то, что дала мать-природа.

— Нечестивица! — потеряла терпение игуменья и, сбросив с себя личину благочестия, подхватилась на ноги и стукнула что было сил патерицей. — Поганка! Ноги должна была лизать нам, что подобрали, дали приют, покой, а она наплевала на обитель, у нее греховность плоти

на уме. Прочь отсюда! — показала на дверь. — Сейчас же, сей момент! Чтобы и духом твоим не пахло. Была и осталась поганкой, прочь!

IX

Хорс слишком расщедрился в это лето. До Купалы еще далеко, а уже жарит нестерпимо. Если бы выпадали дожди, не так заметна была бы жара. Да где они, те дожди? На весь океан-море ни одной тучки. И седмицу, и вторую, и третью без перемен. Как день — так и жара. Сегодня, видно, то же самое будет. Солнце только встало над горизонтом, а уже припекает. Горит под его горячими стрелами засеянная ратаем нива, мелеют реки, никнут на лугах травы. Только и спасения от жары, что крыша над теремом. Правда, еще можно найти прохладу в лесу, но после всего, что случилось с ней, Зоринкой Вепровой, ходить в лес одной ей запретили, только с челядью. А где ныне эта челядь? Заботы о ниве и о скотине гонят всех на луга. Так повелела хозяйка Веселого Дола: если уж нет надежды на ниву, спасай, челядь, скот, чтоб не помереть потом с голода. А няньке-наставнице приказано: не потакай Зоринке, не ходи с ней куда не следует. А каково самой Зоринке — никого не интересует. Будто и не видит никто, что ей от сидения в тереме только хуже: истомилась и почернела, как зерно на сожженной ниве. Слезы уже не раз подступали к горлу, душили намертво. Почему так яро не хотят выдать ее за Богданко? Все в Колоброд возят. А какой из этого толк, если она знать не хочет, кто там, в Колоброде, зовет ее в круг? Будто не видят, что Зоринка на своем стоит, своего добивается. И зря угрожают ей, что будет так, как отец скажет. Да она-то — Вепрова дочь! Она тоже может сказать: «Будет, как я говорю». Но кто знает, как будет. Родные ее хитрят — не татей они боятся в лесу, а Богданко. Вот и не велят выходить за ворота. Ждут, что на Купалу кто-нибудь из родовитых тиверских отроков выкрадет ее и заставит вступить в брак. Но пусть родители попробуют сперва заставить Зоринку поехать в Колоброд именно на Купалу. Разве что повяжут для такого случая и связанную повезут. А иначе не будет. Бог свидетель, не будет!

Открыв окно в верхней клети терема, смотрит Зоринка на торную дорогу, что идет от отчего дома в белый свет, думает свою безутешную думу. С тех пор, как Богданко

вызволил ее из лап татей, с тех пор, как родители ее дали понять князю Волоту, что примирения меж ними не будет, — с тех пор в Веселом Долу закрывают и закрывают ворота перед Богданко. Ему говорят: не велено, а он все ездит и ездит, все ждет и ждет ее на опушке леса. И не может она сказать-поведать милому, что не по своей воле сидит, что все сговорились против нее — и мать и челядь.

Не видя иного пути, она решила, что никто, кроме нее самой, не поможет ей. И объявила твердо:

— Пока не исполните мою волю, не буду есть и пить.

— Какую, горлица?

— Позвольте выйти, чтоб сказать: пусть Богданко не ездит зря.

— Будто ему не говорили этого?

— То — родители, а то я скажу.

Няня-наставница не придала этому значения, усмехнулась и пошла себе. Когда же увидела, что Зоринка не прикоснулась к еде, заволновалась, стала упрашивать.

— Не выдумывай, девка, кто поверит, что ты это самое, а не другое скажешь Богданко?

— А ты.

— Я?

— Если не совсем еще предала меня, то поверишь.

— Ох, неужели Зоринка так плохо обо мне думает?

— Пойди со мной, будешь матушкиным слухачом при мне, а на самом деле — моей союзницей. Тогда я буду думать о тебе иначе.

— А что матушка твоя скажет, коли узнает, что я не с ней, а с тобой заодно?

— Какое мне дело! Это твоя забота, няня. А теперь поди и скажи: «Зоринка отказывается и пить, и есть, пока по ее не будет».

Что было делать старой женщине? Пошла, сказала матери Зоринки: «Девка страдает, зачем ее еще мучить? Пусть сходит со мной, повидается с княжичем. Небось ничего не случится».

— А если случится? — возразила Людмила. — Или слово хозяина уже не указ в доме?

— Мне что, а вот Зоринка не ест, не пьет. А если она и дальше так будет?

Няня-наставница, видно, терзаясь укором Зоринки, все-таки ее сторону приняла. Правда, обещать девке ничего не обещала, а на деле была с ней. Рассказала, что думает

о ее упрямстве мать и как страдает Людомила от того, что дочь такая упрямая. В конце концов вдвоем они уговорили-таки Людомилу.

— Ну, если уж ничего нельзя сделать с ней, — вздохнула та, после трехдневного голодания дочки, — пусть увидится с княжичем. Только свидание будет не там, где она хочет. Как появится Богданко, приведи его в терем. Здесь, при мне, пусть говорит ему что хочет. А из терема девка чтобы ни ногой!..

Зоринка покапризничала немного на такое решение, но, подумав, согласилась. Коли уж так хочет мать услышать, что она скажет милому, пусть слышит. Так, может, и лучше будет.

И вот она ждет-выглядывает Богданко из терема, а сама думает, какие слова ему скажет. И еще думает, что она не позволит вить из себя веревки, как отец вьет из матери. Коли он властелин, так считает, что ему все дозволено. Нет, еще придет времечко, и он узнает, что Зоринка может за себя постоять.

X

Чем сильнее выгорали под солнцем ролейные нивы и жухла по лугам и опушкам трава, тем озабоченней становились лица поселян, тем ощутимей становилась тревога, наполнявшая Тиверскую землю. Что будет и как? Не уродит нива — не будет хлеба, не отцветут свое лесные травы и дикуша на полянах — пчелы не наполнят борти медом. Куда ни кинь — везде клин. Но еще страшнее, если не заготовят на зиму сена и нечем будет кормить скот. А к тому идет. Какой покос, если трава чуть жива. В лесу ее мало, на лугу еще меньше. Скотина избегается за день, пока нащиплет немного. И это — посредине лета. Что же к осени будет? Прогневали богов, отвернулись боги от людей. И то сказать, сколько народу наплодилось, и каждый только о себе думает, о себе хлопочет.

Выйдет ратай в поле — думает, ходит возле скота — снова думает, а уж как спрячется за горизонтом солнце, окутает землю теплая ночь — не знает, куда деться от тех дум. Великая беда грядет, что-то надо делать. А что? Что?

— Если и под осень дожди не выпадут, земля совсем окаменеет, не будет травы, — скажет жена, чувствуя

тревоги мужа. — Придется тогда скотину резать. Может, хоть так спасем себя да детей от голодной смерти.

— А это видела? — муж закипает при этих словах, словно вода на горячем железе, и тычет под нос жене почерневшие от каждодневной работы руки. — Это, говорю, видела? Она резала бы скотину. Вот тебе!.. — И пальцы сами складываются в кукиш. — Сказано: волос долог, а ум короток, как хвост у зайца. Да я... Да идите вы все на болота, хоть к чертовой матери катитесь все, а скотину под нож не дам. Слышала? Не пущу!

Рассвирепеет так, что чуть только возрази жена или заспорь — поколотит. Да где ей спорить? Смотрит, испуганная, словно язык проглотила от того, что услышала.

Где двое, там и беседа, где трое, а тем паче — пятеро, там уже вече. И все о том же: как жить будут? Где спасения искать, у кого?

— Надо идти к князю, — советует один.

— Да, — соглашаются остальные. — Надо к князю, позвать его на вече и сказать, чтобы не ходил в эту осень на полюдье, не брал с нас дань. Что дадим ему, если у самих пусто? Кроме пушнины со зверя да набела с коров, ничего не будет.

— Скажете тоже: набел... Да с чего ему взяться, если скотине уже сейчас нечего есть, зимой же и подавно не будет.

Что правда, то правда. Надо сойтись на вече и спросить князя: с кем останется он, если вымрут люди? Не кланяться надо и не просить, а позвать и спросить: «С кем останешься, княже?»

Мысль эта сверкнула, словно стрела Перуна в темной ночи, — кажется, у кого бельмо на глазу, так и тому ясно: ничего другого не остается, как сказать князю на вече: «Голод — такой же супостат, как и тать, что идет на нас ратью. Против того ты зовешь, против этого — мы зовем. Станем плечом к плечу и будем заодно, если не хотим погибнуть».

Поселяне были едины, и клич — «На вече! На вече!» — зародился сразу как будто по всей земле. От села к селу, от веси к веси скакали гонцы и вестники; дудари и волхвы, просто перехожие люди оповещали о том же всех, кого встречали; везде и всюду глашатаи сзывали поселян на вече — без промедления!

Вепра этот клич застал в Веселом Долу и ударил по наболевшему, словно ветер по струнам. Тиверский люд

зовет князя на вече. Может, это как раз тот случай, которого так ждал Вепр. Надо решаться, другого может не быть. Может, тут он и возьмет Волота за горло и скажет: «Подохни, если такой!» Стоит стронуть камень — и пойдет лавина, которая раздавит всех и вся, что будет стоять на пути. А камень такой есть. Он, Вепр, не напрасно верстал дороги Тивери, отыскивая себе союзников и приглядываясь к людям.

События подгоняли время, и Вепр не медлил: оседлал лучшего коня и, вскочив на него, погнал в лес, а лесом — к жертвеннику под Соколиной Вежей.

Подойти с конем к дубу Перуна или даже к загородке вокруг него — значило оскорбить жертвенник. Вепр не рискнул на святотатство, тем более на гнев Жадана, — он оставил коня поодаль и, прежде чем постучаться в калитку, огляделся, нет ли где посторонних.

К калитке вела стежка, по сторонам которой белели черепа принесенных богу жертв. Увидев их, Вепр невольно замедлил шаг и бросил взгляд дальше, на дупло разлапистого дуба, а уже когда увидел божью обитель, и вовсе замер: было такое чувство, будто стал перед самим божеством и должен быть наказан за то, что посмел стать. Переборов этот неожиданный страх, Вепр открыл калитку и лицом к лицу встретился с Жаданом. Волхв стоял на пороге хаты и пытливо, если не подозрительно, смотрел на вошедшего.

— Мир тебе, властелин тайн земных и небесных, — поздоровался Вепр.

Волхв отмолчался. Потом, словно уверившись в чем-то, прогудел зычным, как из бочки, голосом:

— Несешь в сердце злобу, а желаешь мира?

— Где гнев, там и злоба. Но не я высек ее из камня бытия нашего, высекли другие. Кроме того, не на тебя направляю я стрелы гнева своего и злобы своей.

— В божью обитель не носят стрелы, даже когда они предназначены для других.

— А где же искать спасения, если сердце распирает злоба? — искренне возразил Вепр. — О тебе слава идет как о властелине небесных тайн, ты служишь богу и общаешься с ним. К кому же идти, как не к тебе, кто еще скажет: где и как искать?

— Смирись — и найдешь утешение.

— Я — ратный муж. Смириться не могу.

— Гнев твой — на князя?

— На него.

— Я князю не судья.

— А боги? Сделай так, чтобы Перун покарал Волота, и огонь мести, неугасимой злобы сам погаснет во мне.

— И без того боги карают народ наш, а заодно и князя. Видишь, сожжено все, голод будет. Тебе мало этого? Ты большего хочешь?

— Голод не для князя, он не возьмет его за глотку. А я желаю мести именно князю.

— Боги справедливы, они могут повернуть гнев свой не на князя, а на тебя: потерял сына, потеряешь и дочку.

Вепр задумался.

— За что же может упасть на меня такая кара?

— За то, что сильно хочешь ее другим.

— Да, хочу. Мое нутро горит, кровь требует. Сделай, чтобы я мог отомстить, и получишь все: поле, богатства, скотину, захочешь — Веселый Дол отдам тебе. Не просто жрецом — властелином станешь.

— Пошел прочь! — разгневался Жадан. — Ты хочешь, чтобы я торговал божьей волей? Пошел прочь!

И Жадан так решительно двинулся на него, что Вепр, побывавший во многих переделках, пал духом и отступился, ушел за изгородь.

— Одумайся, Жадан, — крикнул уже оттуда, — я дело говорю. Другого случая у тебя не будет. Подумай, я еще подожду.

— Гад ползучий в образе человеческом! — прогудел Жадан. — Прочь, сказал! Не только тебя, тени твоей видеть не хочу.

Он кричал так, будто гневался на весь свет. Когда же Вепр отступился от него, Жадан упал перед священной обителью Перуна на колени, поднял кверху скорбный лик, протянул к дуплу руки.

— Огненный боже, великий Сварожич! Ты видел гнев мой и видишь муки мои. Отведи и заступи от всего злого и лукавого! Вырви из сердца занесенное злой личиной смятение, не дай созреть искушению во мне, самой пагубной слабости человеческой. Слышишь, Перун? Не дай упасть ниц! Век буду верен тебе, только удержи от соблазна!

Князь и его мужи, советники не были равнодушны к тому, что делалось и к чему шло в земле Тиверской. По-

нимали: великая может быть беда, если пойдут от Меотиды обры, а земля в пагубе, люди упали духом и обессилены. Если дойдет до нападения чужеземцев, будет ли кому меч поднять и защитить землю от напасти? Переживет ли Тиверь такую беду?

— В эту осень придется не ходить на полюдье, — говорили одни. — С кого править правеж, если горе постигло всех. Взять ничего не возьмем, только людей раздразним.

— А чем кормить тех, кого придется звать на сечу с обрином? — спрашивали другие.

Князь слушал эти споры и хмурился. Было от чего. Первые говорили правду, а вторые и подавно: чем кормить тех, кого придется позвать под свою руку, если пойдет обрин?

Он ничего не ответил мужам, выслушал и повелел идти, думать дальше. Сам засел в тереме. Все думал и ждал чего-то, и дождался: на площадь под городом повалил отовсюду поселянский люд. Были там конные, были и пешие, одни при броне, другие с голыми руками. Кто в каком достатке жил, тот таким и явился.

Позванный князем воевода рта не успел открыть — Волот спросил:

— Что делается, Стодорка? Зачем собирается народ?

— Послухи там уже, — кивнул воевода на площадь. — Сейчас все узнают и скажут. Но и без них ясно — собирается вече.

— Кто собирает? На чей клич сходятся?

— Наверное, голод зовет. Надо быть поосмотрительней.

— Советуешь не идти, если позовут?

— Нет, почему же. Не идти нельзя. Однако будь мудрым со своим народом и не скупись на обещания.

За стенами стольного города шумела, бурлила все громче толпа.

— Есть ли кто из южных городищ? — спрашивали старейшины.

— Есть, есть!

— А из северных?

— Нет.

— Почему нет! Вон там, — показывали в сторону.

— Тогда будем ставить вежицы и звать князя.

И снова забурлила площадь. Одни копали ямы под столбы, другие несли бревна, свежеотесанные доски и обаполы. Затюкали топоры, перекрывая людской гомон. Лишь

ржание коней или чей-то уж очень громкий крик могли одолеть многоголосье на площади.

Время шло к обеду, солнце припекало все сильнее. В толчее людей и коней, когда не было рядом ни воды, ни тени, чтобы укрыться, жара казалась особенно невыносимой.

— Зовите уже князя! — кричали самые нетерпеливые.

— Да, зовем князя!..

Им никто не перечил, однако никто и не поспешал: старейшины знали порядок и не шевельнули бы и пальцем, пока не было бы готово все для встречи с князем.

Когда же раскрылись ворота и бирючи зычно оповестили: князь Волот и лучшие мужи, исполняя волю веча, идут на вече, толпа заметно притихла, а потом и вовсе как онемела. Не то поразило ее, что князь согласился стать перед тиверским народом и выслушать его, а то, наверное, что князь появился в простом одеянии, без княжеского убора. Ехал на белом, как заморское диво, пританцовывающем коне, сам в белой, довольно расхристанной сорочке, в ярко-красных ноговицах и таких же красных — из бархата — чадигах. Ни сбоку, ни возле седла никакой брони. Обычный поселянин, как и большинство собравшихся здесь.

— Братия! — выехал вперед стольник. — Князь целует старейшин, тысяцких, посылает поклон свой ролейным старостам и всему тиверскому народу!

— Низкий поклон и тебе, княже! — вышли вперед те, кто собирал вече и кого выбрали предводителями на вече. — Поклон и благодарность за то, что пошел на разговор с народом своим. Беда постигла нашу землю. Становись, княже, на вежицу, чтобы все видели тебя и слышали, хотим совет держать вместе с тобой.

Подождали, пока князь взойдет на вежу, и начали громкий, чтобы все слышали, разговор.

Не преувеличивали, жалуясь на беду, — она и так без меры огромная, — и не жаловались ни на кого. Кого винить, если карают боги, если только им ведомо, кто и чем провинился. Одно у тиверцев утешение, одна надежда, что провинились не все. Поэтому люди и собрались на вече, хотят спросить князя: как спасти от неминучего голода и смерти невинных — детей, отроков, тех, кто пусть и виноват, но все же не так сильно, чтобы расплачиваться смертью?

Люди немало думали перед тем, как идти на разговор

с князем, — говорили только по делу. И держались достойно: да, видели безысходность, чувствовали свою обреченность, но не склонялись, не падали на колени. Знали: никто другой, только князь может спасти от беды, а достоинства не теряли, не ползали перед ним. Как не прислушаться к таким и не сказать: что могу, то сделаю?

Однако сказал он это не сразу. Начал с того, что у князя много хлопот. У них, поселян, только и забот, что об умножении скота, о набеле в макитрах да жите в берковцах, им только и думать, что о хлебе насущном — для себя и детей; а ему, князю, надлежит думать не только о себе, семье, многочисленной челяди и еще более многочисленной дружине, — он еще должен заботиться, чтобы стояла нерушимо, и в мире жила вся Тиверская земля, чтобы была вооружена и имела крепкий дух конная дружина. Пусть люди задумаются об этом и пусть знают: не так просто князю поступиться тем, что должен взять от поселян. Однако князь ведает, какая беда постигла их. Ведает и понимает: один — он не опора Тиверской земли. Над кем княжить будет, если голод возьмет людей? Кто будет оборонять землю, если останется на ней лишь с дружиной? Потому и решается поступиться своим: эту осень не пойдет на полюдье и не будет править правеж. Народ тиверский сплатит то, что задолжает, в следующие три года.

Радость обуяла поселян от его слов. Не сразу и переварили ее. Молчали сперва как завороженные, а потом уж очнулись, закричали все в один голос:

— Слава щедрому и мудрому князю! Слава и почет! Почет и слава навеки!

Волот подождал, пока угомонятся, и тогда досказал все, о чем думал у себя в тереме.

Это правда: отмена дани — большое облегчение для всех, но не помощь. Чем поселянин будет кормить детей зимою, весной? Голод — страшное дело, может выкосить всех и вся. Потому он, князь, в этот горестный для Тиверской земли час призывает и своих мужей, и хозяев земель, и всех, кто может хоть что-то дать или одолжить голодному, — помочь народу. Земля, как никогда, требует опоры, а сейчас первая ее опора — те, кто поделится всем, что есть в амбарах, с другими.

— Правильно! Пусть будут мудрыми и щедрыми, как князь!

Столь искренними были общее возбуждение и радость,

что голос князя едва прорывался через возгласы ликования. Тогда Волот поднял руку, успокоил вече и продолжал:

— Князь и его советники... — помолчал он немного, чтобы люди сосредоточились и не пропустили его слов, — князь и советники пришли к мысли и выносят ее на вече как закон: в это неурожайное лето леса и воды Тивери должны быть открыты для всех. Княжеские они, лучших наших мужей или общинные — каждому разрешено прийти туда и взять себе дичь или поймать рыбу в речке или озере. И дичь и рыба — дармовые дары земли, а дармовыми дарами стыдно скупиться в беду, да и перед богами вина будет.

— Здравица князю-добротворцу! — выкрикнул кто-то, и площадь многоголосо подхватила:

— Да будет единение между князем и народом земли Тиверской! И ныне и навеки! Ныне и навеки!

Казалось, люди подступят сейчас к вежице, поднимут вместе с ней своего князя и понесут, воздавая великую хвалу тому, в ком видели заботливого отца, мудрого властелина, строгого и справедливого князя. Но до этого не дошло. В возбужденной толпе, среди обнадеженных ратаев и ремесленников, бортников и ловчих, среди сотен простых людей нашлись и недовольные. Они держались кучкой близ вежицы, с которой говорил князь.

— Опомнитесь, безумные! — один из них, рассвирепев, выступил вперед, потрясая посохом. — Уймитесь, говорю вам, и образумьтесь! Или забыли, что есть вездесущие боги и есть кара божья!

Это был Жадан. Возле него теснились, пока отмалчиваясь, но явно не соглашаясь с вечем, волхвы.

Князь, похоже, не ожидал подвоха от пригретого им волхва, но едва тот заговорил, Волот ощутил тревогу — он понял, что тот не на его стороне.

— Ты чем недоволен, Жадан? — спросил стольник. — Что обидело или смутило тебя в заслуженной и достойной хвале народа?

— А то, стольник, что сказал: есть боги и есть кара божья. Или забыли, что самый первый почет — богам, а потом всем остальным.

— Разве народ наш забыл богов? Или не уважает, не чтит их?

— Значит, забыл, — стоял на своем Жадан, — коли разговор на вече начали не с похвал, не с дани богам —

как заведено от веку, а сперва о себе заговорили. Кто подумал, кто вспомнил, что засуха — кара, посланная богами за провинности? Боги зря не карают, они не карают невинных.

«Этот волхв много на себя берет, — окончательно убедился князь. — Я поспешил, передоверив ему свою обязанность — быть жрецом при капище Перуна».

— Ты ошибаешься, Жадан. — Волот заступил собой стольника. — Мы не забыли о богах. И мы говорим здесь: хотя в краю недород, хотя поселяне ничего не взяли с поля, они не должны забывать, что есть боги и есть их долг перед богами. Не только князь, но каждый обязан приносить им на домашнем своем огнище жертву и просить у богов прощения за грехи и провинности.

— Верно, каждый! — подхватили княжье слово предводители веча.

— Вина ваша, а в жертву приносить скотину? — съехидничал один из волхвов, прятавшийся за широкой спиной Жадана. Подначку эту пропустили бы мимо ушей, да, видно, этого не хотел, а может, затем и прибыл сюда Жадан, чтобы не пропустить нужного ему слова.

— Или вы не видите? — напрягая громоподобный голос, выкрикнул Жадан, указывая посохом через головы вечевой толпы. — Не видите, спрашиваю, какая великая кара упала с неба на народ тиверский? Домашними жертвами от такой кары не откупишься!

— Как так? Почему?

— А потому, что земную тварь мы уже приносили богам в жертву. Тварь очистила себя от скверны, а кара как шла, так и идет. Неужели не понятно вам, что пришел час очиститься людям?

Сказанное волхвом прокатилось над площадью волною оцепенения. А что, коли он прав? Оно ведь вроде и так: тварь очистила себя, а гнев божий не спадает, кара простирается над Тиверской землей. И все же, в своем ли уме волхв? Уж и забылось, когда приносили в жертву богам людей. Давным-давно, во времена страшного мора, когда тиверцев умерло столько, что трупы лежали и дома, и в лесу, и на дорогах, и возле дорог, — тогда люди слепли от страха и на все соглашались. Однако, пережив страх, люди, казалось, что-то поняли, и князья и волхвы тоже поняли, и если вспоминали ту беду, то лишь для того, чтобы предостеречь кого-то: не делай так, не накличь беды; вон что бывает, когда не слушают старших и идут

против закона и обычая. Сегодня же говорят: тварь не виновата, виноваты люди, пусть тянут жребий и отдают того, кому выпадет, в жертву богам. Согласится ли вече на это, даст ли согласие князь?

— Люди давно не очищали себя, это правда, — первое, что нашел сказать князь, обращаясь к волхву. — Но правда и то, Жадан, что очищение стоит самого дорогого — человеческой жизни. Уверен ли ты, что иначе богов не умилостивим?

— Уверен, княже.

— Чем докажешь это?

— Гневом божьим. Дождя не было с весны, как сеяли нивы, не будет, если не умилостивим богов, и тогда, как придет время засевать их осенью.

— А если будет? Ведь если боги смилостивятся до осени и пошлют дожди, то на костер пойдешь ты, как лживый жрец, который торгует божьим повелением.

— Знаю, княже.

— И стоишь на своем?

— Да, стою.

— Тогда выношу это на суд веча. Моя воля такая: подождать конца лета. Если не выпадет дождя до засева нив осенью, потянем жребий. На кого укажут боги, тот и будет принесен в жертву.

Вече теперь не кричало: «Слава мудрому князю!» Но и не молчало. Оно загудело, забурлило, как океан-море под бурным ветром. Одни размышляли, другие спорили, третьи были согласны с князем.

— Пусть будет, как говорит князь!

— Думаете?

— Почему бы и нет? Если на то воля богов, должны умилостивить.

— Только не жизнью князя и его семьи.

— Это верно. Где такого возьмем, если потеряем? Хорошо ли, чтобы князь-добротворец расплачивался за наши провинности?

— Так и скажем: жребий тянуть всем, кроме семьи князя?

Слово взяли те, кто сзывал вече:

— Согласны ли с этим: если до осеннего сева пойдут дожди, покараем, как лживого жреца, вещего волхва, если нет — принесем в жертву богам кого-то из поселян?

— Согласны!

— На том и заключим договор.

XI

Предсказание Жадана стало горькой правдой: дожди так и не выпали за лето. Выгорели не только нивы, голой сделалась вся безлесная часть Тиверской земли, во многих криницах упала, а то и совсем исчезла вода. В последний день первой седмицы осени съехались в Черн самые уважаемые мужи, идет малое вече, названное советом старейшин, а решения совета нет и нет. Оно и неудивительно: пришло время умилостивить богов человеческими жертвами, а на совете не найти таких, кто отнесся бы к этому равнодушно.

Большинство склонялось к мысли: кара идет от Хорса. Тиверь изменила ему, своему верному богу, после исцеления княжича возложила все надежды на Перуна. Отсюда смертельный гнев, отсюда и беспощадная кара. В этом никто не сомневался. Жертву приносить Хорсу и только Хорсу.

— А кто же будет брать жребий? — спросили с дальней скамьи. — Только отроки и девицы или весь народ?

— Издавна жребий метали на отроков и девиц. Пусть так и будет.

— Почему это должно быть так?

— Потому что так было.

— Ну и что?

— Если это «ну и что», то скажите другое: зачем богам старые кости? Разве старыми умилостивите богов?

— А все же старые и грешили больше. Им бы и отвечать. Почему за них должны расплачиваться отроки и девицы?

И пошло, слово за слово, на спор. Кто говорил: отроков и девиц соединяют со старыми кровные узы, это будет плата и за себя, и за родичей. Другие возражали, ссылались на тех же молодых, которые говорят, что на старых, мол, потому не мечут жребий, что решение принимают старейшины. Значит, оберегают себя, детьми и внуками откупаются.

— Не оскверняйте себя непотребными речами, — взял верх сильный голос. Это вышел, требуя тишины, князь Волот. — Старейшина Доброгост правду сказал: будем тверды, не будем забывать — на нас вся Тиверь смотрит, она ждет от нас мудрости, а не ссоры. Что скажет совет старейшин, то станет законом для всех.

И мужи усмирили страсти, стали поуступчивей друг с другом и так сумели договориться. Решили, чтобы никто ни на кого зла не держал, пусть каждый придет и возьмет свой жребий сам. Жребий должны брать все поселяне, кроме тех, которые еще невинны перед богами по малости лет.

И еще: чтобы не было споров и обиды, какая вервь должна первой тянуть жребий, какая — последней, пусть самые уважаемые старейшины вервей потянут прежде жребий на очередь. Это тоже будет воля богов, и пусть она будет превыше всего.

Князь Волот должен бы быть доволен и малым, и большим вечем тиверцев: ему, как никогда прежде, поверили люди, освободили его от жребия. Но не было утешения на сердце. Никто не переубедил князя, и вряд ли переубедит, что тиверцы будут довольны решением принести кого-то из них в жертву богам. Мало того, что все лето жара стоит, как в пустыне, что нет уже никакой надежды спастись от голода и мора, так еще и весь люд поднят на ноги, идет по дорогам к капищу Хорса. Разве легко оставить на произвол судьбы дом, хозяйство, идти в стольный град и не знать, возвратишься ли обратно, а если и возвратишься, то не к разграбленному ли очагу? Татей всегда хватало, а в лихую годину и подавно.

Тоскливо и тревожно у Волота на сердце. А все из-за Жадана. И чего он выскочил со своей угрозой, будто пес из-за тына: «Вы забыли, что есть вездесущие боги и есть кара божья!» Так, будто князь или старейшины не знают, что есть боги и каждый обязан приносить им жертву. Нет же, вспомнил давно забытое, возопил об очищении людей. А какая в том нужда? Откуда ему знать, что есть? От богов? Если так, то отчего тогда у богов такой странный выбор, что они только Жадана оповестили о своей воле? Ведь ему, князю и верховному жрецу Тиверской земли, знака не было подано. Нет ли за требованием Жадана человеческих жертв чего-то другого? Хотя волхв не может, не должен поступать во зло людям и князю. В конце концов, это князь пригрел его, князь сделал хранителем и жрецом при капище Перуна. Неужели это можно забыть и за все отплатить злом?

— Отче, — в дверях появился сын. — Я к вам с челобитной.

Взглянув на сына, князь подумал, как давно не видел Богданко, не заметил даже, как сильно сын изменился за лето. Вон какой вымахал, стал чуть не вровень с отцом.

Разве в плечах подробне́й. А в глазах сына заметил печаль и тревогу. Сказал:

— Говори, слушаю.

— Зоринка Вепрова идет вместе со всеми к капищу Хорса, будет тянуть жребий.

— Такова воля веча, ничего не поделаешь.

— Неужто ничего? А если возьму ее в жены? Тогда она будет княжеского рода и, значит, свободна от жребия.

— Думаешь, Вепр отдаст ее тебе?

— Теперь отдаст. Люди говорят: боги выбирают лучших, а Зоринка самая лучшая. Разве Вепр не понимает, какая гроза собирается над ней? Неужели и тут не смягчится его сердце?

— У любого смягчится, только не у Вепра. Не согласится он на родство с нами.

Богданко переменился в лице.

— А если согласится? Почему не пойти к нему и сказать...

— Говорили уже, сын. Унижались, просили, хватит уже!

— Это же когда было!..

— Я сказал: хватит! Не Вепр в нашей земле князь — я. Почему я должен бить перед ним челом и раз, и два, и три?

— Тогда... я умыкну ее.

Казалось, Богданко решил это так твердо, что исполнит задуманное тотчас же. Князь почувствовал это и поспешил наложить запрет. Это бог знает что! Не хватало только, чтоб у Вепра появились основания чернить князя: «Видели, какой у нас князь? У него воеводы хуже слуг, делает с ними что хочет!»

— О татьбе и думать не смей, слышишь? — пристрожил сына.

— А что мне остается, если даже отец не хочет подумать обо мне!

— Зоринке это тоже не радость будет. А потом — против нас поднимутся лучшие мужи. Эта пагуба сразит не только тебя.

— Лучше, если Зоринка пойдет на огонь?

— На то воля божья.

— А на это — моя! — выпалил, уходя, покорный до сих пор князю сын.

Волот вскипел от его дерзости.

— Я отрекусь от тебя! — крикнул вдогонку. — Ни тебя, ни твоей Зоринки не приму. Где знаешь, там и живи, майся как хочешь, но под моей крышей вам места нет.

Тревога и тоска не оставляли его. Богданко сел-таки на выученного за время науки у дядьки коня и уехал из Черна, а куда и что учинит — только богам ведомо. Если выкрадет девку и убежит с ней куда глаза глядят — плохо, а попадет в руки Вепра — и того хуже. От помешанного на мести душегуба всего можно ожидать. Хитрое ли дело — настичь отрока, который будет убегать с девкой, и убить его? И будет чем оправдаться, если спросят, зачем поднял руку на княжича? «Я не видел, — скажет, — кто крадет, с меня достаточно, что уж в другой раз воруют».

«Придется бросать все, ехать следом, — подосадовал князь. — Не иначе как в Соколиной Веже будет подстерегать Зоринку. Туда же и с краденой девкой подастся. Куда же еще!»

Стараясь не пугать Малку, Волот все же открыл ей свой разговор с сыном, сказал, что собирается сам в Вежу.

— Может, не мешать ему? — спросила она несмело.

— Ты так думаешь?

— Богданко правду сказал: сейчас такое время, что не до счетов, кто князь, кто воевода. Коли у тебя гордыня не хуже, чем у Вепра, я сама поеду к нему, скажу, если не хочет, чтобы Зоринка пошла на огонь, пусть отдаст ее за Богданко, да и забудем все, что легло меж нашими родами.

Князь вздохнул, раздраженно потер лоб.

— Ты, Малка, так любишь сына, что в слепоте своей видишь не дальше его. Только дитя малое может еще верить в здравый смысл Вепра.

— А как же ты столько лет верил ему?

Наверное, это было лишнее. Князь не нашелся, что ответить жене, и рассвирепел еще больше.

— Пока будем переливать тут с тобой из пустого в порожнее, этот безумец может натворить беды. Я еду, хватит!

И тогда, когда ехал мимо капища Хорса под разлапистым, с дедов-прадедов взлелеянным дубом, и позднее, когда выбирался на дорогу к Соколиной Веже, только и делал, что смотрел, как разминуться с людьми, что шли и

шли, согнутые судьбой-недолей, к капищу. Шли семьями и целыми селениями, с родителями и детьми. Молчаливые и изнуренные, почти без сил от жары, будто знают ужс: они — обречены.

— Из которой верви будете, люди?

— Из Надпрутской, достойный.

— И давно идете?

— Четвертые сутки.

Помолчал, провожая их печальными глазами, потом добавил:

— Помогай бог счастливо одолеть этот путь.

Неловко приструненный конь неожиданно рванул в сторону и, только когда Волот взял поводья в обе руки, пошел ровно, в полный мах.

Матери Доброгневы не было видно ни на подворье, ни на крыльце, и в доме не слышался ее голос. То ли спала, отдыхала старенькая, то ли пошла в лес. А впрочем, чего ей спать в такое время и зачем ей, старой, идти в лес? Волот громко постучал в дубовые ворота, чтоб услышала челядь, но стучать пришлось еще и еще раз.

— Потише, потише, — отозвался наконец кто-то умоляющим голосом. — Хозяйке нездоровится.

Служанка, открывшая ему, была одета слишком хорошо для простой челядницы — в белую, не по-здешнему сшитую брачину, в темную, затянутую цветным пояском полохту. Но не это бросилось в глаза князю. Где-то он уже видел это милое лицо, где-то слышал этот, как будто грудной, голос.

— Миловидка, ты?

От неожиданности она сцепила на груди руки и молчала, потупив взор. Когда же заговорила, не то сказала, не то, что хотелось услышать ему.

— Хозяйка ждет вас, княже.

Волот спрашивал, что с матерью Доброгневой, болеет чем или просто старость дает себя знать, а сам думал о Миловидке. Выходит, обманули его слухи, будто подалась она за Дунай искать в ромейских землях своего любимого. Никуда, значит, она не ходила, тут она, в Тиверской земле, даже в его вотчине... Спрашивал у матери, не объявлялся ли Богданко, о чем она говорила с ним, знает ли, куда тот и зачем поехал, а сам думал и думал о Миловидке... О боги, светлые и ясные боги! Не случайно же прибилась она к его дедовым владеньям, стала не просто челядницей — ключницей при княгине, в доверии у нее,

и мать Доброгнева смотрит на нее, как на дочь родную. Даже когда обращается к ней, так и говорит: «Пойди, дочка, да нагрей водицы, а нагреешь, налей в корчагу да поставь к ногам. Стынут они у меня». И видно: Миловидка рада, что хозяйка добра с ней, — старается, угождает старой, смотрит за ней, как за матерью. Как же она очутилась в Соколиной Веже? Убедилась ли, что напрасны надежды на возвращение лада из ромеев, или вспомнила, что обещал ей когда-то князь, или случай свел ее с матерью Доброгневой, и так и осталась при ней? Ох, нет. Случайно — нет! В Тиверской земле всякий знает, что Соколиная Вежа — родовое владение Волотов. Не могла и Миловидка не знать этого, а коли сама пришла в Соколиную Вежу, так неужели затем только, чтобы стать ключницей?

Поглядывал на возмужавшую и оттого ставшую еще краше, чем была, девку и тут же отводил глаза, чтобы ни она, ни другой кто не заметил его беспокойства и внимания к ней, и снова спрашивал сам себя: «Кто же ты теперь, Миловидка? Как понимать, что пришла-таки под мою крышу? Судьба ли снова сводит нас или на то твоя добрая воля?»

Мысли о ней чем дальше, тем сильнее беспокоили князя. Он понял, что уже не уедет из дома матери, пока не дознается, что случилось с Миловидой. Ведь он сам говорил ей когда-то, если, паче чаяния, не будет у нее своего очага — пусть не обходит его терем.

Волот вышел к дружинникам, старшим из них повелел:

— Ты, Ковач, бери двух мужей и езжай к Веселому Долу. Стань на опушке и следи, не объявится ли там Богданко. Если объявится или там уже, пойди и скажи: «По велению князя запрещаем тебе чинить разбой с дочкой властелина. Это недостойно княжича. Будь благоразумен и возвращайся туда, где надлежит тебе быть».

— Ты, Боян, — повелел другому, — скачи в стольный город и скажи воеводе Стодорку: как только боги укажут на свою избранницу или избранника, пусть сразу же даст знать мне об этом в Соколиную Вежу. Дни моей матери сочтены, должен быть при ней.

Больная ли требовала этого, или Миловида не хотела оставаться с князем без свидетелей, только до самой ночи сидела она у ног Доброгневы, не показываясь из спальни. Волот догадывался, что она боится попасть ему на глаза, и эта догадка подогревала в нем нетерпение. Он

наведался к больной раз — Миловидка там, второй — снова там. Оглянется, когда скрипнут двери, взглянет на него, как на какое-то диво, и быстро уступит место. Садись, мол, княже, садись и говори, чего пришел.

— Матушке все еще плохо? — спросил он Доброгневу.

— Не хуже, чем было, но и не лучше. Доживаю, сын, последние дни и хочу сказать тебе кое-что.

Миловидка подняла на нее испуганные глаза и, не спрашивая никого, тихо пошла к дверям.

— Куда ты, дивчина?

— Выйти надо. Оставлю вас на время на князя. Пока поговорите, я вернусь.

— Речь пойдет о тебе. Останься, если можешь.

Старая недолго думала, с чего начать разговор.

— Князь, сын мой единственный. Знаю, у тебя и без Соколиной Вежи забот хватает. Люди уповают на благодать, земля надеется на оборону. А времена тревожные. Что ни год, то новые заботы. Не успел помириться с ромеями, обры угрожают вторжением. И боги карают немилосердно. Мало того, что забрали преждевременно отца, братьев — опору, голод и мор шлют на нашу землю. Как справишься со всем этим, если будешь стоять один?

— Я не один, матушка-княгиня, со мной вся земля.

— Слышала, знаю. Да что с той земли, если она такая страждущая ныне? В беде, сам знаешь, поднимают головы не только тати — человеческая злоба тоже. Дедушка Власт, первый в этом доме, помню, говорил: «Добро идет плечом к плечу с достатком, а зло прет из злыдней человеческих, как вода из сильной почайны». На беду, и я не могу уже быть тебе хоть какой-то опорой. Не сегодня, так завтра пойду в Рай, Волот. Потому и говорю: на кого оставим огнище в нашем родовом гнезде — Соколиной Веже?

Волот задержал на ней печальные глаза, однако с ответом не торопился.

— Стоит ли беспокоиться этим, матушка? Вы были, вы и будете здесь хозяйкой. Болезни приходят и уходят, одолеете и вы свою.

— Старость, сынок, еще никто не одолел. Да и время не обманешь. Потому и спрашиваю: на кого оставим? Хотела бы знать.

Волот, волнуясь, поднялся, сказал:

— Как-то и не думал я об этом. Может, пусть теремный

смотрит пока за порядком? А там — Богданко возмужает, вступит в брак...

— Разве ты не знаешь, — помолчав, отозвалась Доброгнева, — какие достатки нажил этот муж, имея доступ лишь к полю да скоту? Нечист он на руку, сын. За много лет я ко всем пригляделась и вот что скажу тебе: лучшей хозяйки в Соколиной Веже, чем ключница Миловида, не вижу. Она и сердцем, и помыслами чиста. Много бед пережила, много горя узнала в свои-то годы. Ей бы я и поручила наше родовое огнище.

Князь, как мог, старался не выдать своих чувств. Знал: негоже сыну радоваться на смертном одре матери, а не мог не радоваться. Видят боги: такое решение только по их воле может быть. Простым смертным недоступно так круто и так неожиданно переиначивать человеческую судьбу. Подумать только: когда-то он был жестоко наказан богами за то, что посягнул на эту девушку, теперь же она, как по велению свыше, в его родовом огнище и ей старая мать доверяет стать хранительницей родительского огнища в Соколиной Веже.

— Слышала, что сказала княгиня? — спросил он Миловиду. — Я верю ее мудрости и ее опыту, слово ее для меня — закон. Что ответишь на это? Согласна ли быть здесь хозяйкой?

Если князь радовался, то Миловидка, видно, боялась того, о чем ее спрашивали. Она переводила взгляд с больной на ее сына, смятение стояло в ее глазах. Наконец справилась с собой, сказала:

— О лучшем я и мечтать бы не могла, князь. Ведь ни рода, ни пристанища никакого нет у меня на свете после того, что случилось в Выпале. Да смогу ли?

— Сможешь. Матушка знает, что говорит: честнее, чем ты, здесь нет.

— Этого мало. Хозяин, да еще в таком хозяйстве, должен иметь твердую руку. А у меня, — горько усмехнулась, — какая рука?

— Зато мысли у тебя чистые. А это лучшее, чем могут отметить боги тех, кого ставят возле огнища и рала. Я подберу тебе таких челядников в помощь, которыми будешь довольна. С ними и станешь хозяйствовать.

Видно было, что она и рада сказать: «Пусть будет так», да не отваживается. Вон как застыдилась и покраснела.

Князь не настаивал, да и считал дело решенным. Сказал матери:

— Вы поспите, матушка, наберитесь сил. Мы же пойдем уже. Думаю, договоримся с Миловидкой, как ей хозяйствовать в Соколиной Веже.

XII

Догорела одна свеча, потом другая, а Миловидка все рассказывала и рассказывала князю, что случилось с ней за все эти годы, как возвратилась в родную землю, как оказалась у княгини Доброгневы в закупах. Нелегко вспоминать прошлое — все, что было, вновь отзывается великой мукой в сердце. То голос задрожит у нее, надломленный этой болью, то печаль вдруг застелет взгляд, а то и вовсе — прикроет ладонями лицо, чтобы не видел он ее слез. Князь делает тогда вид, что он и не замечает их, — встает, тяжело меряет просторную в отчем доме клеть.

— Если бы ты знала, — сказал ей, — как ругаю себя за то, что отпустил тебя тогда, после освобождения, в Выпал. Поплакала бы, думаю, потосковала, да и успокоилась бы как-нибудь. Ведь такие тернии прошла!.. Кто бы еще выдержал такие раны и тяготы, что претерпела ты от чужих обычаев и законов.

— О-о, нет, княже! — возражает Миловидка, вытирая глаза. — Путь и правда был нелегкий, да разве легче было бы мне, останься я тогда в Черне? Тогда бы я не знала, где Божейко, что с ним, а не зная, горевала бы и таяла, как свеча, всю свою жизнь.

— И то правда, — согласился Волот, а ревнивое подозрение тут же всколыхнулось в нем и, кажется, помимо его воли. Подумать только: она предпочла ему, прославленному воину и князю, победителю ромеев, простого смерда, пошла за ним на край света. Чем же он так хорош был? Неужели он, князь, не мог дать ей то, что смерд? Неужели ничего такого, что видела в смерде Миловидка, она не увидела в князе?

— Ну, хватит, — подошел, положил ей руки на плечи. — Наплакалась, и хватит. Слышала повеление княгини? Наше родовое огнище — это, может, награда за все, что выстрадала по воле той же судьбы. Теперь и тебе, и мне надлежит исполнять веление матери — Доброгневы. И надлежит исполнять его нам вместе.

— Это, правда, такая неожиданная милость, — она доверчиво посмотрела на Волота. — Такая милость, что я поверить не могу и боюсь взять это на себя.

— А меня в расчет не берешь?

— Почему не беру? Беру и знаю: князь тоже желает мне добра. Только у него своих забот столько, что будет ли время заглянуть когда в Соколиную Вежу?

— Скажи только слово, — вспыхнул князь, — я не то что помощником, а мужем стану, советчиком, хранителем огнища и твоего счастья в этом огнище. И когда дела позовут в Черн или на сечу, часа лишнего не задержусь там. Полюбил тебя еще тогда... С тех пор, — признался, — и сердцем, и помыслами с тобой.

— Князь! — Миловидка вскинула руки, словно оборонялась не столько от Волота, сколько от его слов. — Зачем говоришь такое? У тебя дети, жена. А я...

— Будешь мне второй женой. Неужели не видишь — жить без тебя не могу. И кто знает, может, Лада и готовила нас друг для друга. Разве все, что случилось с тобой, и эта встреча могли бы произойти иначе, как не по воле богов? Неужели не могу быть тебе мужем? Неужели так противен тебе, что гнушаешься, словно Цура или Пека?

— Да нет, — призналась, — не противен. Я бы и не посмела чураться такого славного мужа, как князь Тивери. Но что скажет княгиня Малка, что люди скажут?

— Обычай не запрещает князю брать вторую жену. А кроме того, княжий род Волотов может погибнуть, если у князя будет только один наследник. И что возразить Малке, если она не может более продолжать род наш?

— И все же она скажет...

— Не бери в голову. Малка все поймет правильно. Я выбираю тебя первой женой, и воля моя непреклонна. Я всю жизнь искал тебя. Ты будешь моим солнцем — утехой, звездой манящей, пристанищем-отрадой в щедрой на хлопоты и заботы княжьей жизни. А еще знаю, верю, надеюсь, ты, Миловида, родишь мне сынов-соколов, дашь опору и мощь синеокой Тивери. Я же дам тебе все, что может дать муж и князь.

И страшно, и радостно было слушать его. Миловидка то пугалась, то удивлялась его речам, то опускала глаза, то смотрела завороженно, пока стыд не брал свое и она склоняла голову. А князь, почувствовав, что он на верном пути, дал волю речам и желанию своему, обнимал поникшую девушку и миловал ее, и эти ласки, и этот огонь в его словах, на которые князь не скупился, подтачивали и подтачивали под Миловидкой твердь. Боялась, что скажет

сейчас: хватит, не сомневайся, иди ко мне и будь моей — и она не сможет ему возразить.

«Боги светлые, боги ясные! — пронеслось в голове. — Как же это так вдруг и все сразу? Будет ли это в радость? Разве я такого милования и брака ждала?»

— Я верю князю, — она еще пыталась защититься словом. — Верю и склоняюсь к нему сердцем. Но разве до этого сейчас? Завтра или послезавтра надо идти в капище, тянуть жребий. Что, если он выпадет мне, если не тебе буду принадлежать — богам?

— Это будет завтра или послезавтра.

— Ой, князь! — испугалась. — Что ты говоришь?

— А то, что слышишь. Даже богам я не отдам тебя. Придет день, проснется народ — и я оглашу, что девушка из Выпала по имени Миловидка дала согласие стать моей женой. Ты будешь принадлежать к княжеской семье, тебе не придется тянуть жребий.

Легкий стон вырвался у нее из груди, она прислонилась к князю, как к последней своей защите. Чувствовала: это конец. Князь не только обнимает, целует и ласкает ее, он уже горит желанием и ничем не остановить его. И ей не хватает сил противиться ему, она тоже в плену огня. Вот сейчас подхватит ее, легонькую и податливую, сильными руками и понесет на ложе и уже не будет спрашивать там, хочет ли она принадлежать ему...

Сознание этого, казалось, могло бы побудить ее хоть к какому-то сопротивлению. Но Миловидка даже не помышляла об этом. Сдерживала, волнуясь, дыхание и словно таяла, сгорала в пламени, рожденном в сердце. И именно тогда, когда она, изнемогая, почти потеряла сознание, послышался стук в ворота и чей-то зычный голос.

— Княже! Иди и чини требу. Боги уже указали на свою избранницу.

Миловидка испуганно выпорхнула из объятий Волота, не зная, куда деть себя от стыда и тревоги. Внезапное вторжение вмиг отрезвило князя. Лицо его будто окаменело, а вид был такой, что погнал бы сейчас всех прочь, но он — князь. И Волот переборол недовольство, пошел к звавшим его. Миловидка знала, он скажет там слово-другое и вернется. А что же она? Как быть? Сопротивляться, как тогда, в шатре, звать на помощь? Кого звать, зачем? Если нет Божейки, если самые сладкие годы ушли на скитания, кого еще ждать, на что еще надеяться? Может, и в самом деле все складывается так, как хочет покровительница брачных уз — Лада? Или ей, Миловидке, страшно оттого, что избранником сердца будет князь? Но чего же ей бояться? И почему ей не верить ему? Волот — достойный муж. Правда, не молод, но такие ли это лета, чтобы тревожиться?

Рывком отворив двери, князь стремительно шел к ней. Она видела, как обрадован он тем, что избавился от посланцев из Черна, — что послы, он другой мыслью охвачен, он снедаем страстью и уже ничто не остановит его.

— Княже! — сказала она, едва справляясь со своим трепетом. И протянула руки к нему, и склонилась пред ним, словно перед божеством. — Если хочешь быть желанным в браке, сдержи себя, не торопи назначенный нам судьбой миг.

Он даже не остановился. С ходу сгреб ее, будто коршун, налетевший на горлинку, и, подняв, сказал взволнованно:

— Тот миг давно упущен. Хочешь не хочешь, а надо наверстывать упущенное.

— Тогда... — она, как утопающий за соломинку, ухватилась за единственную, спасительную для себя мысль. — Тогда пойдем к твоей матери, пусть благословит нас. Иначе я не осмелюсь, княже. Ее согласие снимет с души все проклятья, откроет путь к супружескому союзу.

Она говорила так искренне, так доверчиво и в то же время так боялась, что теперь он испугается и отступит перед новой преградой, что сама крепче, может и не замечая этого, обняла его.

— А почему бы и не спросить матушку?! — легко согласился он. — Разве я прячусь от нее? Утром уже не только мать-княгиня, вся земля будет знать о нашем браке, о твоем доме в Соколиной Веже!

Сильной рукой он раскрывал двери и вел за собой Миловидку. Подойдя к спальне матери, остановились и переглянулись.

— Мать-княгиня, — хотя и тихо, но с торжественностью в голосе обратился Волот. — Слышите, мать-княгиня? Во имя блага земли и нашего рода-племени благословите сына и его избранницу на желанный брак.

Оба склонили головы перед слабо освещенным ложем, на котором лежала старая княгиня, ожидая ее благословения, но княгиня не отозвалась. Недоумение, что отразилось на лицах Волота и Миловидки, сменилось страшной догадкой.

— Она... — Миловидка чуть не вскрикнула от отчаяния. — Она мертва, княже...

Волот молча приклонил к материнскому ложу буйную голову, сдерживая тупую боль. Недолго стоял он так, как изваяние, но кажется, вся жизнь прошла перед ним. И вся невысказанная любовь к матери как бы поднялась в нем в эти мгновения. Невыразимая тяжесть обвалилась на могучие плечи — кажется, ни встать, ни подняться уже недостанет сил. Но Волот встал. С трудом перевел дыхание, посмотрел на Миловидку, на которой лица не было, и твердо, как жене, сказал:

— Успокойся. Теперь ты хранительница очага в родовом доме Волотов. Собирай мать в последний путь, готовь по ней тризну. Вытри слезы и берись за дела. Мне же пора ехать — время отдать богам выбранную ими жертву. Управлюсь — сразу же и вернусь. Жди.

XIII

Любопытных до зрелищ всегда хватает, а здесь и зрелище было не рядовое. Не из стариков, не из отроков и мужей выбрали боги себе жертву, они указали на молодую, красивую девку из Колоброда. Как же не пойти и не глянуть на нее, если она, божья нареченная, так, говорят, хороша собой, что не краше ли царевны, которая искупалась в молоке морской кобылицы. Шестнадцать лет ей только, станом высокая, стройная, и белое ее тело такое нежное, что и дотронуться до него боязно. А какая у нее коса пышная и длинная, какие брови изогнутые, глаза ясные, щеки румяные, — ей бы только свету белому радоваться, а тут... Старые женщины уверяют: Хорс будет доволен невестой, значит — смилостивится над людьми. Смилостивится ли?

Это была старшая из дочерей властелина, Ласкавица. Ее, как только взяла она уготованный судьбой жребий, уже не пустили к родным, отдали на руки старых женщин, чтобы оберегали и готовили к встрече с богами. Перед тем как выйти на последнее свидание с народом своим, божью нареченную трижды выкупают в купели с благовонными травами, потом оденут в белоснежную, из тонкой заморской паволоки тунику, в кикладу из прозрачной ткани, такую яркую, что о ней не всякая царевна может мечтать. Затем вправят в уши подвески, наденут золотую гривну, увенчают венком-диадемой. И тогда

увидят люди, что это не девка с земли Тиверской, а сама богиня выйдет к ним, ослепит своей красотой народ.

— Бабусь, бабусь! — дергает за полу и умоляюще смотрит на старую чья-то девчушка. — Ласкавица выйдет к нам?

— Выйдет, внучка, но не к нам, — вытирает слезы и печально вздыхает та. — На огонь пойдет, богов в Раю ласкать.

— А потом?

— И потом — тоже. Не видать нам уже ее личика белого, не слышать речей медовых.

— Разве Рай так далеко?

— Ой, далеко, горлица ясная! Так далеко, что не будет уже нам от Ласкавицы ни ответа ни привета.

— Зачем, старая, пугаешь дитя? — косится на старуху косматый, подвязанный веревкой муж. — Девка удостоилась ласки божьей, в почете и славе будет ходить по вечнозеленой поляне Рая, а она — ни ответа ни привета.

Старуха тоже знает, что сказать:

— Послал бы волхв свою дочку, коли такой щедрый.

— А и послал бы, если бы она у него была да богам понравилась.

— Вот то-то. Потому и щедрые, что чужих посылаете.

— Тьфу! — сплюнул в ее сторону косматый и исчез в толпе.

Капище Хорса не входило в черту стольного города земли Тиверской. Оно пряталось от людского ока в лесу, под скалистым обрывом. Но стежка к нему хорошо известна.

Плотники загодя смастерили высокую лодью с обличьем Хорса и поставили ее на дубовые паколы. Под лодью наложили наколотых дров, сухих, таких, что пылают факелом. У дуба же под скалой, в котором сама божья обитель — дупло, разбит высокий, ярко-желтого цвета шатер. Там, в шатре, должно произойти первое свидание Ласкавицы с богом. Объявится перед ней до блеска ясный, доброликий, улыбнется радостно и скажет: «Ты мне нравишься, девушка, беру тебя». Поцелуй его будет болезненным, но лишь на миг. После этого настанет сладкое забытье, и пока оно продолжается, положат божью избранницу в лодью и предадут огню. Ясный Сварог возьмет ее на свои сильные руки и понесет вместе с лодьей через океан-море на Буян-остров, в страну вечного

лета и вечнозеленых садов. А уже когда поселится Ласкавица в божьих хоромах, когда поженится с богом и усладит его усладами любовными, тогда уже она вспомнит и о них, поселянах земли Тиверской, тогда упросит светлоликого Хорса, чтобы не палил их нивы своими огненными стрелами, чтобы дал земле плодоносную силу, а людям — блага земные, утешение и надежду на жизнь.

— Идет уже! Идет! — прокатилось волной над толпой. — Божья невеста идет!..

От города к капищу Ласкавица шла не одна. Впереди, на расстоянии двух-трех сулиц, князь, за князем в сопровождении двух старых женщин в одежде жриц — Ласкавица. За ними охранники при полной броне. Их было немало, но не они попадали на глаза, не на них заглядывался народ тиверский. Только на божью невесту смотрели, только ее и видели. Очень она хороша была. Такой в Тиверской земле и не видели.

Пока Ласкавица и сопровождавшие ее приближались к капищу, неподалеку от шатра собрались в круг девы и женщины из стольного города. Народ обратил на них внимание, когда они слаженно запели:

Деве прекрасной слава навеки!
Слава и хвала! Слава и хвала!
От рода до рода,
От края до края
Слава и хвала, слава и хвала!

— Слава и хвала! — подхватила здравицу и толпа. — Хвала Ласкавице! Слава божьей невесте.

— Иди к нему, красная девица, да будь щедрой с ним! Ублажи ясноликого Хорса, пусть смилостивится над нами, над детьми да скотиной нашей и не жарит, не пепелит злаки земные!

— Пусть живет в ладу со всеми богами ясными и надоумит их, чтобы не скупились на дожди, поливали землю набелом дев поднебесных, помогали расти и зреть житу, пшенице и всякой пашнице!

— Будь щедрой и упроси!

— Будь доброй и послужи нам! На тебя уповаем, ждем от тебя!

Одни старались стать поближе к Ласкавице, чтобы она услышала их, другие протягивали к ней руки, опускались перед божьей избранницей на колени, третьи старались заглянуть ей в глаза — пусть не забудет о них, когда станет счастливой. Слышала ли Ласкавица их? Она

смотрела на людей и то ли удивлялась им, то ли соглашалась с ними, кивала головой всем и как-то неуверенно улыбалась.

— Она хмельна! — заметил кто-то, кто не кричал и не просил о заступничестве. — Смотрите, она хмельная!

— А вы хотели, — упрекнули сбоку, — чтобы трезвой шла на жертвенник? Первое и последнее пристанище у девушки. Почему бы и не выпить перед ним?

Князь тем временем подошел к капищу, повелел что-то женщинам. Те взяли Ласкавицу под руки, повели к шатру. Ласкавица оглянулась раз, другой — кого-то искала, даже звала и рванулась было, но ее удержали, легонько подтолкнули, и она вошла в шатер.

Мужи стали по обе стороны входа, у полога, хор запел величальную, воздавая хвалу уже не девушке, а богу Хорсу, всесильному и всемогущему, на которого уповал народ, от которого весь народ ждал заступничества и благодати.

Пение ли угомонило возбужденных поселян или то, что должно было произойти сейчас, но люди притихли, примолкли, и когда тишина вокруг капища сделалась почти невыносимой, душераздирающий крик раздался из шатра. Отлетел никем не придерживаемый полог и оттуда выскочила полуобнаженная, неузнаваемо испуганная Ласкавица.

Да, это была она. Порываясь бежать — хотя как? куда? — она не просто просила о помощи, она взывала о спасении. И кто-то откликнулся ей таким же отчаянным криком, кто-то оцепенел. Люди увидели, что на безупречно белой тунике божьей избранницы там, где бьется сердце, расплывалась, алым пламенем горела молодая девичья кровь. Все это длилось миг и осталось в памяти как видение. Тут же кто-то сильной рукой схватил Ласкавицу за плечо и втолкнул в шатер. Еще слышались мольбы, угадывался придушенный крик, потом все стихло. Наконец подняли полог, стали выносить чашу с кровью Ласкавицы, затем Ласкавицу, покрытую белым покрывалом. Снова раздалось пение — печальное и жалобное, оно как бы утекало логом в неведомую даль.

Божью избранницу уложили под это пение на настил на лодье, под этот жалобный, цепенящий сердце напев обставили ее временное жилище лагвицами с яствами, окрынами и жбанами с напитками, украсили лесными цветами — синими, как ее глаза, и белыми, как дареное

ей царское убранство, и красными, как пролитая в жертвенник кровь. Но вот вспыхнул под лодьей огонь, шугнуло жадное пламя, и вместе с ним так же взметнулось многоголосие хора. Словно вспугнутая птица, песня взлетела над толпой, ударилась о скалу-крутопадь и, усиленная отраженным эхом, заполнила собой всю низину, ближние и дальние околии. Мольба ли это была или стон, а может, и то, и другое вместе, приумноженное криками прощания родных Ласкавицы и просьбами людей тиверских не забывать о них, убитых горем, обескровленных голодом и ратными вторжениями, помнить о них там, в божьем жилище, что они — ее народ, что все они — ее родные, кровные. Она, Ласкавица, идет к богу, и кому, как не ей, молодой и непорочно-чистой, должно расщедрить Хорса и сделать милостивым к ним. Расщедрить и сделать милостивым!

XIV

Давно погас огонь на капище Хорса, давно стала пеплом та, которую принесли в жертву богам, а князь все сидит и сидит в своем чернском тереме, не хочет или не смеет показываться на глаза людям. Смута и печаль легли с того дня на сердце, будто и его коснулся тот все пожирающий огонь. Да что коснулся — выжег в нем все, оставил холод и тлен, равнодушие, а если по правде — то неверие и испуг. Да, и испуг. Не уверен он, что он князь на Тивери. Не хотел же и помыслами, и сердцем был против того, чтоб посылать в подарок богам людей, а не вышел, не стал против этого стародавнего обычая. Почему — спросить бы? Обрадовался, что вече освободило его от необходимости тянуть жребий, что сладко подольстило князю: такого князя, мол, не было и не будет? Так почему же он все-таки промолчал, не положил конец безумству Жадана, если он на самом деле такой князь, как о нем говорят?

Что кричала та девочка, когда выскочила на миг из-под жертвенного ножа? Ведь не помиловать просила она, не губить, а крикнула ему: «Княже, ты один все можешь, защити!» А он промолчал. Отвернулся и промолчал. Тогда он уже и не мог защитить, надо было раньше думать, что сделать, чтобы не посылали людей на жертвенный нож. Да, раньше!

«Так почему не подумал? Совет ли волхва оказался неожиданным или испугался тех, кто стоял за спиной волхва, побоялся, что одному не осилить всех? Постыдись, Волот. Ведь должен кто-то когда-то выйти и встать против всех, если обычай таков, что не воспринимает его разум, не хочет покоряться ему сердце».

— Княже! — в дверях появился стольник, прервал раздумья. — В Черн прибывают нарочитые мужи из Волына. Кому прикажешь принять их?

— Какие мужи? Зачем?

— Они только еще прибывают, пока не знаю зачем.

— Скажи, пусть отдохнут с дороги. Примем за обеденным столом.

Пришлось собирать малый совет. А уж как собрали, позвали и нарочитых из Волына.

— Чем встревожена земля дулебская? Зачем шлет к нам мужей своих?

— Тревог особых нет, — дулебы старались быть почтительными. — Однако то, с чем мы пришли в Черн, не терпит отлагательств. На днях гостевали на Волыни послы от славян, тех, что живут в горах и за горами. Приезжали звать нас, дулебов, тиверцев, полян, уличей и даже тех, кто на север от нас, чтобы присоединились к ним и шли вместе с ними в земли ромеев. Мы, анты, как водится, в земли Мезии и Фракии, они — в Иллирик. Цель похода — прийти с оружием и сесть на тех плодоносных землях. Князь Добрит с этим и послал нас в Черн: присоединяется ли Тиверь к общеславянскому решению?

— А что дулебы, поляне, уличи?

— Дулебы сначала хотят послушать, что скажете вы — тиверцы, поляне, уличи.

Волот в ответ не скрыл резкости.

— Не ведаю, как посмотрят на этот поход другие, — нахмурился он, — а Тиверь сразу скажет: нет. Тиверскому народу не до того, чтобы идти и брать мечом чужие земли. Своя горит под ногами. Голод и мор грядут. Не сегодня завтра псы завоют по дворам.

Дулебы как-то неуверенно переглянулись.

— Так, может, именно поход и спасет народ тиверский от голода и мора?

— Как это?

— В походе можно добыть яства и себе, и кровным своим.

— А что будет, если ромеи осилят нас и сами пойдут

в нашу землю? Сможет ли голодная Тиверь исполчиться и управиться с ними? Наконец, между нами и ромеями заключен договор. Приличествует ли именно нам ломать его? Вспомните, какой крови стоил нам этот мир. Дулебам, может, и все равно, чем завершится поход. Они далеко, им не придется в случае чего расплачиваться хребтом, а к чему нам такая доля — расплачиваться за всех? Потому стоим на своем: нет и нет!

— Да мы что, — оправдывался старший среди волынских мужей, — мы только советуемся. Да и князь Добрит не напирает на вас. Он только хочет знать, как думают все анты, а уж как будет знать, тогда и ответит склавинам, согласны мы идти с ними в поход или нет.

Сказано это было будто и искренне, без обычного в таких делах тумана, но Волот не мог подавить недовольства, его так и подбивало возражать. Видя это, осмелился и, опережая князя, заговорил стольник.

— А как нарочитые мужи думают, надо ли их слова обсуждать на вече?

— Это ваше дело. Для нас важно, чтобы мы сказали князю Добриту то, что думает вся Тиверь.

— На том и остановимся: князь Тивери знает, что скажет ныне народ тиверский, его слово и считайте за решение народа. — Стольник подумал и добавил: — А сейчас прошу нарочитых мужей из главного города земли Дулебской к княжьему столу и яствам. После долгого пути пора и отдохнуть.

Сидели за столом в Черне, сидели после того и в Волыне, угощали и потчевали друг друга, а червь сомнения, что зародился в сердце князя Волота с того дня, как принесли в жертву богам безвинную девушку, точил и точил его, затихая лишь на время. Другие и шутят, захмелев, и рассказывают бывальщины про свои подвиги, и мудрое слово иной раз скажут, а он как в воду опущенный — слушает да хмурится. Чувствует: ворочается в нем тот червь, сосет кровь, не дает покоя.

— Земли Фракии — богатые земли, — хвалился застолью князь уличей Зборко. — Я еще тогда приметил это, как ходили в ромеи при Юстине. Долины — глазом не окинуть, а земля в тех долинах словно масло. Плодоносная земля, братья. Сухую палку воткни — даст корни. А еще и горы зеленые, залитые солнцем, и в тех горах — богатые выпасы для скота, тенистые долины для

не знающих жары нив. Реки несут с гор влагу, и нет там таких губительных суховеев, как у нас.

— Князь Зборко только это видел во Фракии? — хмуро посмотрел в его сторону Волот.

— А что там еще надо было видеть?

— Хотя бы то, сколько укрепленных крепостей имеют там ромеи и сколько воинов в тех крепостях. А еще должен был вспомнить он, как нам намяли там ребра при Германе и Юстине и сколько голов тогда недосчитались.

— И это говорит тот, кто водил нас еще вчера в ту же Фракию, кто говорил: «Анхиал — богатый город и еще богаче пристанище. Возьмете — на все сутки дарю его вам»?

— Я водил вас, князь, не на татьбу, я водил для того, чтобы проучить ромеев за их разбои на нашей земле, чтобы заставить их считаться с нашей силой и добыть желанный мир. А к чему зовешь ты? Чем соблазняешь нас в ромеях? Или тебе мало того, что получил там при Юстине и Германе, когда пошел непрошеным? Мало что досталось потом тиверцам от Хильбудия? Неужели не знаешь, побывав со мной в той же Фракии, каких усилий стоило нам убедить ромеев, да и самим убедиться: лучше убогое, зато вольное житье в своей земле, чем за достаток полечь в чужой? Нам и тут, где сидим от деда-прадеда, не тесно.

— Однако не очень и сытно, — поспешил возразить Добрит. — Я потому и не сказал склавинам своего твердого «нет», что жизнь наших людей все скудеет и скудеет, нет уверенности в завтрашнем дне. Что замолчал, князь Тивери? Почему не похвалишься, что засеянные твоим народом поля второе лето не дают зерна, а скотина уже и травы на лугу не находит? Как будет жить твой народ, чем кормиться будет, если станет сиднем сидеть на выжженной солнцем земле и утешаться тем, что живет в мире?

— Это наша забота, княже.

— И все?

— Засуха не может быть вечной. Мы ничем не прогневали богов, чтобы так немилосердно карать нас. Я верю в это, и мой народ верит, потому и надеемся: земля Тиверская будет плодоносить, будет и на нашем дворе праздник.

— Верить мало, князь. Вера — удел отроков, а ты муж, ты воин и князь, тебе за народ твой отвечать.

Добриту, видно, не по сердцу пришлось, что тиверский князь уж очень колюч сегодня. Сверлил его гневными очами. Но это не охладило, а, напротив, лишь подстегнуло Волота.

— Теперь я спрошу тебя, княже, — ощетинился Волот, — что будем делать, если мы поднимем народ и пойдем всем ополчением в ромеи, а обры тем временем нагрянут к нам?

Притих предводитель дулебов. Задумался или не знал, что ответить? Молчание это оказалось ему не на пользу. Засомневался в целесообразности похода князь уличей («А что, — сказал, почесывая затылок, — и такое может случиться»), сразу и довольно решительно перешел на сторону Волота и князь поднепровских полян.

— Я тоже так думаю, — сказал он Добриту. — Не время идти в ромеи, надо думать о силе наших земель. Обры, став соседями, неспроста пробуют на зуб наши веси на границах. Что-то они замышляют против нас, только ждут удобного случая. Сунемся в ромейские земли — они тем часом и воспользуются.

— Было бы лучше, — уже не так твердо, но все еще сопротивлялся старший среди князей земли трояновой, — если бы мы не гадали, а точно знали, что замышляют обры. На тебе, князь полян, обязанность стоять на обороне нашей земли со стороны степи, ты должен бы и позаботиться об этом.

— Забочусь, князь, хотя особо похвалиться нечем. Обры хитры. И к себе не пускают, и сами не говорят: «Хотим жить как соседи с соседями». А силу свою на нас пробуют. Вот и думай: что тут и как? Но я так считаю: когда бы они с добром к нам — зубами, как волки, не щелкали бы.

— И я говорю, — поддержал Волот, — обры — меч, занесенный над нашей шеей. Тиверь больше чем уверена: если нарушим договор с Византией и пойдем во Фракию, император не поскупится, подкинет обрам мехи с золотом. Те же только рады будут ударить нам в спину.

— Откуда такая уверенность?

— Разве князь не знает: на Тиверь издавна положена обязанность оборонять троянову землю со стороны ромеев. У нас было и время, и повод проверить норов соседей.

Не хотелось Добриту уступать, но беседа все же пошла на примирение. Настроение у Волота сразу улучшилось. Как бы там ни было, а вышло, как он хотел. Такая победа — услада сердцу! Захотелось расправить плечи, сбросить тяжелый камень с сердца. Наконец-то он почувствовал отраду за щедро уставленным князем Добритом яствами и питьем столом. Но и под хмельком, когда гости роились и гудели, как пчелы, Волот не забывал своего. Улучив момент, подсел к Острозору.

— Хочу, — сказал, — поговорить с князем полян с глазу на глаз.

— И я хочу того же, — приветливо улыбнулся Острозор. — Жду только случая.

— Думаю, самое время. Хочу прежде всего поблагодарить князя, что был трезвее других и помог удержать Добрита от губительного соблазна — идти в смутную пору на ромеев.

— Что я!.. Это князя Тиверн благодарить надо, он один имел мужество встать против воли всех. Народ тиверский может гордиться таким предводителем.

Волот не возразил, но и не обрадовался похвале.

— К сожалению, — ответил он, помолчав, — этот предводитель не привел свой народ к долгожданной благодати. Тяжкое лихолетье переживает Тиверь и, кто знает, переживет ли.

— Мои люди поведали мне, какая беда пришла на Тиверь. Так вот, ехал сюда и думал: а не пора ли нам, сделав один шаг, сделать и второй?

— Какой?

— Лодии мы смастерили, пристанища у нас есть. Чего ждем? Надо посылать торговый народ в другие земли, пусть везут туда наш, оттуда чужой товар. Князь, думаю, понимает, какая это выгода и земле, и всем нам?

— Если везти товары, — оживился Волот, — то только к ромеям.

— А по Евксинскому морю куда ж нам еще и податься! Византия — всемирно известное торжище, там собирается торговый люд и с Запада, и с Востока. По правде говоря, это одна из самых веских причин, которая заставила меня согласиться с Волотом, а не с Добритом. Не с мечом надо идти к ромеям, а с товаром, не мечом обороняться от них, а товаром своим.

— Великая правда в твоих словах, князь полян! Я понимаю, что ромеям звать обров не так просто. Позвать — значит, посадить на своей земле. А разве мало у них забот и без обров? Они вон в Италию сдуру сунулись, а теперь не знают, как выпутаться оттуда.

— Да, времена смутные ныне. А все же я надеюсь: перезимуем, дождемся тепла и пойдем в ромеи — на свидание с императором, на договор с ромеями. Глядишь, это свидание, да и выгода в торгах и обров заставят по-другому вести себя на границах Трояновой земли.

Волот просветлел лицом, казалось, даже протрезвел, обрадованный тем, что услышал.

— Слушай, князь, — уселся он удобнее. — Это же хорошая мысль. Ты говорил об этом с Добритом?

— Нет, сначала хотел с тобой сговориться.

— Так пойдем поговорим. Пусть не печалится тем, что земля Фракии уплывает из его рук, пусть острит ум свой на другое дело.

Еще с ночи задул и гудит над лесом сильный восточный ветер, несущий запах моря и степи. В поле только беда от такого ветра: бьет в лицо и коням, и людям, обдает жаром, паля и без того чуть живые нивы, только в лесу и нет от него лиха: гудит в вершинах деревьев, раскачивая их и навевая молодецкие думы, желания. Вот и князь словно поддался соблазну. Словно из головы вылетело, что суховей несет черные беды земле, — знай, пристроживает напуганного коня, любуется его силой удалой, не зная, похоже, куда девать свою удаль и силу. Конь играет под ним, играют от этого мысли князя, играет утешенное веселыми мыслями сердце.

— Что, отрок, — спрашивает князь ближайшего из дружинников и прямо-таки светится от удовольствия, — сильно набил задницу, что боком в седле мостишься?

Дружинники хохочут, тот же, которого спрашивал Волот, смеется через силу, но спешит сесть как положено.

— Да нет, княже.

Шутка для утомленных людей — облегчение, если же шутит князь — и подавно. Подхватили брошенную для потехи мысль, играются ею, словно малые дети игрушкой.

— Он, княже, не так набил ее, как подпарил. Уж очень налегал перед дорогой на дулебские бобы. Не знал, бедолага, что бобы для всадника — погибель в походе.

И снова смех, снова шутки. Почему бы не посмеяться, если есть над кем, если смех хоть какая-то отрада, скрашивает утомительный путь.

Набив оскомину на шутках, князь немного утихомирился. Не гнал впустую коня, не морочил голову. Но удовольствие еще долго не сходило с его лица. Власт, предводитель дружины, заметив, что князь в добром расположении, подъехал к нему.

— Пока в дороге, хочу посоветоваться с князем, — сказал, поравнявшись с Волотом. — Что буду делать после возвращения в Черн в дружине Тиверской?

Они ехали чуть в отдалении от дружины, а кроме того, сильный ветер с моря если и мог подхватить, унести их слова, то не к дружине, а в лесные чащи. Потому не остерегались чужого уха. О Власте, думал князь, еще нельзя сказать, что мысль у него острее меча, но что поделаешь. С тех пор как Стодорко занял в Черне место Вепра, первым советником и воеводой у князя стал Власт. Правда, он был его приближенным, его советником, когда речь шла о ратных делах, когда же говорили о делах общинных, Власт или вовсе не бывал на советах, или отсиживался молча. А тут вот заговорил, и явно с прицелом.

— В поход сейчас не собираемся, Власт. — Волот держался непринужденно, почти дружески. — Сам знаешь: переубедили князя Добрита. Не те времена, чтобы исполчаться и идти на ромеев. Однако ухо надо держать торчком, а сулицу острой. Будешь делать, что и до сих пор делал: заботиться о ратной способности дружины, о ее численности. Зима не из легких грядет, желающих спастись от голодной смерти будет с избытком. Надо воспользоваться этим, но брать в дружинники только тех, кто придет не на время, а насовсем. Слышишь, что говорю?

— Слышу, княже, как не слышать. Именно о том и хотел поговорить с тобой. С голоду люди пойдут к нам, а кормить их чем? Да и брони, и коней на всех не хватит.

— Посображай хорошенько. Смотришь, и найдешь выход.

— Где, княже?

— С конями проще. Каждому, кто придет, скажешь: приводи коня — станешь в конную дружину, не приведешь — будешь в пешей. Ну а броню — это хорошо, что ты напомнил, друже, о яствах и о броне — придется добывать. Сколотишь несколько ватаг из новобранцев, пошлешь одних к кузнецам тиверским — пусть куют броню и только броню, других — ловить рыбу в Днестре. Как станет река, отправишь этих ловцов в лес — на вепра, косуль, оленей. Вот и будет тебе, чем дружину кормить.

Власт не сводил со своего князя влюбленных глаз.

— Спаси бог за мудрый совет, — отозвался наконец. — И не гадал, княже, что ты так сразу и все рассудишь. Если так, мы и народ спасем от мора, и дружину будем иметь такую, какая и в добрые времена не всем снилась.

Его искренняя радость отозвалась радостью в сердце князя.

— Ну, так есть теперь у тебя дело и на осень, и на зиму?

— Да, теперь есть.

— Справишься?

— В нитку вытянусь, а сделаю как скажешь.

— Вернемся в Черн — сразу и берись за дело. Другого решения от меня не жди, да и не будет меня в Черне. То же самое и воеводе передашь.

— А разве князь...

— Я в Черн не еду. Буду пока в Соколиной Веже. Княгиня Доброгнева умерла, должен там быть и дать всему лад. — И, помолчав, добавил: — Если понадобится мой совет или безотлагательное дело подвернется — сразу шлите в Соколиную Вежу нарочного.

— Будет сделано, княже.

— И вот еще что, — вспомнил Волот. — Пойди, как приедешь, к княгине и скажи ей: князь хочет знать, что с сыном, как он? Ответ ее сразу же пришли мне.

Волот пристальнее, чем раньше, посмотрел на Власта и доверительно добавил:

— Я, между прочим, возлагаю на тебя, Власт, и эту заботу: смотри за сыном. Он в твоей дружине, под твоей рукой ходит, сделай все, чтобы не оступился где-нибудь.

XV

Как только до Веселого Дола донеслась весть, что в жертву Хорсу приносят красную девицу, Людомила Вепрова настояла на своем и не пустила Зоринку на это зрелище. «Нечего там смотреть, дитя, — сказала, да еще и повторила: — Незачем тебе быть там!» Но как бы не так! Зоринка решила ослушаться мать. Весь народ идет к капищу Хорса, не зря, наверное. Мать, однако, стеной встала, не переубедить ее. А одна, без челяди, без охраны в пути разве она доедет? Но ведь в жертву богу приносили Ласкавицу, ее лучшую подружку. «Неужели это правда? — спрашивала сама себя Зоринка. — Боги, может ли это быть, чтобы жребий выпал на Ласкавицу?» Она исхитрилась, вывела за ворота коня, а уж как вывела — только ее и видели. Пригнулась к луке и понеслась опушкой, а там и лесом.

Как это? Почему? Зачем?.. О, боги! Всего лишили бы Зоринку: не в радость стала ей жизнь в Веселом Долу, нет надежды любить Богданко и быть с ним вместе, теперь еще и Ласкавицу забирают... Разве это справедливо? Ласкавица — единственное ее утешение, единственная опора и щит в этом горьком, несправедливом и жестоком мире. В Колоброде родители Зоринки, сводя ее с братом Ласкавицы, надеялись, что дружба с Ласкавицей станет той кладкой, через которую Зоринка подаст руку брату ее. А Зоринка на другое надеялась. Знала: Ласкавица убережет ее, даже брату-нелюбу не отдаст! И вот, на тебе: боги забирают Ласкавицу...

Добравшись наконец до капища и очутившись среди толпы, Зоринка почувствовала себя не столько без сил, сколько без чувств. Все в ней будто омертвело. Но когда увидела, как шла Ласкавица в сопровождении старух и княжих мужей, холодок, как кинжалом, пронзил грудь. Что было потом — лучше бы не видеть и не слышать.

Ласкавица не хотела идти в шатер. И там, за пологом, вскрикнула вдруг таким страшным, нечеловеческим криком, что у Зоринки волос поднялся дыбом. Как раненая лебедушка вырвалась оттуда на миг Ласкавица, но что могла сделать Зоринка, если страх сковал ей руки и ноги. Когда же Ласкавицу вынесли из шатра на носилках и понесли к лодии, Зоринка уже не могла смотреть, что будет дальше. Нашла кое-как своего коня, привязанного к дереву, и, опустошенная, больная, разбитая, поехала обратно.

Дома была только челядь. Никому не пришлось объяснять, где была, что делала. Челядницы, видя, что на девке лица нет, только посочувствовали ей. Зато когда появилась на подворье мать Людомила, начались попреки. Она, Зоринка, и неблагодарная, мол, и рода своего недостойна. Мать хлопочет о ней, убивается, старается уберечь от беды, а дочка только и делает, что сует нос куда попадя, сама на себя беду кличет. Людомила то упрекала дочку, то грозила ей, то плакала. Зоринка почти не перечила, отмалчивалась. Когда же мать уж слишком настойчиво заговорила о своих хлопотах — Зоринка не удержалась, выпалила:

— А не кажется ли матушке, что ее хлопоты и заставляют меня быть такой? Неужели вы не видите: я не живу тут, в тереме, у отца с матерью, а наказание отбываю! Мне не вольно поехать, мне не вольно пойти, не вольно и сердцем выбрать кого хочу.

— Что сделаешь, если так получилось.

— А теперь еще хуже стало: в жертву Хорсу принесли мою подругу Ласкавицу... Так вот, с этого дня оставьте меня в покое, не трогайте меня. Объявляю траур по Ласкавице. И ни с каким вашим женихом из Колоброда брак не возьму. Слышали: год — от лета до лета! — видеть никого не хочу.

XVI

Уже третья седмица пошла, как предали огню хозяйку этой, не такой уж безлюдной, усадьбы, а Миловида никак не привыкнет к тишине, которая поселилась в покоях княгини, никак не свыкнется с положением, которым наградила ее покойная княгиня. Все идут к ней, кланяются до земли, как не кланялись, может, и Доброгневе, а поклонившись, спрашивают, что делать с овцами, которых не стоило бы оставлять в зиму из-за бескормицы, куда девать сыр и масло, что собрали за лето, как распорядиться набелом, который надаивают ежедневно. Вроде как нарочно идут, только чтобы поспрашивать, а Миловида округляет, удивляясь такому вниманию челяди, глаза и краснеет. Один раз отговорится: «Подождите, приедет князь, он скажет, как быть», в другой раз заколеблется, не решаясь еще делать по-своему, скажет: «Делайте так, как до сих пор делали». Она догадывается, что рано или поздно люди почувствуют ее слабость и не станут считаться с ней как с хозяйкой. И тогда уже будут делать, как кому на сердце ляжет. Однако отважиться быть хозяйкой в родовом доме князя она тоже не может. Почему-то ей боязно, приходит откуда-то страх, одолевает неуверенность. Неужто все, сказанное князем, правда? Может ведь и так быть: потешил сказкой и исчез, бросил ее, как сироту при дороге — хочешь верь, хочешь не верь. И откуда возьмется вера, если она слышала только слова, а дела не видела?

Вот и ходит за ней по следам печаль, одолевает тревога, а князя все нет и нет. Сказал: «Готовься к тризне по матери. Я отдам жертву богам и буду». А не появился,

вишь, в Соколиной Веже, сына Богданко прислал вместо себя, чтобы проводил бабушку в последний путь, собрал плакальщиц и сам поплакал перед тем, как отдать тело старой огню. Богданко и сделал, как велел князь. Однако делал все так, будто ее, Миловиды, тут не было. Если приказывал, то кому-то, а не ей, если спрашивал, тоже у кого-то, не у нее. Как после этого будешь хозяйничать, будешь ли думать, что тебя оставили хозяйкой? Если бы не челядь, не ее постоянное напоминание о делах, давно бы оставила дом и пошла куда глаза глядят. С чего только челядь так подозрительно добра к ней, уж слишком заискивает. Или боятся новой хозяйки, или хотят, чтобы именно ключница осталась хозяйкой в Соколиной Веже. Вот и сегодня. Встретила Миловиду одна мастерица и не отцепилась, пока не завела к себе посмотреть, хорошо ли делает, так ли: «Не первый раз шью, — говорит, — для князя, для княгини, для детей их. Однако то, что теперь заказано, внове. Пусть молодая хозяйка посмотрит, так или не так пошила. Она была в ромеях, много видела, а это убранство не ромейское ли?»

Ей показали не то чтобы диво какое, а всего-навсего корзно. Но сшито оно было не из тиверских, из ромейских тканей: верх — светло-синий, подкладка пурпурная. Обе ткани ярко переливались, радуя красками глаз, — нельзя было не залюбоваться ими. Да и шила, по всему видно, настоящая мастерица. Когда накинула Миловиде корзно на плечи и поставила перед зеркалом, Миловида не только глаза, уста раскрыла от удивления, невольно вырвалось у нее: «Ой!..»

— Корзно понравится князю, — сказала погодя. — Ваша правда, мастерица, такую одежду только ромейские императоры и носят.

— Правда?

— Да. Живого императора не пришлось видеть, а на картинах в церкви видела.

— Спаси бог, доброе дитя, за ласковое слово. Спаси бог! Я давно пригладываюсь к молодой хозяйке и вот что хочу сказать: если будет на то ее воля и желание, могу сшить ей наряд к зиме.

— За добрые пожелания тоже скажу: спаси бог! Однако у меня, мастерица, не из чего шить.

— Караул! Зато у князя есть из чего. Вот пусть госпожа станет к зеркалу и прикинет: идет ли ей?

Она, не обращая внимания на протесты Миловиды, на-

кинула ей на плечи то, чем хвалилась, и поставила перед зеркалом, а уж как поставила, так и засветилась вся, радуясь будущему творению рук своих.

— Ну не я ли говорила? Только такой красавице и годится этот наряд. Не шуба — любование будет. Точно говорю: глаз не оторвешь!..

Пока говорила, успела мерку снять с Миловиды. Но...

— Прошу вас, — Миловида так решительно отстранила мастерицу, что у той и руки опустились. — Не надо. Я не заслужила еще у князя ни туник, ни шубы.

— Так заслужишь! — не уступала мастерица и, кажется, была искренна с ней. — Пока шью, будут уже и заслуги, а будут заслуги, князь похвалит нас: тебя — за наряд, меня — за старание. Так и будет!

Все это правда: благосклонность челяди — утеха для сердца, но и боль, и тревога мимо сердца тоже не проходят. Почему князь пустил о ней в Соколиной Веже славу как о молодой госпоже, а сам не едет? Почему?

Что ни день, то тревожнее думалось об этом, а тревога сеяла смятение в сердце. Куда ей деваться, когда убедится, что князь хочет всего лишь ославить ее? На кого и на что надеяться тогда? На Выпал, на тетушкин приют в Выпале или на родню Божейкину? Но у них там свои беды, свои заботы. Разве она не знает?

Миловида так задумалась, что забылась, не услышала, как появились на подворье дружинники. Тогда только и подхватилась, когда уловила краем уха чей-то разговор, узнала голос князя. Кинулась было к дверям, но сразу же и передумала: разве она *такая* сейчас, чтобы показаться перед ним? Люди добрые? Заснула она, что ли, сбила всегда гладко зачесанные волосы, примяла одежду. Разве можно выходить пред очи господина пугалом, ведьмой с всклокоченными волосами? И — скорей дверь на засов да прибираться, приводить себя в порядок! Как на пожаре, выхватила из небогатой схованки лучший свой наряд, стала переодеваться. Спешила, но и старалась, как только умела. Чувствовала, дрожит вся, знала, может выдать себя волнением, но ничего не могла поделать с собой. Это было выше ее сил — быть сейчас спокойной, это, наверное, и неподвластно ей.

К счастью, князь не спешил в терем. Она и переодеться успела, и причесаться, и к стене успела прислониться, чтоб передать ей свою дрожь. А пришла немного в себя, снова всполошилась: хорошо ли она делает, что стоит и

ждет. Волот — князь и, как князь, привык к тому, что его встречают хлебом-солью, поздравляют со счастливым возвращением или с победой, а она по клетям-углам прячется. Ведь госпожа она, какая ни есть, а госпожа!

Перевела дух и пошла к выходу. Не задерживалась больше. Тогда уже, как открыла последние двери, что вели из терема, остановилась на пороге и остолбенела: прямо на нее шел со двора Волот, он был уже почти рядом.

— Прошу князя в свои хоромы, — приложила руку к сердцу и поклонилась.

Князь приостановился, задержал на ней теплый взгляд, любуясь.

— Спаси бог. Все ли в порядке в доме, здорова ли хозяйка?

— Хвала богам, все в порядке. Челядь княжья на здоровье не жалуется.

— Ну и хорошо. Веди в дом тогда.

И проводила, и раздеться помогла, и помыться приготовила. Челядницам велела накрывать в гриднице стол. Носили и носили на него блюда, ставили и ставили жбаны, корчаги, братницы. Князь ведь не один прибыл, с мужами и отроками. А еще позовет ловчих. Сказал, что останется тут надолго, а если так, значит, не усидит в тереме, устроит охоту. Где же о ней и поговорить, как не за общей трапезой.

Миловида тоже не приседала. То смотрела, как накрывали стол, то наливала питье в братницы и приглашала к столу, а когда мужи расселись, следила, чтобы трапеза была не абы какая — княжья. Видела, князь Волот пасет ее оком. И не хочет показывать этого преждевременно, а пасет. Она покраснела, почувствовав это, он же словно прикипел к ней очами и уже не отводил их.

— А Миловидка почему не пьет, не гуляет с нами?

— У меня, княже, своя обязанность.

Князь поднялся, указал ей место в застолье.

— Забудь обо всем! Князь гуляет, гуляют его гости, должна и хозяйка княжьего застолья.

— Однако ж...

— Какое еще там «однако»? Знает ли Миловидка, почему я не был на тризне своей матери, княгини Доброгневы? Из-за дел. Ведает ли, почему недосыпаю ночей, почему не знаю радости на воле, почему все время в ратных хлопотах да походах, в мыслях о законе и благодати? Выше всего — обязанность перед землей, перед наро-

дом тиверским долг. Не много ли их, этих обязанностей? Не пора ли подумать о себе, тем паче что я и мужи мои не просто празднуем удачное завершение возложенных на нас повинностей, мы справляем и тризну по матери моей, княгине Доброгневе.

— На тризне по старой госпоже я пила, но и с князем выпью.

— Вот и хорошо. Поднимаю братницу, — повернулся к мужам, — за новую хозяйку Соколиной Вежи, именем Миловидка. Слава первой хозяйке земли Тиверской! Слава молодой княгине синеокой Тивери!

— Слава! Слава! — дружно поднялись мужи, протянули к ней наполненные питьем братницы. Видно было: они разделяют выбор своего князя и рады, что он назвал ее княгиней синеокой Тивери.

Тишина и покой в Волотовом доме у леса наступили где-то под утро. Одни ушли, перебрав хмельного, к своим халупам, других челядь спровадила чуть ли не силой в клети. Миловидка не бралась, как прежде, за черную работу, больше указывала, что и куда нести, да наводила после того, как вынесли недоеденное и недопитое, порядок в гриднице.

Или хмель прибавил ей сил, или радость бодрила ее — работа горела в руках. Видно-таки радость будила в сердце силу: все-таки приятно, что была в центре внимания всего застолья, что ее не за челядницу приняли — за госпожу. Тянулись к ней с братницами, хвалили и льстили, знают, мол, какую беду перенесла, рады, что все плохое позади, что она снова на своей земле, среди своих людей. Столько добрых слов о себе она сроду не слышала, никогда такого участия не знала. Почему же не быть в руках силе, не играть сердцу, когда на душе праздник? Когда бы могла — весь мир обняла бы, всех наградила бы теплом, радостью.

Заново застелила освобожденный от яств стол, расставила по стенам лавки, а усталости, хоть и поздняя уже ночь, ни в одном глазу. Сердце живило веселой волной разум. И думала, расставит сейчас все по порядку, подметет гридницу, тогда уж пойдет ляжет и заснет, если сможет.

Оглянулась, услышав скрип двери, и застыла: на пороге — Волот.

— Я за тобой, Миловидка. Время позднее, оставь уборку на завтра.

Не знала, что сказать ему, однако и на зов не шла. Стояла как отрешенная, ждала смиренно. Да не ждалось Волоту. Он подошел к ней твердым, несмотря на хмель, шагом. Шел и видел: чем ближе к Миловидке, тем взволнованнее становится она. И краше. И покраснела, порываясь что-то сказать, а не смогла.

— Или ты раздумала, или ты отменила свое намерение, с которым шла к покойной княгине? Может, разгневалась на меня, что так долго не возвращался?

— Я не из гневных, мой дорогой князь, — ответила, не пряча, как раньше, глаза. — Это, может, и хорошо, что задержался. Было время подумать и передумать.

— Правда?

Он и без объяснений видел, что это так. Не допытывался ни о чем, а просто подхватил свое взлелеянное в мечтах счастье на руки и понес к дверям, испытывая радость, какой не чувствовал, кажется, никогда. Да, такого счастья он еще никогда не знал.

«Моя, моя!» — кричало все его естество и кричало, наверное, громко, потому что девушка словно услышала этот крик и, как бы защищаясь, сказала:

— Ты же не обманешь меня, князь?!

— Никогда!

— И долго-долго будешь со мной?

— До конца дней своих. Если и уеду по зову земли или народа тиверского, то ненадолго. Слышишь, желание мое, все буду делать, лишь бы не оставлять тебя никогда!

— Я полагаюсь на твою честь и вверяюсь твоей чести.

Знать бы, где упасть, соломки бы постелил. Видно, не знала, не думала о том Миловидка, если сладко спала под надежной рукой князя. Под окнами терема и далеко за теремом давно отпели разбуженные росами птицы, давно поднялось над заднестровьем солнце, а в княжьей ложнице все еще смотрели сны и тешились покоем и сладкими утренними снами. Когда же проснулись, сразу поняли — что-то случилось.

— Кто-то стучит в ворота, — всполошилась, насторожившись, Миловидка. — Вон как бухают. Я пойду, наверное, в свою клеть.

— Пусть. На то челядь есть, — сонно успокоил ее князь.

Она боязливо жалась под одеялом, а глаза словно моли-

ли: будь добр, отвернись, дай одеться. Но князь и проснулся не сразу, и уж тем более не вдруг покорился воле жены. Когда стук повторился, и повторился еще громче, он сладко потянулся и сказал:

— Лежи, я сам пойду, угомоню нетерпеливых.

Он был недоволен: куда подевалась челядь, почему его заставляют выполнять еще и эту работу? А вышел на крыльцо — раскрыл от удивления рот: ворота уже открыты, и в них появилась Малка.

Знал ли, что привело ее сюда, или догадался, но он нахмурился, посуровел.

— Что стряслось? Почему так внезапно прискакала?

— Может, поведешь сперва в покои, потом будешь спрашивать?

Молча повернулся и пошел. Знал, Миловидку уже не застанет в ложнице, но как раз об этом и меньше всего думал, а горел желанием отчитать Малку, да поязвительней.

— Ну, — остановился перед ней, когда зашли в передний покой. — Говори, что там?!

— Боюсь за нас, потому и приехала. С каких пор ты стал обходить свой терем в стольном городе Черне?

— А с каких это пор Малка забыла, что она княгиня, а не просто жена?

— Разве с таким князем не позабудешь?

Видят боги: он не хотел быть очень уж крутым с ней, матерью своих детей, но что поделаешь, если напрашивается.

— С каким это — таким? Неужели не ясно: то, что делает и думает князь, касается только его. Сказано же: будь в Черне, смотри за детьми и очагом. Тебе этого недостаточно?

— Видно, недостаточно, если не спалось всю ночь, поднялась ни свет ни заря и приехала.

— Ну, так довольствуйся этим и возвращайся в Черн.

Она аж позеленела от обиды.

— А ты... будешь тешиться с другой? Кто она? Как посмела?

— Еще раз говорю: не она — я посмел. На это была и есть моя княжья воля. Не надрывай себя и не проклинай, все уже случилось: с сего дня моя избранница — жена мне. Если же хочешь знать, кто она, то знай: Миловидка, та самая девушка, что поздравляла нашего Богданко на пострижинах.

Умолкла на миг, пялит удивленные глаза. Удивлялась или вспоминала, кто знает. Видно, вспомнила, а вспомнив, будто надломилась и закрыла лицо руками.

— Пусть я стала тебе постылой, — в глазах у нее стояли слезы, — а дети? Богданко места себе не находит, сохнет от присухи. Его бы надо женить, а ты о себе...

— Успеет. У него все впереди. Пусть забудет о Зоринке, найдет другую — вот и все лечение от присухи. Я же ни тебя, ни детей не забуду. Ты там, в Черне, будешь хозяйкой и женой, Миловидка — тут. Мне сыновья нужны, поняла? Потому и беру другую, потому и говорю: не вставай на пути, времена смутные, а у нас один Богданко. Кто поручится, что с одним сыном уберегу землю и народ тиверский?

Еще ниже склонилась Малка, слезы душили ее. Мало ли что не говорил вслух, что она пустопорожняя, — берет другую, а это ей хуже всяких упреков.

— Не убивайся. Страшного ничего не случилось, — он говорил искренне, не лукавил, это хоть немного утешало ее. — Сказал же, как была, так и будешь женой. Удовольствуйся этим и иди.

— Мало удовольствия, Волот.

— Что поделаешь? Ты в свое время как в раю купалась, дай и Миловидке побыть.

— Не счастье — беду берешь с нею. Если не видишь, что творится вокруг. До этого ли сейчас?

— Ладно. Мы все сделали для людей, пусть и люди дадут нам хоть несколько дней покоя. Кому вечность, а нам хоть несколько дней!

Поднялась, вытерла уже сухие глаза.

— Могу я глянуть на нее? Хоть увидеть, какая.

— Не надо. Пусть привыкнет к своему месту в доме. Она еще слишком молода, чтобы вынести сразу все: и радость, и громы Перуна.

XVII

Не понаслышке знал князь Добрит о славянах, что живут в Карпатах и по другую сторону Карпат, — он давно общался с ними, и когда говорил: наш отказ от вторжения в ромейские земли не остановит склавинов — знал, что говорил. Как только растаяли по весне снега и сошел лед, как только талые воды унеслись в моря, снялись эти

славяне с насиженных мест, с уютных, но не слишком богатых на поживу гнезд своих в карпатских горах и предгорьях. Забрав с собою жен, детей, какое ни есть имущество, направились купно в земли иллирийцев. Всем родом двинулись белые хорваты, словаки, сорбы. К ним присоединились многочисленные соседи. Впереди выставили конные отряды, по флангам — пешие, и, как увидели, какая у них собралась сила, пошли и сказали иллирийцам: «Не против вас идем походом ратным, а против ромеев, которые заняли земли ваши. Вы, как сидели на своих землях, так и сидите, нам и ромейских хватит».

Первыми забили тревогу предводители соседних со славянами провинций — Верхней Мезии, Прибрежной Дакии — и отважились выступить против своевольных склавинов тем провинциальным войском, какое было у них под рукой. Однако недолго тешили себя надеждой остановить нашествие. Склавины смяли ромеев так стремительно, что войско то еле успело показать врагам империи спину и быстрее ветра понесло страх перед склавинами в соседние провинции — Внутреннюю Дакию, Дарданию, а чуть погодя и в Македонию. Говорили: тьма тьмы идет — сила, неподвластная разуму, от нее гудит и стонет утомленная земля, никакое провинциальное войско не может остановить ее. Только войско самого императора может справиться с ней, нужны такие непобедимые стратеги, как Велисарий, нужны его палатийские легионы.

Префекту не верилось, что вторжение славян может быть настолько серьезным.

— Идут не все славяне, а только склавины. Неужели вы не можете остановить их? — допытывался у тех, кто пугал его тьмой-тьмущей. — Не отступать! Бросить против варваров все и всех!

А прискакали второй раз, затем и третий, крича о помощи, — префект всполошился уже не на шутку. Повелев спешно собрать все оставшиеся провинциальные войска в Фессалонику, надеялся, что здесь, под защитой надежных стен, выстоит, пока подойдет помощь.

Больше уже нельзя было скрывать от императора, какая беда постигла Иллирик. Пользуясь попутным ветром, послал драмон с нарочитыми мужами в Константинополь. «Вторжение это, — писал Юстиниану, — не обычная татьба. Варвары идут с семьями. Похоже, что на поселение. Если не выставим против них палатийское

войско и не позаботимся по-настоящему о защите Иллирика, можем потерять его насовсем».

Похоже, не был уверен, что император поддержит его, тем более тотчас же. Долго ходил, обдумывая свое положение, советовался с советниками и снова обдумывал все наедине с собой, пока не пришел к спасительной мысли: надо не пожалеть золота, имеющегося в префектуре, послать сообразительных послов к варварам и сказать им: «Если повернете в свою варварскую землю и поклянетесь под присягой, что ни вы, ни дети ваши не преступят больше воды Дуная, дадим достойный миру между нашими землями выкуп — сто тысяч золотых солидов».

Ответа от предводителей варваров ждал как манны небесной, а дождался — и вовсе упал духом. Склавины сказали: «Мы не за солидами пришли. Нам тесно и голодно там, за Дунаем, хотим сесть родами своими на южных землях и сидеть здесь вечно».

Что теперь делать? Противостоять своими силами варварам — пустая затея, а от императора ни слова. Оно и не удивительно. Разве ему, наместнику Иллирика, и без императорских эдиктов не ведомо, в какую переделку попал Юстиниан, вознамерившись расширить границы Восточной Римской империи? Замахнулся на полмира. Мало ему метрополии, что охватывает всю переднюю Азию — от Понта до Фракии, Дакии, Македонии, Египта, наконец. Захотелось пустить корни по всей Северной Африке, в Сицилии, на склонах запруженной варварами Италии. Но хотеть — одно, а мочь — совсем другое. Велисарий высадился с отборными легионами в Северной Африке и разбил вандалов, завладел Карфагеном, Сардинией, Корсикой, затем — Цезарией, крепостью Септем поблизости Гераклиевых столбов, Балеурскими островами, но ему не удалось сделать завоеванные провинции покорными. Первыми подняли меч против империи маврусии — туземные племена, первобытнообщинный строй которых позволил им собрать массовое ополчение и вырезать в Нумидии и Бизацене поредевшие византийские когорты до ноги, до последнего человека. Вслед за тем взбунтовалось собственное войско: солдаты, нижние чины оккупационной армии, считая себя победителями, не без оснований претендовали на землю в завоеванной стране, тем более что многие из них успели сойтись с вдовами, сестрами и дочерьми вандалов, которые погибли в сечах с византийцами и имели на эти земли право законных наследников.

Император же отписал захваченные земли себе или казне, православной церкви, потомкам римских посессоров и местной романизированной африканской знати. Недовольство решением императора вылилось в массовый бунт, восставшие выбирали своих вождей, оказывали жестокое сопротивление — от империи потребовалось немало сил и лет, чтобы придушить непокорных.

Что-то подобное намечается и здесь. Во всяком случае, видимое покорение остготов обернулось новым подъемом сопротивления, и кто знает, какой серьезности. А все из-за нашей ромейской самоуверенности, все потому, что считаем: только мы мудрые и хитрые, больше никто.

Оно будто бы и не было причин осуждать Юстиниана за его намерения, тем более поначалу. Кто обойдет криницу с холодной водой, если мучает жажда? И есть ли такие люди, что не поднимут дармовой солид на дороге? Такой криницей, таким соблазнительным солидом и казалась всем Италия, когда умер грозный король ее завоевателей — остготов — Теодорих. Его власть унаследовал, как водится у остготов, ближайший родственник короля по мужской линии, малолетний внук Теодориха — Атоларих. Фактически же управляла державой остготов мать малолетнего короля и дочь Теодориха Амаласунта, еще молодая женщина необычайной красоты и такого еще важного для монарха качества, как критический ум. Оставаясь верной памяти отца и руководствуясь здравым смыслом, она не пошла на поводу у той остготской знати, которая носилась с титулом завоевателей чужой земли, словно дитя с писаной торбой — она признала целесообразным быть лояльной с завоеванным народом, особенно со староримской знатью. А чтобы ориентация ее не была истолкована превратно как врагами, так и друзьями, она окружила себя советниками из римской аристократии, запретила готам посягать, тем более силой захватывать земли знатных римлян, не ограничивала в правах католическую церковь.

Это подняло ее авторитет среди римлян, зато усложнило, и довольно значительно, отношения с остготской знатью. Оппозиция воспользовалась неприкрытой ориентацией регентши на тех, кто был пылью под ногами остготов-завоевателей, и склонила на свою сторону большую часть остготской знати. На беду, усложнились отношения остготского королевства с соседями: на юге — с вандалами, на северо-западе — с франками. Петля вокруг шеи

стягивалась так крепко, что регентше ничего не оставалось, как искать поддержки у сильнейшего из своих сильных соседей — у Византийской империи.

Юстиниан сначала был лишь удивлен переменами в настроениях остготской регентши: как бы там ни было, остготы — громилы Западной Римской империи, варвары-ариаты, им ли искать поддержки у православных? Но, поразмыслив, а может, и посоветовавшись, вдруг прозрел и ухватился за просьбу Амаласунты о помощи, как за спасительный круг в штормовом море. Почему бы не воспользоваться им и не обновить империю в исторических пространствах, только уже не под скипетром Рима, а Константинополя!

На зов Амаласунты откликнулись тайным посольством, которое должно было сказать регентше: когорты империи к ее услугам. Обрадовала ли Амаласунту благосклонность всесильного императора, или положение ее на самом деле было не слишком надежным, только она расчувствовалась, как всякая женщина, и изъявила желание переждать под надежной рукой Юстиниана, пока византийские когорты поставят на место или уберут с дороги ее врагов.

На это ей с уважением поклонились и снова-таки заверили: так даже лучше. Надо только посоветоваться с императором, как сделать, чтобы прибытие регентши в Византийскую империю осталось незамеченным ее соотечественниками — остготами.

Далеко идущие планы Византии, казалось, приближались к своему логическому завершению, обнадеживали императора и тех, кто проводил его политику в империи. Но, по воле всевышнего или обстоятельств, ни свидание регентши остготской державы, ни молниеносное обновление империи в ее исторических пространствах в тот раз не состоялось. Советники рассчитали, что встреча Юстиниана состоится с удивительной красоты женщиной, но, утешаясь этим, сбросили со счетов красоту и ум, а значит, и влияние в империи другой женщины — Феодоры. А уж она не дремала. Что ей до Италии и до исторических пространств, когда была абсолютно уверена в том, что речь идет о другом: быть или не быть ей императрицей. Увидев красавицу Амаласунту, которая была намного моложе ее, Юстиниан не станет печалиться судьбой Феодоры и охотно согласится с мыслью какого-нибудь из многочисленных советников — обновить Священную им-

перию простейшим из наипростейших способов — брачными узами с регентшей остготов.

Амаласунта почувствовала, наверное, перемены в планах Византии — не передумал бы император, она давно была бы уже в Константинополе — и пошла на компромисс с остготской оппозицией: заключила брак со ставленником оппозиционеров, своим двоюродным братом Теодатом, заручившись, правда, его тайной — от знати — присягой: отныне он будет считаться ее соправителем в державе, на самом же деле власть будет принадлежать только ей.

Замыслы василевса, как и замыслы всевышнего, не всем дано знать, но, по мнению его, наместника Иллирика, на той бескровной пробе овладеть Италией и надо было остановиться. Зачем начинать войну, да еще с таким королевством, как остготское, если в это же время война еще не закончена в Африке, если знали: нет уверенности, что не воспользуются затяжной войной империи в Средиземноморье славяне и не перейдут Дунай?

Да где там! Раз появившееся желание — обновить империю в ее исторических пространствах — не могло уже погаснуть. Августейший через какое-то время узнал, как подло и предательски повел себя Теодат со своей царственной женой: сперва отослал ее на один из островов Бульсинейского озера, а потом задушил в бане, — и преисполнился страшным гневом (кто знает, может, гневался сам на себя), а в гневе сказал всем, кто был тогда в Августионе: такое не прощают, за подлое убийство царственной особы империя должна отомстить остготам.

Война в Италии продолжается уже несколько лет, а конца ей не видно и не слышно. На место казненного солдатами Теодата стал другой правитель остготов — Витигис, вместо поверженного Велисарием Витигиса титул остготского короля принял сам Велисарий, а остготы все не бросают оружие. Во главе сопротивления стал отважный воин и тонкий стратег Тотила. Понимая, что такое Византия и какую силу надо иметь, чтобы победить ее когорты, он пошел на уступки низам как итальянского, так и остготского населения, не чурался рабов, колонов, которые пополнили ряды его воинов, — он поднял и объединил на борьбу с византийцами все слои итальянского населения. Результат не замедлил сказаться. Нанесены уже первые, и довольно ощутимые, удары по войску императора. Что будет дальше и как — знает только всевышний. А пока стратег Мунд отступает от Долмации, а когорты, руководимые недавно самим Велисарием, — от речки По. А если так, надежда на помощь палатийского войска мизерная, ее вообще может не быть.

На кого же тогда полагаться ему, наместнику? На собственный ум и собственную силу? А если на собственную силу, то как распорядиться ею? Собрать и бросить всех против варваров или закрыться в Фессалонике и ждать удобного момента? Знать бы, что не дойдет до стычки под Фессалоникой, что варварам хватит для поселения и той земли, на которой сядут в Дакии, Мезии, Дардании, Превалитании, так и сделал бы. Видит бог, так и поступил бы!

XVIII

Князю Волоту не до ратных забот ныне. Может, впервые в жизни так. Да, мог бы поклясться: впервые. Смотрит на свою молодую жену и радуется, доволен. Такого дивного дива не было ни у кого и не будет! Сам ромейский император пусть заткнется со своей Феодорой, хоть она и известна во всем мире как красивейшая и мудрейшая. Ромейская императрица — хитромудрая змея, а его княгиня — голубка сизокрылая. Она заметно пополнела в последние месяцы, но не утратила ни красоты, ни статности. Если по правде, еще лучше стала, какой-то на удивление доброй, ласковой, на удивление чистой, нежной. Ему, мужу своему, давно сказала, а теперь уже и от посторонних не прячет: ждет маленького княжича, ту опору роду-племени, всей земли Тиверской, на которую так уповает и надеется князь. Видно, и ее тешит та же думка — лицо светится, глаза сияют. Посмотрит ими, наполненными голубым светом, заметит, что князь не спускает с нее влюбленных глаз, и усмехнется, довольная, склоняясь над шитьем. Что сказала бы она, каким огнем вспыхнула бы, если бы взял он и напомнил ту грозовую ночь, когда возвращались с ней из ромеев и очутились то ли по воле богов, то ли из-за его ослепления ее красотой, в одном шатре. Ой, сгорела бы, наверное, от стыда. Право слово, чистая душа! Сам же он, кажется, гордится даже, что есть на его теле рубец-отметина, который может воскресить в памяти и грохот грома, и сполохи молнии, и то, как струилась после ее удара с княжьего тела кровь.

Говорил Власту: две-три седмицы не будет его в Чер-

не, а не объявлялся там до самой зимы. Только с первым снегом отважился оставить свое сладкое ладо, наведался в стольный город на несколько дней и поскорей обратно. Ничто не мило без Миловиды. Малке и мужам объяснял свое отсутствие в стольном городе тем, что охотится, что на то и зима, чтоб поохотиться в удовольствие, а сам ловил счастливые мгновения с Миловидою и не желал ничего знать больше. Говорили ему: «Есть нужды народа». Он отвечал: «Я сделал для него все, что мог». Говорили: «Есть нужды земли». Гневался тогда и кричал: «Потом скажете, когда весна придет или лето. Разве я один во всей земле, или меня заменить некем? Сказано: будьте за меня, так и будьте».

Правда, он и охотился. А как же! Зима большая, на то, может, и дается такая большая, чтобы каждый мог наверстать упущенное, особенно по теплу, когда у каждого забот полон рот. Волот частенько зазывал мужей в Соколиную Вежу в гости, сам не чурался гостевать. А где гости, там и охота, веселое застолье, веселые беседы. В одном он не мог отказать себе: дома или в гостях был, а везде — с Миловидой, гордился ею и не скрывал этого. У кого же еще есть такая, как у него? Кто еще может похвалиться такой, как она?

Подошел, сел возле нее, ожидая, как награды, мягкого и приветливого взгляда, и, усмехнувшись над собой, сказал:

— Хочу поехать в поле, посмотреть нивы.

— А это надолго?

— Если с тобой, можно и надолго.

— Ой, нет, — застыдилась. — Мне уж не вольно разъезжать. Могу навредить нашему княжичу.

Помолчал, радуясь, пообещал тихо:

— На днях поеду в Черн, привезу бабку-повитуху.

— Бабку, может, еще и рано.

— Зато не будет поздно. Видишь, весна уже, меня в любой день могут позвать обязанности. Как же я одну тебя оставлю?

— Спаси бог, — сказала она как бы про себя.

— Счастлива со мной?

— Да. Не знаю, будет ли дальше так, а сейчас я самая счастливая, Волот, самая-самая!..

— Вот и оставайся такой, — приголубил он ее. — А я все же поеду.

Поле под Соколиной Вежей не такое уж маленькое.

По одну сторону долины идет оно под гору, по другую тянется логом, обступая холм. Есть что объезжать князю, есть на чем остановиться глазу. Озимые зеленеют буйно, и яровые ненамного отстают. Заяц, может, еще и не спрячется в них, а птичку уже не найдешь. Греет нежаркое, приветливое солнце, выпадает время от времени и живит посевы плодоносное семя дождя. Похоже, что боги довольны принесенными им жертвами, умилостивились и посылают благодать свою на все просторы окольной земли. А это — радость всем, от князя до смерда, и не только в Тивери. Будут вызревать злаки, вызреет и надежда, что конец беде, будет где скот выпасать, будет чем накормить. Да, теперь уже будет. Перестанут печалиться от бесплодных дум родители, не будут смотреть на них впавшими, постоянно ждущими чего-то глазами дети. И умерших от голода не будут уже тащить на костер, словно колоды, не будут сжигать с равнодушием, как сжигают что-то ненужное. Потому что уже появилась зелень на лугах, а значит, есть уже и набел, есть прокормиться чем каждому, кто сберег хоть какую-то скотину.

Князь, как и обещал, в эту осень не ходил на полюдье, и если знал, как живет его народ, то знал от других. Понимал: что ходить, коли все равно ничем не поможет людям.

«И вправду, — думал, — чем он мог помочь еще? Сказал же: идите и берите все, что можете взять среди зимы в земле моей и мужей моих. Вот только... разрешили ли им взять? Не поинтересовался. Может, поехать сейчас и глянуть, какими вышли из зимы люди и все ли вышли? А почему бы и нет? Конь выгулянный, так и порывается на простор. Миловида не успеет и заскучать. Она больше с маленьким теперь, чем со мной».

Повернулся, сказал сопровождавшим его отрокам, чтобы не отставали, и свернул на стежку, что вела в долину. Сначала лесом, потом — лугами, снова лесом и снова лугами. Гнал коня, пока не наскочил на засеянное поле, а в поле — на поселян. Сидели при дороге, рвали траву, чистили ее и ели. Большинство — малышня, но были и пожилые, правда, только женщины.

— Добрый день, люди, — остановился, подъехав.

— Добрый день, — поднялись, низко поклонились женщины.

— Эта дорога выведет нас к веси или к удельному селищу?

— Да. За тем пригорком сразу же и будет весь.
— А поле это чье?
— Наше, поселянское.
— Из мужей поблизости есть кто?
— В лесу мужи, возле бортей.
— Так позовите, скажите, князь желает видеть.

Их было немало. Все худые, изнуренные, однако были и такие, кто лишь немного спал с тела.

— Кто будешь? — указал на такого.
— Ролейный староста, достойный.
— Поле это, говорят, общинное, поселянское. А леса? Кому принадлежат леса окольные?
— Этот — общине, а все остальные — мужу твоему, Вепру.

«Ага, Вепра, значит».

— И что же, Вепр посчитался с волей веча, пустил, когда была зима, народ в лес к перевесищам, прудам да озерам?

Староста переступил с ноги на ногу, зыркнул на поселян своих, потом — на князя.

— Не пустил, выходит, — понял Волот.
— Я такого князю не говорил. Однако всякий, кто шел брать в хозяйском лесу или в озере поживу, брал хитростью или ловкостью.
— Ясно. И много людей умерло от голода?
— Немного, княже. Весь заставила всех, кто имел нетельную скотину, передать ее общине на откуп, а уж община делилась с голодающими тем, пусть и небогатым, а все же прибытком.

Вон как!

Помолчал, вглядываясь в старосту, мужей, которые стояли по обе стороны от него, и уже потом спросил:

— А теперь как? Поля все засеяны или есть и такие, что остались незасеянными?
— Есть, княже. Чем могли засеять те, у кого, кроме кучи детей, ничего не осталось?
— А община? А имущие мужи? Неужели не могли одолжить?
— Всем не могли, достойный. Уповаем на то, что урожай дадут засеянные нивы, может, потом как-то избавимся от беды.

«Негоже оставлять сейчас Миловидку одну, — думал, пустившись в обратный путь, — но не время отсиживаться и возле нее. Пора возвращаться к княжьим обязанностям, а значит, и в Черн».

Когда въехал на подворье Соколиной Вежи, его встретили мужи от Стодорка.

— Что случилось?
— Если не случилось, то может случиться, княже. Прибыл из Маркианополя посланец, велел сказать тебе, чтобы был готов ко всему: ромеи послали к обрам своих нарочитых мужей.
— Зовут-таки обринов?
— Да. Будут просить их, чтобы пришли и выдворили из Иллирика склавинов.
— И это — все?
— Очень может быть, сказал, что обры станут потом в Подунавье щитом между славянами и ромеями.
— Хм. Ну что ж, обедайте, да и поедем вместе в стольный город наш.

XIX

Мужи Власт и Стодорко не гуляли тут без него, не уподобились своему князю. Осмотрелся, возвратясь в Черн, и увидел: не в охоте зимней искали они усладу, а старались быть достойными княжьих надежд и, по всему судя, достойно-таки заменили его на отчем столе. Немало народу набрали в дружину, позаботились и о броне для них, и о яствах.

— Хвалю, братья, — расчувствовался князь. — Хвалю и радуюсь. Если бы вы знали, как это вовремя все! На народ тиверский надежды ныне мало. Слишком он обессилел за голодную зиму. А нам надо спешно строить новую линию крепостей.
— На крутопадях днестровских?
— Главное — там, где подходят к реке торные дороги, где возможна переправа обров, если пойдут к Дунаю.
— Князь станет им на пути?
— Там видно будет. Может, позволим пройти через нашу землю да и забудем, что шли. А может, и нет. Все будет зависеть от того, какие у них намерения. Чтобы не жалеть потом, сейчас надо готовиться к встрече с этим неведомым нам людом. Бери, Власт, воинов, бери все, что надо воинам, и к делу. Строй вежу — твердь и знай: если что — тебе придется и защищать ее.

Власт не очень-то обрадовался этому повелению князя, но и не перечил.

— А ты, Стодорко, — не дал и тому долго думать князь, — разыщи в Веселом Долу или в Придунавье Вепра и передай ему, чтобы был готов к тому же в Холмогороде. Обры и на него нацелятся, непременно. Я же позабочусь об обороне Тиры, дам знать о ромейских силах князю Добриту. Успеем ли много сделать из того, что надо бы, не ведаю, однако делать надо, и немедленно.

Поселяне ни тогда, ни позже не знали, что беспокоит князя и его рать. У них свои заботы, им свое на уме. Да и зачем настраивать людей на худшее? Весна день ото дня становится говорливее, все вокруг обещает благодать, что же еще нужно поселянину? Ласково светит с поднебесья утихомиренный жертвами Хорс, небо над Тиверью чистое и синее. Если и затягивается тучами, то ненадолго. Погремит, погрохочет, засеет землю щедрым семенем дождя — и снова проясняется, снова звенит в нем многоголосое птичье пение. Радость ложится на сердце. Воздух пахнет после дождя полем и лесом, землей и солнцем, идешь — и не хочется идти, едешь — и не хочется ехать. Хочется слиться с медовыми запахами земли и раствориться в этом радостном мире.

— Хвала милостивым богам! — Лицом к солнцу молится своему огненному господину благодарный за его щедрость ратай.

— Хвала милостивым богам! — подставляет тот же ратай свое лицо под дождевые струи и уповает на щедроты бога грома и молнии. — Слава и хвала! Слава и хвала!

Больше всего забот сейчас на огородах. Только пробилось к солнцу посаженное, а всходы надо уже уберечь от травы-придухи. Землю, чтобы плодоносила, надо лелеять. Вот и копается народ, обихаживает свое добро и воздает хвалу богам. Все говорило: идет к урожаю, а значит — к добру. И кто мог подумать, что надеяться на божью благодать, верить ей — преждевременно?

А случилось.

С утра рано вышли поселяне в поле, ожидая погожего, как и вчера, дня. Роса выпала с ночи, а если росы щедрые и усмехается утреннее солнце — быть погожему дню. Так до полудня и было. Зато в полдень тьмою закрыло даль и темнота эта угрожающе приближалась.

— Буря, что ли? — допытывался кто-то из молодых.

— В такую пору бурь не бывает.

Недолго гадали, что это может быть. Темная, как туча, стена надвигалась, подобно валу. Сначала, может, и

не каждым замеченные, сели на злаки и забегали по ним отдельные пруги, за ними — вторые, за вторыми — третьи. Это была саранча. Она жадно набросилась на зелень, все отчетливее и громче становился треск ее челюстей, и теперь уже ни у кого не оставалось сомнений, что это не просто пруги, не просто рубцы, покрывшие внезапно зелень, — это страшная беда упала на головы тиверцев. Кто-то схватил метлу, размахивал ею и кричал на своих родичей, чтобы не теряли время, а хватали что попадется под руку и отгоняли эту напасть. Другие переживали не так за огород, как за поле, — побежали что было сил туда. «Боги, — думал или молил вслух каждый, — спасите! Боги, заступитесь!»

А боги молчали. Может, они и сами были озадачены тем, что происходило на земле: саранча, не спросясь их, летела тучей, застилая собой солнце.

Поселяне, бежавшие в поле, еще надеялись, что саранча пройдет полосой, не зацепит их поля. Может, ведь может же она пролететь мимо!.. Но это были напрасные ожидания. Саранчи хватило не только на поля, но и на луга — прожорливая тварь не брезговала ни княжьими, ни поселянскими посевами. Трощили спешно и прожорливо все подряд, все без разбора, все, что могли перемолоть их не останавливающиеся ни на миг челюсти.

— Боженьки! — руки опускались у людей, когда они добегали до поля, и страх заставлял цепенеть сердце. Поздно. Уже ничего нельзя было сделать. Там, где прошла саранча, белели лишь голые стебли, а то и вовсе ничего не было — голая, безжизненная земля.

— Это погибель наша! Саранча выжрет наши поля, сожрет и нас!

Потемневшими глазами смотрели на этот разор мужи, в голос кричали и причитали жены, плакали за женами дети, а саранча делала свое: падала туча на поле за полем, оставляя за собой убогую, обезображенную ниву. Да и ниву ли? Не судьба ли народа въяве простиралась здесь перед теми, кто осмеливался заглянуть мыслью в беспросветный завтрашний день?

Что делать? Где, у кого искать спасения? У князя ли, у богов ли? Что даст князь, что дадут боги, если земля забирает последнее, что есть у людей, — надежду?

Сидели, горюя, ратаи, опустились руки у строителей, которые должны были возводить тверди по Днестру, не знал, что делать теперь, ремесленный люд. Заполонила

разум и сердце печаль. Это конец. А если конец, то стоит ли к чему-то стремиться? Чему быть — того не миновать, а уж тут и быть нечему. Саранча, говорят, прошла по всей земле, не пощадила ни краешка, опустошила всю землю.

И именно тогда, когда отчаяние стало безмерным, кто-то сдуру ли, с умыслом ли бросил — и пошло эхом по Тиверской земле: сами виноваты. Зачем сказали тогда на вече: «Все пусть тянут жребий, кроме князя? А если князь или его семья как раз и виноваты перед богами?»

— Да кто это выдумал! Кому только на ум такое пришло? Да князь вон как повелся с народом, сколько добра для всех сделал!

— Сделал да и пошел утешаться молодой женой. Всю зиму проутешался. А если это она виновата перед богами?

— Заткни рот! Нашел, скажи на милость, вину. Разве боги запрещают кому-то жениться? Или сам не женатый?

— Да это поклеп какой-то — обвинять князя за брак. Разве молодая княгиня не по своей воле шла за него? Или, может, несчастлива в браке?

Говорили всякое, но как бы там ни было, а камень брошен, волны родились от него и пошли. Кто способен остановить их? Катились и катились, бунтуя народ, пока не достигли берега и не разбились об него.

— На вече! На вече! Пусть скажет вся Тиверь, как быть с князем! Пусть скажут старейшины, как будем жить в своей земле после такого истребления!

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

В Москве и Ленинграде, пытаясь поговорить с ребятами комсомольского возраста о будущем ВЛКСМ, я неизменно видел на их лицах подобие усмешки или полное отсутствие интереса к этой теме. Из десяти опрошенных мной студентов только один был в курсе, о чем шел разговор на последнем комсомольском съезде. Из семи молодых рабочих столичного завода «Прожектор» лишь двое назвали мне имя нового лидера ЦК ВЛКСМ. А в ленинградском СПТУ № 90 в группе из 30 человек никто вообще не слышал о состоявшемся XXI съезде...

СВЕРЯЯСЬ С ЖИЗНЬЮ

Что это — разочарование в своем союзе?

— ВЛКСМ нужно полностью разогнать,— категорично заявил мне студент Ленинградского технологического института **Андрей Яковченко.**— 72 года нашей молодежи морочили голову «авангардной ролью» союза, призывали «быть в первых рядах строителей коммунизма», а на самом деле партгосаппаратчики просто бессовестно пользовались молодежным энтузиазмом, затыкая им «дыры» в своей неразумной хозяйственной политике. А что взамен? Место в палатке, койку в бараке?

— Мы больше не хотим кормить комсомольских функционеров, которых интересуют не молодежные проблемы, а «ступеньки» собственной карьеры,— добавила его однокурсница **Марина Дымова.**— Кстати, наши бывшие идеологи и блюстители нравственности сейчас все кинулись зарабатывать «бабки» на порнухе и растлении молодежи. Вот тут-то они и показали свое истинное лицо.

А вот мнение доцента Московского энергетического института, комсомольца 70-х **Вадима Логинова:**

— Я лично считаю, что комсомол сыграл большую роль в моей жизни и судьбах моих ровесников. Он объединял нас настоящим делом, когда мы работали в строительных отрядах во время третьих семестров, на уборке урожая или дежурили в добровольной народной дружине. Мы чувствовали себя нужными, даже незаменимыми, а это необходимо каждому человеку, тем более молодому. И разве наша вина, что комсомол постепенно забюрократился, оторвался от забот и интересов, которыми живет молодежь? Вся беда в том, что он начал примитивно копировать работу партийных органов. И не сами комсомольцы решили, чем им заниматься, не их комитеты, а «умудренные знанием молодежных проблем», пенсионного возраста дяди в парткабинетах, командовавшие ВЛКСМ. А сама идея Союза молодежи выдержала испытание временем. Вот только сейчас встал вопрос: каким должен быть этот союз? Минувший комсомольский съезд при всем его демократизме обстоятельного ответа на него не дал...

В отличие от бурлящих столиц на Вологодчине дела обстоят куда спокойнее, хотя и здесь продолжаются молодежные дискуссии, каким быть обновленному комсомолу и чем он должен заниматься в трудный для нашего общества период. Кстати, из вологодской областной организации, насчитывающей свыше 105 тысяч членов ВЛКСМ, «по собственному желанию» выбыло не более трех тысяч человек.

— Сегодня у нас нет альтернативных молодежных организаций — видимо, потому парни и девушки не спешат выходить из комсомола,— говорит секретарь обкома ВЛКСМ **Владимир Нечепа.**— Я согласен с критикой в адрес комсомольских работников, руководителей союза. Но давайте, что называется, отделять зерна от плевел. Долгое время сотрудники райкомов комсомола — а это люди с высшим образованием — буквально работали за гроши. Например, инструктор получал 160, а первый секретарь — 220 рублей. А ведь у всех семьи, дети. Они ишачили, не глядя на часы: мотаясь по командировкам, засиживаясь допоздна в комитете. И занимались не только ненужными отчетами, но и помогали комсомольцам решить различные конкретные проблемы: «выбить» новый трактор для вчерашнего «пэтэушника», помочь молодому специалисту, организовать самодеятельность в отдаленном сельском клубе, шефскую помощь деревенской школе...

Слушая Владимира, я во многом соглашался с ним. Уж кого-кого, а райкомовских работников, тем более в глубинке, огульно нельзя охаивать. Я знаю десятки секретарей и инструкторов сельских комитетов, которые во время жатвы дневали и ночевали в полях и на фермах, а порой и сами садились за штурвал комбайна или за баранку молоковоза, работали на стройке с киркой в руке. А девушки, секретари по школам, не только принимали в комсомол, но и доставали для деревенских школ парты, стройматериалы, библиотечные книги и учебники,— их-то разве можно обвинять в бездельничанье? Не секрет, что многие из них так и не обзавелись семьями. И, простите, не все, как нам сейчас пытаются внушить «комсомольские бытописатели», пили водку в саунах с первыми секретарями или проверяющими из обкома. Да, их по-человечески жаль, что лучшие девичьи и женские годы они посвятили сборам и торжественным линейкам, но ведь делалось-то это вполне искренне и все-таки приносило пользу ребятам. А уж для детдомов и интернатов каждый приход комсомольской богини был праздником... Прав Володя Нечепа: нельзя всех и вся стричь под одну гребенку.

— В райкомах мы на одну треть сократили штаты, а в областном комитете чуть ли не в два с половиной раза,— продолжает секретарь.— За счет сэкономленных средств повысили зарплату комсомольским работникам. Нас и в этом пытались обвинить местные неформалы: дескать, наживаемся в трудный для страны период. Но попробуй найти желающих работать за двести рублей да еще мотаться по командировкам. А ведь кому-то надо работать — заниматься «первичками», сельскими школьниками и трудными подростками. Что-то я не вижу со стороны неформалов и ярых наших противников особого желания заниматься молодежным досугом и научно-техническим творчеством.

— Володя, комсомол сейчас обвиняют в том, что он монополизировал видеоклубы, стал зарабатывать деньги на боевиках и порнофильмах.

— А при чем здесь комсомол? — ответил он вопросом на вопрос.— Во-первых, мы отказались командовать первичными организациями и тем более не вмешиваемся в работу хозрасчетных центров НТТМ, кроме тех, что созданы непосредственно при обкоме. А их в области семь десятков. И занимаются они, простите, не только «порнухой» (кстати, на эротические фильмы подростков у нас не пускают), а прежде всего научно-техническими разработками и организацией клубов по интересам для тех же несовершеннолетних. А насчет денег, так сегодня мы обязаны сами себя обеспечивать для существования — на дотацию из ЦК не проживешь, к тому же ее скоро совсем перестанут выделять. И потом, наши хозрасчетные центры занимаются также благотворительной деятельностью, перечисляя заработанные средства детским домам и обществу инвалидов, подростковым клубам, оборонно-спортивным лагерям школьников. ВЦСПС совсем прекратил оказывать им свою помощь. И вышло, что, кроме комсомола, ребят и поддержать некому. Наше государство в отличие от других, менее «гуманных», почти не выделяет средства на молодежные программы. И пока у нас не будет Госкомитета по делам молодежи, комсомол здесь вряд ли кто заменит.

— И как же сегодня ваша областная организация строит свою работу? — поинтересовался я у секретаря.

— Прежде всего занимаемся тем, что волнует молодежь, отказавшись от лишней «идеологизации» в своей работе,— сказал он.— Конкретными делами — организуем молодежные жилищные комплексы и хозрасчетные центры, агитбригады, которые ездят по селам нашей «глубинки». Проблемами «афганцев». Колониями для несовершеннолетних... Клубами самодеятельной песни...

— А молодежью на производстве, ее проблемами? Раньше работа здесь в основном сводилась к росту комсомольско-молодежных бригад.

— Это уже в прошлом,— улыбнулся В. Нечепа.— Комитеты сами планируют свою работу и уже не гонятся за отчетной цифирью. Там, где КМК приносят реальную пользу, они создаются без «натяжек». А искусственно, из-под палки их никто уже не насаждает. Хотя, я считаю, на иных производствах они необходимы, но это опять же решают сами ребята, а не комитеты. Их дело — отстаивать интересы молодежи, добиваться конкретной помощи в решении проблем труда и быта комсомольцев.

— А как складываются отношения с партийными органами?

— С тех пор, как первым секретарем обкома КПСС избрали В. А. Купцова (ныне он заведующий отделом ЦК партии), ЦУ «сверху» сразу прекратились. Более того, в ряде районов первыми секретарями выбрали молодых ребят, не имеющих партийного билета, и обком партии одобрил эти решения. Так что команд оттуда мы уже давно не слышим. Даже в идеологической работе.

Я боюсь давать какие-либо прогнозы на будущее, но считаю, что комсомол может выйти из кризиса, если он будет заниматься конкретными делами и конкретными людьми. Возможности для этого сейчас есть.

Александр НЕВСКИЙ

ОРУЖИЕ. БОЕПРИПАСЫ. НАРКОТИКИ...

Уверены, вы даже не догадываетесь, что на контрольно-пропускном пункте «Брест», где нашу границу пересекают автобусы и машины, не проходит и суток, чтобы пограничники не обнаружили контрабанду. Вот, например, недавно был задержан микроавтобус марки «Мерседес», за рулем которого сидел гражданин США. Что же он пытался провезти? 1817 книг различного содержания, 40 магнитных кассет, два микрофона, пять банок типографской краски, пять рулонов бумаги для машинописи, две банки фиксатора, 1600 рублей наших денег. Задержанный сказал, что он должен был все доставить в Москву и передать неизвестному ему человеку. А контролер-прапорщик А. Новиков пресек попытку провезти 38,8 килограмма жемчуга в железнодорожном поезде Париж — Берлин — Москва на сумму 1,7 миллиона рублей. На черном рынке этот жемчуг пошел бы по другой цене — за 9 миллионов!

Об этом и многом другом поведал журналистам центральных газет и журналов офицер политического отдела контрольно-пропускного пункта «Брест» А. Декуша. Встречу с ним, а также пограничниками Брестского погранотряда имени Ф. Э. Дзержинского организовало Политуправление погранвойск КГБ СССР. Группа журналистов, среди которых был и сотрудник «Молодой гвардии», на специальном самолете утром была доставлена в Брест. Там она побывала в Брестской крепости, посетила погранзаставу имени Героя Советского Союза А. Кижеватова, под руководством которого пограничники сражались до тех пор, пока стены здания, где они укрывались, немцы не сровняли с землей.

— В последнее время резко увеличилась контрабанда, — сказал А. Декуша.

— Что же к нам везут?

— Оружие, боеприпасы, наркотики, баллончики со слезоточивым газом, отравляющие вещества.

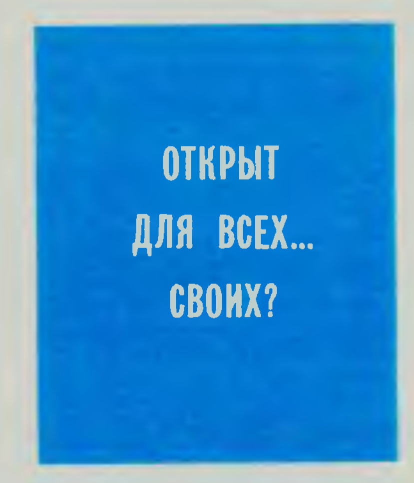
— А что вывозят?

— Предметы искусства, иконы, антиквариат, золото...

За последнее время упростились поездки через границу. Увеличилось число тех, кто желает приехать к нам. Но не всегда едут с добрым сердцем. Немало таких, кто за «пазухой» держит камень. Скажем, только в Бресте за первый квартал этого года было задержано контрабанды в 3,5 раза больше, чем за тот же период прошлого года. А сколько случаев, когда пытались провезти горячее и холодное оружие, баллоны с газом «CS», боеприпасы!

— Вы хотите, чтобы граница нашей Отчизны была распахнута настежь? Я, например, нет! — сказал А. Декуша.

Мы тоже такого же мнения.

Всем, кому надоели бессонные ночи, мандраж перед экзаменационной сессией, а также для тех, кого пугают предстоящие вступительные экзамены в вуз, брошен спасательный круг: под эгидой творческого Союза учителей СССР, Академии наук СССР и Советского фонда культуры создан Российский открытый университет (прообраз того, который существовал в России в период с 1908 по 1918 год на средства либерала А. Шанявского).

Из проспекта мы узнаем о целях деятельности РОУ: «Университет призван проводить исследования, разрабатывать проекты и внедрять результаты научных поисков, а также подготавливать к участию в них и вовлекать в них людей, желающих приобщиться к методам и процессу разыскания истины — не только в науке, но и в искусстве, философии, религии, политике, нравственности, различных областях практики».

Разумеется, как и в других учебных заведениях, двери РОУ открыты для всех желающих, независимо от национальности, политических взглядов. Но есть в проспекте подпункты, заставляющие в этом сомневаться. С одной стороны, «РОУ предназначен и для тех, кто не претендует ни на ученые степени, ни на дипломы. Можно учиться в РОУ сколь угодно долго». Естественно, что для них обучение будет своего рода ликбезом — не больше!

А вот пункт для других — «особо» одаренных. Он гласит, что можно в течение 4—8 лет получить ученую степень бакалавра или магистра наук или искусства. Причем если те, «кто не претендует», будут зачислены на подготовительный поток, то каста людей «одаренных» может сразу же начать работу над диссертацией на соискание ученой степени. Для чего необходимо лишь «опубликовать свою диссертацию, а затем публично защитить ее иа открытом международном диспуте перед международным советом экспертов».

Да, гладко выходит на бумаге. Вот только не сказано, где можно будет опубликовать диссертацию.

И каким образом страждущему добраться до международного совета, если он собирается где-нибудь в Лондоне или Маниле?

Примечательно, что помощь в создании РОУ оказывают США, ФРГ и другие западноевропейские государства. Откуда такая бескорыстная заботливость? Ведь для финансирования подобного общественного научно-учебного учреждения, куда будут принимать всех желающих, нужны немалые средства. А известно, что капиталисты на ветер деньги не бросают...

Обучение в университете в основном в заочной форме. За каждым учащимся будет закреплен определенный «тьютор» (наставник), работающий по контракту.

Штат университета пока не набран, но желающих работать в нем немало. В газете «Открытый университет» № 2 за 1990 год свои услуги предлагают Л. Блинина и С. Митлин из Москвы, Е. Лившиц из Курска, киевляне В. Кизим и И. Малиновский и другие преподаватели.

Я задала вопрос куратору педагогического факультета Дмитраковой Н. П.: «Многое зависит от качества работы тьютора: что он даст своему подопечному, какие мысли, идеи попытается вложить в головы в основном 17—18-летних молодых людей? Поскольку университет носит название Российский, значит, он должен основывать свою работу именно на образцах отечественной философской мысли и культурных традиций?» Но выясняется, что название «Российский» — временная ширма, которую вскоре сменит вывеска демократического характера, и речь в колледжах пойдет о культуре вообще, «ведь мы должны учиться и жить так, как живет сейчас весь мир». Но как так? Ведь в разных странах живут по-разному?..

В проспекте РОУ, подписанном его ректором Б. Бим-Бадом, сказано, что в открытом университете будут действовать колледжи политики, бизнеса, менеджмента, социологии, права и др. Но вопрос, кто из советских специалистов станет проводить занятия? Не те ли, кто сегодня подписывает невыгодные для СССР контракты на поставку за рубеж невосполнимых природных ресурсов, на продажу земель, на создание экологически вредных объектов на территории нашей страны? Ведь именно эти «специалисты», твердя о рынке и демократии, насаждают в головы наших детей мысли о вещах и деньгах, выбивая старательно все святое, чтобы в будущем не составляло никакого труда ретивым предпринимателям Запада за подержанный «мерседес» заставить будущего советского менеджера подписать любой невыгодный для нашей страны контракт.

Еще раз просматриваю проспект и вновь задаюсь вопросом: что будет с выпускниками? Ведь «по большей части эти специальности — новые, еще не внесенные в государственный реестр»,— читаю я в проспекте. Так, значит, у нас в стране по этим специальностям и работу не найдешь? Хотя «получившие эти специальности люди скорее найдут себе применение в общественных, кооперативных, совместных, частных и иных — н е г о с у д а р с т в е н н ы х (разбивка в тексте проспекта) предприятиях, органах и учреждениях, чем в государственных». Или все гораздо проще: отучился здесь бесплатно (а ведь на Западе обучение стоит очень недешево!) и, получив диплом с международной квалификацией, оказался в объятиях университетских спонсоров. И тогда «гуд бай, Россия!». Живи ради чистой науки, либо чистого искусства, либо чистого барыша...

Е. ЖУЙКО,
Москва

СПАСТИ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ

Россияне и ленинградцы крайне обеспокоены критическим состоянием памятников истории и культуры второй столицы исторической России С.-Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Десятилетиями Ленинград был лишен необходимых средств для поддержания в должном состоянии своего исторического центра. А ведь это не только достояние города и страны, но и всей мировой цивилизации. Дополнительная беда надвинулась со стороны угрожающей экологической ситуации, бесправной социальной, жилищной неустроенности людей, катастрофического состояния здравоохранения, народного образования и т. д., приведя вторую столицу России, дивную «Северную Пальмиру», на рубеж полной катастрофы.

Одновременно город встревожен всевозможными слухами, отдельными публикациями, теле- и радиоинформациями о строительстве развлекательного комплекса Сайруса Итона в Лахте и в центре Ленинграда, о готовящемся решении нового использования зданий и сооружений исторического центра города, согласно которому около 70 жилых домов и 30 дворцов — памятников истории и культуры будут переданы инофирмам под международные заведения. Выселение граждан из этих домов уже началось.

Правительство СССР выделило средства на восстановление центра Ленинграда, и нельзя допустить, чтобы эти народные деньги были затрачены на ремонт и реставрацию зданий с последующей передачей их инофирмам, что предусмотрено в проекте. Мы, ленинградцы, против распродажи национального достояния.

Кроме того, весьма не ясна ситуация с идеей «превращения Ленинграда в вольный независимый город». К этому призывают депутаты Ленсовета. Ленинградцам необходимо знать:

ВОЛЬНЫЙ — в каком смысле?

НЕЗАВИСИМЫЙ — от кого?

СВОБОДНЫЙ — от каких обязательств? (Перед народом и страной?)

ТРЕБУЕМ:

1. Утвердить конституционный статус Ленинграда в пределах СССР и РСФСР.
2. Срочно принять ЗАКОН РСФСР ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ, обеспечивающий сохранение их в отечественных руках. Такие законы существуют во всех цивилизованных странах.
3. Выделить Государственную инспекцию по охране памятников (ГИОП) в самостоятельную независимую от ведомственных интересов организацию и наделить ее реальной властью и ответственностью за сохранение отечественного достояния.
4. Предать полной гласности экономические и материальные условия реализации намеченных проектов взаимодействия с инофирмами.
5. Опубликовать весь перечень инофирм и совместных предприятий, претендующих на здания исторического центра Ленинграда, и имена ответственных лиц в Ленсовете и исполкоме, ведущих переговоры на эти темы.
6. Предложить ленинградцам гласное и широкое обсуждение наиболее серьезных из намеченных проектов и в первую очередь проект развлекательного комплекса С. Итона «Лахта—Центр» с его технико-экономическим обоснованием.

Заявляем, что осуществление всех проектов административного и функционального переустройства Ленинграда и его пригородов, скрываемых от народа, приведет к уничтожению исторической столицы страны, к подрыву и разрыву экономических и политических традиций, связей нашего города с Отечеством.

Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — неотделимая часть нашей Родины, ее детище, ее слава, боль и гордость.

Никогда и никому не позволим оторвать наш город от России под любым предлогом!

М. ЛЮБОМУДРОВ — член Союза писателей СССР и Союза театральных деятелей РСФСР (Ленинград)
Ф. УГЛОВ — академик АМН СССР, лауреат Ленинской премии, ветеран Великой Отечественной войны (Ленинград)
П. ВЫХОДЦЕВ — член Союза писателей СССР, заместитель ответственного секретаря Ленинградской областной писательской организации
Б. ШТОКОЛОВ — народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР (Ленинград)
В. РЯБОВ — доктор философских наук, профессор, секретарь правления Союза художников РСФСР, председатель Совета «Отечество» (Ленинград)
М. АНТОНОВ — член СП СССР (Москва)
Ф. ШИПУНОВ — эколог, публицист (Москва)
А. ПОСТОЛ — член Союза художников РСФСР, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор (Москва)
Н. МИРОШНИЧЕНКО — член СП СССР (Москва)
А. ЧИРКИН — член СП СССР
С. АЛЕКСЕЕВ — член СП СССР
В. БОНДАРЕНКО — член СП СССР (Москва)
В. СВИНИННИКОВ — главный редактор еженедельника «Ветеран» (Москва)
А. КУРНОСОВ — кандидат технических наук (Ленинград)
Г. СОРОКИН — член Союза художников СССР (Ленинград)
О. ЖОХОВА — художник (Ленинград)
С. ГРЯЗИН — ветеран Великой Отечественной войны и труда (Ленинград)
Г. ЕГОРОВ — художественный руководитель Ленинградского драматического театра «Патриот», лауреат премии Ленинского комсомола
Г. ВОРОБЬЕВ — писатель (Воронеж)

В ГОСТЯХ У СААМОВ

Центром праздничных мероприятий в рамках Дней славянской письменности и славянских культур стал в этом году Мурманск. В торжественной обстановке в городе был открыт памятник учителям словенским — святым равноапостольным Кириллу и Мефодию.

Вместе с творческими коллективами братских республик — России, Украины, Белоруссии — в мероприятиях участвовали мастера искусств — представители интеллигенции малых народов Севера.

На снимках: составитель словаря саамов А. А. Антонова на встрече с учащимися национальной школы села Ловозера Белозерского района; ансамбль народного танца; саамское поселение.

Фото Е. ЛУГОВОГО

УРОК ИСТОРИИ

В ИНТЕРЕСАХ ИНОЗЕМЦЕВ

Некоторые страницы из истории Российской академии

Я читаю будущее в прошедшем.

Екатерина ВЕЛИКАЯ

В допетровское время самой передовой считалась московская школа, созданная при Иконоспасском монастыре. На ее основе в 1682 году возникла Славяно-греко-латинская академия. В отличие от рационалистической европейской науки русские ученые люди постигали действительность полнотою сил духа, по меткому выражению А. Хомякова. Вне духовности веры знание для них не существовало.

Петровские начинания внесли раскол в жизнь Древней Руси. «Просветительская» деятельность иноземцев и реформы Петра кроили русскую жизнь по западным меркам. Уже в то время обозначился процесс, который Шпенглер позднее назовет «Закат Европы». Петр же, не предвидя этого, переиначивал Русь на закордонный манер. В науке русской преобразованиями руководили иноземцы Лейбниц и Вольф, оба — масоны, ученики Вангельмонта, известного европейского «вольного каменщика». В 1718 году, руководствуясь советами «просвещенных братьев», Петр приказал: «Сделать Академию!» И она была «сделана» в 1724 году в Санкт-Петербурге.

Знамение предстоящего и длительного для России кризиса академической науки выразилось в том, что первым ее Президентом стал не ученый, а просто — «образованный человек своего времени» Лаврентий Блюментропп, немец.

Михайло Ломоносов старался поднять престиж русской науки. Именно он впервые стал читать лекции и доклады на русском языке — 20 июня 1746 года Ломоносов выступил перед академиками с сообщением по естествознанию. Примечательно, что в Российской, то есть в Санкт-Петербургской, академии 22 года все разработки велись только на иностранных языках.

В середине XVIII века Ломоносов писал: «Едино упование состоит ныне, по Бозе, во Всемилостивейшей Государыни нашей, которая истинного любления к наукам и от усердия к пользе отечества, может быть, рассмотрит и отвратит сие несчастье. Если же того не воспоследует, то верить должно, что нет Божьего благоволения, чтоб науки росли и распространялись в России».

Петрова перестройка плодила и ширила мнение, будто «Русь сермяжная и лапотная» ни на что не годна, кроме как на коленопрекло-

ненное созерцание достижений Запада. Однако многие политические и военные деятели России получили образование не у иностранцев, а при дворе царей Алексея и Федора. Первые купеческие корабли строил Баженов, первый канал проводил Сердюков, горные заводы устраивал Демидов, Мартов был известным изобретателем, Самойлов — географом и картографом, Татищев — историком. Иностранцы при сем играли «роль на одну десятую полезную для страны, на девять десятых эсплоататорскую» («Новое время», СПБ., 9.3, 1882).

Вместе с иностранными формами в русскую жизнь была занесена инфекция, которую Екатерина называла «масонской язвой». В ее эпоху из всех чиновников высшего и высокого рангов более трети являлись масонами (см.: Вернадский Г. В. Русское масонство в царствовании Екатерины II. Петроград, 1917). В начале прошлого столетия в Москве работала ложа «К Мертвой голове». В ней состояли член Госсовета Мордвинов Н. С., министр просвещения Разумовский А. К., преподаватель Московского университета Чеботарев А. К., руководители ордена Розенкрейцеров князья Трубецкие, московский почт-директор Ключарев Ф. П. и др. Масонами были: Пестель, Новиков, Греч, Грибоедов, Бенкендорф, Кюхельбекер (Бакунина Т. Великие люди — масоны. Париж, 1935). Излишне говорить, что братья-каменщики вели «свою» работу в рамках идей «просвещения», и далеко не случайно, что иностранная инфекция обрела свою питательную среду, привилась в Петербургской академии. «Известно, что это учреждение положило начало в России взгляду на науку как на источник «кормления». Немецкие ученые передавали свои места и кафедры по наследству, веря ранее Дарвина в наследственность талантов,— мало того, считая, что эти таланты передаются от тестя к зятю. Фусс, например, получил таким образом место в Академии, а не прошло нескольких лет и в той же Академии оказались четыре Фусса» («Новое время», СПБ., 9.3. 1882).

Дело зашло так далеко, что в 1865 году была назначена специальная комиссия по изучению состояния дел в академии. В ее отчете сообщалось: «Пользы для России от Академии наук в ее 140-летнее существование едва ли больше, чем от любого нашего университета, возникшего в нашем столетии» («Чтение» в императорском обществе истории при Московском университете. Москва, 1865). Да и откуда взяться пользе для России от Российской академии, ежели, по данным «Памятной книжки Министерства народного просвещения на 1865 г.», в науке было ученых:

	Всего ученых	Русских
Первое отделение академии	21	9
Второе отделение (русская филология, здесь собирались т. н. «бессребреники», то есть внештатные академики)	6	—
Третье отделение академии	12	3

В уставе академии существовал параграф, по которому в академию избирают иностранцев лишь в том случае, «если среди русских нет достойных». Ну а судьи-то кто?

Великая Россия не давала миру великие умы в нужном количестве. Да что там миру! Самой России позарез нужны были «быстрые разумные невтоны», ведь на науку тратились русские народные деньги. И поэтому в упоминавшемся докладе комиссии содержится обращение к царю: «Государь! Румянцев и Демидов гораздо более принесли пользы русскому просвещению, чем наши академики, едва знающие русскую грамоту, тем менее Россию». Государь Николай Павлович помнил завет своей бабки: «Если другие не хотят знать России, следует ли из того, что Россия должна забыть свои интересы?» Екатерина в делах просвещения и политики знала толк.

Николай Павлович высочайшей волей призвал зарвавшихся и забывших своих кормильцев интеллигентов к уму-разуму — академии было предложено составить проект устава и штатов с целью усилить «ученую деятельность Академии» и «направить оную преимущественно на пользу России». Николай не забыл и друзей Российской державы, продемонстрировав тем самым, что национальный эгоизм не был свойствен России даже во времена «мрачной реакции и произвола» — именно так советские академики-историографы представляют время царствования Никола I.

Академики, конечно, учли эту рекомендацию и поэтому в первом параграфе Проекта указали, что академия должна быть «сословием», «первенствовавшим среди ученых Российской империи». Трогательная забота о благе России в такой академической трактовке объяснялась, видимо, тем, что членам академии предлагается государственной волей тяжкий и непомерный труд: два раза в год выступать с докладом на заседаниях академии. Впрочем, сию непосильную ношу академикам можно было произвольно, по желанию своему снять, ежели они заявят, что ведут обширнейшую работу. Может быть, нищенское жалованье заставляло несчастных академиков всеми силами избегать государственной повинности? Ведь 3000 рублей серебром и воеводский сан (4-й класс из 14, 14-й — самый низший) — «мизерное» вознаграждение за служение в храмах науки...

В упоминаемом докладе правительственной комиссии за 1865 год говорилось:

«Разве впервые нам... бросать десятки тысяч на возобновление какого ни есть погоревшего заграничного города, отыскание истоков Нила и устья Нигера, построение Храмов и школ иноверческих, изучение наречий кафроских и готтентотских, празднование юбилеев Шиллеров, Шекспиров и Дантов, осведомляться о здоровии Гарибальди, посыпать голову пеплом по случаю убийства Северо-Американского президента и не знать и не ведать, что у нас самих творится, как нас же проводят и морочат, в глазах наших распространяют влияние чужой народности, языка, нравов, обычаев, интересов, как наша Академия наук просвещала, просвещает и будет просвещать наш народ своими французскими и немецкими сочинениями, величать это преуспеянием на пути правильного и истинно либерального образования... а замечающих такие несообразности... называть врагами Русского народа и его просвещения?»

Эпохальные открытия российской науки делались помимо академии, а то и вопреки ей. Поэтому-то мы в большинстве своем и по сей день не знаем, что «самодвижущую тележку», паровую машину, электрическую лампочку, беспроволочный телеграф изобрели в России. Эти открытия прошли для Академии наук в лучшем случае незамеченными. Более тяжкая судьба постигла Д. И. Менделеева: российские академики просто несколько раз отказывали ему в приеме в академию. По политическим мотивам.

Сейчас, когда идет процесс воссоздания Российской академии, думаю, не лишним будет напомнить о малоизвестных страницах ее истории.

А. ДРОЗДОВ

ДЕРЕВЕНСКИЕ РОБИНЗОНЫ

Необыкновенно красива костромская земля. Глядишь и не можешь наглядеться, как сквозь прозрачную утреннюю дымку пробивается косой луч солнца... пока в очередной раз не ввалишься в глубокую лужу или не увязнешь по колено в глине. Ничего не поделаешь — российские дороги!

Наш спутник, уроженец здешних мест, ставший давным-давно горожанином, вспоминает о несуществующих ныне деревнях и селах, о том, как жили в них крестьяне, сколько зверья в лесах водилось и рыбы в Волге.

Времени для его рассказов предостаточно — дорога нам предстоит по меркам горожанина неблизкая: километров десять с гаком — именно столько до деревни Дьяково. От некогда большой, зажиточной деревни остался лишь один дом, в котором живет 75-летний Иван Иванович Солодов и его жена Елизавета Павловна. Их-то мы и решили навестить.

Не ждал нас Иван Иванович. Предупредить его никто не мог: нет с ним никакой связи, даже газет почтальон не носит — кому ж охота сюда идти!

— Что ж вы, Иван Иванович, деревню не покинули, к детям в город не переехали?

— Куда ехать? Всю жизнь здесь прожил, на этой земле. Родная она для меня... Хотите, покажу, где стояла родительская избушка? Там и родился я...

Мы вышли на улицу.

— Видишь эти три стога сена? Вот здесь и был родительский дом, всего в нескольких метрах от нынешнего.

За оградой чернел прошлогодний бурьян. Трудно представить, что когда-то здесь шумела жизнь.

— Дьяково-то наше, почитай, на всю округу славилось красотой,— пояснил Иван Иванович.— Здесь дорога широкая проходила, по обе стороны от нее дома добротные стояли. Дворов было не меньше полусотни. Каждая семья хоть одну корову, да имела, ну овцы там, птица... Луга за деревней были отменные... Да, жили безбедно. Земля у каждого была своя, не купленная, не арендованная. Советская власть бесплатно передала ее крестьянину. Ну и берегли ее, родную, обрабатывали заботливо, по-хозяйски, трудились — сил не жалели. Потому-то и урожаи брали хорошие. Осенью обозы в город нескончаемо шли. А назад мужики товар разный привозили — сапоги или мануфактуру какую, детишкам гостинцы. Словом, и сами неплохо жили, и город кормили.— Иван Иванович хитро прищурился: — И никакой продовольственной программы не было... Ну а когда началась коллективизация, многие в город подались. А те, кто остался поначалу, сдали всю свою скотину в колхоз и возрождать собственное подворье больше не пытались.

Говорил старик и о том, как много позже, когда большинство деревень наполовину опустело, началось сселение «неперспективных» деревень. Тогда-то правление колхоза и предложило всем жителям Дьякова переехать на центральную усадьбу. Кто хотел, перевозил свои дома на новое место, а другие разбирали их на дрова. Так и умерла деревня. Да и не только эта. Из сорока деревень в округе осталось четыре — Татарово, Татьянино, Ушаково да Берендюшка.

Давно нет ни ветряных, ни водяных мельниц. А ведь когда-то из одного Дьякова было видно больше 20 мельниц. Каждая за десять минут выдавала мешок муки!

О мельницах Иван Иванович может рассказывать бесконечно: как-никак отработал на одной из них два десятка лет.

— Сейчас вот намечаются перемены к лучшему,— продолжал старик.— Чувствую, многое должно измениться в крестьянской доле. Дай бог! Надо, конечно, отдавать крестьянам землю в вечное пользование.

— А захотят ли люди брать землю? И много ли найдется таких?

— Землю брать люди будут,— заявил Иван Иванович.— Многие ли — не знаю. Да много и не надо. Брать землю должны самые трудолюбивые, кто может по-настоящему хозяйничать и рисковать не боится. Только не все руководители колхозов да совхозов идут навстречу желающим вести свое личное хозяйство. Боятся, что ли, как бы кулаками не стали. Чепуха все это — насчет кулаков... В нашем колхозе решили, правда, попробовать,— Иван Иванович смеется.— Приезжает недавно ко мне бригадир и спрашивает: «Хочешь, Иваныч, взять гектаров десять земли?» А я ему: «Мил человек, а где ж ты раньше был?»

— Ну а если серьезно, Иван Иванович, если крестьянину бу-

Елизавета Павловна и Иван Иванович Солодовы.

дут гарантированы права подлинного хозяина, вернутся ваши дети и внуки в деревню?

— Не то что вернутся — прибегут,— убежденно ответил старик.— Не хотелось бы, чтобы после меня все пропало — и овцы, и корова, и пасека...

Время не стоит на месте. В стране уже приняты Законы о земле и о собственности. В России создана Ассоциация крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов. В основе ее деятельности — создание новых аграрных отношений. Ассоциация считает, что только многоукладность и многообразие форм хозяйствования помогут возродить село, поднять престиж крестьянина. За коренные преобразования сельского хозяйства выступает и созданный летом Крестьянский союз СССР.

Хочется надеяться, что вновь появившиеся организации помогут крестьянству. И все же, думается, одной гарантии прав современному крестьянину мало. Надо построить жилье, дороги, установить нормальные закупочные цены на сельхозпродукцию. А добиться этого за счет прекращения перекачки средств из российского бюджета в другие республики. Это и будет возвращение долгов многострадальной российской деревне, без чего она вряд ли сможет возродиться.

О. САНИНА
Фото А. ЕГОРОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

НА ШКОЛУ ДЕНЕГ НЕ ЖАЛЕЛИ...

В царствование императора Николая II народное образование в России достигло необыкновенного развития. Менее чем в 20 лет кредиты, ассигнованные министерству народного просвещения, с 25,2 миллиона рублей возросли до 161,2 миллиона. Сюда не входили бюджеты школ, черпавших свои кредиты из других источников (школы военные, технические) или содержавшиеся местными органами самоуправления (земствами, городами), кредиты которых на народное образование возросли с 70 миллионов рублей в 1894 году до 300 миллионов рублей в 1913 году.

В начале 1913 года общий бюджет народного просвещения в России достиг по тому времени колоссальной цифры, а именно 500 миллионов рублей золотом.

Первоначальное обучение было бесплатное по закону, а с 1908 года оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10 тысяч школ. В 1913 году число их превысило 130 тысяч. Если бы не революция, то обязательное первоначальное обучение было бы уже давно совершившимся фактом на всей территории царской России. Впрочем, Россия и так почти достигла этого результата. Анкета 1920 года установила, что 86 процентов молодежи от 12 до 16 лет умели писать и читать. Несомненно, что они обучались грамоте при дореволюционном режиме.

По числу женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX веке первое место в Европе, если не во всем мире.

Марина КОПЫЛОВА

ОБИТЕЛЬ

Две недели на правах послушницы провела в ней молодая журналистка

Проснувшись утром первого дня от тихого звука колокола в полутемной архиерейской, я долго соображала, что за помещение и зачем я здесь.

Смутно вспомнилось, как накануне провела около пяти часов «на перекладных» от Загорска до Коломны, а еще раньше был тесный «предбанник» приемной кельи старца Наума в Лавре, беседа с седым монахом.

— А в монастырь не хочешь?

Вообще-то мне туда не хотелось. Но старец засмеялся и назначил мне «срок пребывания» — 2 недели: ослушаешься — грех, непослушание. «Лучше не связываться»,— решила я и отправилась...

В монастырском храме заканчивалась служба: сестры в черных платочках встали в две колонны друг перед другом перпендикулярно алтарю и, опустив глаза в пол, пели молитвы. Высокая женщина в камилавке и мантии регентовала одной рукой. Мать Ксения, 35 лет,— в прошлом журналист Ирина Зайцева, затем выпускница регентской школы в Загорске, послушница, через несколько месяцев монахиня и теперь игуменья Новоголутвинского женского монастыря.

При свете дня монастырь похож на колонию беспризорных первых лет Советской власти — образ, столь популярный в нашем историческом кинематографе. Огромный двор, окруженный со всех сторон каменными корпусами XVII—XVIII веков, сараи, поленницы дров, скромно одетые, деловито снующие туда-сюда молодые люди. Таким можно застать нынешний Новоголутвинский женский монастырь в Коломне.

Мое двухнедельное послушание началось с работы на кухне. Замечательное место! Где еще можно враз познакомиться со всеми, прослушать лекцию дьякона о поклонах и старообрядцах, узнать превратности Коломенского водопровода и магазинов, подискутировать о преимуществах коллективной жизни в монастыре. Еда очень разнообразная: завсегдатаи других монастырей (Браилова, Пюхтиц, Пустыньки) утверждают, что мать Ксения балует девчонок — монашествующие должны быть более сдержанны в еде. Но игуменья считает, что, напротив, есть надо много, особенно поначалу, чтобы лукавый не тянул за пределы монастыря. Само пребывание в его стенах и исполнение послушаний — уже спасительно и полезно. Но постные дни соблюдаются регулярно: пятница, среда — как и в миру, и еще понедельник — «день ангела-хранителя»: считается, что тот, кто

соблюдает пост в понедельник, «сможет вывести бесноватого из храма». То есть, выражаясь светским языком, сможет управлять неуправляемым. Качество очень ценное в наши дни.

Меня поразило, как они за четыре дня оборудовали и отделали подвал храма, превратив его к именинам игуменьи в «престол Блаженной Ксении Петербургской», сшили полное облачение на священников и алтарников, на столы, двери алтаря, престол... За две недели вручную, ведрами выгребли весь многолетний хлам и мусор из подвалов братского корпуса, которого там лежало на метр от пола... Его потом самосвалами вывозили, и костры жгли два дня.

Однажды под лестницей меня остановила медленная, грустная девушка в «бабской» кофте и черном платочке по имени Феодора и попросила помочь ей в помощи больным: нужно много ножных ванночек для больных. Я, конечно, согласилась, но предложила более действенное средство — упражнение для позвоночника, которому научил меня один знакомый костоправ. «Нам нельзя упражнения, только поклоны...— грустно сказала Феодора.— Но если Матушка благословит, то...» Матушка не благословила: «Болезнь — от Бога, за грехи».— И тут же отчитала за пристрастие к кухне: «Чтоб я тебя там больше не видела! Давай — в подвал. Девочки тебя переоденут».

Она сама недавно оправилась от тяжелой длительной болезни, но принимала в день по нескольку делегаций, вела переговоры с подрядчиками и архитекторами. Именины — день Ксении Блаженной — встретила в храме, а вечером, после службы, позвала всех сестер к себе и каждую одарила чем-то полезным: Евангелием, Канонником, просфоркой, яблочком, всех допустила приложиться к священным мощам в красивых маленьких коробочках.

Вот уже полгода по выходным в Коломну приезжает молоденькая архитектор Женя и ныряет с рулеткой и альбомом в насквозь промерзший (независимо от погоды) братский корпус. Там, внутри, дышать приходится урывками, чтобы не простудить легкие. 1 сентября 1990 года здесь планируется открыть духовное училище: сперва хотели женское, но митрополия воспротивилась и настояла на мужском, после чего восстановительный пыл в монастыре слегка ослаб: многие надеялись поступить здесь же в регентский класс, минуя Загорск. Теперь все повисло в воздухе.

«Но люди предполагают — Бог располагает»,— рассуждает игуменья Ксения и не теряет надежды на перемены.

Каменщики в начале года, прикинув фронт работ в корпусах, разочаровали со сроками: если работать бригадой все лето, к 1 сентября не успеть. К тому же где взять столько подсобных рабочих!

Под ногами — коричневая пыль и осколки желто-зеленых изразцов, которые в общем-то никто не собирает, они попадают в отвалы, их увозят самосвалы в неизвестном направлении.

Контингент в монастыре подобрался «интеллигентский»: инженеры, недоучившиеся студенты, журналисты, архитекторы, художники всех направлений, есть сестры и из очень религиозных семей, которым родители даже дают «приданое» — коровку или козу, часто и сами приезжают помогать по хозяйству. Работа самая простая, женская: стирка, шитье, мытье посуды, приготовление еды для сестринской и паломнической трапезной, уборка храма. Их светские специальности, видимо, здесь еще не скоро понадобятся, ибо, как сказал недавно один большой специалист в реставрации, «все нынешнее поколение будет убирать и расчищать мусор».

Я спросила тогда сестер, что их вынудило уйти от мира, отсечь себя от всех мирских привязанностей. Одни отвечали, что по всем приметам, по предсказаниям старцев и в соответствии с Откровением Иоанна Богослова (Апокалипсис), времени на жизнь уже не остается: скоро наступит конец света, Страшный Суд. Пора подумать о спасении души, а не заботиться о прихотях своего бренного тела.

Другие, как, например, Ира Попова, пришли в монастырь в поисках «живой веры». До этого Ира работала экскурсоводом, возила туристов в Троице-Сергиеву Лавру. «Мне стали встречаться люди, настолько сжившиеся с Богом, что просто непостижимо, как они сохранились,— рассказывает Ира.— Для них верить — так же естественно, как дышать. Какие это красивые, свободные люди! Я завидовала им. Хотелось быть такой же. Но уйти в монастырь решилась не сразу...»

Сестре Катерине сейчас примерно столько же, сколько и матушке Ксении. По профессии — конструктор летательных аппаратов. Ушла из КБ прямо в монастырь. При мне на кухне страшно обварила ногу — сплошной водяной пузырь по всему подъему и голени. Она отнеслась к этому философски: сидя в келье, молилась и шила на обожженную ногу тряпичную тапочку, чтобы не замерзала ночью. Слез у нее не видел никто, даже ее однокелейница Анна Маргорина. Страдание многое прощает человеку — Катерина это знала и лечилась спокойно.

Несмотря на материальную состоятельность родителей, почти все девчонки были дома лишены духовных радостей, такого вот бескорыстного покровительства более старшего и сильного. Этот разлад духовных и телесных устремлений их «предков», видимо, и толкнул их в обитель.

Наташа из Грузии приехала в монастырь с горячей надеждой на получение регентского образования. Институт в Москве бросила, обрела отца духовного в Даниловском монастыре. Следом примчались испуганные насмерть родители, требовали у игуменьи отпустить девочку. Но девочке исполнилось — как раз в монастыре — 16 лет, и мать Ксения предложила родителям не делать поспешных необдуманных шагов: в институт всегда может вернуться, но раз ее Бог привел в монастырь, Богу видней, а девочка — умница и сама себе хозяйка, не пропадет. Пошли на компромисс: решено через два года после окончания регентской школы вернуться в Грузию и остаться при церкви, но в миру. Более старшие девушки уходили в религию и в монастырь сознательно, навсегда, отрезая от себя все мирское, и ни за что не желали бы вернуться домой: они не видят по ту сторону стен монастыря никакой манящей перспективы, чувствуют свою ненужность в миру — ни как женщин, ни как специалистов той или иной отрасли знаний. Для них эти подарки — Божий дар, обязательно к еще большему усердию в самосовершенствовании, в освоении вечных истин.

Кто-то скажет: «Фанатизм! Мракобесие какое-то!» Но поистине счастлив тот, кто устроит свою жизнь так, как она рисуется ему в идеале,— кто создал свой мир! — разве не к тому же стремится все искусство. Мы создаем себе дом для тела и для души, и если один из них напрочь отсутствует,— страдаем и болеем. Послушницы Новоголутвинского монастыря, на мой взгляд, гораздо счастливее тех толп беспризорных лимитчиц, которые мыкаются по сомнительным общагам, ходят по безалаберным, хамоватым начальствам, едва сводят концы с концами. Кто-то возмутится: «но почему эта несчастная лимитчица должна вкалывать на государство и этих «бездельни-

ков» в монастыре обеспечивать продуктами, тканями, стройматериалами?!» Но ведь никто не заставляет нас в церкви отдавать поминальную записку и покупать свечку, мы же это делаем добровольно. Эти деньги и питают монастырских жителей.

Вспоминаются слова святителя Филарета Черниговского: «Мир видит в пустынниках людей бесполезных для гражданских обществ, полагая, что он-то, со своею волею, он-то со своим умом... и есть единственный благотворитель обществ. Но мир не понимает значения нравственных сил для общества, не знает ни силы молитвы, ни обширности зрения духовного».

...В Пасху Матушка разрешила сестрам звонить на колокольне, кому сколько влезет. На концерты собиралась вся Коломна. На рассвете, после всенощной, ходили толпой смотреть на восходящее солнце. В полдень игуменья заказала автобус и отправила всех гостей, паломников, сестер, монашествующего священника отца Амвросия и старца Мисаила в лес. Сестры носились по лесу, пели религиозные песни, пекли в костре свяченые яйца, слушали рассказы священников.

В суматохе, делах и постоянном общении прошли две недели моего послушания. Потом — еще несколько добровольных приездов. Меня все время удивляло, до чего легко просыпаться здесь,— в городе почему-то нет такой радости от того, что пора вставать, идти на службу. Это ведь тоже работа — невидимая для мира, упорная и извечная.

ПИСЬМА «ТОВАРИЩУ»

МЫ С ВАМИ!

Бюро Щорского райкома ЛКСМ Украины, ветераны комсомола поддерживают обращение коллектива редакции журнала «Молодая гвардия» к читателям, членам Политбюро ЦК КПСС, членам Бюро ЦК ВЛКСМ, опубликованное в № 4 журнала под заголовком «Кому нужна расправа над журналом «Молодая гвардия»!».

Мы на стороне коллектива редакции.

Д. НИКОНЕНКО,
секретарь Щорского
райкома ЛКСМ Украины

Мы, бывшие «афганцы» Щорского района, ознакомились с обращением редколлегии журнала «Молодая гвардия» к читателям, членам Политбюро ЦК КПСС, членам Бюро ЦК ВЛКСМ «Кому нужна расправа над журналом «Молодая гвардия»!». Мы глубоко возмущены травлей журнала. «Афганцы» поддерживают редколлегию журнала «Молодая гвардия». Гласность должна быть гласностью. А кому она наступает на «хвост» — пусть исправляется или уходит с арены, а не использует свое служебное положение для давки всего прогрессивного. Правда должна быть правдой, а не ее пародией.

Мы с вами в трудную минуту. Можете надеяться на плечо друзей.

А. ТОМИЛО, М. ГАВРИК,
А. КРЯЖ,
члены Щорского райсовета
воинов-интернационалистов

«УДАЛЯЯСЬ ОТ ВСЯКОГО ЗЛА...»

Отец Иоанн Кронштадтский всегда почитался православным русским народом как Всероссийский Пастырь, как величайший святой XX века. На Поместном соборе Русской Православной Церкви совершена официальная канонизация Святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Его известные книги «Моя жизнь во Христе», «Христианская философия» и другие, издававшиеся в разных странах, но, к сожалению, только не у нас, приобретают теперь статус святоотеческих творений.

Публикуемые размышления отца Иоанна взяты из книги «Христианская философия», составленной на основе его дневниковых записей.

Все члены́ человеческого тела, как и всех одушевленных тварей, насажденные по разуму и хотению всеблагого, премудрого, пречистаго Художника Господа Бога,— благопотребны и святы, чисты, неблазненны, необходимы к бытию и благобытию людей и животных, а также к украшению и великолепию их. Вся добра зело, что сотворил Господь.

Вот пред глазами картина с нагими, самыми красивыми женщинами в самых искусительных позах *. Плоть страстная волнуется, раздражается сладострастием, разжигается похотью. А духовное мудрование говорит: чего ты, глупая, волнуешься? Успокойся: славь Творца при виде этой чудной красоты, этой дивной пластики человеческого тела. Ведь тут проявились премудрость, благость, красота, величие Художника-Творца, который создал такое тело свято, чисто, благопотребно, неблазненно, нетленно — не для блазненности, а для чистого, праведного, честного, святого употребления и для прославления Творца.

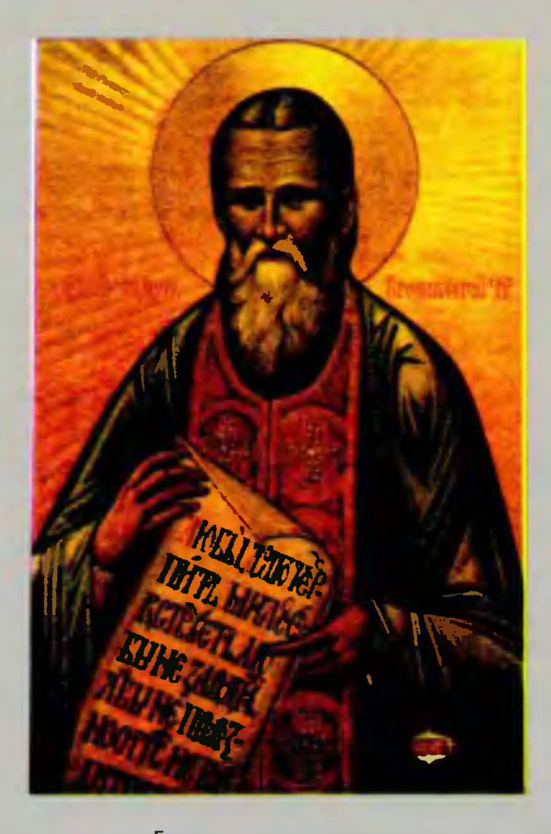
Ведь тело женщины — модель художника, для тебя, человек, приготовленная, чтобы по этому художественному, премудрому, прекрасному образцу образовать тебя, блазнящегося своим же, в существе, телом; ибо в таком теле, как в мастерской художника, выльется или исткется твое же тело, мужчины или женщины. Когда я это сказал сам в себе — всякая похоть пропала. Я стал покоен и уже нисколько не соблазнялся нагим телом женщины, а славил Господа, все премудро создавшаго.

* * *

Бог влечет души наши горе́, а враг — долу, к земле; все сласти и

* Не удивляйтесь, что говорю об этом. Картины, статуи, газеты и некоторые журналы своими иллюстрациями вызывают на это.

страсти человеческие, все влечения греховные устремлены к земле; и по страстным стремлениям души к земным, так называемым, благам, или по равнодушию к ним легко узнать: к Богу или к земле душа наша привязана; к добру или к злу. Так, например, театр при всем его восхвалении людьми светскими есть земное и греховное удовольствие, языческое, потому что предметом и целью имеет чисто зем-

ные удовольствия, и к Богу никого не приводит, разве отрицательно, чрез сознание всей суетности театральных представлений и лицедейств. Святая Церковь есть учреждение Божие на земле, для неба и небесное. Все светские писатели имеют предметом своим только удовлетворение земным чувствам и влечениям и редко имеют предметом христианскую мораль, христианское учение: это для них чуждая область; они как актеры и актрисы — от мира глаголют и мир их слушает. Вся прелесть греха, прелесть дьявола, заключается в том, чтобы отвлечь умы и сердца христиан от неба и небесного отечества, от святости и нетления уготованных нам благ,— и привязать, приковать к земле и земным радостям, и развлечениям, к земной любви, к тлену земному.

Творцу и Подвигоположнику нашему угодно было определить от начала, чтобы время нашей земной жизни было временем приготовительным к вечности, временем обучения, временем борьбы и подвигов, временем духовной войны, а не временем бездействия, праздности и суеты, а будущее бессмертное состояние наше — состоянием воздаяния: или славы и вечного блаженства, или состоянием вечного бесчестия и страшного мучения за бездействие, леность, небрежение и бесчисленные грехи.

* * *

Грешники и грешницы! Не забывайте, что грехи наши в помыслах, желаниях, намерениях, словах и поступках видит Бог, Богоматерь — Владычица наша, видят св. ангелы — хранители наши, видят св. угодники Божии, составляющие одну Церковь Христову — небесную и земную,— и ходите осторожно, в страхе Божием, испытуя непрестанно свою совесть, удаляясь от всякого зла и творя добро. Будьте подобно купцам, учитывающим свою прибыль и заботящимся ревниво о прибыли в торговле и умножении своего имения. Заботьтесь о духовной прибыли добродетелей.

* * *

Жизнь христианина — борьба и подвиг, а эта борьба должна иметь целью и последствием — утверждение в вере и любви к Богу и к ближнему, ибо и враг борет человечество и приобретает себе крепких борцов или служителей себе вольных и невольных, например, еретиков и сектантов, вообще вольнодумцев и богохульников, предателей, изменников Богу и царю, или блудников, пьяниц, завистников, убийц, гордецов, татей, мятежников и т. п. и через них орудует против Бога и людей, или предержащих властей, и чем более они удовлетворяют своим страстям — тем более делаются в них сильными, тем более служат дьяволу и тем большими делаются противниками Богу и людям ⟨...⟩.

Правда Божия требует, чтобы человек волею падший сознательно сам и подвизался против греха, боролся с ним и, побеждая его, призывал усердно на помощь благодать Божию, без которой никогда не может быть победителем греха, чтобы заслужить вечную награду от Бога и иметь утешение в том убеждении, что в этой нравственной победе есть и его доля заслуги.

На первой странице обложки «Товарища»: Памятник Кириллу и Мефодию. г. Мурманск. Фото Е. ЛУГОВОГО

КИТАЙ:

«ХУАЦЯО» ОККУПИРУЮТ ВУЗЫ

«Тяньаньмэнь» в переводе с китайского означает «площадь небесного спокойствия». Здесь в 1949 году была провозглашена Китайская Народная Республика. В 50-х годах площадь стала свидетелем манифестаций китайско-советской дружбы, происходивших под руководством Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци. Десятилетие спустя эти же деятели на той же площади руководили антисоветскими манифестациями — то были годы культурной революции (1966—1976 годы), называемой ныне китайским руководством как военно-полицейская диктатура. Случалось так, что группы манифестантов прямо с площади направлялись к советскому посольству и устраивали у его стен дикие оргии.

В апреле 1976 года десятки тысяч пекинцев и приезжих, охватив плотным кольцом Памятник народным героям, требовали прекращения полицейских репрессий, освобождения и реабилитации миллионов людей, попавших в жернова культурной революции. В 80-е годы главная площадь Пекина стала ареной многотысячных демонстраций студенческой молодежи, поддержанной рабочими, крестьянами, интеллигенцией. Для миллионов советских людей площадь Тяньаньмэнь стала известна после мая 1989 года.

Между демонстрациями 1976 и 1989 годов существует прямая связь. В обоих случаях демонстранты требовали демократизации общественно-политической системы, улучшения жизненных условий, решительной борьбы с бюрократией и коррупцией, соблюдения прав человека, гарантированных конституцией КНР. Правда, участники демонстраций-89 более категорично, чем в апреле 1976 года, настаивали на том, чтобы была рассказана вся правда о катастрофических последствиях «народных коммун» и «большого скачка», культурной революции и военного подавления восстаний в Тибете и других национальных регионах. Против демонстрантов была применена, как и в 1976 году, военная сила — обыски, аресты продолжались вплоть до октября 1989 года.

Однако события 1989 года отличались от апреля 1976 года не только массовостью и продолжительностью, но и политическими требованиями. Если в 1976 году демонстранты выступали против маоизма, названного ими фашизмом, за подлинный марксизм-ленинизм, то в 1989 году выдвигались лозунги: вернуть Гоминьдан в континентальный Китай, ввести многопартийную систему, отказаться от «китаизированного» марксизма как руководящего учения, создать в Китае федерацию равноправных народов, информировать население о политических реформах в Польше, Венгрии и т. п.

Главными причинами событий 1989 года стали последствия политики открытых дверей Западу, поощрение развития частной собственности во всех отраслях экономики, дальнейшая бюрократизация партийно-государственного аппарата в центре и на местах.

Переход от бюрократическо-административной системы к широкому развитию товарно-денежных отношений, рыночным механизмам в экономике и внешнеэкономических связях был осуществлен практически без какого-либо переходного периода. Прежняя система, господствовавшая в КНР более 20 лет, оставила заметный след во всех сферах экономики и общественной жизни. Это огромный государственный аппарат, многочисленные звенья управления, финансово-экономическая и кадровая зависимость местных предприятий и организаций от центра, полный развал социалистического планирования экономики вследствие «большого скачка», культурной революции, усиленной милитаризации экономики и общества в целом, зависимость от импорта средств производства.

С таким багажом Китай вступил на путь широкомасштабных экономических нововведений.

За истекшее десятилетие розничные цены на товары первой необходимости в 10 крупных городах страны увеличивались на 8—16 процентов в год, в том числе на мясо-молочные продукты — на 12—20. В слаборазвитых регионах, а таких в КНР большинство, рост цен за год составил 15—20 процентов. Внедрение капиталистических методов и форм хозяйствования привело к массовой безработице. В 1988 году в Китае только в городах насчитывалось 23 миллиона человек, из них лица моложе 40 лет — 12,7 миллиона. Безработное население деревни превышает 60 миллионов, в том числе в возрасте от 25 до 40 лет — 35 миллионов. За официальной чертой бедности (200 юаней, то есть 32 рубля в месяц) находятся 70 миллионов сельских и 27 миллионов городских жителей.

Региональная дифференциация жизненного уровня населения, рост цен, увеличение безработицы, иммиграции сельской молодежи в городе вызвали нехватку продуктов питания, возрастающий дефицит жилья в городах. С 1987 года в семи крупных городах КНР восстановлены ограничения на покупку мяса, сахара, хлеба и молочных продуктов (на 1 человека в месяц положено 1 кг мяса, 400 г сахара). «Норматив» жилплощади в городе на 1 человека — 3—5 квадратных метров.

Проводимые экономические реформы усугубили бюрократизм, коррупцию, ускорили смыкание административного аппарата с торгово-финансовой олигархией в центре и на местах. С 1983 по 1988 год свыше 130 тысяч членов КПК исключены из партии за взяточничество и хищения, более 670 тысяч получили партийные взыскания по этим же мотивам. Эпидемия коррупции продолжает наступать и сегодня. Любопытно, что партийно-государственные работники называются населением «гуаньдао»: «гуань» — чиновник, «дао» — спекулировать. Предметами спекуляции являются многие товары: от стали и проката до телевизоров и продовольствия. Известны даже случаи закрытия за крупные взятки госпредприятий под предлогом «нерентабельности» и передачи их в частный сектор или иностранным фирмам. Неудивительно, что одним из главных лозунгов демонстраций в КНР весной 1989 года был следующий: «Правительство должно быть ч и с т ы м, а народ должен чувствовать себя хорошо!»

Сегодня в Китае 450 миллионов человек из 1,1 миллиарда по переписи 1988 года составляют те, кто родился после 1948 года. Именно по этой категории больней всего и ударили рост цен, инфляция, безработица. Ведь поступающие в вуз выплачивают стоимость обучения — 800 юаней в гуманитарные и 1,2 тысячи юаней в год в технические, что составляет соответственно 128 и 192 рубля. А стипендия — 400—500 юаней (64—80 руб.) в год. По окончании учебы и аспирантуры по многим специальностям предоставляется свободное распределение. Естественно, что эти условия в настоящее время затрудняют, прежде всего материально, получение высшего образования, а также, в связи с часто меняющейся экономической конъюнктурой,— трудоустройство специалистов.

В то же время правительство, сохраняя «элитарные» школы и вузы (для детей центральной и местной бюрократии) и обеспечивая их выпускников различными льготами, стимулирует создание частных, «совместных» с иностранными корпорациями учебных заведений. Примечательно, что в негосударственных вузах не преподают марксизм-ленинизм и «идеи Мао», историю КПК, туда практически не принимают представителей нацменьшинств, зато привлекают молодых «хуацяо» — зарубежных китайцев из состоятельных семей — Гонконга, Тайваня, США, стран АСЕАН. Этим вузам разрешается открывать филиалы за рубежом, иметь в штате преподавателей до 80 процентов иностранцев, беспошлинно ввозить новейшие компьютеры и т. п. Плата за обучение здесь примерно в 10 раз ниже, чем в обычных вузах.

Демонстранты 1989 года называли «новые» вузы одним из результатов социальной дифференциации в стране, «кузницей кадров» для новорастущей буржуазии, перерождением системы народного образования в КНР. По мнению многих ораторов на площади Тяньаньмэнь, при расцвете бюрократии и коррупции создание «частных» вузов извращает идею повышения эффективности образования за счет новых форм интеллектуальной собственности, превращает эти формы в источники прибыли, коррупции, «кадрового пополнения» бюрократической элиты, связанной с иностранным капиталом.

Таким образом, демографические, социально-экономические и политические факторы обусловили массовый характер демонстраций и забастовок в КНР в 1989 году, начатых молодежью, а затем поддержанных рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией. Фактически события прошлого года в Китае поставили на повестку дня вопросы изменения политической системы в КНР, не претерпевшей каких-либо изменений с 1949 года.

Кампания противодействия «буржуазному либерализму и европеизации» началась уже с июня прошлого года. Она является главной темой публичных выступлений китайских руководителей, в особенности нового Генсека ЦК КПК Цзян Цзэминя.

Резкое усиление «антииностранных» кампании в КНР приходится именно на те периоды, когда подготавливаются и осуществляются кардинальные изменения во внутренней и внешней политике, например, политико-идеологический разрыв и конфронтация с СССР и КПСС в 60—70-х годах, противодействие «империалистическим доктринам» в разные периоды 60—80-х годов.

Примерно с осени 1989 года кампания «борьбы с вредными влияниями» включает и публикацию материалов, осуждающих нынешние изменения в СССР и Восточной Европе. По мнению китайского руководства, самоликвидация компартий, переход последних на позиции «либерального», «соглашательского социализма» способствуют реставрации или официальной легализации буржуазных порядков, дезориентируют рабочий класс и трудовое крестьянство, устраняют их из политических структур. Учитывая уроки событий на Тяньаньмэне, в Пекине считают, что события в Восточной Европе, МНР и ряде республик СССР обусловлены не крахом марксизма-ленинизма, а тем, к чему приводят обуржуазивание, бюрократизация руководящей партии и госаппарата, национал-шовинистический догматизм и отказ от интернационалистического и марксистско-ленинского воспитания общества сверху донизу.

Генсек ЦК КПК Цзян Цзэминь заявил в марте 1990 года, что марксистско-ленинская партия, комсомол должны «смело очищаться» от карьеристов, националистов, бюрократов, от всех тех, кто словами и делами дискредитирует научный социализм и «льет воду на мельницу буржуазии и ее агентуры». Изоляция компартии от трудящихся, согласно Цзян Цзэминю, есть предвестник ее перерождения. А последнее не может не привести в конечном счете к реставрации буржуазно-помещичьей диктатуры.

В КНР с 1989 года возобновлено издание работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, с 1990 года — их обязательное изучение. Впервые после 1983 года отмечались дни памяти Маркса, Энгельса, Ленина (120-летие со дня рождения) и Сталина (110-летие со дня рождения). Обозреватели обращают внимание на то, что в отличие от 60-х и особенно 70-х годов пропаганда идейно-политического наследия Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а также Сунь Ятсена имеет приоритет перед «идеями-заветами» Мао Цзэдуна, хотя последние также пропагандируются в КНР, но в рамках применимости их к Китаю и многим странам «третьего мира», а не в качестве новейшей марксистско-ленинской истины для всех народов. Это новый аспект пропаганды и внутриполитического курса нынешнего руководства КНР и КПК. Похоже, в Пекине не соглашаются с бытующей кое-где концепцией «обновления социализма» без участия компартии.

Движение за демократию, против рецидивов маоизма в Китае не сбавляет темпов: в сентябре 1989 года в Париже состоялся учредительный съезд фронта Демократического Китая (ФДК), в состав его руководства избраны и лидеры демонстраций на Тяньаньмэне. Примечательно, что тайваньские власти официально заявили о поддержке участвующих в демократическом движении на материке лиц. Хотя ФДК и его члены именуются руководством КНР «уголовниками» и «контрреволюционерами», это не меняет дела: в Китае образовалась новая политическая партия, выступающая за социально-политическую демократизацию страны, за преодоление нынешнего экономического и политического кризиса в КНР на принципах плюрализма и народовластия. Именно эти принципы в качестве основы для будущего Китая провозгласил выдающийся революционер-демократ Сунь Ятсен еще в начале нынешнего столетия.

А. ЧИЧКИН

МИР ОЛОВЯННЫХ СОЛДАТИКОВ

В этом году мы отмечаем две славные годовщины: победу 20-летнего князя Александра над шведами на Неве (15 июля 1240г.) и взятие А. В. Суворовым Измаила в ходе русско-турецкой войны (11 декабря 1790г.). Этим датам была посвящена выставка русской исторической миниатюры в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Основную часть экспозиции составляют оловянные солдатики, созданные молодыми мастерами Товарищества российской исторической миниатюры.

Игры в оловянных солдатиков и коллекционирование их уходят в глубокую древность. Египетские мальчишки играли в солдатиков две с половиной тысячи лет тому назад. В Древней Греции и Риме ремесленники изготавливали многочисленных миниатюрных богов, воинов, гладиаторов. Любимыми игрушками подростков средневековья были конные и пешие фигурки рыцарей. В XII веке началось изготовление игрушечных рыцарей с подвижными шарнирными суставами. Игрушки из металла и глины приобрели большую популярность, фигурки делали тщательно, воспроизводя все детали вооружения и костюмов. Не забывали стойких солдатиков и ювелиры. У европейских королей и принцев были целые армии солдатиков, изготовленных из драгоценных металлов. У Людовика XIII было 300 серебряных фигурок воинов, у сына Наполеона — 117 солдатиков, сделанных из золота. В новое время европейские мастера стали делать игрушки со сложными механизмами внутри. Такие солдатики, изготовленные лучшими механиками Франции, Германии, Англии, умели маршировать, стрелять из игрушечных ружей, выполняли различные команды. Такие игрушки помогали будущим полководцам овладеть основами тактики и стратегии. К сожалению, сегодня большая часть этих замечательных игрушек утрачена.

Когда в Европе в XVIII веке был налажен массовый выпуск оловянной игрушки, низкая стоимость сделала их доступными для мальчишек. Игрушечные солдатики были просто незаменимы в военных училищах, с их помощью в армии учили командиров основам тактики. Особое место оловянных солдатиков среди других игрушек отмечал сказочник Г. Х. Андерсен. В дореволюционной России оловянных солдатиков выпускали мануфактуры и артели, оловянные миниатюры народных героев были доступны всем, в них играли и дети рабочих, и наследник престола цесаревич Алексей.

Существуют разнообразные правила игры в солдатиков. Герберт Уэллс — известный английский писатель и страстный любитель солдатиков, в 1913 году опубликовал свод правил «Маленькие войны». Товарищество российской исторической миниатюры разработало свои оригинальные правила игры.

Оловянные солдатики — это не только игры, это музейные экспозиции и частные собрания. Большинство музейных коллекций находятся в Германии и во Франции. В нашей стране крупнейшая коллекция солдатиков хранится в запасниках Военно-исторического музея А. В. Суворова в Ленинграде и насчитывает более 60 тысяч фигурок. Именно в этот музей передал 15 тысяч солда-

тиков потомственный коллекционер А. Лешковский. Среди многочисленных частных коллекций наиболее представительны собрания ленинградцев С. Барышникова и В. Безенева.

За рубежом ежегодно проводятся выставки оловянной исторической миниатюры. Ряд фирм Италии, ФРГ и Англии выпускают для коллекционеров исторические миниатюры ограниченным тиражом, издаются монографии по истории солдатиков.

Молодые мастера Товарищества российской исторической миниатюры восстанавливают утраченные традиции. На выставке продавались солдатики для детей и миниатюры, выпущенные ограниченным тиражом для коллекционеров. Например, «Александр Невский поражает предводителя шведов Яна Биргера», «М. И. Кутузов на Бородинском поле» и др.

Коллекция подобных миниатюр служила бы украшением офицерского собрания любой части.

Композиции оловянных миниатюр на выставке охватывают большой исторический период: «Штурм крестоносцами северной русской крепости», «Штурм Измаила», «Аустерлиц», «Ватерлоо», «Бой советских воинов с душманами»...

В экспозицию гармонично вписываются живописные полотна талантливых художников-реалистов Сергея Кириллова «Святая Русь», «У Симбирской черты», Сергея Данилина «Виктория» (из серии «На невских берегах»), скульптуры Ф. Викулова.

Выставка в Центральном музее Вооруженных Сил СССР для многих стала увлекательным путешествием в мир нашего детства, в мир тысячелетней русской истории.

А. БОЧКОВ
Фото. А. ГАЛКИНА

САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ

ВСЕ — КАК В «ПОДЗЕМКЕ»

Свершилось! Наконец все-все-все прогрессивные теле- и кинозрители смогли увидеть знаменитый фильм Сергея Соловьева «Асса». После его показа по Центральному телевидению снова разгорелись жаркие споры, и мы, конечно, готовы были бы присоединиться к тем, кто утверждает, что фильм крутой,— да, он крут, там и стрельба, и рок-н-роллы, и авангардное кино,— если бы не одно маленькое, даже очень маленькое но, а именно: сюжет «Ассы» практически полностью снят с известной французской киноленты «Подземка», которая среди прочих наград получила в 1984 году «Оскара» как лучший иностранный фильм в США.

Просто удивительно, как все одинаково в обоих фильмах. Любовный треугольник: Он — асоциальный элемент, Она — «гирла» в дорогих нарядах и Третий — Ее муж или любовник, или типа того — акула какого-то бизнеса. Герой знакомит ее с прекрасной жизнью в «андерграунде», она готова бросить ради Него уютную жизнь в свете, но Его жизнь обрывают семь граммов свинца. Но если в «Подземке» все кончается розыгрышем, стебом: под музыку своей группы труп начинает отбивать такт ногами и мотать головой (так его и выносят), то в «Ассе» все кончается трагически, милиционерка прощупывает резинки трусов Героини, прежде чем вести ее в тюрьму (в тусовке Соловьева — это самый шик реализма).

Убийство в обоих фильмах — ключевой момент. И опять-таки если в «Подземке» убийство было сделано только ради вот этого последнего кадра, когда труп дрыгает ногами, с тем, чтобы еще раз заявить: «Весь мир — театр, и я — театр, и ты — театр»,— то нашему Сереге не до розыгрышей и мистификаций, он честный реалист, и в «Ассе» убийство идет по сюжету. И здесь Соловьев, как и бывает часто при плагиате, совершил глупость. Он убивает героя, потому что так в «Подземке».

В нюансах тоже, конечно, все одинаково. Начинаются, например, оба фильма с соло ударника. Только в «Подземке» все гораздо кайфовее: крутой парень-рокер идет по метро и барабанит палочками по чему попало: по стенам, по эскалатору, по спинам.

Заключительные кадры фильма также одинаковы...

Кстати, наверняка не только мы смотрели «Подземку». Ее показывали в Москве на декаде французского кино весной 1984 года. И вот что интересно: практически все фильмы с той декады были закуплены, даже глупая «Красная зона», но только не «Подземка» (хотя, может, закупили, но в прокат не пустили?). А где-то через год Соловьев начинает снимать свою «Ассу». Впрочем, для видео преград не существует — несколько недель назад «Подземка» все же появилась в видеосалонах. Так к чему же мы все это здесь вспоминаем, ведь Соловьев успел за время непоказа «Подземки» получить массу всевозможных наград и вряд ли вернет их обратно? А вот зачем: недавно он закончил съемки своего нового, еще более крутого, более глубокого и более тонкого фильма «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви». Этот фильм снова посвящен нашему рок-сообществу. Но этот фильм не про нас, пусть там снимается хоть десять Великих Б. Г., хоть двадцать. Так, как показано в этой новой работе Мастера, мы никогда не жили, и вопль известного киноактера Абдулова «...слова МВД, «Песня о Родине»...» к нам никакого отношения не имеет. И мы опасаемся, что этот фильм всего лишь провокация, цель которой — скомпрометировать наш любимый рок.

В. МАРОЧКИН

У КОСТРА. Фотоэтюд Б. РАСКИНА

ТОВАРИЩ

Дмитрий МИЩЕНКО

СИНЕОКАЯ ТИВЕРЬ

Исторический роман

Окончание. Начало на стр. 27

XX

Возвращаясь со строительства крепостей в приднестровье, князь Волот собственными глазами видел, чем завершился налет задунайской саранчи. Он не гнал коня, шагом-то и то быстро было, а надо не спеша, основательно все обдумать. Но сколько ни думал, выхода не находил. От него ждут, а кто бы ему сказал, как жить Тивери после всего, что случилось? Когда подъезжал к Черну — еще надеялся на что-то, а подъехал, услышал, как за стенами стольного города кипит человеческая толпа, и все в нем словно оборвалось.

«Началось уже, — понял Волот. — Однако как быстро. Как все-таки быстро! Не скажут ли: веди, княже, с этой земли, она проклята? Могут и сказать. Знают ведь, что склавины поднялись и пошли в ромеи, пошли и сели уже, говорят, на плодоносных ромейских землях. Разве тиверцы хуже их? Или то, что случилось, не подсказывает именно этот путь? Земля та родная, которая кормит, и небо то милее всего, под которым познаешь вкус земной радости».

Он не собирался идти к толпе, спрашивать, кто собрал, зачем. Повернул коня к боковым южным воротам и въехал в Черн. Надо будет — позовут и скажут, зачем собрались.

Передавая челяди коня, заметил: на него смотрят с сочувствием, даже с жалостью. Полыхнул в ответ взглядом, но промолчал, прошел прямо в терем. Сразу за порогом ту же жалость прочитал в глазах Малки.

— Волот, ты слышал? — Она осторожно коснулась его руки. — Они обвиняют нас.

Стало ясно, кто обвиняет, кого и в чем. Но поверить, что именно его винят в беде, учиненной саранчой, не мог.

— А при чем же здесь мы? Да и кого это — нас?

— Тебя, меня, весь род князя, всю семью.

Задержал на ней отяжелевший взгляд, потом спросил:

— Откуда знаешь?

— Там, — кивнула на вече, — идет сеча. Одни отстаивают нас, другие обвиняют, говорят, что мы виноваты перед богами, потому боги и карают Тиверь разором.

— Кто может обвинять нас, да еще так?

— Если и скажу — не поверишь: мужи-властелины, их челядь.

Вот оно что! Поверить на самом деле трудно. Те, на кого полагался, как на крутую гору, кого укреплял где следовало и не следовало, лишь бы быть уверенным, что они — опора князя, та твердь, на которой станет и возвеличится в глазах своего народа, выходит, отступились, пошли против. Кто надоумил их на это? Вепр? Возможно. Однако до сих пор и Вепру это не удавалось. Что же случилось с властелинами тиверскими? С чего они переменились так вдруг? Или верят, что князь действительно виноват в их бедах? Почему же тогда поселяне не верят в это, становятся на защиту своего князя?

— Если уж дошло до такого, — он как-то виновато посмотрел на Малку, — я должен быть там. — Повернувшись к челяднику, повелел: — Коня мне. Коня и броню!

Гул, что ударил князю в грудь, когда оказался лицом к лицу с многоликой человеческой толпой, оглушил его. Впрочем, если приглядеться, народу уж и не так много, но площадь гудит, как раздразненный пчелиный рой. Похоже, что сеча уже настоящая. Иначе трудно объяснить, почему то там, то здесь поднимаются и сверкают над толпой мечи, мелькают сулицы, слышны нешуточные угрозы и упреки.

— Князь! Князь! Смотрите, князь Волот на вече!

Шум понемногу стал затихать, откатываться к городским окраинам.

Волот не выслал вперед себя биричей, как водится, не оповестил о своем прибытии на всенародное собрание. Сам подъехал ближе к старейшинам и поклонился им.

— Целую самых мудрых в родах тиверских. Кланяюсь мужам моим и всему народу вечевому.

— Челом и тебе, княже.

Волот обратил внимание, что мужи были на конях, при броне и стояли отдельной стеной, поддерживаемой подозрительно многочисленной челядью, старейшины со своими родами — отдельно.

— Позволят ли старейшины быть на вече?

— Если князь желает — просим. Просим и говорим: становись на наш конец.

Окинул взглядом одних, других и уже тогда спросил:

— Успели посеять раздор?

— А куда деваться! Мужи-властелины хотят, чтобы мы отдали на суд божий твою семью, достойный.

— Считают, что она чем-то провинилась? Перед кем же?

— Мы не судьи князю, чтобы утверждать это, — из конных рядов выехал вперед Вепр. — Однако сам подумай...

«Вот кто заводила, — не хотелось Волоту уступать отступнику. — Вот чем обернулось для меня то, что не по соседям смотрел, а стоял на страже интересов земли и народа тиверского».

— ...Однако сам подумай, — продолжал Вепр. — Скотина очистила себя перед богами. Народ тиверский, пожертвовав сородичами, так же очистился. А боги карают и карают нас самыми жестокими карами. Остается одно: очиститься княжьей семье.

«Интересно, он хочет именно моей смерти, — Волот старался разгадать Вепра, — или будет с него и того, что увидит меня таким, каким сам был, когда казнили Боривоя? Что же сказать супостату? Что он придумал все это из-за мести? Что использовал недовольство мужей, обиженных моим повелением делиться с голодным народом своими охотничьими угодьями? Что он преступно настроил их против меня? А кто поверит, если и скажу такое? Ведь подстрекатель сказал правду: все очистили себя перед богами, должна очиститься и семья князя».

— Что, — спросил Волот, — этим и озабочено вече?

— Да, княже.

— Тогда принимайте решение без меня. В этом деле я не советчик.

Его останавливали, говорили, что так думают только властелины, а народ тиверский не согласен с этим и на своем стоять будет, но князь не внял уговорам, не остался. Остаться — было бы бо́льшим унижением, чем то, которое он испытал, выслушивая Вепра. Обида за поруганную честь подхлестнула его, он уехал с площади, не оглянувшись. Правда, потом опомнился и заметался, не

зная, куда деть себя. Почему не стал на сторону старейшин? Почему не высказал на вече все, что думал? Ведь речь шла не об обычае, а о мести, это же и слепому видно! Да, перед богами все равны, все равны в ответе, но тут не боги хотят жертвы — Вепр. Да еще мужи, эти обжоры, которым свое добро выше интересов земли, даже выше самих богов.

Княжна Малка страдала от этой смуты, поднявшейся вокруг ее семьи, не меньше мужа. Увидев, как скоро и каким вернулся Волот, она, предчувствуя недоброе, побледнела так, что и кровинки не стало видно на ее лице. Расспрашивать его она не спешила. Молча встретила у ворот, молча пошла с ним в терем. Лишь там, наедине, спросила:

— Почему так быстро, Волот?

— Вынужден был, Малка. — Он посмотрел на нее глазами, полными боли. — Там речь идет только о нас. Пусть без нас и решают.

— Мы виноваты перед богами?

— Говорят, все очистились перед богами, кроме нас.

— И ты... не стал против? Не опротестовал?

— Пристойно ли мне, князю, опротестовывать такое? Как скажут, так и будет.

Не верила тому, что слышала, не хотела и не могла верить. Она смотрела на могущественного только что мужа и чувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Но князю было уже не до нее.

Если вече уступит домогательствам Вепра, а старейшины скажут: «Ничего не поделаешь, княже, придется идти к капищу и стать перед божьим судом», — пойдет на тот суд не только он, пойдут Малка, Богданко, Злата и даже меньшая их — Милана. Разве только Миловиду обойдет эта участь. Она не одна, в ней зреет дитя ее, их долгожданный княжич. А законы тиверского рода не позволяют судить беременную женщину. Так было от века, так будет и сейчас.

«А если не будет? — испуганно шевельнулась мысль и зазвенела в нем тревогой. — Что, если... Мужей подбивает Вепр, а он на все способен. Может, потому так и бесится, что увидел, как я счастлив с Миловидой, что Миловида вот-вот наградит Тиверь княжичем, а может, и вторым, и третьим. Укрепление рода Волотов ему как соль на горячую рану. Вепра ничто не остановит. Что же ему теперь делать? Послать к Миловиде надежных людей, сказать ей: «Скачи в дебри лесные, в земли чужие — куда хочешь, только скачи, только спасай себя и дитя от беды». А боги? А народ? Что скажут, что сделают, узнав, что Миловидка убежала по моему наущению? Это же под верную гибель подвести ее...»

Вот как поворачивается в жизни: был князь Волот, и может не быть князя Волота, гонителя ромеев. Кто это сказал так о нем? Князь Добрит или народ тиверский? Наверное, все-таки народ, во всяком случае, сперва народ, потому что слышал это еще там, на руинах ромейских крепостей. Высоко вознесли, да скоро позабыли. И обиднее всего, что отвернулись соратники, те, кто был опорою князя в походах, кого ставил во главе сотен, тысяч, кто водил эти тысячи на ромейские стены, кто костьми ложился по первому его слову, кто исполнял его волю.

Далеко унесся мыслью; когда раскрылись двери и на пороге вырос челядник, Волот даже вздрогнул от неожиданности.

— Княже, — смущенно произнес отрок. — Старейшины велят тебе выйти к ним.

«Все, — подумал сразу, — конец!» Встал было, чтобы идти, а перед ним, как видение, возникла, незнамо откуда, Малка.

— Волот! — сказала повелительно. — Будь же мужем. Соберись с мыслями и защити нас.

Только нахмурился, не промолвил ни слова, пошел к дверям.

Старейшины были на удивление спокойны — он даже не понял сначала, какие вести приготовили они своему князю. Но вот они заговорили, и князь похолодел сердцем.

— Княже, — спросили его. — Вече желает знать, кем тебе доводится выпальская Миловида: женой или наложницей?

Выходит, подумал, вече уже не способно спасти своего князя. Единственное, чем может удружить ему — не испытывать судьбу той, кто носит его дитя под сердцем, будущую ветку рода Волотов. Что ж, и на том спасибо. Вот только плата за эту услугу велика: должен отказаться от Миловидки, назвать не женой — наложницей. Разве старейшины не ведают, что ставят его перед позором? А ее? Боги всесильные, а ее-то за что?

— Было б лучше, — ответил сдержанно, но довольно

сурово, — если бы старейшины поинтересовались прежде, что значит для меня честь.

— Мы это знаем, княже, и все же хотим услышать: жена она тебе или наложница?

— А это имеет какое-то значение? Миловида носит под сердцем мое дитя. Такая жена не может быть отдана на суд.

— На человеческий — да. А на божий суд и беременная жена идет. Это последняя наша жертва, вынуждены жертвовать всем, что у нас есть.

Свет ясный! Страшен божий суд, но человеческий еще страшнее. На какие муки обрекают его, отца и мужа. Может ли сказать им: Миловида — наложница моя, если она — желанная из желанных? Может ли переступить свою клятву, что берет в жены, что соединяет себя с ней на веки вечные? А дитя! Дитя его почему должно прийти в этот мир с клеймом, которое выжигают на теле коней? «Глядите, — будут показывать, — вот незаконный сын князя, прижитый с Миловидой-наложницей».

— Знайте, — Волот, казалось, выпрямился, решившись ответить им. — Миловида — жена моя перед богом и людьми. Я выбрал ее сердцем, я давал присягу на верность. И я не отрекусь от нее даже перед лицом самого страшного суда. Знайте же отныне: по моей княжьей воле ей и тому, кого родит от меня, завещаю навеки вотчину князей Волотов — Соколиную Вежу. Буду я жить или нет, пусть знают старейшины и весь народ тиверский: Соколиная Вежа — за Миловидой и наследником, который будет от нее.

Старейшины, похоже, одобряли князя, но отмалчивались. Малка же, стоявшая в стороне, бросала умоляющие взгляды то на Волота, то на старейшин, — она готова была кричать, молить о спасении, но к кому податься со своим криком?

— Быть по-твоему, княже. Жертвоприношение завтра, готовь к нему себя и всех из своего рода, — ответили наконец старейшины.

Они поклонились, собираясь уйти, но Малка задержала их.

— Разве воля княгини и матери уже ничего не значит?

— Почему не значит? Говори, что имеешь.

— Надеюсь, никто не сомневается, что я — жена князя Волота и мать его детей?

— Это всем и давно ведомо.

— А ведомо ли старейшинам, — голос ее задрожал, — что в Тивери есть такой обычай: когда в беду попадает род, особенно дети, та, которая дала им жизнь, может пожертвовать собой или одним из детей своих ради остальных? Это тоже известно старейшинам?

— Да. Добровольная жертва — милее всего богам. И все же... Разве княгиня... Мы думаем, будет лучше, если жертву назначит жребий.

— Лучше будет, если жертву выберу я. Перед божьим судом встанет мать троих детей, малых детей, птенцов княжьих. Дабы не узнали они того, что придется изведать на жертвеннике, я решаюсь и говорю: во имя детей своих, ради мужа и князя, опоры земли Тиверской, я пойду на огонь.

«Она не в себе, — подумал князь, порываясь остановить ее. — Неужели она не понимает: в жертву богам хотят принести прежде всего его, князя. Одурманенное Вепром вече не примет ее жертвы! И уж если нельзя спастись всем, так это он спасет хотя бы детей».

— Княгиня говорит правду, — вставил-таки он свое слово, найдя и спасительную, как казалось ему, мысль: — Дети малы, они еще не успели прогневать богов, как и молодая жена моя, Миловида. Если кто и виноват перед богами, то это мы двое, как старшие в роду. Потому и перед жертвенником должны стать мы — я и княгиня Малка. Жертва эта добровольная, и отменить ее никто не волен. На кого из нас укажут боги, тот и пойдет на огонь.

XXI

Тихо в тереме, но как печальна, как тревожна эта гнетущая тишина. Щемящая боль пронзает сердце. Ночь ли тому виной, или то, что грядет за нею? А люди в городе и за его стенами спят как ни в чем не бывало. Эта мысль добавляет еще каплю печали, но, увы, от этой капли ничего не зависит. Другая печаль, другая тревога ранит сердце: приближается роковой миг, может случиться так, что, кроме этой короткой весенней ночи, уже ничего не будет для тебя на этой земле. А жаль. Ведь он верил и надеялся, что уж коли судьба назначила ему быть князем в этой топтаной и перетоптанной чужеземцами земле, он себя не пощадит, не пожалеет, но всех охотников до легкой добычи отучит ходить в Тиверскую землю, не даст эту землю татям на поругание. Для того и начал

ставить вежи по Дунаю, видя в них мощную опору трояновой земли на южных границах. Для этого заложил морское пристанище в старой Тире — выход к морю помог бы укрепить узы между родами антскими: уличами и тиверцами, полянами и дулебами, и опять же тиверцами. Думал: вот ради чего стоит жить, вот что даст утешение в жизни. Думал, что деяниями рук своих и разума заслужил славу, а удостоился — быть принесенным в жертву богам. Почему так? Мало сделал для земли? Но разве же это мало? Победителем ромеев нарекли, славу пели, величали, гордились: такого князя, мол, не было и не будет. Нет, это не народ, это Вепр нанес ему разящий удар. Собрал недовольных князем, настроил против него. Но как случилось, что они пошли за ним, а не за князем? Неужели он так насолил им, когда поступился их добром ради пользы голодного народа? И разве добро это такое уж ихнее? Разве не он, Волот, и не отец его отрывали то, что стало ныне пхним, ото рта народа тиверского, а им подносили как дар за заслуги в ратном деле? Справедливо разве — сесть на даренном и орать: «Не дам!»? Разве обреченные на голод поселяне не были с этими же мужами в сечах, или не своей грудью заслоняли они отчую землю? Куда же подевалась вдруг вся справедливость, завещанная от отцов-прадедов? А ведь мы — люди одного рода, одной судьбы; если хотим жить в своей земле и быть счастливыми, разве не должны мы держаться вместе?

Сказал бы кто раньше: будет так-то и так, на стену полез бы, не соглашаясь; еще одну жизнь захотел бы прожить, чтобы доказать: это неправда! А теперь вот кажется, на все пошел бы, чтобы изменить эту неправду. Но... минет эта ночь, настанет день — он по воле жребия пойдет на жертвенник, чтобы своей жертвой очистить вину княжеского рода.

Малка тоже не спит, пошла из ложницы к детям. Может, позвало что, а может, и так, насмотреться в последний раз. До сна ли сейчас, особенно ей, матери?

И то ли жаль стало ее Волоту, то ли подумал, что и ему надо побыть с детьми, но встал, тоже пошел за женой.

Малка сидела возле меньшей, печальная, склонившись над дочерью, и одного взгляда было достаточно, чтобы понять: едва сдерживает себя, чтобы не крикнуть вселенским криком: «Боги! Как я оставлю ее, как я пойду от нее?!»

Надо было как-то утешить жену, но не находил Волот нужного слова. Единственное, что он мог — подошел и положил на плечи Малки руки. С покорной доверчивостью она подалась и прислонилась к нему. Он почувствовал, какой лаской отозвалось на его прикосновение ее еще молодое, в расцвете женской силы тело. Волот застыл на миг, мысленно сказав себе: «Если из княжеского рода кто-то и виноват перед богами, то это я. Грех было забывать: Малка назначена мне богами, она — мать детей моих. Она была лучшей из лучших, и не ее вина, что встретилась мне другая, и нет ей подобных, и взгляда от нее не могу оторвать. Но разве легко жене чувствовать себя покинутой, обесславленной не только перед детьми, а и перед всеми людьми? Она же княгиня. Как он не подумал, что, отрекаясь от Малки, позорит ее, уподобив жбану, из которого выпили хмельное вино и выкинули за ненадобностью! Не может быть матерью... Да она уже мать! И какая мать!.. Какая из жен отважится сказать так: «Во имя детей своих, ради мужа и князя, опоры земли Тиверской, на огонь пойду я».

Чем он оправдается перед ней и успеет ли оправдаться?

«Отрекись от Миловидки, — словно шепнул кто-то сбоку. — Хоть перед огнем отрекись».

Он даже вздрогнул от этого почудившегося ему голоса.

«От Миловидки? От той, которая носит под сердцем мое дитя, от моей последней, может быть, отрады? О нет! Ни за что. Слышишь, шептун, ни за что! Коли случилось так, что не сумел и Миловидку сделать законной женой, и Малку не обидеть, накажу себя. Выйду и скажу: «Я виноват, люди, я и должен идти на огонь».

XXII

Когда скачешь на коне во весь опор, то даже в жару обдает прохладой. Сейчас же, перед рассветом, воздух и вовсе кажется студеным. Заметно холодит подставленное ветру лицо, леденит грудь, но и холод не может пригасить тревогу-пламя, которое бьет из груди. Это не страх, не испуг — это крик молящего о спасении сердца. О, если б можно было ради избавления от этого пламени, отречься от всего, что было в жизни! Но мир так устроен, что от прожитого отречься нельзя вовек. Не с добра-радости пробирался волхв от капища Перуна к сторожевой веже на

Днестре, разыскивая княжича Богданко и в то же время сторонясь любопытного взгляда, скрывая от всех, что ищет именно княжича. И это была не прихоть, иначе не преодолел бы ради нее такое расстояние, да еще ночью, рискуя жизнью. Так и сказал, когда княжич не поверил речам его: «Есть более высокие, чем месть, помыслы, отрок. Они заставили меня пойти к тебе и сказать то, что слышал: Жадан заодно с Вепром. Вепр пообещал жрецу капища Веселый Дол, если сделает все по-его и сведет со света князя. Скачи и осведоми его. Пусть знает и побьет супостатов перед тем, как идти к богу, а может, и себя спасет, если будет знать: не с богом — с Вепром была у Жадана беседа».

Высокие помыслы... Высшие помыслы! На что же променял их жрец Жадан? На Веселый Дол? А Вепр? Мало ему того, что стеной стал между княжичем и его ладой, запер свое дитя в тереме, словно в темнице, так он еще и на побратима своего замахнулся, на князя земли Тиверской — хочет избавиться от него, лишь бы отомстить. Да, только бы отомстить!

Конь был уже в мыле, но Богданко, не обращая на это внимания, все пришпоривал и пришпоривал его, гнал и гнал. Подхлестывала поднятая волхвом тревога, не ждало время. Наступает рассвет, а на рассвете все может случиться. Сказал же волхв: князь и княгиня берут жребий, кто-то из них двоих будет принесен в жертву богам.

Не удивился тишине, которая дремала под стенами Черна — на дворе лишь забрезжило, не удивился и глухой печали, с какой встретила его княжеская стража у южных ворот. Но удивился, да еще как, когда переступил порог отчего терема и увидел, что не печаль свалила тут замертво всех, кто был под крышей, а крепкий на рассвете сон.

— Мне нужен князь, и немедленно! — по-мужски твердо сказал челяднику.

— Не велено будить, княжич. Отец твой только что заснул.

— Все равно буди. Говорю же, край надо!

Видел, что его повеление гнет челядника в дугу, и все же настоял на своем. Когда отец вышел на клич сына, Богданко с облегчением поспешил поклониться князю.

— Неужели это правда, отец? Неужели вы с матерью стоите перед выбором: кому быть принесенным в жертву богам?

— Такова воля людей, сын мой, а значит, и богов.

— Неправда это!

— Как это — неправда? Было вече, есть его повеление.

— Может, и так, однако перед этим был заговор против вас, отец, и был подлый торг божьим повелением.

Князь удивился этому.

— Чей заговор, откуда знаешь об этом?

Богданко торопливо пояснил князю, кто в заговоре и откуда сам знает о нем. Говорил хоть и быстро, но складно. Слишком много думал об этом в пути, слишком ясно представлялось ему, откуда вытекает и куда течет отрава злобы и погибели.

— А где тот волхв? — с надеждой спросил князь.

— Ушел.

— Сказал и ушел?

— Да.

— И ты думаешь, нам без него поверят? Ведь свидетеля нет. Напрасно старался, сын.

— Как это напрасно?

— Есть решение веча. Землю нашу постигает беда за бедой. Видно, кто-то очень провинился перед богами. Уже искупили вину твари — не помогло, искупили люди — тоже напрасно. Пришло время искупить семье князя. Народ возлагает на это все надежды, и никто не сможет ни отменить, ни переиначить его волю.

— Так ведь народ обманут! Его подбили на это.

— Если это и так, то это случилось по воле богов. Известно же: чего хотят боги, того хочет и народ.

Богданко явно не понимал князя.

— А если свершится суд и Вепр передаст Веселый Дол в вечное владение Жадана. Что тогда скажете?

— Тогда уже говорить с ним будешь ты. Слышишь, сын? Если это случится и ты будешь в Тивери князем, найди того волхва и с его помощью допытайся у мстительного Вепра, с какой это стати передал он Веселый Дол во владение жреца Жадана. На вече, перед всем народом тиверским допроси. Я же доказать это уже не смогу.

— Тогда... Тогда я выйду к людям и скажу все, что слышал от волхва.

— Ты — сын мой, сейчас тебе не поверят. Сказал же, решение веча никто не станет переиначивать. И есть мужи. Они из кожи вон вылезут, а не позволят переиначить, потому что стоят на стороне Вепра, чтобы ты знал.

— Все мужи или только те, у кого свои удельные волости?
— Не все. Больше тех, у кого земля удельная. Поэтому, будешь княжить, первое, что сделай, верни эти земли себе. Без этого не будет на земле покоя, и кто знает, сумеешь ли удержать власть над Тиверью.
Богданко задумался.
— Я, отец, хочу поступиться властью ради вас с матерью.
— Глупости говоришь! — возмутился Волот. — Хочешь, чтобы в Тивери хозяйничали такие, как Вепр?
— У Вепра руки в дерьме, а будут еще и в крови, его нетрудно спихнуть. Труднее будет, отец мой, переубедить мужей и особенно властелинов.

XXIII

Тревога одного рода если и выйдет за ворота, то не дальше веси, тревога же земли проникает в каждую щель и становится очевидной для всех. Не стала она ни для кого тайной и в Соколиной Веже. Да и могло ли быть иначе, если саранча опустошила все ее нивы, а народ, который отправлялся на вече, шел через Соколиную Вежу? Правда, Миловидке не всё рассказывали. О беде, что нависла над княжеским родом, а значит, и над ней, до какого-то времени помалкивали. Но лишь до времени.
— Слышали уже? — Какая-то особенно сердобольная женщина вбежала к челяди со своей тревогой. — Вече стало на том, чтобы на суд разгневанного бога шли князь и княгиня.
— Ох, неужели правда?
— А то! Они сами согласились искупить вину всего рода как старшие в роду. Поселяне возвращаются уже с веча и говорят...
Миловида всполошилась, услышав это, и кинулась к челядницкой, но закачалась на бегу и едва успела схватиться за стену, чтобы не упасть. К ней подбежали, подхватили, вернули в ложе, наказав успокоиться. Да где там. До покоя ли, когда такие вести пришли в дом? Велела позвать ту, которая рассказывала только что о решении веча. Челядь и так, и сяк около нее: «Ты на сносях, тебе не следует этого знать». А что поделаешь, когда госпожа стоит на своем, да к тому же любимая жена князя?
Вызнав от челяди все, что от нее пытались скрыть, Миловидка даже с лица спала. Ей стало плохо, она несколько раз теряла сознание, но все же она знала теперь точно: жребий тянут сегодня, может, даже сейчас, и тянут, когда она об этом думает. Солнце только что вышло из-за горизонта, румяное, чистое, остывшее после ночной купели в океан-море. Обычно в такую пору народ тиверский уповает на божье внимание. Миловидка попыталась представить себе, как это будет все на самом деле, и нестерпимая боль пронзила ее, ее словно разрывало пополам, какая-то нечеловеческая сила тянула из нее и рвала все жилы. Извиваясь от этой боли, она закричала, зовя на помощь. Стоны и крики ее были так невыносимы, что челядь, испугавшись за свою хозяйку, побежала скорей за бабкой-повитухой.
— Надо было вам говорить ей, что творится в Черне, — попрекнула старая тех, кто звал. — Роды раньше времени начались.
Повитуха успокаивала молодую княгиню, давала ей советы, что делать и как, чтобы облегчить роды, а боль не стихала, ломала и крутила Миловидку. Муки такие, что уже никакого терпения не стало, вот-вот на стену полезла бы, но ей вдруг отчетливо подумалось: о себе ли, о своих ли болях переживать ей сейчас, когда там, у капища Хорса, стоит утеха ее сердца, ладо ее ненаглядное, и, может, протягивает уже руку, чтобы выбрать жизнь или смерть. С этой мыслью Миловида на миг застыла, почувствовав, что боль отпустила ее. И тут же, словно она только и ждала этого момента, Миловидка прямо в ложе стала на коленях, воздела руки в сторону восходящего солнца.
— Боже! — взмолилась она из последних сил. — Всемилостивейший боже, Иисусе Христе! Принимаю тебя всем сердцем, всеми помыслами своими и об одном прошу тебя: заступись за него, моего законного мужа и князя. Век буду верна и благодарна тебе, буду почитать тебя, как всевышнего повелителя своего, только заступись, спаси князя Волота. Ты же всемогущий и всеблагий, отведи от него кару, спаси для меня, для дитяти моего, для всей многострадальной земли Тиверской — спаси!
Она уповала на заступничество всесильного христианского бога, уповала не скрывая слез, а челядь, повитуха, глядя на нее, оцепенели, не зная, как быть: просить ли молодую хозяйку, чтобы легла, не напортила бы ребенку, который просится в этот мир, или бежать от нее

прочь. Ведь не своего, а чужого бога звала на помощь, в вечной верности клялась не своему, а чужому богу, неужто же отреклась она от своих? Как быть с такой, что делать?

Но времени для долгих сомнений не было. Дитя снова напомнило о себе, на этот раз так сильно, что Миловидке ничего не оставалось, как искать спасения у тех, кто был сейчас ближе.

Не ошиблось сердце матери, не заблудились и помыслы жены. В тот самый момент, когда в просторной ложнице Соколиной Вежи громко заявил о себе новорожденный княжич, там, возле капища Хорса, вышел пред очи старейшин, вершителей божьей воли в таинстве жертвоприношения, его отец.

— Князь Волот и княгиня Малка, — спросили у них. — По своей ли воле берете вы на себя ответственность за род свой перед верховным богом народа нашего, ясноликим Хорсом? С добрым ли сердцем идете на этот достойный поступок?

— Да.

— Не гневаетесь ли на народ свой за то, что присудил роду вашему очистить себя от злодеяний, злоумышленных и неумышленных скверн?

— На народ — нет, на отдельных людей есть гнев.

— Огласите его богу, пусть покарает виновных. Согласны вы встать за народ перед ясноликим Хорсом и упросить его, чтобы был милостив, не посылал кару?

— Согласны, старче.

— Хотите ли что сказать перед тем, как брать жребий?

— Я желаю сказать слово, — выступил вперед Волот. Князь оглядел человеческую толпу и, понимая, что не все услышат его, повысил голос.

— По воле богов и народа тиверского принял я в сече с ромеями нелегкую ношу — обязанность князя в отчей земле. Хотел или не хотел того, но так случилось: погиб в сече отец, погиб старший брат. Знал: обязанность эта не обещает услады. Земля наша издавна была самой короткой и удобной дорогой от теплых морей до ассийского раздолья, от ассийского раздолья до крайних границ земли на западе. Шли в южные края готы — не минули Тиверь; проходили гунны — тоже топтали Тиверь; сели на Дунае римляне — не удовольствовались тем, что имели за Дунаем. Шли и шли в Троянову землю, рвались

иметь там свои угодья, а за это костьми и кровью расплачивалась Тиверь. Ныне не легче. Сами были в сечах и знаете, какие у нас соседи: как зарились, так и зарятся на дармовое, легким хлебом хотят жить. Сила наша немного образумила их, сбила спесь, но, видно, не совсем. Есть верные вести: ромеи снова собираются нарушить заключенный с нами договор, собираются послать нарочитых мужей своих к обрам и позвать их стать в Подунавье щитом мидийским против славян. А это слабое утешение. Обры известны своей чрезмерной гордыней и еще более чрезмерной жестокостью. Если эта жестокость сольется воедино с ромейской подлостью — будет беда, и беда великая... Выбор у меня, сами знаете, какой может случиться, может, и не буду от сего дня княжить в Тивери. Потому и взял слово. Взял, чтобы сказать вам, сородичи мои: как будете жить с такими соседями и как будете стоять против соседей, если будете такими, как есть? Спрашиваю в первую очередь у вас, старейшины: заметили, хотя бы на последнем вече, что нет среди вас единства? Понимаете ли, какая это погибель для земли, для народа тиверского? Видит бог, хуже и быть не может.

Завещаю вам: позовите на помощь разум свой, мудрость свою и образумьте спесивых. Или отрекитесь от них. Слышите, образумьте или отрекитесь, если не хотите погибели себе, земле своей!

Много передумал я за эту длинную-предлинную ночь и остановился вот на какой мысли: если из рода Волотов кто-то и виноват перед богами, так это в первую очередь я. Обязанность князя нелегка. Где-то поспешил, где-то недодумал за множеством хлопот, где-то был в гневе и не сумел стать выше гнева. Поэтому и обращаюсь к вам, старейшины, вот с какой речью: не обращайте внимания на волю жены моей Малки — тянуть жребий вместе со мной. Я уже выбрал его и один из всего княжеского рода Волотов желаю быть принесенным в жертву богам. Глядишь, и умилостивлю их: именно этим, может, и послужу людям своим, земле Тиверской, если не сумел послужить в делах общинных или ратных.

Утихомиренное людское море заволновалось, а потом и вовсе забурлило. Кто-то переговаривался с соседями, кто-то кричал: что будет с ними, если не станет князя, есть ли кто, кто сможет заменить его, быть таким, как Волот? Старейшины же тем временем совещались.

— Княже, — сказали наконец. — На то, чтобы вы оба

брали жребий, есть решение веча. Мы не имеем права переиначивать его, хватит, что раз уже переиначили.

Это было резонное объяснение. Однако Волот думал сейчас не о резонах. Другое засело в голове: его уже не почитают как князя. Удивительно, но не пришла, как бывало раньше, ярость, не почувствовал в сердце гнева. Опустошенным холодом повеяло там, да еще укололо что-то, похожее на жалость.

Ослаб, видно, духом, и Малка заметила эту слабость, коснулась его руки.

— Не печалься, муж мой, не теряй присутствия духа. Вдвоем нам надежнее будет идти в последний путь. А уж боги знают, кого выбрать из нас двоих. Я надеюсь, что их избранницей буду я.

— Надеешься?

— Да, надеюсь. Лишняя я между вами, — пояснила чуть погодя. — Боги еще тогда обрекли меня, когда лишили возможности быть матерью.

Он хотел возразить: «Неправда, не лишняя ты, Малка!» Но протестам его не суждено было слететь с уст: подошел старейшина и спросил, кто из них будет брать жребий первым.

— Я, — выскочил Волот, неловко отстранив при этом жену.

Видно, она привыкла уже к этому — признавать за ним, мужем, право быть везде первым. Она не возразила, молча согласилась и ждала. Князь тем временем уже шел в сопровождении старейшин. Был он сосредоточен, решителен. Лишь бледность выдавала его волнение.

Когда он встал перед жертвенником и выбрал свое, богами обозначенное, не поверил, видно. Переглянулся, удивленный, со старейшинами, снова растопырил пальцы, смотрит.

— Такова воля богов, — сказали старейшины, забирая жребий. — Не тебе, княгине Малке суждено быть принесенной им в жертву.

Подняли над головой выбранный князем жребий и показали людям: смотрите, какой жребий. А князь стоял поникший, не зная, как он посмотрит Малке в глаза. Зачем поспешил, зачем вызвался испытывать судьбу первым? Пусть бы она, Малка, шла и брала свое, брала и не думала, что он, муж, уготовил ей такую стезю.

И все же он набрался мужества и оглянулся. Малка уже стояла в окружении воинов, и путь у нее был только

один — к шатру. Она была бледная, словно на смертном ложе. Лишь глаза беспокойно искали кого-то в толпе.

— Жена моя, — со стоном позвал он, шагнув в ее сторону.

— Найди Богданко, — не стала слушать Малка. — Девочек не надо, а его найди и приведи. Он уже взрослый, хочу проститься с ним и сказать последнее напутствие.

Бросился искать сына и вдруг вспомнил: он не подсуден уже, он — князь, и тут же повелел другим разыскать сына.

Все, что было потом, казалось каким-то страшным сном: появлялись и исчезали лица, слышались чьи-то голоса, долетали отдельные слова, ему же ни до чего и ни до кого не было дела. Он видел только Малку, прислушивался только к тому, что говорила она. И не знал, то ли настолько виноват был перед ней, то ли только теперь понял, как она дорога ему: печаль и жалость разрывали его сердце. Когда же она оглянулась перед самым шатром и крикнула: «Береги детей, Волот! Не давай в беду их, не позволяй кручиниться...» — он и совсем утратил присутствие духа. Обнимал сына, поддерживал того, чтобы был мужественным, а сам... Кто бы знал, что в нем ни капли сил не осталось. Казалось, всю его твердость, всю решительность, все силы его вычерпала Малка, вычерпала и понесла на жертвенник богу Хорсу.

XXIV

Поля долго не оживали после нашествия саранчи. Лежали среди заметно помолодевших гаев и урочищ серые и убогие, будто вытоптанные ратью новоявленных гуннов. И поселяне не работали на них. Одни ждали дождя, надеясь, что если выпадет, то хоть просом засеют нивы и так спасутся от голода; другие за эти неурожайные годы потеряли уже и надежду на поле, отвернулись от него. Трудно поверить в это, но и как не поверишь, когда люди очистили до зернышка не только подклети, а и кадубы, берковцы, меры и полмеры и почти на нет свели в своих загонах скотину.

Волот осунулся, на люди не появлялся, у себя тоже никого не хотел видеть. Что делал он в Черном тереме, никто не знал. Давая волю домыслам, люди сходились кучками и шептались:

— Князь недоволен решением веча — принести в жертву богам кого-то из его семьи.

— Да, он в гневе на всех, вот и не хочет никого видеть.

— А так ли?

— А то нет?

— Нет. Князь считает, что виноват перед Малкой, в большой печали по Малке. До людей ли ему?

— И правда. Даже к той, что замутила своей красотой его разум, не едет. Все ходит по следам Малки, казнится своей виной да утешает детей Малкиных.

— Ох, дети, дети... Что с ними будет, как они теперь?

— Я и говорю: что будет? Хорошо, если князь позаботится о них, а если забудет, пригретый той, что в Соколиной Веже?

Тревога брала верх над печалью, печаль — над тревогой. Безнадежное лихолетье скрутило тиверскую землю, наступила смутная из смутных пора. Старейшины родов век доживают уже, а не помнят такого. Это подумать только, третье лето подряд засевают еще недавно щедрую землю зерном, а земля ничего не дает. Боги светлые, боги ясные, сколько же можно брать со скотины, разве она прокормит народ? А тут еще обры, говорят, возле Днепра уже, стали и думают, как перейти его, такой широкий и быстрый. Что будет, если перейдут и пойдут по-над морем до Днестра, а там и через Днестр? Хватит ли силы, выносливости закрыть им путь, стать по Днестру и сказать: «Хотите идти к ромеям — идите по Дунаю и переправляйтесь через Дунай, а в нашу землю нельзя», — или уже некому будет скоро и стать, и сказать это? Троянова земля велика, в ней всегда находилась такая сила, что любому могла перекрыть путь. Так когда это было!.. А ныне она в запустении, поражена бедами, и кто знает, не будет ли покорена теми обрами, как налетевшей саранчой?

Из мужей, близких к князю, казалось, только двое не пали еще духом — Стодорко и Власт. Один, как воевода, правил за князя в Черне, другой заменял его за Черном: смотрел, чтобы народ и тиверские дружины не прекращали сооружение твердей по Днестру, чтобы было им что есть и пить.

Никто не ведал, знал ли князь, как живет без него земля, или его уже не интересовало, что делается в земле Тиверской, только однажды он позвал челядь и повелел

запрягать в возы коней, сложить на них чуть ли не все, что было в тереме, посадить отдельно детей и отправляться в Соколиную Вежу.

— Я догоню вас, — пообещал дочкам, когда усаживал их, и наказал, чтобы Богданко приглядывал за ними в пути. — Дам распоряжения челяди, мужам и догоню.

Отъезд этот вызвал немало пересудов: князь все-таки едет к той, соколиновежской княгине, берет дочек, сына, поклажу. Не хочет ли сказать этим: «Оставайтесь, если такие, без князя, отрекаюсь от вас?» Выспрашивали у челяди, не задумал ли князь чего такого? Челядники пожимали плечами и отмалчивались. Пытались разузнать что у ратных мужей — те косили злым оком и тоже молчали. Тогда люди пошли к старейшинам, чтобы вместе с ними понять, что задумал, что собирается делать князь после отъезда из Черна. Тризна тризною и горе горем, а какой-то князь не такой, как был до смерти жены. Похоже, не зря слух идет, что князь Волот стал равнодушен к людям тиверским. Неспроста даже биричей его не видно нигде. Если он и думает о ком, то, может, о детях только, о хозяйстве соколиновежском. Другой отрады, кроме как детей и Миловидки, у него нет.

— Надо идти к князю и напомнить ему, — сходятся на одном мужи и старейшины, — что у него, кроме семьи, есть земля, народ тиверский, есть долг перед землей и народом.

— Прежде чем идти, надо подумать, что скажем князю.

— А то и скажем: князь он или не князь? Он заключал с нами договор, вот и должен княжить в своей земле, а не только о жене и детях думать.

— Князь давал уже совет, и не его вина, что мы не сумели сделать его мудрое слово законом: когда в земле беда, все угодья должны принадлежать тиверскому народу. Теперь самим надо думать, с каким решением придем к князю.

Думали и спорили день, а разошлись ни с чем, думали второй — и опять ничего не придумали: с князем надо говорить по сути, а что скажут ему, что посоветуют, если земля в беде, если она третье лето подряд не родит ничего? Теперь и на земли властелинов не кивнешь, потому что и там голодному поживиться нечем. Саранча не разбиралась, где земли и поля господина, а где поселянина.

— И все же не след нам сидеть и ждать погибели, — сказали наиболее решительные. — Надо выбрать самых

достойных, пусть идут к князю и вместе с князем ищут спасение людям.

— Да, так и надо сделать! — поддержали остальные. — Под лежачий камень вода не течет. Должен думать, если он князь, а нет — заключим договор с другим.

За выборными дело не стало, и выборные без промедления пошли к князю, встали перед ним. Труднее оказалось найти с ним общий язык. Волот почувствовал в словах посланцев укор и был не гостеприимен.

— Я свое сказал уже, — хмуро ответил им, выслушав. — Или, считаете, мой совет не подходит для спасения народа?

— Подходит, князь. Твой совет был мудрым и, может, единственно возможным. Беда только, что мужи тогда не позволили нам воспользоваться им, ныне же и подавно не позволят.

— Почему же?

— Чувствуют за собой еще большую силу, чем тогда.

Волот подскочил как ужаленный, в гневе бросил посланцам слова, эхом отозвавшиеся в просторном отчем доме:

— А кто дал им эту силу? Кто, спрашиваю? Почему позволили вы мужам, хозяевам займищ, взять верх на вече и управлять вечем?

Старейшины из посланных к князю остались невозмутимы, но эта невозмутимость их, это спокойствие были обманчивы.

— Князь, — сказали, — а ведь это не наши, это твои мужи. Тебе лучше знать, почему они так стремятся взять верх, подмять всех под себя.

Волот дернулся было возразить им, но удержался. В конце концов, они правду сказали. Так как же случилось, что между князем и народом тиверским больше единства в делах и помыслах, чем между князем и его мужами? Он что, ошибся, подбирая себе мужей, или не так повел себя с ними, как надо было? Видят боги: вся беда в том, что нет общих устремлений — единства быть не может.

— Старейшины пришли ко мне от родов своих, — спросил он, — или как слы от всего народа?

— Как слы от всего народа.

— Тогда слушайте, что скажу.

Он давно обдумал то, что собирался сказать, немало твердости требовалось для этого, и теперь эта твердость

была в нем, он это чувствовал. Но не успел он вымолвить первое слово, как у ворот поднялся такой шум, что прежде, чем продолжить, он вынужден был открыть дверь, спросить:

— Что там такое?

— Прибежал от капища волхв, говорит, жреца Жадана убили.

— Когда и кто убил?

— Татьба, рассказывает, произошла ночью. Никто ничего не знает. Жреца нашли в его доме с перерезанным горлом.

— Вот оно что... Велите этому волхву зайти ко мне.

Волот счел за необходимое, чтобы тот, кто принес страшную весть, рассказал все при старейшинах. Слушал внимательно, а сам думал: поражен ли волхв тем, что случилось, или... причастен к татьбе? Вроде не причастен, а все же слишком уж испуганным кажется. На коленях ползает перед князем, перед старейшинами.

— Кто был перед этим у Жадана?

— Не ведаю, князь.

— А возле жилища Перуна?

— К жилищу и требищу все идут.

— Ночью был кто-нибудь?

Волхв задумался, на самом деле вспоминая или делая вид, что вспоминает. Князь, не дождавшись ответа, снова обратился к свидетелю неслыханной татьбы.

— Волхв давно знал Жадана?

— Давно. С тех пор, как Жадан стал жрецом при капище Перуна.

— И все время был при капище?

— Да.

— Так кто же бывал у Жадана если не сейчас, то раньше? С кем он тайно встречался, беседовал?

Князь не просто спрашивал — допрашивал, склонившись перед вестником, который стоял на коленях, и этот допрос заметно встревожил волхва: сначала он как бы удивился осведомленности князя, а потом сник и отвел глаза.

— Богданко сюда! — повелел князь.

Когда же сын прибыл и всем видом своим дал понять, что перед ним тот самый волхв, который оповещал о тайном сговоре Жадана с воеводой Вепром, Волот благоразумно решил при старейшинах не припирать волхва к стенке. Приказал сыну запереть того в подвал и стеречь

как зеницу ока. Убедившись, что сын исполнил все как следует, вернулся к старейшинам и сказал:

— Хотят ли слы народа тиверского знать, что надлежит нам делать, чтобы победить лихолетье?

— Хотят, княже.

— Тогда слушайте, что скажу вам: прежде всего мы должны самоочиститься.

О, он мог бы призвать в свидетели всех богов: перед ним старые и мудрые люди, а не понимают его. Смотрят и молчат.

— Разве мы не очищались? — спросили наконец.

— Перед богами — да. А сами перед собой? Это правда: земная благодать — награда неба. Но правда и то, что небо может исчерпать свои щедроты, если они попадают к нечестивым в умыслах и деяниях своих, становятся достоянием алчущих и жаждущих. Потому и говорю: на богов уповать надо, однако и самим надо очищаться, хотя бы время от времени.

— Князь советует...

— Советую начать самоочищение с суда над татями, которые лишили жизни жреца Жадана. Согласны ли с этим старейшины?

— Да. Дело справедливое, пусть будет так.

— Тогда надо сзывать вече и начинать суд.

Это было одно из таких веч, на которые сходится весь окольный люд, и сходится быстро. Оповещая о нем, быстро мчались на своих конях поселянские гонцы, но еще быстрее бежал слух: мало Тивери божьей кары, началась и человеческая; в Соколиной Веже убит Жадан, единственный из волхвов, который удостоился быть жрецом при капище Перуна, стал наравне с князем посредником между богом и людьми. Кому-то, вишь, не понравилось, что у Тивери теперь два посредника, кто-то поднял руку на хранителя божьей обители, и это злодейство, говорят, сильно разгневало князя. Нашел в себе силы, подкошенные смертью жены, и стал на сторону обездоленного народа — ищет ему спасение от мора и голода. А чтобы все было по справедливости, начинает князь с суда над татями.

Кого оставит безучастным такое событие? Спешит народ к стольному городу. Едут конные, идут пешие, поднимаются целыми селищами. Людно на путях и перепутьях. И говорливо. Идут не только мужи, чей голос имеет вес и силу на вече, идут и отроки. Одни — чтобы присмотреть в дороге за стариками, другие — за конями, третьи — и в помощь, и в науку к старшим. Ведь сами станут когда-то мужами, а когда дойдет до раздора между одной и другой сторонами веча, их сила и задор еще ох как понадобятся.

Не сидел и князь в Соколиной Веже. Сразу после разговора со старейшинами возвратился в Черн, собрал под свою руку дружинников, которые были в Черне и за Черном, и, убедившись в надежности своей силы, позвал волхва, который известил о смерти Жадана.

— Как зовут тебя, достойный муж?

— Малые достоинства, князь, у того, кто оказывается по твоей милости в темнице.

— Не говори так. Не всякий отважится постоять за правду и заступиться за праведных. Надеюсь, не будешь отрицать, что ни кто другой, а ты пришел в свое время к княжичу Богданко и велел ему, сославшись на высшие помыслы, идти ко мне и предостеречь перед тем, как брать жребий: не с богом — с Вепром был у Жадана разговор о том, чтобы послать род княжий на огонь.

— Да, это был я.

— Зачем же унижаешь себя теперь и не признаешь достойным?

— Потому что не довел справедливое дело до конца.

Князя как раз это и интересовало.

— А в самом деле, почему сыну поведал о сговоре, а не мне?

— Возле князя кто-нибудь узнал бы меня и выдал. Сын же, думал я, и без меня сделает все, что следует сделать.

— А о том, что сыну моему никто не поверит, ты не подумал?

— Об этом не подумал.

— Так, может, ты теперь выйдешь и скажешь вечу: был сговор, властелин Вепр обещал Жадану Веселый Дол, если принесет в жертву богу самого князя?

— Разве мне поверят? Веселый Дол не достался Жадану.

— Конечно, ведь не я, а княгиня пошла на огонь по воле богов. Вепру стало жаль Веселого Дола, и он пошел на убийство Жадана, который вымогал или мог вымогать от Вепра его отчую усадьбу, угодья.

Какое-то время волхв молчал, видимо, обдумывал слова князя.

— Я могу подтвердить лишь первое. Кто убивал Жадана — того не знаю.

— Все говорит, что зачинщик — Вепр.

— Может, и говорит, но я не видел того и подтвердить не могу. Есть, княже, выше тебя, выше твоих желаний помыслы.

Упрямство этого авгура начинало раздражать князя. Что же будет, если тот и в самом деле ничего не подтвердит? Зря, что ли, он собирает вече, напрасно хочет вызвать Вепра на всенародный суд?

— Отступать поздно, волхв. Ты много знаешь о Вепре. Если не убедишь вече, что зачинщик он, с тобой будет то же самое, что и с Жаданом. Погибнешь от его руки, понял?

— Как же я буду убеждать вече, если я не знаю?

— Вспомни всех, кто был накануне возле капища Перуна.

— Вепра там не было.

— Зато были люди Вепра. Узнаешь их, если покажу?

— Если видел, то узнаю.

— Тогда надевай одежды ратного мужа, поедешь со мной. Наведаемся на подворье Вепра, присмотришься там к его челяди.

Был он на удивление тверд и непреклонен, когда заковывал Вепра в цепи, и еще непреклоннее, когда вышел и стал перед вечем.

— Братья! — решительно поднял над головой меч. — С согласия старейшин родов и на благо тиверского народа начинаю суд над преступниками, которые убили жреца Жадана. Кто знает их и может указать или назвать при всех, выходи и называй.

Вече обычно делилось на два конца — княжий и поселянский. На княжем впереди всегда стоял князь, за ним — советники его, воеводы, ратные мужи и дружина; на поселянском почетное место отводилось тысяцким, потом старейшинам родов, а уж за ними — всем остальным: воинам, ратаям, торговому и черному люду. Сегодня княжий конец состоял в основном из дружины, самых близких людей князя. Некоторые из воевод и властелинов, жавшихся прежде к князю, теперь затерялись среди поселян, видно, так порешив для себя: когда дойдет до дела — станут кричать громче всех, чтобы перетянуть ве-

Рис. Ю. Макарова

че на свою сторону. Но кто знал, что на этот раз вече останется глухим к ним и к их крику.

— Рука поднята на того, — вколачивал в тишину слово за словом князь, — кто имел доступ к самому богу, был посредником между людьми и Перуном. Князь не может оставить такое преступление без наказания. Потому и обращается ко всем: кто знает зачинщика — выйди и укажи на него.

— Мало указать, — послышался голос из рядов поселян, — надо еще доказать, что это преступник.

— Надо и доказать, а как же.

— А есть у князя доказательства, если взял воеводу Вепра в цепи?

Спрашивали его недавние союзники. Не удержались все же, заговорили. Если так, пришло время звать на княжий суд хозяина Веселого Дола и воеводу в Подунавье.

— У князя такие доказательства есть. Но он не хотел бы ошибиться, поэтому спрашивает: кто еще знает преступника?

В ответ — молчание.

— Приведите воеводу Вепра.

Вепр был суров и грозен на вид, казалось, освободи ему руки и дай меч — на вече кинется с открытым забралом.

— Воевода, — зычно, чтобы слышали все, обратился к нему князь. — Ты знаешь, в чем обвиняю тебя? Признаешь ли за собой вину?

— Нет, и требую за глумление и насилие над собой личного поединка с князем.

— Если князь не докажет твоей причастности к убийству, так?

— Да.

— А если докажу?

— Если докажешь, я покараю себя сам, прямо тут, при всем народе.

— На том и порешим.

Волот окинул взором притихших людей, потом сказал:

— Будем терпеливы и уважительны — начинаем суд. Скажи, воевода, ты встречался с жрецом Жаданом в его доме при капище Перуна?

— Встречался.

— Зачем бывал там?

— Приносил жертву Перуну и передавал ее в руки жреца Жадана.

— Когда бывал?

— Да не раз, и в этом, и в том году.

— О чем говорил с жрецом, кроме того, что вручаешь ему дары и просишь принести их богу Перуну?

— Кроме этого — ни о чем.

— А за какие такие великие заслуги ты обещал Жадану подарить свою родовую усадьбу и свои угодья в Веселом Долу?

Вепр сделал вид, что удивился и даже обиделся.

— Такого не было, такого не могло быть! Разве князь не знает, что для меня Веселый Дол? Разве не знает, как приросло к нему мое сердце?

— Знаю, да слухи говорят другое: ты обещал-таки Жадану Веселый Дол, и, наверное, не за малую услугу. Волхв Чернин, выйди и скажи, что знаешь о том обещании.

Идя на вече, волхв переоделся в обычную свою одежду прислужника капища Перуна. Пока он рассказывал, когда и с чем приходил Вепр к Жадану, вече слушало молча. Когда же заговорил об их тайных беседах, а потом о гневе Жадана на слова Вепра, вече забурлило.

— Такого не может быть! Чем докажешь, вонючий волхв?

— Хотя бы тем, что слышал эти беседы своими ушами. Воевода говорил Жадану: «Сделай так, чтобы бог покарал князя Волота наивысшей карой — смертью — и будешь иметь все: золото, поле, товар, захочешь — Веселый Дол отдам тебе с домами и угодьями. Не только жрецом, властелином будешь».

— Это не доказательство! — кричали мужи. — Это можно и придумать. Кто, кроме тебя, подтвердит это?

— Может ли кто подтвердить то, что я слышал, — этого не знаю, однако люди могут подтвердить другое: как Жадан прогонял воеводу, как посохом замахивался на него, как молился потом перед ликом бога Перуна и говорил, молясь: «Огненный боже! Великий Сварожич! Ты видел гнев мой и видишь муку, отведи и заступи, не дай слабости человеческой — соблазну — окрепнуть во мне». Волхвы Стемид и Добронрав. Во имя наивысших помыслов выйдите и скажите, что видели и слышали такое.

Волхвы не думали, видно, что их позовут свидетельствовать, они переглянулись, однако вышли и сказали князю: видели, как Жадан прогонял этого мужа посо-

хом, как молился после, слышали, с какими словесами обращался Жадан к богу.

— А что скажет Вепр? — спросил Волот.

— То, что и говорил: бывать у Жадана бывал, а разговора о мести с ним не было.

— Отчего же тогда волхв и жрец гнал тебя от жертвенника палкой?

Вепр запнулся на миг, и этого было достаточно, чтобы вече убедилось и крикнуло в один голос:

— Он виновен, княже! Он домогался от Жадана лжи и мести!

Чтобы утихомирить людей, князь поднял меч.

— Не слышу ответа, воеаода.

— Я напомнил жрецу давний обычай — приносить богам человеческие жертвы, чтобы они умилостивились и не карали людей жестокими карами. Напоминание это, а можно назвать его советом, и разгневало жреца.

— А что еще ты советовал?

— Больше ничего.

— Почему же Жадан говорил, молясь: «Отведи и заступи, не дай слабости человеческой — соблазну — окрепнуть во мне»?

— Об этом не ведаю.

— А послушники ведают, воевода. Что скажешь, Чернин?

— Жадан боялся кары богов и сомневался. Когда же воевода напомнил ему о подарке в другой раз и в третий, а потом повез и показал Веселый Дол, Жадан соблазнился и заключил с воеводой договор: сперва, мол, принесет в жертву богам кого-то из людей тиверских, а после заставит брать жребий семью князя. Вепр соглашался на это и был уверен, что, когда дойдет до жребия, князь сам вызовется пойти на огонь, закрывая собой жену и детей.

— Ты врешь, волхв! — Связанный Вепр дернулся, точно зверь, в сторону послушника. — Откуда Жадану было знать, что нас постигнет еще одна беда?

— Знал. Он такой был, что мог и сам накликать беду.

Это неожиданное откровенно поразило всех, даже Вепра, как удар Перуна в ясном небе. Люди притихли, глядя на волхва-послушника как на некую диковину, потом стали переглядываться между собой, как бы спрашивая: «Вы слышали, на нас накликали погибель», — и вот уже вся толпа кричала тысячеголосо:

— Смерть отступникам! Смерть людоедам! Чтоб ради мести, чревоугодия и наживы ради да накликать на народ глад, мучить его напастями и морить мором? Где такое видано? Когда такое было? Смерть изуверам! Кара и смерть! Кара и смерть!

Князь попытался утихомирить вече, да где там. Будто с ума посходили все. Орали во всю глотку каждый свое, гремели оружием и напирали на княжий конец, на то место, где стоял закованный и теперь уже спавший с лица воевода Вепр. Толпа могла раздавить, разорвать Вепра на мелкие куски, и князь вынужден был выставить впереди подсудимого дружинников и отгородился от веча щитами, мечами, сулицами.

— Виновные в бедах народа никуда уже не денутся. Дайте довершить суд! — Князь уже в который раз поднял над головой меч, требуя тишины.

— Без суда ясно, княже! На горло карай татя!

— Он не один. Дайте завершить суд и увидите: он не один!

Кажется, подействовало. Площадь постепенно затихла.

— Будешь отпираться и дальше, властелин?

Вепр сделался землисто-серым, по нему видно было, что он никак не придет в себя.

— Княже, — подал он наконец голос и не то что примирительно, но как бы умоляюще посмотрел на Волота. — Я поставлю свидетелей, что не был в ту ночь ни возле капища Перуна, ни в Веселом Долу.

— Знаю об этом, сам ты не был там. Преступление совершили другие, однако по твоему повелению. Волхв Чернин, укажи нам, кто из челядников хозяина Веселого Дола был в тот вечер возле капища Перуна?

— Вон те двое, — показал через головы Чернин.

Вечевой люд оглянулся в ту сторону, куда показывал волхв, потом расступился. Те, на кого указали, встали перед князем, как застуканные на злодействе тати.

— Твои это люди, воевода?

— Мои, да что с того?

— А то, что именно они выполняли твое повеление. Подойдите ближе, подлые рабы подлого преступника!

Те не посмели ослушаться, подошли ближе к князю и, не сговариваясь, упали перед ним на колени.

— Помилуй, великий господин! Мы не по своей воле.

Волот даже содрогнулся, уязвленный их просьбами, а может, и тем, что теперь уже окончательно убедился: супостат побежден, ничто уже не спасет Вепра.

— Этих свидетельств достаточно, властелин?

Вепр безвольно уронил голову, опустил плечи. И шею свою мощную, ту, что никогда и ни перед кем не гнулась, шею тоже согнул, будто подставил для удара меча.

— Сам покараешь себя или других заставлять?

— Сам, — поднял он после долгого молчания голову и холодно взглянул на князя. — Снимите с меня наручники и дайте меч.

Вече исполнило его волю, но Вепр не торопился. Стоял, медленно разминал стиснутые наручниками руки. Но вот бросил поверх толпы быстрый взгляд, то ли отыскивая кого-то из своих, то ли прощаясь мысленно с Веселым Долом, с любимой семьей, со всем, что было желанно ему, потом поставил острием к груди меч, там, где билось сердце, и в тот же миг бросил себя на меч. Застыл так на какое-то мгновение и вдруг, неожиданно для всех, выпрямился во весь свой богатырский рост, чтобы тут же тяжело, будто подрубленный дуб, рухнуть на землю. Ни вскрика, ни жалобы, ни проклятья с уст. Как был проклятым судьбой Вепром, так и умер проклятым.

Челядники все еще ползали возле княжьего коня, хватали за стремена, молили о пощаде.

— А с этими как?

— Отведите и покарайте на смерть, — ответил брезгливо. — Да не вздумайте предавать после огню, — добавил громче, чтобы все слышали. — Преступники недостойны этого, заройте их в землю, как псов.

Вече, будто онемевшее во время казни преступников, так и продолжало молчать какое-то время. Князь понял наконец, что люди ждут его слова, а он все не мог собраться с мыслями. Короткое, как миг, удовлетворение отступило перед страшным зрелищем, вызвавшим в нем не столько неприязнь, сколько смутное ощущение глубокой печали.

— Братья! — поднялся он в стременах и возвысился над толпой не только ростом, но голосом и мыслью. — Праведный суд свершился. Но поняли вы или нет, за что карают нас боги? Одни думают, за то, что слаба наша вера; другие считают, что мы недостаточно щедры, не делимся с богами тем, что дает с их благословения земля наша. Это не так. Кто из вас, скажите, не молится в

своем доме богам, кто жалеет отдать богу богово? Никто. Народ наш открыт сердцем в вере своей, он щедр на добро, как и на дары. Боги карают нас за то, что предаемся чревоугодию, не знаем в том ни меры, ни границ, торгуем во имя выгоды не только людьми, угодьями, но и повелением божьим. Вот откуда гнев божий и кара божья.

— Так! Князь речет правду! — многоголосо откликнулось вече.

Князь снова поднял над головой меч.

— Торговать можно скотом, зерном, изделиями рук своих, торговать же благополучием народа, как и самим народом, во имя собственного чревоугодия — богопротивное дело, и оно должно караться наивысшею мерой — смертью.

— Так, княже! Наивысшей мерой!

— Поэтому спрашиваю вас сейчас: принимаем ли это как закон и обычай народа тиверского?

— Принимаем! Пусть будет так отныне: кто ставит чревоугодие превыше всего, кто посмеет торговать благополучием народа и самим народом — тому кара и смерть!

Князь почувствовал удовлетворение, это прибавило ему сил, и он взвинтил голос до звенящей ноты:

— И еще спрашиваю вас: чтобы меньше было соблазнов и желающих нажиться на наших обычаях, не пришло ли время народу нашему навсегда отречься от почти забытого уже обычая — приносить в жертву богам людей тиверских?

Ах, как он надеялся, что толпа подхватит его слова, ответит дружным согласием. Но ответом ему была тишина. Немая и долгая, будто кто-то запечатал уста тысячеголосому вече.

— Может, я беру на себя слишком много, — он невольно понизил голос, — может, беру непосильное, но как князь и верховный жрец ваш выношу свое слово на суд народа: разве боги затем давали жизнь людям, чтобы забирать ее в расцвете лет? Кто и когда от богов слышал: «Умилостивите нашу жажду — будете иметь благодать»? Неужели не хватит нам доброты нашей, щедрости нашей, чтобы умилостивить богов?

Все-таки дошли, достучались его слова до сердца и разума тех, к кому лежало, кому всегда открыто было его сердце. Люди зашевелились, заговорили между собой, так и этак поворачивая слова князя, обращая их на себя.

И уже никто не скрывал, кажется, своего согласия с князем, но с ответом ему выступил один из старейшин.

— Может, и так, — сказал он. — Но нам не дано, княже, узнать это. Вече позвано судить народ свой, но не богов.

Вот оно что! Не решаются взять его сторону. Боятся гнева богов!

— Разве мы богов судим? — твердо возразил он. — Речь идет о древнем обычае родов наших, народа нашего. Кто, как не вече, сможет переиначить его?

— Обычай обычаю — рознь, — стоял на своем старейшина. — Ты, князь, верховный жрец земли нашей, слышишь глаголы божьи, знаешь их повеления. Вот и суди, как быть с обычаем, который оберегает нас от божьего гнева. Мы недостойны судить об этом.

Волот чувствовал, как его начинает разбирать злость, кажется, набросился бы на старейшину, когда бы не понимал: то, чего он домогается, зависит сейчас только от старейшин.

— С Жаданом вы согласились, не спросяя князя, и принесли богам человеческие жертвы. Со мной не соглашаетесь. Не скажеге ли, почему?

— Хотя бы потому, княже, что тогда речь шла о соблюдении обычая, теперь — об отречении от него.

«Нет, они-таки невыносимы и упрямы, эти тиверцы!» — подумал Волот, чувствуя, что не прав, что народ его лучше, чем он о нем сейчас думает, но что делать, если ему нечем было переубедить и народ, и старейшин.

— Ладно, — сказал, смиряясь, — отложим этот разговор до лучших времен.

Подобрал поводья, собираясь поворачивать коня, но в последний момент остановил себя. Разве так надо завершить вече? Не девица же, чтобы показывать тут обиду.

— Князь сказал все, что хотел сказать своему народу. Все ли сказал князю народ тиверский? — резковато спросил он.

— Нет, не все.

— Пусть говорит, я слушаю.

Старейшины переглянулись. Говорить с князем вызвался почему-то самый молодой среди них.

— Речь наша касается самого главного, князь. Как будем жить дальше? Народ третье лето подряд ничего не имеет с земли, вконец уже и себя, и скотину извел. Просили тебя прежде, чтобы не брал дани, и снова вынуждены просить: удержись от полюдья, не иди на полюдье, потому что ничего не сможем тебе дать.

Волота не обрадовала эта просьба, но виду не показал, слушал, раздумывая над сказанным.

— Я мог бы сказать то же самое, — ответил. — Княжеские житницы не так богаты, чтобы не было у них дна. А дружина потребует своего, и оборона земли тоже своего потребует. Но не это у меня на уме: спасет ли это народ, если я снова не пойду и не буду править с него правеж?

— Может, и нет. Вот если бы еще и властелины...

— А что властелины?

— Прошлой зимой стеною стали на защиту своих угодий. Если и в эту зиму так будет, беда ждет всех, беда великая.

— Это правда? — остро взглянул князь в ту сторону, где больше всего собралось хозяев земель. Те и дышать перестали, словно язык проглотили. Кто глаза опустил, кто делал вид, что его это не касается. — Я спрашиваю, — Волот возвысил голос, — мы люди одного рода-племени или нет? Можем поделиться с обессиленными от бед поселянами своим добром или нет?

— Да нечем нам делиться, князь, — отважился один ответить за всех. — Наши нивы так же пусты, как и поселянские.

— А охотничьи угодья? И ими не хотите поделиться?

— Это не спасет поселян.

— Что же тогда спасет нас?

— Спасение одно: собраться вместе и идти за Дунай стезей склавинов. Фракийская земля — богатая земля, прокормит и их, и нас.

Князь не торопился возражать, хотя и соглашаться не думал.

— Советуете учинить то, в чем мы обвиняли в свое время ромеев. А что же будет, если мы пойдем за Дунай, а обры к нам? — слово в слово повторял он сейчас то, что еще недавно говорил Добриту. — Кто защитит тогда наших детей, жен, землю Тиверскую? Понимаете ли, как пагубен этот путь: добудем на маковое зернышко, потеряем все.

— Почему на маковое? В воины пойдут все, кто может держать меч. И себя прокормят, и детям, женам добудут еду.

Народ оживился, по всему видно было — многим по

вкусу такой совет, видят в задунайском походе спасение. А князь даже в лице изменился. Свирепел в бессилии. Боги, за что караете так этих несчастных? Они и без того стоят над пропастью, а вы лишаете их последнего разума.

— Пока я князь ваш, — сказал громко и твердо, — не дозволю такого безумства. Желаете идти за Дунай — идите без меня, отдайте себя, роды свои, народ свой на растерзание жадным до грабежей обринам. Я на татьбу не поведу!

Вече примолкло, похоже, что слова князя отрезвили многих, да и страшноватой была решимость князя.

Старейшины, посовещавшись между собой, спросили:

— Что же предлагаешь нам, князь?

— Не пойду и в эту осень на полюдье. Трудно мне будет, а все же не пойду, велю и властелинам поделиться с народом последним, что есть в клетях, открыть голодным свои леса, водоемы.

— Это не спасет нас, княже. Что возьмем с мужей, если у них и вправду пусто? Что возьмем в лесах, если уже брали и брали? Ведь третью зиму остаемся без хлеба.

— Другого совета не дам.

— Тогда слушай, что мы скажем. Согласны с тобой: ныне, как никогда, надо держаться вместе. Но согласись и ты с нами: обеднел народ из-за недородов, и обеднел до краю. Голод морит народ тиверский, на этот раз повальный. А пойдет гулять мор, земля наша станет еще доступнее для соседей, чем когда сами вторгнемся к ним с мечом и сулицей. Вот и думаем: надо сделать так, чтобы и соседей не трогать ратным вторжением, и самим выжить до лета.

— Разве я не это же говорил? Ведь кричите все: не выживем!..

— Не выживем, если будем сидеть, сложа руки.

— Что же предлагаете?

— Земля не прокормит всех. Пусть останутся на ней те, кого она прокормит. Остальные пусть идут и ищут себе другую землю.

Волот даже глаза вытаращил. Смеются над ним старейшины или кнута просят? Кто пойдет, куда? Где та земля, где ждут голодных?

— Лишь бы с глаз долой, значит? — спросил так, как и думал.

— Почему лишь бы с глаз долой?

— Потому что такой земли нет на всем белом свете, а если и есть, так ее надо брать мечом и сулицей.

— Выслушай, княже, до конца. Для таких, как наши отселенцы, земля и яства могут найтись. Даже без меча и сулицы. Совет старейшин выносит на суд народа такое решение: пусть каждый холостой отрок и каждая незамужняя девица возьмут жребий. Каждый третий должен покинуть Тиверь. Князь и кровные поделятся с ними последним — броней, конями, скотиной — и скажут: «Идите туда, куда приведут боги, ищите себе землю, которая прокормит вас». Учти, князь, посылаем молодую поросль родов своих, а таких любой хозяин возьмет на поселение, если у него есть чем помочь им до первого урожая.

Молчит князь, не зная, что сказать старейшинам, молчит и вече, обратясь помыслами к детям своим. Каждому, если примут это решение, придется прощаться с детьми, и прощаться навсегда. Мыслимо ли это? Кто же будет валить лес, если отдадут самую молодую силу родов своих, кто будет корчевать, если не будет той силы, кто будет готовить к посевам роздерти? А еще же надо и защищать землю, если придут тати с чужих краев и скажут: «Отдайте все, что имеете, а ничего не имеете, так отдайте себя».

— Не соглашайся, князь! Старейшины не понимают, что говорят.

— А что понимаете вы, говоря такое? Пойдет с земли треть, зато легче будет остальным выжить.

— Не надо нам такого облегчения! Кого боги возьмут, того возьмут, кто останется, тот будет жить, зато будет жить в своей земле, вместе с родными.

Гомон перекрывался выкриками, выкрики тонули в гомоне. Каждый стоял на своем. И каждый считал, что он прав. На кого-то шикали, а на кого-то уже и руку поднимали. Тогда вновь поднялся к небу и призвал к тишине тяжелый княжеский меч.

XXV

Весело улыбалось миру ядреное после ночной купели солнце, улыбался солнцу и мир — ослепительным блеском рассыпанных по деревьям рос, помолодевшей листвой, звонким и чистым горизонтом вдалеке. Даль была прозрачной и синей. Лишь веселья не было слышно на подворьях поселян. Лето, а люди не спешат ни на выпас

со скотиной, ни на жатву в поле. Приберутся в домах и молчат, перекинутся словом-другим и снова молчат. Только когда пошли по улицам бирючи и забили в колотушку: «Собравшимся на отселение пора на сход!» — тревожно переглянулись с родными те, кто уходил из родных краев, закричали те, у кого отрывали от сердца.

— Боги светлые и боги ясные! — в голос кричали женщины. — Как же вы допустили до такого, как нам вынести это? Ведь не видать нам уже доченьки нашей от веку до веку! Мы же лелеяли ее, как цветочек, собирались повеселиться на ее свадьбе, думали утешиться браком ее, а теперь рвем сердце разлукой.

Чем ближе к выгону за домами, тем громче плач. Стекались туда и отселенцы, и те, кто провожал их.

— Скорее! Скорее! — покрикивают десятники. — Там, — показывают, — ждут не дождутся уже.

— Не трогай! — выходит из себя и закрывает собой дитя свое оскорбленная этим криком мать. — Не видишь разве, не просто разлучаюсь — прощаюсь навсегда.

Отселенцы-отроки в большинстве на конях. Остальные, больше девки, сидят на возах, рядом с домашним скарбом и кое-какими яствами, приготовленными в далекий и бог знает что обещающий путь.

— Прощайте! — кричат. — Да будьте живы и здоровы! Кланяйтесь дому, кланяйтесь стежке, что водила к кринице, к студеной водице. Всем и всему кланяйтесь, слышите! Всем и всему!

Как нити-лучи снуют от солнца к земле, так Тиверь стягивает людские потоки к Черну. С юга и с севера, с юго-запада и просто с запада. Назначен день, когда отселенцы должны собраться под стольным городом. Хочешь не хочешь, а надо отселяться, пока не настали холодные дожди, пока не сковала землю суровая зима.

Княжич Богданко беспокоится об этом больше, чем кто другой. С тех пор как вече стало на мысли об отселении трети молодых тиверцев, выбранных по жребию, он, княжич, стал в один ряд с другими — в Тивери перед обычаем и законом все равны. А став, взял не лучшее — судьба указала ему идти из Тивери. На него была возложена обязанность предводительствовать в этом походе. Он был уже достаточно зрел для этого, к тому же обучен ратному делу, отличался сообразительностью и был рассудителен. Куда идти, как добыть себе землю-кормилицу? — все это легло теперь на его плечи. Шли с ним тысячи,

все отроческого возраста, о некоторых даже трудно сказать, отроки они или все еще отрочата. Разве с такими встанешь на сечу, если придется? Одержишь ли победу, если она будет очень нужна? Соберет их сейчас, выведет из города — и он уже князь, должен всем и всему давать лад.

И все же это будет завтра. Сегодня другое волнует княжича и гонит на вежу: как уйдет он со своей земли без Зоринки? Говорила: «Силой не принудят взять брак, если не с тобой, то ни с кем». Нет теперь того, кто был им помехой. Лишь одно может помешать — счастливо взятый Зоринкой жребий. Неужели из-за этого останется? Конечно, чужбина пугает многих, а неизвестность и подавно. И идти неизвестно куда, и так может сложиться, что назад уже никогда не вернутся. И скорее всего отчего порога, милой сердцу Тивери им уже не видать. А у Зоринки еще мать больная — вдова Людомила слегла от перенесенных утрат. Легко ли переступить через ее скорбь, через ее твердое, а может, и кровавое «нет». Кто знат, согласится ли и сама Зоринка уйти с изгнанником, стать с ним такой же изгнанницей, как все?

Пристально всматривается княжич вдаль, следит за дорогой, видит каждого за несколько поприщ от Черна. Не видно только, чтобы спешил к нему его побратим из Вепровой усадьбы. Не торопится? Или не с чем возвращаться?

Если что и утешает его в этой круговерти, то, наверное, то, что не один будет стоять во главе отселенцев. Такой же жребий, как и ему, выпал на долю многих из младшей дружины, и среди них близкие ему по сердцу соратники — Бортник, Боян, Жалейко. На них у него надежда. Они станут во главе тысяч, дадут им лад, поведут, если придется, на сечу. Эти отроки знают толк в ратном деле, по сути — они мужи уже. Двое из них сейчас там, где собираются отселенцы, Жалейко же поехал к Зоринке спросить, каким будет ее последнее слово княжичу.

— Княжич! — прямо перед ним поднял на дыбы своего коня Боян. — Эге, княжич! Слышишь меня?

— Слышу. Что хотел?

— Конных прибывает и прибывает, возов тоже. А где кузнецы и кузнь? Где тележники и их мастерские? Путь будет тернист и далек. Что делать станем, обломавшись?

— Старейшинам говорил об этом? — спросил Богданко.

— А при чем тут старейшины?

— Им велено было приготовить нас в путь так, чтобы отселенцы все имели. Идем, поговорим со старейшинами.

И они поехали мимо скопищ возов, мимо людской толпы, мимо быстрых настороженных взглядов. Кто-то уже пустил слух, что это и есть те, кто поведет отселенцев в неизвестность. А кому же не хочется знать, какие они, предводители? Ах, да если бы еще знать, к надежному ли пристанищу приведут?

Когда подъехали к приготовленным под жилье шатрам, увидели: старейшины не дремали. Возле них собирались поселянские предводители, каждый говорил, с чем прибыл. Тут же каждый получал от старейшин наказ, что и как делать дальше.

— Старейшинам родов Тиверских, — поклонился им до земли Богданко, — почет и слава.

— Добрый день, княжич. Видим, обеспокоен чем-то. Не скажешь, чем?

— Скажу, но прежде хочу знать, сколько пойдет со мной тиверских отроков, сколько девиц, сколько возов будет и сколько коней в дружине?

— Разве княжич не знает этого? Жребий указал на десять тысяч отроков и столько же девиц. Сколько будет коней и возов еще не знаем, потому как не все пока приехали.

— И все же немало приехало.

— А где кузнецы и кузнь? Где тележники и их мастерские? Кто будет ремонтировать возы, если обломаются, кто будет ковать бронь, если надо будет?

Старейшины, переглянувшись, перевели взгляд на княжича.

— Кузнецов, как и тележников, ищи, отрок, среди отселенцев. Что определил жребий, то твое, что оставил, то наше.

— А кузнь? А тележники? Их тоже должен был определить жребий? Не хотелось бы мне упрекать старость и поучать старших, а все же скажу: отселенцы только тогда пойдут со своей земли, когда будет у них все, что нужно в долгом и неизвестном пути. Я и мои тысяцкие, — кивнул на Бояна, — присмотрим за этим.

И снова шли, обходя встречных, через запруженную народом площадь под Черном, к западным воротам.

— Куда запропал Жалейко? Почему так долго не возвращается?

— Думаешь, долго?

— А то нет?

— Да нет. Посмотри, разве это не его Чалый стоит на привязи?

— Где?

— А возле ворот, чуть в стороне от них.

Поспешил к своему послу, обрадованный, что дождался-таки его. Так, может, радовался бы самой Зоринке! А подъехал, взглянул на побратима — и похолодело сердце: Жалейко ни словом, ни взглядом не сказал ему, что вернулся с добрыми вестями.

Вот только когда каждый мог сказать себе: все, настала пора прощания. Прибыли уже последние отселенцы из самых дальних вервей, выстроились за возами. Кто успел — занял место на площади, — все теперь вслушивались в слова своих предводителей, в слова, которые надолго ложились в память и в сердце.

— Отроки и отроковицы! Не попреками стелите себе путь в будущее, в ту землю, которая воздаст вам за ваши страдания. Что в них, в упреках, в страданиях!.. Да и кто виноват, что вынуждены отрывать вас от сердца, которое и так обливается кровью? Мужеством и мудростью устилайте свою тернистую стезю. Лишь они принесут облегчение, а с облегчением утешение и надежду.

Это говорили те, кто оставался здесь, кто, расставаясь, как бы выговаривал прощение себе и своему роду. А что скажут новые предводители — княжич, тысяцкие? Куда поведут, в южные или северные края, на запад или на восход солнца от Тивери? А еще не мешало бы знать, как далеко поведут, на кого и на что возлагают надежды в неизвестной новой земле? Взялись быть предводителями — должны отвечать!

Все смотрели на княжича, а княжич на всех.

— На то, чтобы я вел вас, была воля князя и старейшин. Согласны ли вы, братия, чтобы был вашим предводителем?

— Согласны!

— Может, назовется кто-то другой или сами назначите другого?

— Нет! Будь ты, княжич! Тебя знаем, тебе доверяем.

— Если верите и полагаетесь на меня, то слушайте, что скажу. Пойдем сегодня и пойдем так, как поделил вас: четырьмя обозами. Во главе каждого обоза — тысяча кон-

ников при броне, во главе тысячи — назначенный мной тысяцкий. Ему и его сотникам подчинен весь обоз. Все остальные идут пешком или поочередно на возах.

Немного помолчав, продолжил:

— Уверен, желаете знать, куда поведет наш путь, в чьи земли и в какие края? Князь и старейшины советуют идти через Дунай на плодоносные земли ромеев. А я так думаю: раз нам сказано — куда приведут боги, то мы с вами и посоветуемся с богами. Оставим ныне Черн, станем табором после первого перехода и спросим у богов, идти нам или сначала послать слов своих и узнать у хозяев окружающих земель, кто примет изгнанников такими, как есть. Согласны со мной?

— Почему же нет, согласны!

— Так пусть будет счастлив наш путь!

Родные и близкие в основном еще дома, в своих вежах и поселениях попрощались с отселенцами, но немало было и таких, кто не мог расстаться с детьми до последнего часа. Крик, гам, плач, охи да ахи поднялись, когда тронулись в путь. Богданко не обращал внимания на это. И тысяцким повелел: «Не гоните, далеко не пойдут. Увидят, что идем, и вернутся».

Черн давно исчез за горизонтом, а обоз шел и шел за своим предводителем, наматывал и наматывал на колеса время и расстояние. Богданко уже свыкся с дорогой, редко оглядывался. Покачивался в седле и думал. Перекинется словом-другим с попутчиками и снова думает.

— Тебе не кажется, — спросил он наконец ехавшего рядом Жалейко, — что пора уже позаботиться о стойбище?

— Пора не пора, а думать надо, и чем раньше, тем лучше.

— Тогда оставайся здесь с двумя обозами. Я возьму первую из своих сотен и пойду в разведку. Низинный Луг осмотрю. Думаю, там и остановимся.

Княжич, не привыкший ездить шагом, с легкостью пустил Серого вскачь. Пришпорил, поставил на миг свечкой, крикнул дружинникам, чтобы не отставали, и дал волю испуганному коню.

Земля Тиверская не такая уж и равнинная. Холмы то поднимаются крутыми волнами, то опускаются, долины меж ними изрезаны балками и ручьями. Это дальше, ближе к Дунаю, пойдет настоящая равнина, тут же скачешь по холмам, как по волнам. Но и среди холмов есть долины, по которым конь летит как на крыльях. Отдавшись стремительному полету, княжич, взлетев на один из холмов, остановился, чтобы перевести дух и вдруг увидел обоз, спускавшийся ему навстречу. «Кто бы это мог быть? — удивился он. — Не заморские ли гости? Надо поговорить с ними, откуда идут, что слышно там, где были». Сближаясь с обозом, внимательно приглядывался: что за люди?

— Челом вам, путники! — первым поздоровался старший в обозе.

— Челом и вам, братия! Кто будете и куда путь держите?

— Поляне мы и путь держим в землю свою Полянскую.

Княжич придержал коня и этим будто сказал встречному о своем желании: полянин съехал на обочину и тоже остановился.

— А вы кто будете?

— Да видите же, тиверцы.

— Видеть вижу, однако не совсем верю.

Полянин бросил взгляд на обоз, который спускался вслед за княжичем с холма, и, не увидев конца, снова обратился к Богданко:

— И куда направляетесь?

— Куда приведут боги.

— Как это? — удивился полянин.

— Земля Тиверская познала страшную беду, не может прокормить всех. Старейшины велели нам, отрокам и отроковицам, тянуть жребий и, кому выпало, сказали: ищите себе другую, ту, которая прокормит.

Предводитель полян посмотрел на дружинников, которые стояли рядом с княжичем.

— Судя по тому, сколько вас и в какую сторону путь держите, нетрудно догадаться: за Дунай, в ромейские земли нацелились?

— Советовали нам идти туда, а куда пойдем — не знаем еще. Хотим остановиться и подумать своим, отселенским вечем.

Почувствовав, что разговор исчерпан, Богданко тронул шпорами коня и поехал, пожелав полянам счастливого пути. Но не отъехал и десяти шагов, как полянин догнал его.

— Ты не узнал меня, отрок?

— Будто видел, а где — не припомню.

— Я княжий муж из полян, Гудима. Бывал у твоего отца, и не раз. Хочу посоветовать: если вправду собираетесь идти в ромеи, не делайте этого.

— Ромеи озлоблены вторжением склавинов, свою и чужую силу собирают против славян. Есть верные известия — зовут обров.

— Эти вести знают в Тивери, а обров все же нет.

— Теперь, наверное, будут. Я недаром сидел в Белгороде, бывал в ромеях, знаю. Обры сошлись с императором в цене и договорились. Осталось определиться, как быть с кутригурами, которые стоят на их пути, да с нами, славянами, и пойдут за Дунай.

— Что же делать, если так?

— Стань, как говорил, стойбищем и жди. Я буду у отца твоего, князя Волота, скажу ему все, как есть, смотришь, вернет вас.

— Мы уже высланы, достойный. Отец не пойдет против решения веча.

— Ничего. Вече может и переиначить то, что решило. Если же случится так, что Тиверь не позовет вас, идите в Полянскую землю, к городу Киеву.

— Нас много, двадцать тысяч. Примет ли Киев? Хватит ли у него еды, запасов, чтобы перезимовать с нами?

— Было бы желание принять, а запасов хватит. Вы же молодые, сильные?

— Все до единого.

— Вот и хорошо. Слышал, наверное, князь Киева ставит города по Роси и Днепру. Поляне — славянская твердыня на степи, им такие, как вы, нужны.

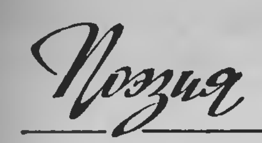
Княжич слушал его внимательно и думал.

— Если это вправду так, буду советовать вечу идти к полянам.

— И хорошо сделаешь, мо́лодец. Там свой, славянский, народ, он в беде не оставит. И земли для всех хватит. Где ты видел, чтобы чужие чужих принимали с радостью? Брат всегда тянется к брату, норовит быть соседом брату, а в лихую годину и подавно.

На том и остановился мыслью юный князь Богданко. Вече приняло его решение. Но прежде чем идти новой дорогой, отселенцы устроили князю веселую свадьбу с Зоринкой Вепровой, переступившей через пересуды, через плач и мольбы матери, пришедшей уже в последний час к своему нареченному.

Конец первой книги

МИР СНОВИДЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

Есть поэзия сладкая, как халва, и ее нужно вкушать, пугаясь осладиться;

есть поэзия, как заснеженная поморская тундра, от нее можно зальдиться, но в этой стылости, отстраненности, космичности строки есть свой магнит;

есть поэзия, как праздничные ризы, в кои хочется облечься;

есть же поэзия, как текучая однообразная река, в лоне которой желанно нежиться...

Какова же поэзия Тимура Зульфикарова? В ней есть все многообразные оттенки, что невольно возникают при удачном слиянии многомудрого, скрытного и жаркого Востока, доверчивого, созерцательного Севера.

Зульфикаров действительно поэт, поэт редких качеств: особливость натуры и эта его отстраненность от суеты сует помогли ему создать на московской улочке невидимую гору, взобраться на ее вершину и оттуда неторопливо наблюдать за проносящейся у подножия жизнью.

Он, как вещая птица, и строфы его расписаны нарядно, как перья горного фазана. Своей зазывистой яркостью поэт не вписался в литературные когорты, он как-то наособицу шагает и все не в ногу: все невпопад, не подлаживаясь. И натуралисты-соцреалисты его сторонятся, и метафористы на него косятся, как на чужака.

Словно невидимая мета на нем, знак тайный: это и есть печать таланта.

Мне скажут: приведи-де строку в пример? — и я разведу руками. Стихи Зульфикарова красивы, как цветы, но разве можно так разъять розу, чтобы по одному шелковистому лепестку увидеть торжественную мраморность всего живого природного свитка.

Зульфикаров улавливает образы широко заведенным неводом: в частую ячею много всякой мелочи улипнет, и поэт всему рад. Как мир речной, образ речной, лик речной сочиняется из всякой живности, от донного рачка до матерой щуки, лениво и сыто стоящей в жирной от водорослей заводи, так и стихия истинной поэзии вмещает, совокупляет и дружит меж собою множество почти неродных слов, слепливает их в единый, гармоничный портрет мира. Вот приблизишься к картине и видишь раздробицу небрежных вроде бы мазков, царапины от кисти, присохший щетинный волос, какую-то сумятицу, явный протест красок; но отодвинься от полотна — и пред твоим взором живое, дышащее, слитное...

Стихи ли это, канонически ритмизованные, с обязательностью струнного повтора? Нет, скорее молитвословие, скорее разговор неба с землею, греха с чистотою, ангела с сатаною подземелья, жизни и смерти, лазоревого неба с Потьмою. Все время диалог двух стихий: иль горы с пропастью, иль горной тропы со стремниной, рвущейся в теснины, смятенного кающегося грешника и пророка.

Зульфикаров из тех редких поэтов, кто паломничает по своей душе. Впрочем, это самый богатый и впечатлительный мир, не имеющий границ. Мир, полный сновидений и открытий...

Владимир ЛИЧУТИН

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

СТРАННИК

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ПСКОВ

Я поеду во Псков в Изборск в Псково-Печерский монастырь
в полузимник ноябрь
В страну русской неизреченной всеснежной всеобъемлющей
печали и неутоленной утерянной утраченной
любви
Ой ли ой ли ой ли ли
Ой ли Русь ты исчерпала ой утратила навеки воды родниковые
таинницы бездонные свои
Я там в двенадцати святых сребрительных изборских ключах
напьюсь
позабытой целебной чарующей святой древлей ветхой воды
воды воды
Из чаши сломленной струящейся из братского потира напьюсь
алмазной вечереющей воды
Ой ли ли в стране утраченной любви уста немые в воды
девственные лепетливо окуни
Я поеду в новгородские осенние врачующие одинокие целебные
боры
Вкруг которых лишь витают нищие погромных пьяных алчных
лесорубов топоры
Русь иль не стала не устала пить рубить да в землю избами
кривыми кровомутно самогонно уходить
Я там сойду пойду затеряюсь в вечных стреловидных изумрудах
боров дубрав окрест безвинной нагой реки Мсты
Ах река река Мста моя уже ноябрь полузимник ледостав уже
грядет ветер «чичера» зимы
Уже идут ветры снегосеи снеговеи северные а ты нага нага
дщерь сирота

А ты мала а ты маешься рябишь как жила сердечная сжимаешься
моя моя моя Мста жила сердечная река мала
А я брожу по целебному чисто подметенному двору христову
Псково-Печерского монастыря с архимандритом Зеновом
мудрецом как всяк монах
И его уста льют древлий мед Христа в душу усыпленную
умиротворенную моея
И только тут в монастыре и только здесь душа светла тиха моя
И только тут во всей земле во всей Руси душа смиряется
полурусская полуправославная ладья стихает в волнах
зимних бытия душа моя
И лист златой летит с серебряных дубрав через стаи
вечноснежных голубей монастыря
О Господи как мне сию обитель сохранить в душе как тишину
покой златоглавых храмов не растерять не спугнуть
не расплескать не позабыть в бесовских градах
И я бреду во поле во печорское из затворяющихся за моей
спиною к ночи царских врат
Там Параскева Пятница святая в сарафане летнике кумачнике
стоит улыбчиво на снежных наших псковских перепутьях
простыиях
И новорожденная набежавшая метель с полей изборских на нее
наносит перлы бриллианты жемчуга
Но слаба первая вьюга первач пурга метель
И летник сарафан на путедарной Параскеве не в бриллиантовых
перлах жемчугах а в талой всхлипывающей воде
О матерь слезная!
Куда брести? Кого искать? Кого любить когда и снег не снег?..

ИЗБОРСК

Изборск!
Ты был святым в святых холомах градом
А стал кривым селом непролазным
А потом — одинокой недужной избою
А потом — забытым городищем погостом
А потом — сиротским камнем а потом безымянным бездонным
холодным холомом
А потом ненасытной необъятной безлюдной всерусской равниной
Изборск ты был среброкаменным златоглавым градом
а изгладишься изветришься иссякнешь а станешь сиротской
пустыней.
Русь! А ты была великой княгиней Ольгой гордобровой
в златотканой ферязи у истока Свято-Троицкого храма
Равноапостольная княжна новорожденный храм как дитя
млечнопенное в руках колыбельных держала
Русь ты была плыла княжной а теперь на паперти стоишь
дрожишь
обобранною святонищенкою святопопрошайкой пьяно обветшалой
А как прежде Святая!

* * *

О новгородские пречистые предивные врачующие чащи рощи
дубравы утолительные упоительные душеисцелительные
искупительные боры боры боры

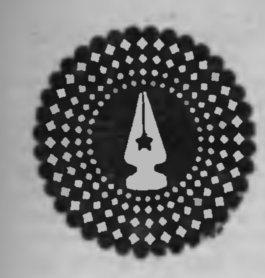
О заводь чистшая! о чаша скрыня братина неколебленая
тысячелетней дохристовой русской неизбывной неизмятой тишины!
Я окунаюсь зарываюсь забываюсь древлим хворым скоротечным
телом в ваши хвойные непуганые затаенные безмолвные застывшие смолистые хоры
Я окунаю душу бессловесну гиблу в вечные вечнобегущие
вечнотекущие вечнорастущие к звездам боры
О заводь чистшая! как мне не расплескать тебя не сокрушить
не смять не замутить не упустить
И я омытый усмиренный укрощенный выхожу из хвойных
изуирудных материнских теплых отчих стен твоих
Да будят режут заводь остров тишины да рушат чашу скрыню
изуирудную да рубят братний храмовый потир ковчег слепые пилы топоры
О Господи! откуда пить дышать откуда восходить откуда жить
любить когда дремучие несметные дубравы обратятся в исны слепы нищи пни

* * *

В золотом златом сиянии шелесте лепете шепоте осыпи распаде
разброде сентябрьских российских лесов лесов лесов
Как дитя болезное родимое тайно усыпающее отходящее в тихой
резной голубой холмистой ржаной полевой льняной колыбели
необъятной Руси зыбке люльке вечерней древностной лепетной тихостной ветхостной
Покоится средь осенней дымчатой матерчатой золотистой густой озими овиди огляди
Покоится хоронится бережется покоится смиренное покорное
увяданье усыпанье умиранье русских наших последних блаженных златых деревень деревень...
Русь! куда теперь.

* * *

Там Храм Софийский Вологодский храм корабль в тумане уж
изник а все стоит
И бел туман и бел храм и белотела богоматерь из тумана тихая глядит
И вербною рукою осиянной чарой из тумана провожает машет ворожит молит
Матерь! нищей русской богомолкой ты на паперти ночной сырой стоишь
Матерь! дымчатой улыбчивой уступчивой рукою ты зовешь?
манишь? молишь?
Матерь! погоди! помилуй, осени!
И я бегу в тумане и руками храм ищу брожу ползу зову
И немо немо и бело бело окрест и храма я не нахожу
И только дивный тонкий святый осиянный девий свежий след
босой парной еще! еще! еще живет и теплится и копится
водою талою и вьется вьется вьется дышит на снегу!
У!
И возвращенный Храм Корабль Ковчег стоит у уст.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

1 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ЗНАНИЙ

Станислав ХОРОШАВИН,
кандидат педагогических наук

КТО И КАК РАЗРУШАЕТ ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

Недавно, перебирая старые бумаги, я нашел эту запись отрывка из выступления президента США 24 февраля 1958 года: «Мы в кризисе. Не русские спутники положили ему начало. Год назад при обсуждении внешних дел, вероятно, не упомянули бы просвещение. Сегодня мы не можем избежать этого... Не будет преувеличением сказать, что битва, которую ведем мы сейчас, может быть выиграна или проиграна в школьных классах Америки».

Действительно, не советские спутники явились причиной того кризиса, о котором говорил Д. Кеннеди. Но факт запуска первого в мире искусственного спутника Земли в Советском Союзе заставил президента образовать специальную комиссию для расследования причин опережающего развития космических исследований в СССР. И в докладе этой комиссии в числе главных причин было названо преимущество советской системы народного образования. Вот почему Д. Кеннеди ведет речь о битве в школьных классах.

Определив причины отставания, Америка начала процесс совершенствования народного образования.

Мне довелось посетить большое количество американских школ в нескольких городах в 1965/66 учебном году.

Уже энергично работал комитет по совершенствованию образования, в состав которого вошли выдающиеся ученые. Уже были написаны и изданы новые учебники. Но в те годы существенных изменений в работе американских школ не было заметно. И не удивительно. Нет ничего более инертного в человеческом обществе, чем система образования. И тому есть простое объяснение. «Технологический цикл» школьного образования длится 10—12 лет. От начала преобразований школьных дел до получения первых результатов проходит никак не менее 10—15 лет. Но и то при условии, что новые задачи были сформулированы точно и школе были созданы условия для их решения.

Но школьное образование не самоцель. Качество школьного образования проявляется в последующей трудовой деятельности выпускников школы или в их последующем учении в высшей школе. Так что полностью результаты освоения школой новых задач образования и воспитания подрастающего поколения скажутся никак не раньше, чем через 20—25 лет. Поэтому не ранее чем через четверть века можно назвать победителей и побежденных в той битве, что ведется в школьных классах.

Итак, в 1958 году было объявлено о начале битвы в школьных классах Америки. Внимание было сосредоточено на преподавании естественно-математических наук. Выбор определялся основными тенденциями развития производства: начало атомной энергетики, освоение космического пространства, реактивная авиация, появление полупроводниковой техники, наступление электронной вычислительной техники и т. д.

Но в 1965 году в школьных классах Америки пока все было по-прежнему. По-прежнему основная задача массовой школы формулировалась как образование и воспитание разумного потребителя. По-прежнему в разных школах и даже в разных классах одной школы ученики учились по разным программам и разным учебникам. По-прежнему в средней школе было только три обязательных предмета: граждановедение, английский язык и физкультура. По-прежнему физику и математику изучали (хотя бы один год) не более 20 процентов учеников.

В старших классах учебники были напечатаны крупным шрифтом потому, что даже в старших классах многие ученики не могли бегло читать. Большинство старшеклассников очень плохо владело устным счетом. Но по-прежнему комитеты по народному образованию бдительно следили за тем, чтобы в многочисленных программах и учебниках выдерживалась единая линия на прославление Америки, «американского образа жизни» и противостояние коммунизму. По-прежнему каждый учебный день в каждом классе каждой школы начинался с клятвы верности американскому флагу и пения национального гимна.

Такой я увидел американскую школу, когда в составе сотрудников советской выставки детского творчества посетил Сиэтл, Портленд и Сан-Франциско. Ежедневно встречаясь с тысячами американцев всех возрастов, наблюдая их реакцию на экспонаты советской выставки, посещая американские школы, ужиная в семейном кругу американцев из разных слоев общества, я испытывал чувство гордости за мою страну, за наших людей, за нашу систему образования.

На выставке экспонировалось около тысячи только действующих приборов и моделей, сделанных руками школьников. В Сиэтле инженеры фирмы «Боинг» приходили на выставку работать: они измеряли, фотографировали, наблюдали модель махолета, которая, ритмично взмахивая своими бумажными крыльями, взлетала под потолок выставочного зала. Инженеры признавались, что им пока не удается создать нечто подобное тому, что было сделано руками московского школьника. На подиуме ползал «луноход», сделанный руками ребят из Таганрога. Настоящий луноход будет отправлен на Луну значительно позже.

Мне запомнился старик в Портленде, который ежедневно приходил на выставку с кипой нот и часами играл на электронном органе. Пройдет много лет, прежде чем электронные органы фабричного производства взвоют с эстрадных подмостков.

Я знал, что показываемая в Америке продукция детского технического творчества — лишь малая толика той колоссальной работы, которая велась в советских школах. Середина 60-х — пик детского технического творчества в нашей стране. Ученики уже не удовлетворялись созданием моделей. Они смело включались в творческий созидательный труд взрослых. В Ленинграде школьники конструируют и изготавливают приборы для медицинских исследований по заказам ученых. В Кирове автоматизируют сушку меховых скроев на меховом комбинате. Школьники Армавира создают прибор для управления уличным освещением. В Магадане разрабатывается ограничитель холостого хода сварочного трансформатора. Использование ограничителя на Марчеканском механическом заводе позволило получить большую экономию электроэнергии. В Барнауле семиклассник конструирует дозатор сыпучих грузов, который позволил ликвидировать цех ручной расфасовки дрожжей...

Американцы поражались той щедрости, с которой в Советском Союзе открывались дороги для развития творческих способностей детей. Доступность для всех. Бесплатность для всех.

В американской школе я видел хорошо оборудованную мастерскую. Желающие могли заниматься в ней. Но прежде тщательно рассчитывали количество потребных материалов и покупали эти материалы у учителя. А изготовив что-то, уносили сделанное домой. МОЕ.

Американцам было непонятно, почему советский учитель бесплатно руководит кружковой работой. Действительно, в те годы иногда оплачивалось лишь руководство художественной самодеятельностью. Работа предметных кружков не оплачивалась, но было не принято не вести эту работу. Учителя, избегающего внеклассной работы, коллеги называли «урокодателем».

Сегодня можно часто прочитать о «подневольном труде советских людей» в те далекие годы. Но, честное слово, я не чувствовал себя рабом, когда охотно оставался со своими учениками после уроков и работал вместе с ними до тех пор, пока они сами не скажут: «Хватит на сегодня». Более того, я радовался, что у моих учеников появлялось такое желание поработать после уроков. И никакой компенсации за этот дополнительный труд не ждал и не получал. Так работали, например, Николай Николаевич Шишкин в Баку, Василий Иванович Ращупкин из поселка Вейделевка

Белгородской области и тысячи и тысячи учителей во всей стране. Таковы были традиции советской школы. И я в свои школьные годы (в трудные годы войны) считал себя вправе вместе со своими друзьями приходить домой к нашей учительнице литературы Варваре Александровне Ончуровой с уверенностью, что она охотно будет вместе с нами работать над очередным номером рукописного журнала «У Лукоморья». И пусть из нашего класса из числа бывших кружковцев лишь один стал профессиональным писателем, всем нам помог определиться в жизни кружок Варвары Александровны.

Сегодня стало принятым ругать прежнюю («сталинскую», «административную», «казарменную»...) педагогику, которая якобы явилась причиной упадка нынешнего состояния школьных дел.

Сейчас усиленно внушается мысль: «Сначала надо накормить народ...» Яростно обсуждаются проблемы экономики. Но с уверенностью можно сказать, что никакие перестройки экономики не приведут к желаемым результатам, пока соответствующим образом не будет воспитан человек.

Проведем мысленный эксперимент. Пусть с сегодняшнего дня каждый получает по потребности. Будет ли каждый завтра работать по способности? Конечно, нет. Пусть в нашей стране с завтрашнего дня воцарится капитализм в его наиболее развитом виде. Будут ли наши люди жить и работать так, как сегодня живут и работают, например, трудящиеся Америки? Опять-таки нет! Даже если захотят, то и тогда не смогут. Хотя бы потому, что не воспитаны должным образом относиться к жизни, не обучены и не имеют привычки работать так, как работают в капиталистическом обществе. Для такого обучения и воспитания требуются время и целенаправленные усилия.

Сегодняшние наши проблемы в общественной жизни, распад народного хозяйства, развал трудовой дисциплины — все это имеет корни в далеком прошлом и прежде всего в тех изменениях школы, которые произошли в середине 60-х годов. Поэтому, прежде чем искать лекарство для нашего больного общества, надо проследить историю болезни, определить тот момент и те движущие силы, которые повернули советскую школу на путь, ведущий в тупик.

Два рычага повернули рельсы советской системы образования в то время, когда с нее решила брать пример Америка.

1. Изменение содержания образования.

Неизбывна привычка, вбитая Петром I в наш народ: постоянно оглядываться на иностранцев. Коль скоро американские ученые взялись совершенствовать свою систему образования, то и наши академики возжелали последовать заокеанскому примеру. Инициаторами перехода на новое содержание образования выступили И. К. Кикоин и А. Н. Колмогоров. Они заявили о своей готовности разработать новые программы по физике и математике и написать новые учебники, которые якобы поднимут советскую школу на новую ступень научного уровня содержания этих предметов. И, к сожалению, сделали это. «К сожалению» потому, что, совершенно не зная школы, законов педагогики, законов развития психики детей, академики создали такие учебники физики и математики, которые уже три десятилетия прививают миллионам и миллионам учеников стойкое отвращение к физике и математике.

Стремясь к «высокому научному уровню», И. К. Кикоин оторвал физику от природы, от жизни, от техники. Зашифровал мертвым языком абстракций, запутал дебрями математических преобразований.

Такая же участь постигла геометрию в изложении Колмогорова. Интересно то, что школьный курс геометрии Колмогорова не понимают не только ученики, но и академики-математики. Академик Понтрягин в своем письме в журнал «Коммунист» с возмущением говорил об этом школьном учебнике.

2. Не менее разрушительным оказалось действие второго рычага: новая дидактическая система Занкова Л. В. и педагогическая концепция Давыдова В. В.

Первый отверг классические принципы дидактики и, провозгласив свои, обещал сократить время начального образования с четырех лет до трех.

Надо честно признаться, что в те годы новая дидактическая система Л. В. Занкова не вызвала опасений. Казалось бы, что замена одной технологии обучения другой не может ничего существенно изменить. Классическая дидактика заявляет о необходимости систематичности, доступности и посильности обучения, а Занков предлагает обучение на высоком уровне трудности, в изучении программного материала идти вперед быстрым темпом. Если ребенок не сразу понял новый материал, то не следует топтаться на месте, а надо непрерывно обогащать ум ребенка разносторонним содержанием. Не следует добиваться заучивания. «Наиболее существенное заключается в том, что усвоение определенных сведений становится в одно и то же время и достоянием школьника, которое останется при нем, как таковое, и ступенью, которая будет уничтожена в дальнейшем течении познавательного процесса, чтобы обеспечить переход на более высокую ступень» (Занков Л. В. Дидактика и жизнь. М., «Просвещение», 1968, с. 32).

Классическая дидактика одним из своих основных принципов называет принцип наглядности обучения. Предполагалось, что наглядность в обучении — это «золотое правило дидактики».

Занков отбросил этот принцип, заявив, что «наглядно-образные представления нельзя признать ведущим компонентом мышления младшего школьника». Это означало отказ от формирования образного мышления учащихся. Сейчас стало ясно, что образное мышление — не генетический этап развития человеческой психики, который надо пережить, как детские болезни, прежде чем осенит «настоящее», понятийное мышление. Развитое образное мышление необходимо не только художнику, музыканту, артисту, но и ученому, инженеру, слесарю-наладчику, оператору больших производственных систем. Кстати, недавно газеты писали о том, что в одном из южных аэропортов из-за прекращения электроснабжения «ослепли» экраны локаторов. Но благодаря тому, что диспетчеры имеют способность в течение пяти минут «видеть» самолеты в воздушном пространстве аэропорта в их движении, удалось развести самолеты с опасных курсов, избежать столкновений.

Но сколько других примеров приводит жизнь, когда из-за отсутствия или недоразвитости образного мышления создавались несуразные проекты, нелепость которых обнаруживалась лишь после того, как они обретали зримые очертания при завершении строительства. Тогда начинали ломать стены, фундаменты... «Оказывалось», что все должно быть не там, не с той стороны...

Но, повторяю, в те годы даже отвержение принципа наглядности не вызвало особой тревоги.

Несколько смутил еще один принцип новой дидактической системы Занкова: принцип ведущей роли теоретических знаний. Уж очень он противоречил всем предыдущим установкам на преодоление формализма в знаниях учащихся, на политехнизацию обучения, на усиление практической направленности. К тому же этот принцип Занкова оказался в одной упряжке с новой педагогической концепцией В. В. Давыдова, который заявил о неприменимости ленинской формулировки процесса познания («От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...») к познанию учебному и призвал в обучении следовать путем, указанным Гегелем: начинать обучение с самого абстрактного, что только может быть доступным духу ребенка. Это означало принципиальный поворот на 180 градусов в деле формирования мировоззрения подрастающего поколения. Когда речь идет о формировании мировоззрения ребенка, далеко не безразлично не только содержание знаний, но и способ их изложения.

В 1965 году на страницах журнала «Советская педагогика» развернулась дискуссия по проблеме «Наука и учебный предмет». Участники дискуссии по-разному подошли к оценке идей Занкова — Давыдова.

Так, академик Б. М. Кедров писал: «Сообщение определенной суммы знаний, определенной информации, которую ученик должен получить, — одна задача. Но другая, еще более важная задача — так сообщить эти знания, так дать эту информацию, чтобы правильно развивать интеллект подрастающего человека... ...Если давать обобщения лишь в готовом виде, мы не разовьем у него способность образовывать абстракции — просто он усвоит приемы соответствующих подстановок путем дедукции. Когда же он вырастет и ему придется ориентироваться в новой обстановке, где готовая формула перестает действовать, а нужно будет делать эти обобщения самому, тогда окажется, что из-за экономии времени мы вырастили человека с совершенно автоматическим мышлением».

И уж совершенно определенно высказался Б. П. Есипов: «...Развитие абстрактного мышления без развития конкретного мышления приводит к воспитанию пустых болтунов, о чем предупреждали в свое время Монтень в своих «Опытах» и Песталоцци. И не правы товарищи, которые ставят задачу развития лишь абстрактного мышления» («Советская педагогика», 1965, № 7, с. 8—16). Как видим, не единодушным было приянтие концепции Занкова — Давыдова. Но, видимо, обещание сократить время начального образования на целый год сыграло свою решающую роль.

Пропагандистская шумиха вокруг «нового в педагогике», разыгранная на разных уровнях, начиная с примитивных лозунгов: «Ученик не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь», «Повторение не мать, а мачеха учения» и кончая срочно слепленными диссертациями, завершила переход на новое содержание образования.

Как греют душу лодыря эти слова о матери и мачехе учения!

В прошлом учебном году я проводил в школах города педагогический эксперимент. Не буду здесь вдаваться в суть проверяемой идеи. Скажу только, что по ходу эксперимента ученики на каждом уроке математики, физики, химии должны были запомнить одну фразу (одну-две строчки текста учебника). Эксперимент проводили учителя разных школ, разных классов, разных предметов. В целом эксперимент не дал желаемого результата, но позволил обнаружить, что ученикам очень трудно запомнить ключевую фразу урока.

Одна учительница жаловалась, что ни многократные повторения на уроке, ни даже оставление ученика после урока с одним условием: запомнишь эту фразу — пойдешь домой, — ничего не помогает. Не запоминают! И только у одной учительницы эксперимент дал положительный результат. Класс существенно продвинулся в изучении математики. Никаких проблем с запоминанием ключевой фразы урока у этих учеников не было. А дело в том, что этот класс из школы с изучением ряда предметов на иностранном языке. Ребятишки с развитой памятью. Конечно, когда в головенке память удерживает материал для думания, то есть чем умом пораскинуть.

А там, где идут путем Занкова (без заучивания, без топтания на месте, быстро! вперед!), там, где последовали призывам «Учительской газеты» и ее основному теоретику С. Соловейчику «покончить со школой муштры», «покончить со школой зубрежки», где пытались разжечь огонь без топлива, там после перехода на новое содержание образования не только не «повысился научный уровень», а даже таблица умножения стала камнем преткновения для старшеклассников. Не только решить задачу, но даже просто прочитать без ошибок ее текст — сложность для многих учеников. Но зато с первого класса ученики на уроках математики изучали элементы теории множеств. Когда безграмотность выпускников школы стала скандально низкой и стала ясной необходимость возвращения на четырехлетний срок начального образования, но признать ошибочность педагогической системы Занкова открыто тоже не хотелось, то прибавили один год «снизу». Проблем с шестилетками добавилось много, а основное действующее начало низкого качества обучения в начальной школе не устранено.

Занков не включил в свою педагогическую систему принцип воспитывающего характера обучения. Такой принцип есть в классической дидактике. Но тем и хорош настоящий, а не придуманный, закон, что он действует не только тогда, когда надо, но и тогда, когда не надо. Наибольший вред нашему обществу нанесла воспитывающая функция оценки знаний.

В те годы, когда оказалось, что новые учебники изучать по-новому невозможно, успеваемость в школе стала стремительно падать. К тому времени в нашем обществе начали осваивать новую форму подведения итогов работы: не по труду, а по отчету. Отчеты школьных учителей возмутили чиновный люд. На учителя началось наступление. Сколько было опубликовано статей типа: «Оценка травмирует психику ребенка». Все статьи писались по одной модели: маленькая хрупкая девочка (дочка, внучка) вернулась из школы в слезах. Учительница поставила ей двойку. Ни папа, ни мама, ни бабушка не могли успокоить ребенка. Даже ночью маленькое тельце сотрясалось от рыданий — ребенку и во сне снилась двойка. На следующий день девочка билась в истерике при одном упоминании о школе...

Прочитаешь такую статью, и гневом полнится сердце против бездушных учителей-садистов. И как не потянуться к вести, что на Кавказе есть учитель, который учит без оценок (а значит, и без

двоек!). И молодые учителя поверили, что можно учить без оценок.

Когда я слышу призыв отказаться от оценок в школе, я всякий раз вспоминаю известную игру: водящего отправляют за дверь, а участники игры прячут в комнате какой-то предмет. Водящий не знает, что и где спрятано. Ему помогают в поиске возгласами: «Холодно!», «Тепло!» и т. д. Эти возгласы — показатель степени приближения к желаемому результату. А если отказаться от такой оценки действий водящего? Конечно же, он не найдет то, что ищет. Школьная оценка играет ту же роль: показывает ученику степень его приближения к желаемому уровню знаний, практических умений и навыков. Но еще большую роль играет другая дидактическая функция оценки — обучающая. Учитель не только должен объявить оценку, но и прокомментировать ее.

Представьте себе, что вы учитесь водить автомобиль. При трогании с места двигатель глохнет. Если ваш инструктор будет только объявлять оценку: «Двойка», вы не научитесь плавно трогаться с места. А если инструктор не только оценит ваши действия, но и объяснит причину неуспеха (и успеха тоже!), то вы учтете свою ошибку и тем самым повысите уровень своих практических умений и навыков. Оцениваются не только знания школьников. Критика оценивает театральную постановку и новые книги писателей. Ученые пишут отзывы на работы своих коллег. Комиссии составляют заключения об итогах деятельности... Это все — разнообразные формы оценки.

Попробуйте научиться чему-нибудь (вязать, шить, говорить по-японски, решать дифференциальные уравнения...), если рядом не будет человека, который не только улыбкой, кивком головы, добрым словом одобрит или любым способом осудит ваши действия, работу, знания, а затем добрым советом, личным примером покажет, как надо действовать, как надо понимать. А если оценка будет искажена? Если вместо «Холодно» будут кричать «Горячо!»?

Учителя долго боролись за свое право ставить ученикам объективную оценку. Но победили не они. И начался страшный процесс: уход из школы самых честных, самых порядочных людей. Остались лишь энтузиасты, которые, несмотря на трудности, честно продолжали делать свое нелегкое дело, и осталась педагогическая негодь. И процентное содержание таких «учителей» в школах стало быстро возрастать.

Конечно, не все было так обнаженно, не все так прямолинейно. В своем рассказе я стараюсь выделить лишь главные направления, решающие действия... Так и с учителем в советской школе.

Мне крупно повезло в жизни. Я случайно оказался в педагогическом институте. Но после окончания не случайно поехал работать туда, куда послали. Сказалось семейное воспитание: делай не то, что хочется, а то, что надо. А направлен я был в Туву. В то время редко кто знал, как туда доехать. И уже на первой неделе моего учительства в школе № 1 города Кызыла ко мне на урок пришел первый секретарь Тувинского обкома партии Салчак Колбакхорекович Тока. Потом я узнал, что Тока С. К. часто ходит на уроки молодых учителей. А выезжая в район, обязательно заходит в местную школу.

Салчак Колбакхорекович неустанно повторял: «Самое, самое главное — физическое и духовное здоровье народа. А поэтому — максимум внимания врачам и учителям». И его слова не расходились с делами. В то время (1952 год) в Кызыле было очень плохо с жильем. Но все приезжающие врачи и учителя получали то лучшее жилье, что было в городе. Выехать в отпуск из Тувы было трудно. 500 километров плохой автомобильной дороги через Саяны до ближайшей железнодорожной станции Абакан. И лишь один вагон прямого сообщения до Москвы. Купить билет в этот вагон, да еще летом, — невозможное дело. Но все учителя (и городские и сельские) знали, что надо зайти в обком партии, сказать: «Я учитель» — и получить броню обкома на место в заветном вагоне. Отказа не было.

Городские учителя регулярно приглашались на собрания партийно-хозяйственного актива города. Не хочешь — не ходи. Но если захотел получить информацию о жизни города из первых рук — добро пожаловать.

Учителем я стал случайно. Но остался им потому, что увидел, какую важную роль отводит партия учителю. Я уверовал, что делаю очень важное дело. И теперь уверен, что учитель определяет судьбу государства. Все дело в том, как учитель относится к государству и как государство относится к учителю.

В педагогике нет мелочей. Все отзовется, все оставит свой след в судьбе человека. И хорошее и плохое. И то, что добивались, и то, что произошло помимо нашего желания. Так, прослеживается связь между завышением школьных оценок и уровнем притязаний молодых людей. Стоит ли удивляться тому, что если с 7 до 17 лет (и далее) формирующемуся человеку постоянно завышали оценку за его знания, учения, поступки, то такой человек имеет не только плохие знания, но и искаженную самооценку. Он убежден, что за свою работу должен получать более высокую зарплату, лучшую квартиру, хорошие товары...

Не случайно говорят: посеешь поступок — пожнешь привычку. Посеешь привычку — пожнешь характер. Посеешь характер — пожнешь судьбу.

А что со школой сегодня?

Причины упадка школьных дел хотя и не названы громко, но ясны. Самое время вернуться к тому перекрестку, где школа повернула в тупик. В ходе обсуждения школьных дел в 1984 году ориентиры были определены, пути намечены, задачи сформулированы, постановления приняты. Но, за исключением ничтожного повышения зарплаты учителям, остальные постановления реформы школы не выполняются. Более того, положение на школьном фронте обострилось. Действующие факторы разнообразны. Есть и такие, что определяются особенностями нашего общества сегодня. И в этом плане в первую очередь надо назвать больных детей.

Родители-наркоманы, родители-алкоголики (больное порождение больного общества и больной школы) плодят психически больных детей. Школа не может защитить себя и здоровых детей.

Сколько сказано и написано гневных слов об учителе, который не может установить контакт с ребенком. Но при этом губошлепствующий поборник «педагогики сотрудничества» не желает слышать, что речь идет о больных детях. Конечно, жаль такого ребенка. Но как не пожалеть остальных ребятишек, которые лишены возможности нормально, без помех учиться. Более того, психика здоровых детей, находящихся в постоянном общении с психикой

больных детей, испытывает и не всегда выдерживает непосильные нагрузки.

А как работать учителю в классе, где есть хотя бы один психически больной ребенок? Только с согласия родителей больной ребенок может быть назван больным.

По-прежнему всячески унижают учителей. Внимание к их нуждам лишь провозглашается. Но об этом написано и сказано много.

Больно по школе бьют те мероприятия, которые подаются как признак преуспевания просвещения.

Компьютеризация обучения!

Школьные дела у нас решаются не по расчету, не по разуму, а по движению необразованной души человека, наделенного правом принимать решения.

Много лет назад я решил выяснить, почему по делам школы было принято такое, а не другое решение. Обратился к своему другу, который руководил научно-исследовательским институтом педагогического профиля. Он заверил меня, что институт не имеет ни малейшего отношения к этому решению. Наоборот! Институт предлагал диаметрально противоположное решение. Кто же сказал решающее слово? Тогда мы подумали, что где-то, кто-то не счел нужным прислушаться к мнению ученых.

Потом аналогичная история повторилась. Но вновь мой друг (уже доктор наук) сказал, что его мнение во внимание не принято. А сравнительно недавно я застал своего друга (теперь уже действительного члена Академии педагогических наук) в дурном расположении духа. Академик отказался поступиться своим мнением, основанным на знании. Тем не менее иное решение было принято.

Вот и решение о компьютеризации образования было принято в силу любых других причин, но только не после здравого обдумывания.

Нет слов, роль быстродействующих вычислительных машин велика в современном производстве и будет возрастать в дальнейшем. И если есть у общества необходимость готовить подрастающее поколение с учетом компьютеризации производства, то школе будет решать задачу, поставленную обществом. Но, прежде чем приступать к обучению чему-либо, надо получить четкие ответы на три вопроса: чему? зачем? как? Причем на третий вопрос можно получить ответ, лишь получив ответы на первые два.

Вот пример. Предположим, что вы захотели научиться танцевать. Но сначала своим будущим учителям вы должны объяснить: чему вы хотели бы научиться, каким танцам? Балетным, бытовым, народным, эстрадным...

Положим, выбор пал на балет. Тогда следующий вопрос: зачем? Для того чтобы стать профессиональным танцовщиком? Для того чтобы принять участие в художественной самодеятельности? Для того чтобы развить свое тело, чувство ритма, красоту движений? В зависимости от ответа будет выбран способ обучения. Понятно, что профессионального танцовщика надо учить не так, как любителя балетного искусства.

Но когда в школу вводили новый предмет «Информатика», то ни тогда, ни позже, ни сегодня никто не знает, зачем и чему учить на этих уроках. А потому никто не знает, какие компьютеры требуются в школе. Потому и идут в школы по разным каналам

«Ямахи», «Агаты», «Корветы», «БК», «КУВТ», «Электроники»... Это — миллионы и миллионы рублей, выброшенных на ветер. Это деньги, отнятые у народного образования. Все эти дорогие игрушки в школах используются лишь для того, чтобы ученики играли в одну-две игры на экране дисплея.

Например, класс «Корвет» стоит 28 000 рублей, плюс 13 000 рублей за установку и наладку, плюс 9000 рублей ежегодно за техническое обслуживание. А к этой машине прилагаются две игровые программы. Но пусть учителя сами составляют программы! — скажет прохожий. Программы чего? Программы для обучения чему?

Готовить операторов ЭВМ? Говорят — нет!

Готовить программистов? Говорят — нет!

Готовить конструкторов ЭВМ? Говорят — что вы! Нет!

Быть наладчиком ЭВМ? Говорят — нет!

Говорят: ликвидировать компьютерную безграмотность! А что такое компьютерная грамотность? Говорят, надо приучать детишек к компьютеру. Зачем? И не слишком ли дорого приходится платить за это, когда в образовании тысяча больших и малых прорех, требующих средств.

Говорят: создадим пакеты программ! Но все знают, что «Ямаха» не поймет пакет программ «Корвета», а «Корвет», в свою очередь, не поймет «Искру-226» и т. д. А поток бездумных трат продолжается. Подобным образом были введены в школу и другие предметы вроде «Этики и психологии семейной жизни».

Статья 25 Конституции СССР гласит: «В СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности».

В этой статье Основного Закона сформулирована задача, которую общество ставит перед школой.

Всегда, во все времена, в любом государстве школа сама себе задачи не формулирует. Общество, проявляя заботу о своем будущем, ставит перед школой такие задачи обучения и воспитания подрастающего поколения, в которых отражаются идеалы этого общества, предугадываются желаемые пути его развития, черты личности гражданина этого будущего общества... А школа, используя свои профессиональные приемы работы, решает эти задачи на каждом уроке, усилиями каждого учителя, с учетом возрастных особенностей детей, их физиологии, их развивающегося сознания, их развивающихся возможностей... Но каждый день, каждый момент времени (а не только на уроке) школа обучает, развивает и воспитывает подрастающее поколение. И тем успешнее, чем определеннее, корректнее сформулированы задачи народного образования; чем теснее их связь с задачами, стоящими перед обществом. А главное условие успешности решения задач, поставленных перед школой, — объединение усилий и школы и общества в решении общих задач.

Все это в одинаковой мере относится и к советской школе, и к школе любого другого государства, и к школе древней Спарты, и к школе современной Японии...

Разные цели, разные идеалы, разное понимание образованности и воспитанности. А потому нередко разные слои общества созда-

ют разные школы и, включаясь в решение задач школы, по мере своих возможностей создают разные условия для работы школы, для учебы детей. Так появляется многообразие школ: государственных, частных, церковных, специального назначения...

Единая школа — наше большое социальное завоевание. Равное право на образование для всех. В любом населенном пункте нашей громадной страны (в центре, в столице, в тайге, в степи) и даже за ее пределами (при советских посольствах в других странах) все дети учились по единым программам. Все дети (и рабочих, и крестьян, и туркмена, и украинца...) получали равные возможности для продолжения образования в техническом вузе или университете, в гуманитарном или естественнонаучном. И вне зависимости от того, когда интерес и тяга к той или иной профессии пробудится в сознании учащегося. И если родители по разным причинам переезжали из города в город, из республики в республику, то и на новом месте ребенок продолжал учиться так, как он учился до переезда.

А индивидуальные способности? Их можно было развивать и совершенствовать через систему факультативных занятий, во внешкольных учреждениях...

Сегодня, забыв «поправить» Конституцию, Государственный комитет по народному образованию устами своего председателя А. Г. Ягодина провозгласил многообразие школ: лицеев, гимназий, колледжей, воскресных школ... Многообразие учебных планов и программ. «Каждый ученик может выбирать школу», «Каждый ученик может учиться у того учителя, у которого захочет учиться».

Демагогия этих заявлений видна невооруженным глазом.

Пусть ученики только двух школ захотят учиться в одной из них. Одна школа их просто не вместит.

Пусть ученики только одной школы все захотят учиться у одного учителя. Один учитель физически не сможет учить всех. Тогда к чему вся эта лозунговость?

А о каком выборе может идти речь для сельских ребятишек? Известно, что сегодня сельская школа в основном малокомплектная или однокомплектная. Можно ли организовать классы с углубленным изучением, например, математики, литературы, истории и т. д., если в девятом классе три ученика? Один имеет способности к математике, другой увлекается спортом, а третий — лодырь.

Многообразие школ — удар по социальным правам, по праву на образование для сельских жителей. В то время как в городах элита может обеспечить улучшенное обучение своих детей в специализированных школах и тем самым открыть им дорогу к продолжению образования не только в самых престижных вузах, но и в заграничных университетах, выпускники сельских школ заведомо обречены на поражение в конкурсном наборе в высшие учебные заведения.

Многообразие школ, провозглашенное А. Г. Ягодиным, нанесет по селу такой же удар, как бывшее в прошлом укрупнение сел, ликвидация школ в неперспективных деревнях. В те годы, чтобы дать образование детям, селяне уезжали из деревень. Сегодня селяне опять начнут уезжать из сел. Кто из родителей захочет учить свое чадо в школе с заведомо ущербным учебным планом?

Для массовой школы А. Г. Ягодин предлагает лишь 5 обязательных предметов (в будущем это число он обещает сократить). Остальные — по выбору! Государственный комитет по народному образованию под управлением А. Г. Ягодина привел советскую школу к американскому образцу тридцатилетней давности. К той американской школе, от которой сами американцы уже давно отказались. Сегодня в американской школе до 15 обязательных предметов. В том числе физика и математика. Даже в консервативной Англии сейчас идет речь о едином государственном стандарте образования. Публикуя новые учебные планы, ведомство А. Г. Ягодина утверждает, что их задача — «...обеспечить эквивалентность уровня образования... в разных регионах страны, его соответствие аналогичному уровню в развитых странах» («Учительская газета», 1989, 28 декабря).

О каком «соответствии уровню» можно говорить, если сегодня по старому учебному плану на изучение физики отводится 14 часов в неделю (по всем классам) без астрономии, а по одному из вариантов нового учебного плана на физику вместе с астрономией отводится уже 13 часов. В то время как в ГДР и Чехо-Словакии на изучение только физики отводится 19 недельных часов.

Но это еще что! По основному (массовому) учебному плану вообще нет таких предметов, как физика, астрономия, химия, биология, а есть «интегрированный» убогий курс «Естествознание», где обо всем этом будет сказано понемногу.

И вот уже четко прослеживается резкий спад уровня знаний учащихся по физике на вступительных экзаменах в технические вузы при общем снижении числа поступающих.

Естественный уход из школы учителей, имевших «докикоинокол-могоровскую» подготовку, привел к тому, что долгие годы лидировавшая советская команда школьников на международных олимпиадах по физике в 1987 году сразу оказалась на пятом месте, пропустив вперед школьников ФРГ, Румынии, ГДР и КНР.

Конечно, за счет элитарных школ, возможно, советская команда когда-то и вернется в число лидеров. Но научно-технический прогресс страны обеспечивается не кучкой интеллектуалов.

Взятый в народном образовании курс направлен на подготовку разнорабочих и малоквалифицированных рабочих в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Более высокого уровня квалификации с таким базовым образованием не достичь.

Не осталось надежд и на изменение курса в формировании мировоззрения учащихся.

В результате «педагогического эксперимента» В. В. Давыдова в масштабе школ всей страны воспитаны поколения людей, охотно готовых поверить и в «зеленых человечков», и в нечистую силу, поселившуюся в квартире, и в А. Чумака, и в бога, и в черта...

Казалось бы, научно выверены требования к школьному учебнику. Исследованы пути формирования члена общества. Доказана связь образования и производительности труда. Все известно, как должно быть. Но в реальности все делается наоборот. Удивительно настойчиво, удивительно последовательно в своей нелепости. Все, уже доказавшее свою полезность, — опорочивается, высмеивается. Все, что доказало свою ненужность и прочность, — тщательно оберегается и сохраняется...

Белгород

Нинель КИЗУБ,
доцент, кандидат экономических наук

КОМУ ВЫГОДНА НЕВЫГОДНАЯ ЭКОНОМИКА?

Три года автор этой статьи, Н. Кизуб, обивала пороги журналов «Огонек», «Новый мир», «Новое время», «Октябрь», «Знамя», «ЭКО», «Работница», «Журналист», «Смена», предлагала свою рукопись редакциям газет «Труд», «Социалистическая индустрия», «Известия», «Московские новости», «Неделя»... И везде Н. Кизуб отказывали в публикации. Причины при этом назывались разные, не говорилось лишь об одном. Ученый-экономист предлагает путь, следуя которому можно совершить «экономическое чудо», какого достигли в последнее время Япония и Южная Корея, причем без роста цен и безработицы. Правда, придется для этого отказаться от той программы, которую «проталкивают» наши «рыночники», захватившие монопольное право высказывать свои идеи в средствах массовой информации.

КАК ОБОЙТИСЬ БЕЗ РОСТА ЦЕН

«Хватит делать дураков из российских мужиков!» — прочла я такой призыв-лозунг на входе в подземный переход на Новослободской улице в Москве. Это было в дни обсуждения на Верховном Совете СССР последней новации наших экономистов во главе со академиком Абалкиным о переходе к рыночной экономике.

Так, может, действительно ХВАТИТ?! Не нас ли, русских людей, назвал этот академик самыми ленивыми работниками? Не он ли ввел налог на рост нашей зарплаты выше 30 процентов? Этим он заморозил не только зарплату, но и научно-технический прогресс. Тогда же он свободами, предоставленными производителю при полном бесправии потребителя, подорвал всю договорную дисциплину, довел предприятия до промышленного рэкета. Во всем цивилизованном мире за такие просчеты чиновника, ведающего экономикой страны, сразу же уволили бы. Да честный человек сам бы подал в отставку. Но нет! Этот же академик предлагает нам ПЕРЕХОД к рынку, как единственную панацею. Альтернативы этому нет! — вещает он.

Но разве рынок — это цель производства — любого, хоть социалистического, хоть капиталистического? Рынок всего лишь средство. Но опять у нас цель подменяется средством, опять наши экономисты ищут выход не в сфере производства, а в сфере распределения. Ведь рынок распределяет только то, что произвели. Причем распределяет в пользу имущего — то есть того, кто имеет товар или деньги. Если нет товара, как это сейчас у нас и наблюдается по пустым полкам магазинов, то чем же поможет рынок? Во всем мире помогает поднять производство НТП. На нем произошло «экономическое чудо» Японии, Южной Кореи, Бразилии, юго-восточных «тигров». Так неужели мы, мужики, без рук, без ног, и прежде всего без головы? Разве оскудела уже талантами земля русская?

Конечно, нет! Есть и у нас великолепные изобретения и открытия. Есть и природные ресурсы. Не все вычерпали. Есть работящий и талантливый народ. Просто он очень добр и доверчив.

Во всем мире, прежде чем принимать ответственные социально-экономические новшества, их проверяют на деловых играх. Есть и компьютерные модели экономики отдельных стран. Так, в США есть модели нашей экономики «Совмото-I», «Совмото-IV». Не на них ли проигрывали там те решения, которые и привели нашу экономику к кризису? Вспомним, что при Н. С. Хрущеве у нас прибыль не являлась основным показателем-целью. Предприятия отвечали за снижение себестоимости продукции. Ввели в нашу экономику с подачи профессора Г. Е. Либермана ПРИБЫЛЬ, как основной показатель. Если вспомним, что с 1979 года начало резко ухудшаться положение с экономикой, то надо назвать и персонально ее отца-прародителя — Г. С. Кипермана. Я тогда уже предупреждала, что от чистой продукции у нас станет чисто на прилавках. То же происходит и сейчас. Опять нам дают в виде панацеи то кооперацию, то арендизацию. И мы верим члену-корреспонденту Буничу, забыв, что именно он в годы застоя вел так называемый «ленинский университет миллионов». Теперь же Киперман является консультантом Экономического отдела ЦК КПСС и учит нас в газетах и журналах хозрасчету, а П. Г. Бунич стал во главе всеобщей арендизации.

Кто больше всех ратует за рынок? Попов Г. Х., Шмелев Н. П., Сепюнин В. И., тот же Бунич, академик Шаталин. Во главе же, конечно, академик Абалкин. Нас стыдят за то, что мы не хотим

роста цен. Ведь потом-то будет хорошо. А мы боимся, что потом нас просто не будет: вымрем с голода и от безработицы. Главное, хотелось бы спросить: зачем нам этот рынок? Почему станет через два-три года лучше? Нам отвечают, что появится конкуренция. Но в США конкуренция была введена сверху Рузвельтом, чтобы выйти из кризиса 30-х годов. Это было в условиях кризиса перепроизводства. У нас же во всем дефицит. Нет товара. Стартовые условия совершенно другие. И конкуренция там вводилась не ради конкуренции, а чтобы нацелить интересы фирм на качество, на потребителя, сделать жизненно нужным НТП. Нам вводить антимонопольные законы бесполезно. Они у нас при дефиците не заработают. Сохранять же дальше ПЛАН в затратных показателях тоже нельзя. Этот «план», как и рынок, заинтересовывает в завышении продажных цен.

Во всем мире крупное промышленное производство планируется. Но план там нацелен на потребителя. Поэтому план и рынок дополняют друг друга. От производства для прибыли (капитализма) в развитых странах уже перешли к производству для потребления. Там начинают осознавать, что главное — это гармонизация потребностей человечества и природы. И производство переориентируется на выпуск экологически чистой продукции, на экологически чистые технологии. При этом опора в них на последние достижения НТР. Мы же, уйдя первоначально от производства для прибыли, пришли под руководством нашей монополизированной экономической науки к производству для производства, к командно-затратной экономике, при которой не нужен ни человек, ни природа, ни НТП. Теперь же нас зовут опять вернуться к «производству для прибыли», к рынку без конкуренции. Что это нам даст? Зовущие не скрывают рост цен и безработицу.

Профессор О. Р. Лацис в беседе по радио сказал, что «не надо жалеть собаку и рубить ей хвост по частям». Надо, мол, рубить весь и сразу. Но возникает вопрос: а зачем вообще рубить собаке хвост?

Видимо, кому-то очень выгодна наша ослабленная экономика. Впрочем, если подумать, то ясно, кому. Неужели так сложна мысль, что именно зарубежным монополиям, развитым странам выгодно оставлять Россию слабой, иметь ее как рынок сбыта своих залежей и источник дешевого сырья? Если вы, мужики-аграрии, завалите страну хлебом (дай лишь вам свободу хозяйничанья, только не мешай), то куда же Канада будет сбывать свой хлеб? Если вы, мужики-изобретатели новых дешевых и эффективных лекарственных средств, начнете производить их, то кто же будет платить валютой австрийским и западногерманским фирмам за их лекарства? Нет, всем нашим «друзьям» нужна Россия слабая. И переход к рынку еще более ослабит ее, заставит брать займы, покупать товары потребления.

Есть, конечно, ТРЕТИЙ ПУТЬ. Он подробно разработан в виде модели ЭКОНОМИКИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА. В нем будет выгодно выпускать дешевые и качественные товары.

НОВЫЕ КРИТЕРИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, КОИХ «ПОЛОЖЕНО НЕ ЗАМЕЧАТЬ»

В мировой экономике в понятие качества входит не только качество продукции, но и качество работы. Прежде всего к нему

относится выполнение поставок по японскому принципу «вовремя». В самой Японии поставки сырья, материалов, комплектующих устанавливаются в договорах с точностью до двух-трех часов. Точность не просто экономит средства на содержание запасов, она значительно поднимает эффективность производства. Исключается сама возможность работы «про запас», нельзя уже делать больше или меньше — надо делать столько, сколько нужно. Брак выявляется сразу. Происходит интеграция производственного процесса и бухгалтерского учета. Все сводится к оформлению заказа, или, по-японски, «канбан», и оперативному контролю за его выполнением.

Когда известного журналиста В. Цветова, много написавшего о Японии, спрашивают: «Что же можно из японского опыта применить у нас?», он отвечает: «Ничего...»

Так ли это? Вряд ли безоговорочно поверим мифу японской пропаганды, что японцы самые талантливые, трудолюбивые и ответственные люди. Хотя надо признать, японские предприниматели умело используют специфические обычаи своего народа. Но не надо забывать о страхе остаться без работы, о жесточайшей конкуренции между фирмами. Тем не менее результаты налицо.

Почему же мы в условиях социализма все никак не решим проблему качества? Ведь мы-то, по идее, работаем на себя, на свое социалистическое государство! Объяснение, увы, простое: в нынешних условиях повышение качества нашим предприятиям ни к чему. В качестве заинтересован потребитель, а для производителя это лишь дополнительные затраты и хлопоты, даже риск невыполнения основных плановых заданий. Против качества настраивает хозяйственника нелепая «логика» затратного вала и неестественная для социализма «диктатура производителя». Дело в том, что сегодня все основные стоимостные показатели, исчисляемые с помощью продажных цен — вал, товар, прибыль, производительность труда, фондоотдача, рентабельность — находятся в прямо пропорциональной зависимости от уровня продажных цен на выпускаемую продукцию. И хотя официально валовая и товарная продукция уже не является планово-отчетным показателем предприятий, но от ее объемов по-прежнему напрямую зависят фонды зарплаты каждого производственного коллектива, по ней определяется народнохозяйственная значимость каждого административного района, оцениваются темпы его развития. Поэтому, чем выше поднять цены, тем легче добиться красивых цифр о производственных успехах в каждой хозяйственной организации и административно-территориальной единице.

Выполнение обязательств по договорам поставок хотя и стало главным показателем, но их оценка осуществляется у нас лишь по месячным итогам работы. Значит, для подстраховки запасы объективно должны быть не менее месячной потребности. Однако на деле они значительно выше. Прирост же всех запасов материально-технического назначения по стране ежегодно превышает прирост национального дохода, то есть, по существу, «съедает» его.

Качество продукции у нас выражает пока только показатель удельного веса изделий высшей категории. Он, понятно, не может быть выше 100 процентов. А как бороться дальше за улучшение качества? Как измерить эти достижения? Нередки случаи, когда и

старая, и новая продукция имела один и тот же Знак качества. А чем тогда новая лучше старой? В чем и насколько выиграл потребитель по новой продукции? Может, об этом надо судить по росту продажной цены? Но известно, что продажная цена так же мало заботится о расходах и интересах потребителя, как продажная красотка — о кошельке своего клиента — чем больше он заплатит, тем ей лучше. Да еще если клиента заставляют платить вперед.

Конкуренции у нас нет и не скоро будет. Когда естественным путем возникает рыночная конкуренция? Когда предложение превышает спрос, когда покупателю есть из чего выбирать. А какой может быть выбор при дефиците? Чтобы его ликвидировать и создать весомые излишки против спроса, нам надо удвоить производство. Но зачем? Чтобы излишнее, не нашедшее спроса потом уничтожить? Разумно ли это? Не согласимся мы и на прессинг безработицы. Планирование общественного производства — огромное преимущество социализма. Так стоит ли нам идти по пути традиционной конкуренции, безработицы, кризисов перепроизводства, чтобы такой ценой догнать капиталистические страны по качеству продукции и работы? Это тяжкий путь. *Нам надо искать свой, чисто социалистический путь, не гнушаясь и мировым опытом.*

Наша политэкономия затвердила навсегда как аксиому, что цель капиталистического производства только максимизация прибыли. Однако логика мирового экономического развития во главу угла поставила сейчас новые критерии. Конкуренция, как универсальный механизм обратных связей в капиталистическом мире, давно просигнализировала: УСТОЙЧИВОСТЬ положения фирм и корпораций определяют уже не их прибыль и рентабельность, а три основных составляющих современного маркетинга: *качество продукции* (чем выше — тем лучше!), *снижение продажных цен* (чем они ниже — тем успешнее сбыт и оборачиваемость капитала) и *удобства сервиса*, предоставляемого потребителям. Обеспечить все это в эпоху НТР позволяет только максимальное использование всех ее достижений. Поэтому быстрое освоение изобретений, технических и организационных новшеств является жизненной необходимостью для любого капиталистического предприятия в «бурном море» мировой конкуренции.

Между тем, как было отмечено на XIX Всесоюзной партконференции, мы так и не сумели повернуть интересы наших хозяйственных организаций в сторону НТП. Экономика по-прежнему носит затратный характер: чем выше затраты потребителей — оплачиваемые ими продажные цены и тарифы, тем лучше выглядят результаты работы. Страшный грех затратного вала как раз и состоит в его полной противоположности критериям современной мировой экономики, а значит — и выгодности НТП. Отсюда и неестественная для социализма ненужность изобретений, муки внедрения, гонения на изобретателей. При дефиците и диктате производителя — обратной стороне затратного вала, зачем хозяйственникам риск новшеств, проще завышать продажные цены, обдирать потребителя. Забор, как известно, перелезают там, где он ниже... Переломить эти порочные тенденции нужно и МОЖНО! Для этого и нам пора применить новые мировые критерии.

Общие тенденции развития мировой экономики, нацеленность ее на качество требуют, чтобы и у нас, в социалистической экономике, над коммерческими результатами — доходом и прибылью поставить, как главные планово-оценочные показатели, качество работы и народнохозяйственную отдачу. Для измерения их уровня достаточно применить всего два показателя: *эффекто-продукцию* (объем потребительной ценности продукции), где выпущенные изделия соизмерены в нормативах эффективности и качества, и *коэффициент эффективности работы* — КЭР, получаемый делением эффекто-продукции на ее стоимость в продажных ценах. Формулы показателей универсальны. Они годятся для большинства отраслей народного хозяйства. Различия будут зависеть лишь от того, что в них конкретно понимается под эффективностью и качеством работы. Но уже первое принципиальное отличие новых показателей по сравнению со всеми ранее применявшимися в том, что *КЭР находится в обратно пропорциональной зависимости от уровня продажных цен.* Чем ниже цена, тем выше КЭР — ведь цены *впервые* стоят в знаменателе! Это автоматически сделает невыгодным для производителя завышение затрат, которые должны нести потребитель и народное хозяйство в целом на удовлетворение личных, производственных и общественных потребностей.

ДЕШЕВОЕ — СДЕЛАТЬ ВЫГОДНЫМ!

Посмотрите вокруг: сколько дешевой и нужной продукции можно было бы сделать уже сейчас из отходов производства и вторичного сырья. Вокруг металлургических заводов растут гигантские отвалы из шлаков. А ведь это могла бы быть ситалловая посуда, красивые керамические изделия, облицовочная плитка, заменители цемента. Изобретатели давно уже предложили перерабатывать фосфоритовые шлаки в дешевый фосфобетон, отходы деревообрабатывающей промышленности — в новый, легкий и прочный строительный материал для дачных домиков. А сколько полезных изделий можно было бы сделать при вторичной переработке пластмассовых изделий! Но все это невыгодно в условиях затратного вала: все это дешево...

Однако давайте, как говорят в изобретательском деле, «перевернем картинку». Цена обычного изделия, сделанного из полноценного первичного сырья, пусть станет нормативом эффективности и качества для аналогичного изделия, выпущенного из отходов. Тогда коэффициент эффективности расходов потребителя, или КЭР нового изделия, покажет в относительном выражении, сколько сэкономил покупатель на рубль своих затрат при покупке дешевого товара. Например, если обычные покрышки на автомобиль продаются оптовому покупателю по 80 рублей за штуку, то покрышка, сделанная путем регенерации шин и продаваемая по 42 рубля, будет иметь КЭР, равный 1,84 (80 разделить на 42). Это значит, что на рубль затрат потребитель экономит 84 копейки.

Если же ходимость регенерированных шин окажется ниже процентов на 30, то их норматив эффективности и качества должен снизиться до 56 (80×0,7). Однако и тогда КЭР такого изделия все равно будет 1,33 (56 разделить на 42), или экономия на рубль затрат составит 33 копейки. Однако, если даже экономически потребитель не выиграет, все равно сама переработка отходов остается выгодна для общества в целом. Ведь безотходное производство

сохраняет природные ресурсы, не загрязняет землю, воздух и воду.

Поэтому рассмотрим еще один из самых трудных, не поддающихся решению в условиях затратного вала вопросов: как сделать для предприятий выгодным выпуск одновременно и дешевой, и экологически чистой продукции? Речь идет о необходимости запретить выпуск изделий, работающих на фреоне (холодильное оборудование, дезодоранты, лаки для волос, разбрызгиватели интоксицидов и пр.). Как установили ученые, фреон разрушает озоновый слой в атмосфере Земли, а это грозит гибелью для всего живого от жесткого ультрафиолетового излучения Солнца. Однако фреон — дорогой материал. Пропан, который мог бы его заменить, стоит в два с половиной раза дешевле, и требуется его в два раза меньше. Косметические же средства можно вообще выпускать на механических разбрызгивателях типа пульверизатора. Но у предприятий, переходящих на бесфреоновые виды продукции, резко ухудшаются все показатели, сокращаются фонды оплаты труда. С позиций здравого смысла это экономический абсурд и полнейшая социальная несправедливость! Тем не менее факт — именно «затратный вал» сдерживает у нас отказ от применения фреона.

Возьмем конкретный пример. Освежитель воздуха «Лесной аромат», выпускаемый Бирюлевским заводом бытовой химии, имеет оптово-отпускную цену 1720 рублей за 1000 штук. Причем 520 рублей в себестоимости — это затраты на фреон. Если завод перейдет на механические разбрызгиватели, то оптовая цена освежителя упадет до 1200 рублей. Вал уменьшится на 30 процентов (1200 разделить на 1720). Однако если потребительские свойства продукции не ухудшатся, то можно 1720 рублей считать «нормативом эффективности и качества» бесфреонового изделия, а его более низкую продажную цену поставим теперь в знаменатель. Тогда КЭР нового освежителя будет равен 1,43 (1720 разделить на 1200). Это означает, что на рубль затрат покупателя при приобретении новой, дешевой продукции он имеет 43 копейки экономии. Величина, как видим, вполне реальная. Чем больше будет выпущено заводом дешевой продукции, тем выше будет средний КЭР предприятия.

Однако зачем, собственно, производителю высокий КЭР? Какая ему выгода снижать доходы «для себя», чтобы рос эффект «у других»? В ответ на этот резонный вопрос и предлагается сделать эффекто-продукцию и КЭР предприятий их основными ф о н д о о б р а з у ю щ и м и п о к а з а т е л я м и. В каждой отрасли, а возможно, и для каждого предприятия должны быть разработаны шкалы длительного действия (минимум на пятилетку), где была бы установлена конкретная зависимость между уровнем КЭР и размером налогов на прибыль (чем выше КЭР, тем ниже должны быть налоги), между темпами роста эффекто-продукции и фондами оплаты труда, расширения производства, роста соцкультбыта, обеспечения трудящихся жильем и пр. По существу, нашим общественным наукам вместе с экономистами еще надо определить: что значит у нас РЕЖИМ НАИБОЛЬШЕГО БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ, его состав, возможности использования отдельных компонентов для социально-экономического стимулирования коллективов предприятий и в целом отдельных регионов, дающих высокую народнохозяйственную отдачу на основе творческого труда и НТП.

Сейчас при экологических загрязнениях мы налагаем штрафы на предприятия и их руководителей. Но с помощью кнута природу любить не заставишь! Психологи учат, что всегда эффективнее действует пряник. При хозрасчете у нас есть только один стимул — разрешить предприятию повысить продажные цены и увеличить этим свою прибыль. При затратном вале противоречие тут беспросветное. Не будем же мы разрешать повышение цен на плоскорезы из-за того, что они не разрушают почву? Нет смысла повышать цены и за уменьшение дыма или пыли. При чем тут потребитель продукции? Почему он должен расплачиваться? И из каких средств? Ведь у него-то снижения себестоимости не будет.

С другой стороны, чтобы поощрить народнохозяйственную отдачу, надо ее как-то обобщенно измерить. Однако улучшение сохранности природы — это социальный эффект. Его в рублях измерить крайне трудно, а зачастую вообще невозможно. Как же быть?

Между тем в изобретательском деле есть один хитрый прием: если невозможно устранить какой-либо недостаток, его следует превратить в достоинство. Условность социального эффекта — недостаток. Поэтому попробуем превратить его в преимущество! Для этого введем в нормативы эффективности и качества специальные «слагаемые социального эффекта». Конечно, при этом общественным наукам и экономике придется еще разобраться в классификации социального эффекта по его видам, проранжировать их по значимости для природы, человека и общества, а затем установить ГЛАСНУЮ для производителей и потребителей шкалу относительных или абсолютных размеров слагаемых социального эффекта в зависимости от их вида и значимости.

Например, ввиду жизненно важной потребности в запрещении изделий на фреоне будет, допустим, установлено, что слагаемое социального эффекта в бесфреоновой продукции можно принимать в размере трех стоимостей сэкономленного фреона. Так что полная величина норматива эффективности и качества бесфреонового освежителя будет не 1720, а 3280. Поскольку эту сумму потребитель не оплачивает, п р е д л а г а е т с я и з м е р я т ь н о в ы е н о р м а т и в ы в э ф ф е к т о - р у б л я х и л и с о к р а щ е н н о — в э р а х. Полный КЭР нового изделия будет равен 2,57 (3280 разделить на 1200). Заметим, что разность между числителем и знаменателем КЭР изделия в 2080 эров (3280 минус 1200) четко, без остатка раскладывается по видам эффекта: 520 эров — в связи с удешевлением продукции и 1560 эров — за социальный эффект. Так же легко можно будет в будущем анализировать и планировать по факторам весь прирост эффекто-продукции в целом по предприятиям.

Где еще сможет послужить решению экологических проблем дешевизна продукции? Прежде всего в сельском хозяйстве. Сейчас Министерство минеральных удобрений стремится выпускать все более дорогие виды их. И далеко не все знают, что гораздо эффективнее искусственных удобрений были бы торфотуки, которые стоят копейки. Их применение дает большие приросты урожайности по всем культурам, они безвредны для людей и животных при употреблении пищи, выращенной на них. Еще в двадцатые годы В. И. Ленин поддерживал наших изобретателей, предложивших этот вид удобрений. То же можно было сказать и о применении сапропеля, который нашей промышленностью из-за дешевизны игнорируется. Не находят поддержки у наших производственников

идеи ученых о выработке на основе отходов от пищевой промышленности дешевых витаминных добавок в корм скоту.

Особо остро сейчас стоит вопрос о качестве и сохранности сельскохозяйственной продукции. Заинтересовать в их улучшении могли бы цены качества, в которых предлагается оценивать и конечную продукцию сельскохозяйственных предприятий. Разберем их понятие на примере картофеля.

Если от тонны картофеля с закупочной ценой в 150 рублей после шести месяцев хранения остается только 500 килограммов, то плодоовощной базе реально надо бы уплатить за такое качество лишь по 75 рублей за тонну. Это и будет цена качества, то есть та максимально возможная цена, которую потребитель должен был бы уплатить за единицу продукции с учетом ее потребительской ценности. В относительном выражении цену качества предлагается рассчитывать делением 75 рублей на полные затраты базы. Ведь, кроме уплаченной закупочной цены, база в среднем расходует на транспортировку, хранение, погрузку-разгрузку, переборку около 70 рублей в расчете на тонну. Кроме того, ей надо вывезти 500 килограммов гнили и земли. Это еще около 5 рублей затрат. Таким образом коэффициент эффективности расходов базы — КЭР при данном уровне качества будет равен 0,35 (75 : 225). Это означает, что покупатель на рубль затрат на заготовку и хранение картофеля получил только 35 копеек дохода, а остальные 65 копеек — его прямые убытки.

Как известно, чем больше применено минеральных удобрений, непредусмотренных поливов, тем быстрее сгнивают картофель, капуста, тыква, арбузы. Зараженность картофеля, например, фитофторой способна уничтожить его подобно лесному пожару, возникающему от искры. Распространенности заражения способствуют и механические повреждения клубней при нарушении технологии уборки. Как правило, чем больше нестандартная часть картофеля при заготовках, тем меньше его сохраняемость, тем меньше, следовательно, в сертификатах на получаемую партию продукции должны быть поставлены КЭР покупателя и абсолютное значение цены качества.

Существующие исследования товароведов позволяют составить нормативные таблицы для прогнозирования цен качества и КЭРпок по каждому виду овощей и картофелю при разной степени содержания в них нитратов, при различном удельном весе нестандарта и технического брака. Проверка качества продукции АПК должна стать вневедомственной и независимой от местных органов власти. При оформлении сертификатов на сельхозпродукцию следует включать в них экономическую оценку каждой партии проставлением ее КЭРпок и цен качества. Это позволило бы определить сводные показатели ЭФФЕКТО-ПРОДУКЦИИ и КЭР по всем звеньям АПК, объективно оценить качество сельхозпродукции.

Возьмем также проблему переработки отходов в строительные материалы. В Казахстане есть гора фосфоритных шлаков, которая так и называется ШЛАК-ТАУ. Уже двадцать лет, как изобретатели предложили использовать перемолотые шлаки для производства бетона. Но кубометр бетона из цемента стоит 30 рублей, а из шлака только 5 рублей. Переход на шлаки снижает объем производства по товарной продукции на 33,3 процента (5 : 30=0,167). Но зато КЭР шлакобетона будет равен 6,0(30 : 5). Эта величина говорит о том, что реально на каждый рубль своих затрат потребитель экономит 5 рублей. Народное хозяйство выигрывает еще больше, так как новый материал прочнее на 30 процентов, а главное — использование шлаков покончит с загрязнением природы отходами от фосфоритного производства. Шлак-тау быстро окажется переработанной в строительные блоки. Очистится воздух от пыли, поднимаемой ветром с ее склонов, освободится пахотная земля под нею.

Огромный ущерб наносит народному хозяйству также некомплексное использование месторождений полезных ископаемых. Так, на Урале монодобыча их нашими министерствами-монополистами, отвечающими отдельно за железо, цветные металлы и даже (что уж совсем противоестественно!) газ и нефть, привела к тому, что сейчас впору там уже перерабатывать сами отвалы. Это обойдется дешевле, чем разведка и добыча на новых месторождениях того, что было выкинуто попутно в «хвосты». Поэтому предлагается оценивать горнодобывающие предприятия: рудники, шахты, карьеры не по одному виду полезных ископаемых, на которых они специализированы, а учитывая весь возможный спектр добычи в виде эффекто-продукции и КЭР. Соизмерить общий полезный эффект такой работы можно с помощью нормативов замыкающих затрат по каждому из видов природных ресурсов. Например, замыкающие затраты на тонну меди включают в себя удельные расходы на разведку, освоение, добычу и транспортировку медной руды из наиболее удаленных месторождений в стране. Таким образом, замыкающие затраты являются прямым аналогом нормативов эффективности и качества. А коэффициент эффективности работы горнодобывающего предприятия предлагается рассчитывать делением его эффекто-продукции на стоимость добытого сырья всех видов по их фактическим отпускным ценам плюс сложившиеся удельные капитальные затраты на их добычу. Поскольку себестоимость попутной продукции намного ниже, чем при организации их самостоятельной добычи, то горнодобывающие предприятия могли бы снижать продажные цены по ряду полезных ископаемых по сравнению с существующими оптовыми. Это привлекло бы дополнительных покупателей и повысило бы сводный КЭР рудника.

Таким образом, при безотходном производстве и комплексном использовании полезных ископаемых подрывается монопольное положение министерств. Рушатся искусственные перегородки между добычей железа и цветных металлов, минералов и глиноземов. В целом же диверсификация добычи и производства послужит делу сохранности природных ресурсов, положит конец расточительному характеру добывающей промышленности.

Даже в угольной промышленности, кроме добычи угля, в эффекто-продукцию шахт можно было бы включать и работы, связанные с утилизацией пустой породы внутри пройденных штреков, без вывоза ее наверх и образования терриконов. Точно так же в лесной промышленности Государственный комитет по лесу мог бы ввести оценку предприятий лесной промышленности не только по заготовке древесины, а в целом, обобщенно с учетом новых посадок и ухода за ними. Сейчас они там надеются на хозрасчет и аренду. Но хозрасчетным предприятиям нужна лишь сегодняшняя выгода, сегодняшняя прибыль, в то время как эффекто-продукция, КЭР позволяют учесть и будущий народнохозяйственный эффект. И тогда социально справедливо можно будет установить налоги на полученную прибыль в добывающих, сырьевых отраслях.

И здесь будет действовать тот же принцип: чем выше будет отдача для общества, тем меньше должны быть налоги и больше оплата труда, а также фонды развития производства, жилищного строительства и соцкультбыта.

КАЧЕСТВО — СДЕЛАТЬ ГЛАВНЫМ!

Выпуск дешевого — это лишь одна из возможностей, которую дает экономике НТП. Ведь применение пропана вместо фреона, использование механических разбрызгивателей — все это основывается на конкретных изобретениях и научно-технических новшествах. Причем удешевление продукции бывает не так уж часто. Как правило, новые, более эффективные изделия, в которых реализуются изобретения, более трудоемки и сложны в изготовлении. Но зато потребительная ценность их намного опережает рост затрат и продажных цен — она увеличивается как бы скачком.

Затратный вал не только сделал невыгодным выпуск дешевых изделий, он лишил производителя интереса к повышению качества продукции. Ведь затраты — у производителя, а эффект — у потребителя. Зачем в таких условиях производственнику стараться для «чужого дяди»?

Как известно, есть масса эффективных приспособлений, которые сами изобретают и изготавливают сельские умельцы-механизаторы. Однако заводы сельхозмашиностроения их «в упор не замечают». Или взять усовершенствование МАЗов водителем Станиславом Михайловичем Коломийцем — «Кулибиным из Братска». На основе целого комплекса оригинальных технических решений он сделал свою, кустарно переделанную машину намного экономичнее ее промышленных собратьев: она легче, дешевле, средняя экономия топлива составляет от 7 до 14 процентов, значительно снижен расход дефицитного моторного масла, грузовик стало проще обслуживать и ремонтировать. Предложения изобретателя универсальны. Их можно было бы реализовать и на самосвалах, и на комбайнах, и на тракторах. Они позволили бы вывести наши грузовики на мировой уровень. Но заводы-изготовители поддерживают не изобретателя, а ведомственные амбиции и проволочки ученых мужей из НИИ и конструкторских бюро, утопивших дело в бесконечных испытаниях. Монополия ведомственной науки, которая сама не может и другим не позволяет, вроде классической «собаки на сене», вполне устраивает наших производственников в условиях затратной экономики. Ведь любое обновление выпускаемой продукции вызывает самые большие хлопоты у производственников, невыгодна даже небольшая модернизация изделий. Проку предприятию от этого ни на грош, а могут быть и убытки.

Вот уже 15 лет назад в журнале «Изобретатель и рационализатор» сообщалось, что «вечные» рессоры для автомобилей можно делать из нового сплава, который даже освоен металлургами. Но себестоимость ГАЗа при этом повышается на три (!) рубля. Для Горьковского автозавода, где учитывается уже экономия в десятые доли копейки в расчете на машину, — это огромный перерасход. Вот и мучаются транспортники, меняя рессоры, простаивают автомобили в ожидании ремонта, а заводчане «экономят»...

Еще в XIX веке Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге», что в социалистическом обществе производственный план «будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда» (т. 20, с. 321). И вот в эпоху компьютеризации, в век развития квалиметрии мы так и не приступили еще к оценке полезного эффекта не только предметов потребления, но и новой техники. Хотя именно от ее потребления в других отраслях зависит там реальное повышение качества работы, а с ним и качество жизни всего общества.

Нет осенью проблемы более острой и болезненной, чем уборка картофеля. Механизирована, как правило, только подкопка, а все остальное делается вручную. Есть, правда, уже и картофелеуборочные комбайны. Но и за ними закрепляется пять-шесть человек. Производительность этих комбайнов низкая, на сырой и тяжелой почве они вообще не тянут...

Думаю, не один человек сейчас искренне возмутится, поскольку должна сообщить, что еще 30 лет назад инженером Григорием Евсеевичем Перельманом был изобретен картофелеуборочный комбайн с катковым лемехом, не имеющий мировых аналогов. В нем применен оригинальный метод сепарации: комбайн не копает, а как бы отсортировывает картофель от земли и ботвы. Ручной труд совершенно исключается. Работает один тракторист. Картофель почти не травмируется. Скорость уборки возрастает в два-три раза. Не страшны этой машине ни дождь, ни глина. Удельные энергозатраты на тонну картофеля снижены. И вот такой комбайн, который высвободил бы десятки тысяч людей от тяжелой шефской повинности, вернул бы их с полей на производство или учебу, к семьям и детям, до сих пор не выпускается! Новаторские идеи, заложенные в них изобретателем, потихоньку переносят в свои диссертации сотрудники столичных НИИ, но к производству комбайн Перельмана и близко не подпускают. (Подробности см. в «ИР» № 6, 1988 г.)

Но разве так уж трудно определить норматив эффективности и качества по новому комбайну? Прежде всего надо исходить из того: сколько должен был бы заплатить колхоз или совхоз за уборку картофеля того же объема и качества, что и новая машина, но при существующей технике и методах работы. При этом, если выпускаемый комбайн стоит 5600 рублей, а новый в два раза производительнее (т. е. заменяет два известных комбайна), то его цена качества будет уже равна 11 200 эффекто-рублям. Кроме того, отдельным слагаемым эффекта надо будет учесть экономию за счет высвобождения 5 человек. При зарплате в 100 рублей за сезон и сроке службы сельхозтехники в 7 лет — этот эффект можно определить в размере 3500 эров (500×7). Так же должна быть подсчитана экономия на горючем, на ликвидации простоев из-за дождей. Конечно, не обойдется здесь и без учета слагаемых социального эффекта, поскольку труд людей облегчается, повышается качество картофеля, его лежкость. Допустим, все это будет определено, и полный норматив эффективности и качества новой машины окажется равен 18 тысячам эров. Тогда если продажная цена комбайна составит даже 8 тысяч рублей, то КЭР его будет равен 2,25 (18 : 8), или на рубль затрат потребителя народное хозяйство получит 1 рубль 25 копеек дополнительного эффекта.

К сведению читателей. Главным препятствием для при-

менения новых показателей ученые-экономисты считают все же условность в расчете цен качества. Однако давайте разберемся по справедливости. Разве 8000 рублей — продажная цена нового комбайна — является не менее условной величиной при подсчете у предприятия-производителя? Ведь в ней реально можно просчитать только 20—30 процентов прямых затрат: зарплату основных рабочих-сдельщиков и расход основных материалов и комплектующих. И то лишь по предварительным наметкам будущей технологии производства. Все остальные косвенные расходы — цеховые и общезаводские, будут приняты по сложившимся нормативам, никакого отношения не имеющим к конкретному комбайну. Наконец, рентабельность новой машины устанавливается у нас по среднеотраслевому нормативу. А его уровень в 10 или 20 процентов к себестоимости любых изделий конкретной отрасли был когда-то принят тоже волевым решением кого-то «сверху»...

Вот и посчитайте, где большая условность в расчетах: при определении продажной цены или цены качества, которая опирается на экономию известных расходов, реально складывающихся из года в год при уборке картофеля, из затрат на амортизацию фактически существующего комбайна с четкой прейскурантной ценой в 5600 рублей. Если разобраться, то именно продажная цена более условна, чем максимально возможная цена потребителя, что является его ценой качества или эффективности и качества.

Нам надо, наконец, честно признать, что в экономике все нормативы, к которым с полным правом следует отнести и наши прейскурантные цены, — ПО ВЕЛИЧИНЕ УСЛОВНЫ! А с нормативами не спорят — их выполняют. Раз принятые, они служат как бы вехами, критериями, эталонами, а то и целями во всех сферах — не только производственных, но и социальных (возьмите для примера оценки успеваемости в просвещении, нормативы приема больных и число самих врачей в здравоохранении и пр.). Утвержденная «сверху» продажная цена в условиях хозрасчета дает предприятиям ориентир в расходах: фактическая себестоимость не должна быть выше оптовой цены, чем ниже будут затраты, тем выше прибыль от каждого изделия. Это заинтересовывает предприятие в снижении внутрипроизводственных расходов, требует от него рачительного хозяйствования, экономии средств. Но зато использование продажных цен для определения объемов производства порочно заинтересовывает наши предприятия в завышении цен. Напротив, применение в функции соизмерителя различных видов продукции предлагаемых нормативов эффективности и качества будет служить стимулом к выпуску более эффективной продукции. Тогда с помощью КЭР изделия можно ограничить стремление предприятий завышать свою прибыль и продажные цены сверх роста конкретной продукции (иначе КЭР станет меньше 1,0).

При новых показателях заводы-производители стали бы искать сами любые возможности по улучшению уже выпускаемой продукции, так как это позволит добавлять к ее нормативам эффективности и качества новые слагаемые эффекта, учитывая их как бы поименно: КТО их предложил, ЧЕЙ это вклад в прирост эффекто-продукции. Тогда производственники на деле предъявили бы жесткие требования к своим НИИ, да и к науке в целом, у них стал бы по-настоящему цениться и творческий инженерный труд. На наших заводах, как и в Японии, стало бы выгодно создание рабочих кружков качества. Пока же все усилия заводских рацио-

нализаторов направляются лишь на достижение внутрипроизводственной экономии. А она имеет чисто физические границы — дальше начинается ухудшение качества.

Что же будет означать, если КЭР комбайнового завода увеличится с 1,0 до 2,2? Это значит, что продукция предприятия по своей потребительной ценности возросла в два и два десятых раза. Разве не такие ТЕМПЫ нам нужны? Или, допустим, эффекто-продукция тракторного завода увеличилась в 1,5 раза, а КЭР завода вырос в 1,8 раза. Это будет означать, что выпуск тракторов в натуре уменьшился на 17 процентов (1,5 : 1,8=0,83). Но зато эффективность этих тракторов для сельского хозяйства возросла на 80 процентов. Это и хорошо! Меньшее число более эффективных машин потребует и меньше механизаторов, которых так не хватает на селе.

Возьмем положение и в легкой промышленности. Пока в нем царствует только один метод стимулирования выпуска продукции, нужной потребителю: повышение продажной цены на нее. Договорные цены сейчас вообще приняли абсолютно УСЛОВНЫЙ ХАРАКТЕР, полностью оторвавшись от себестоимости. В то же время руководство отрасли жалуется, что у них нет метода, который позволил бы сделать выгодным для фабрики выпуск дешевой одежды и обуви. (Молодежь к тому же хотела бы одеться и модно, но недорого.) Однако министерство находит же возможность ПО БАЛЛАМ оценивать качество продукции, чтобы присвоить ей индексы «Н» (новинка), «ОМ» (особо модное изделие) и «Д» (договорная), или в целом — как было раньше, присвоить ЗНАК КАЧЕСТВА. Почему бы эти баллы не превратить в основу определения слагаемых социального эффекта за моду, удобство, соответствие требованиям гигиены? По электро-, радио- и культтоварам эти надбавки давались бы за соответствие требованиям современного дизайна, надежность, унификацию деталей и за другие, важные для потребителя свойства. Так можно было бы стимулировать выпуск детских вещей, развивающих игр, модной одежды для молодежи, удобной обуви для пожилых людей.

* * *

Систему, аналогичную «канбану», вы можете организовать сами на своем предприятии, даже между бригадами. Санкции, поощрения, величины КЭР и правила присуждения «золотых очков» — все это вы можете придумать и установить сами. Эти условия, конечно, надо обсудить в коллективах. «Твори, выдумывай, пробуй!» — если хочешь, чтобы на предприятии наладился нормальный ритм работы, чтобы вы зависели не от неизвестной вам «экономической кухни» в определении результатов работы, а сами все знали и понимали. Тогда именно вы снизу вынудите ваших руководителей начать осуществлять нормальное оперативно-производственное планирование, ответственно относиться к материальному обеспечению графика работы. Не надо будет обращаться в газеты с жалобой на соседние бригады. Вы сами станете настоящими хозяевами производства, как и полагается в социалистическом обществе.

●

После статьи «Обретение имени», опубликованной в № 1 нашего журнала, нас завалили письмами. Не только потому, что автор привлек для подтверждения своих аргументов неизвестные широкой аудитории источники, но и потому, что автор ее — известный в определенных кругах С. Жариков, — руководитель рок-группы «ДК», занимающей лидирующие места в неофициальных «хит-парадах», в «тусовках», где ведущих «Взгляда» называют «совками», где топчут диски Гребенщикова, где «Память» и «Огонек» считают разделенными лишь внешне, где обсуждаются версии о том, что Гитлер был убит в декабре 1942 года и подменен, — словом, в том мире, куда «не ступала нога публициста». Мы с интересом узнали, что, оказывается, «Молодую гвардию» в етом мире читают, но что В. А. Коротич расценивается как организатор и «консолидатор» русского патриотического движения, что критик Бушин — родственник американского президента. Так или иначе, вряд ли стоит относиться к этой «тусовочной» части молодежи как к враждебным инопланетянам.

Вот, например, что нам поведала в своем письме москвичка Юля Федорова: «Зря Жарикова так критикуют. Его точка зрения интересна... Для нас с друзьями многое туманно... Я считаю, что единственный способ разобраться — попросить самого С. Жарикова написать какие-нибудь разъяснения, дополнения, что внесат полную ясность. В одном мы с друзьями согласны: так серьезно и так ответственно, на таком высоком уровне наша пресса о роке еще никогда не размышляла». Далее следует просьба дать Жарикову «развернуться». Что ж, даем. Тем более что тираж «рокерского» журнала «Сдвиг» с одной из его статей был... арестован в преддверии 5-летнего юбилея «нашей перестройки». Защищая интересы наших молодых читателей и авторов (а право на гласность к таковым относится), мы представляем на суд читателей его новый опус, хотя далеко не во всем согласны с автором.

Ценность этого материала, на наш взгляд, двоякая. Во-первых, он лучше многих социологических исследований показывает срез духовных метаний (или исканий) нашей молодежи. Во-вторых, взгляд автора на проблемы рок-культуры представляется свежим, хотя это взгляд «изнутри».

...Для гневных писем и восторженных отзывов наш редакционный портфель открыт. Из него-то мы потом и извлечем квинт-эссенцию. А пока предлагаем в качестве комментария к статье С. Жарикова письмо И. Саначева, которое он озаглавил «Маскарад на обочине».

Отдел очерка и публицистики

Сергей ЖАРИКОВ

«СВОЯ СУТЬ»

> Позор стране, в поджоге замка
> Нашедшей зрелище себе!
>
> И. Северянин

Когда Борис Гребенщиков заимствует псевдоним «Б. Г.» у В. И. Ленина (см.: Вольпер И. Н. Псевдонимы В. И. Ленина. Лениздат, 1968, с. 144), газеты все в один голос трубят о «национальном роке». А истоки его, конечно, в Древнем Риме, судя по названию фильма «АССА»: асс — мелкая римская монета и как «гирла» — производное от английского «GIRL», «асса», следовательно, «дешевка». Эклектика? Но говорят же о «русском» христианстве! Тот же Гребенщиков. Тогда почему же нам не сменить «девушку с веслом» на «мальчика с гитарой»?

Нет, спор не о существовании. «Пусть распустятся сто цветов», — говорил Мао; но любой уважающий себя народ заботится о сохранении своих традиций ибо, еще шире, это вопрос о школе. А школа — консервативна. И лукавит М. Гершензон в письме В. В. Розанову: «Жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко — самобытно и неотвратимо, что сдвинуть ее с рокового пути не способны... экономическое или литературное вмешательство евреев... латышей и проч.», ибо устранив вмешательство самих русских в эту жизнь («мы уже теперь настоящие хозяева и страны и судеб народа» — А. Луначарский), штыком преследуя проявление Русской Идеи (запреты за подписью того же Луначарского произведений русской классики, вплоть до расстрелов, например, за пение «Варяга»), — физическое уничтожение десятков миллионов человек и есть результат этой гершензоновской «неспособности»...

Поэтому Великая Русская Идея, волновавшая умы крупнейших русских мыслителей, не может выродиться в «кайф» или стать «ассой». Русские не могут этого допустить, товарищи макаревичи и гребенщиковы!

Престижность русского гения привела к тому, что масса новоиспеченных «русских» не прочь облить помоями Россию и ее народ, конечно же, на его престижном языке! Что это: неуважение хама, зависть раба или предательство? «Обычная дегенерация», считает безусловный авторитет в этой области Г. П. Климов, ссылаясь на тот факт, что основная масса этих диссидентствующих пророков провела в дурдомах «лучшие годы своей жизни». Следовательно, остальную часть жизни «надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»...

Так имеет ли русский народ право отстоять свою жизнь, свою культуру, свою Великую Идею от нашествия полоумных дегенератов?

И недаром ведь «русский» — прилагательное. Ибо это скорее качество, а не этническая единица. Этнически мы разного корня, но — одно дерево. Русский — это осознавший в себе и любящий Россию; реализующий генокод предков, создавших величайшую в мире государственность. Русская государственность — это центр Русской Идеи, это то, за что нас многие завистливо ненавидят. И русские так фанатично сражаются за свое Отечество потому лишь, что собственная государственность, где существует принцип внутренней правды как естественного права, — есть организованный принцип сохранения воли.

Для народа-земледельца «воля» — значит «отстань», «свобода для» — как выразился бы Ф. М. Достоевский. Действительно, «свобода от чего, для чего, но во имя чего!» — вторит ему Константин Леонтьев. История уже ответила на эти вопросы. Центробежность воли сказывалась не этически, а географически. Отсутствие в годы смуты и политических потрясений нравственного центра — царя, либо неопределенность или неавторитетность этого центра вело к разложению и анархии и в конечном счете несвободе от произвола.

«Избранием царя Михаила, — пишет А. С. Хомяков, — обнаружилось, что единство, казавшееся следствием исторической случайности, было действительным делом Русской земли». Однако правовая (в смысле западного «римского» права) уязвимость такого представления о государственности сказалась уже с приходом Петра. Внутренний, так сказать, «джентльменский» договор между царем и народом был Петром предан. Созданная им бюрократия была уже с качественно иным строем души, общество раскололось, началось постепенное закабаление русского народа. Одна сторона Русской Идеи стала элитарной; теряя внутреннюю силу, она впитала в себя внешний блеск Запада, стимулируя развитие цивилизации. Другая же, собственно культурная, ушла глубоко в подполье, не переставая духовно оплодотворять гуманитариев: поэтов, писателей, композиторов. Запад дал развитие потенциальной открытости и аристократичности русских (наши индоарийские корни!). Запад — это в первую очередь Шеллинг и Великая Немецкая Культура, возросшая на арийском романтизме. Но Запад — это и французская революционность, не менее романтичная на первый взгляд, но мелкая и прагматичная по сути. Два камня: немецкий эволюционизм и французский революционизм — встали на пути чистого родника исконной русской народности. И вот потянулись к этому роднику званые и незваные, чтобы, отведав живительного эликсира, плюнуть в него, гордо заявив при этом, что, дескать, они «поворачивают вещи к обществу такой стороной, с какой оно само не привыкло их видеть», чтобы еще более увеличить пропасть между послепетровским бюрократическим интернационалом и русским народом.

Поэтому мы провозглашаем возврат к национальным демократическим ценностям допетровской Руси, к легализации настоящей русской культуры.

«Многие ныне затрудняются узнать, где истинная церковь, — пишет интереснейший идеолог старообрядчества XIX века Иван Усов, — как тут разобрать? Является бесчисленное множество обществ, которые говорят: «Я церковь! Я церковь! — и потому имею право отвергнуть обряды и предания по своему усмотрению: они не нужны для спасения!» Но верующие потому только узнали истинного Христа, что он свидетельствовал о себе, что пришел не разорить закон, но исполнить. Поэтому та, что говорит «не имею право изменять и отменять что-либо из преданий или обрядов, а обязана сохранить», и есть истинная церковь». Однако насильственная христианизация Руси, посягнувшая и на предания, и на обряды, по тем же причинно-следственным законам не могла в корне пошатнуть мировоззренческой системы русича. Построенное на антиномиях, христианское дидактическое богословие стало настоящей энергетической ямой, из которой эстетические категории (ценность христианства «в первую очередь в эстетике» — К. Леонтьев), как спасительная веревка, удерживали мощь северного духа, утекающего, как по машине времени, на чуждые ему берега Средиземного моря. Свободное и радостное восприятие природы сменилось рабским подчинением Человеку. Многоцветное религиозное творчество духа вытеснил черно-белый закон. Именно вопреки, а не благодаря христианству развивалось и творчество, непосредственно опиравшееся на христианские сюжеты.

Воспринимая святых как героев, народ ставил им памятники-храмы. Не перед православной верой, а перед Русской Государственностью главные заслуги таких русских святых, как Александр Невский и Сергий Радонежский. Государственная же идея — идея языческая, подчеркивал и Иван Киреевский. Христианские сюжеты — притчи, а не мифы, ибо христианство не допускает многовариантности, т. е. творчества. А мощная мифология всегда развивается там, где много богов и нет веры.

Оговоримся, что абсолютного отсутствия веры не бывает. Основанная на медитации (молитве) вера всегда объективирована, хотя бы и подсознательно. Христос, как материализация Иеговы (Сын Божий), являясь личностью, — совсем необязательно богочеловек, отнюдь. Это — личность — народ, ибо телом Иеговы является Израиль. Поэтому, если молитвы евреев обращены к Иегове, то молитвы христиан обращены к евреям.

Если религиозность язычества направлена на пантеон, а вера — на себя, т. е. на свой народ, то христианство, по сути дела, расщепило национальную личность, выстроив строгую иерархию подчинения, где национальность (если она не еврейская!) вообще лишена смысла. Если природа террора часто выводится из Ветхого завета, то природа тоталитаризма заложена в завете Новом.

Творчество справедливо считается реализацией свободы, но сакральное — необходимое всегда в национальном, где формой необходимого, т. е. законом, является мифология. Поэтому настоящее, связанное с национальным, творчество есть в широком смысле законотворчество, мифотворчество. Поэтому адекватно прочувствовать и понять миф вне понимания создавшей его национальной личности невозможно. Поэтому демифологизация, проповедуемая различного толка «левыми», ведет лишь к разложению и упадку, какими бы «революционными» лозунгами они ни прикрывались. Демифологизированный индивидуализм агрессивен к нации, он даже вне этого понятия; агрессия его направлена на культуру вообще. Это в лучшем случае видимый глазом и осязаемый пальцами дизайн, отрицающий истинный пламень творчества — трансцендентный божественный Огонь. И подобное «искусство» не может называться русским, поскольку оно вне культуры. Если хотите оставаться дизайнерами, уважаемые рок-музыканты, — пожалуйста, но не обижайтесь, если ваше творчество кто-то из русских писателей ставит на уровень туалетных граффити!

* * *

В русском анархическом нигилизме боль русской души, но творения на отрицании плодов не дают. Хотя беспрецедентная ныне степень разложения русского народа не повод для паники. Кто и что были для России Минин и Пожарский? Провиденциальный смысл их появления есть объективное выражение национального самосознания в Смутное время. Значит, Иван Грозный все-таки не «поработил» народ! Значит, и Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война — войны национальные, народные. Народной войной за Отечество была и первая мировая война: не врагами ли России были те, кто спровоцировал ее?

Можно быть уверенными: наступит соцреалистическое «сталинское» культурное возрождение. Посмотрите, с каким энтузиазмом и интересом иностранцы уже сейчас фотографируются на станциях кольцевой линии Московского метро. Что-то их не тянет ни на «Текстильщики», ни на «Площадь Ильича»! Произведения, выразив-

шие мечту **о счастье народа**, не могут быть забыты. Популярность «Кубанских казаков» не в том, что сталинские идеологи ловко дурачили простой люд, а в глубоко национальной ценностной ориентации искусства, опирающегося на национальный миф. У арийцев, кстати, это **идеал-миф**.

Справедливости ради надо сказать, что с арийностью, возможно, здесь небольшой перебор, поскольку потребность иметь идеал — **систему координат** — проявляется настолько порой неожиданно, что «просто диву даешься», как любил говорить покойный Л. И. Брежнев. Не понимая природы авангарда, критики обвиняют авангардистов в отсутствии искусства в их произведениях, а все дело в том, что произведением искусства на авангардистских мероприятиях является сам зритель. Все эти «акции», «перформансы» — не что иное, как потребность дегенерата в общении с нормальным человеком; а поголовная дегенеративность «авангардистов» общеизвестна, но не в газовые же камеры отправлять их...

Если XIX век считается веком технического прогресса, то XX век — эпоха повальной дегенерации и сильного политического влияния. Налицо консолидация дегенеративного и вырожденческого элементов, контроль ими огромных капиталов. Поэтому неудивителен интерес богатого дяди — дегенерата — к бредням отечественных дегенератёнков: «рыбак рыбака»... Подводить же под желание дегенерата «переделать мир и человека» (А. Луначарский) по своему образу и подобию какую-то философскую базу — просто несерьезно. Достаточно предать гласности всю генеалогию революционности и проверить на этот счет «буревестников» и прочих «несгибаемых ленинцев». Для «пламенного революционера» мир всегда будет «темной реакционной силой погромно настроенной консервативной толпы». Для «несгибаемых» мифотворцы — это черносотенцы, отстаивающие свое «мракобесие» перед лицом всего светлого и прогрессивного, что несут народу они, дегенераты: гомосексуализм, скотоложество, наркоманию и прочие производные культа денег и «эксперимента». «Всеобщей правдой жизни» они объявляют жизнь своей среды и ее «свободы» при помощи средств массовой информации, где они катаются, как сыр в масле. А раз так сурова и безрадостна эта «правда жизни», — сообщают они удивленному и ничего не подразумевающему обывателю, — то необходимо заново «переделать мир и человека»...

И так до бесконечности.

Поэтому в вопросах культуры вопрос о «суровой правде жизни» надо ставить корректно: это вопрос о **суровой правде мифа**. Мифологически мыслящий народ создает героев, **утверждающих** жизнь нации, а не отрицающих ее; это деятели **эволюции**, а не революции.

Необходимо вернуть русским городам исторические названия, ибо такие, как Свердлов, не герои, а действительные **враги народа**. Да-да, врагом народа можно быть, идя прямо против него и косвенно, — в области духа: против традиций, святынь, против **мифологии**. Поэтому и космонавты, и спортсмены-чемпионы для нас настоящие герои, а обращение Брежнева к Анатолию Карпову — «взял корону — держи» — может развеселить разве что любителей телевизионного «взгляда» из замочной скважины. Не в пример вкусу того же «взгляда», в «Кубанских казаках» и подобных ему глубоко национальных по сути произведениях мы не встретим тех, кого сам народ презрительно прозвал «педрилами»: лесбиянок, гомосексуалистов, проституток, рефлексирующих дегенератов и т. д. И, честное слово, обидно за талантливого Малинина, в «педрильном имидже» поющего песни русского офицера. Неужели среди нас не осталось мужчин? Тогда понятна тяга здоровых ребят к военно-патриотическим клубам, ведь и поезд метро покажется паноптикумом после проведения нескольких дней на люберецких карьерах.

* * *

Вглядываясь в события послепетровских времен, неприятно заметна лихорадочная борьба интернациональной верхушки за право порабощения русского коренного населения путем разработки соответствующего «права»: «рабы — славянского происхождения, — отмечает С. М. Соловьев, — а господа — татарского, черемисского, мордовского, не говоря уже о немцах». Поэтому на сегодня и славянофилы, и западники XIX века — все **славянофилы:** ни в одной западной стране не было такого отчуждения коренных жителей от собственного государства. Это отчуждение у народа-государственника превратилось в отчуждение от самих себя. Антитезой **воли** стал **бунт.** И, как обычно, вину за эти настроения переложили на сам народ. Русский философ-попупист Н. Бердяев (у Ивана Солоневича просто: «бердяй») цинично заметил, что «самосжигание и саморазрушение — русская национальная черта». Вот как! Но послушаем же самих «самосжигателей», т. е. русских: «Что такое наш раскол, что такое старообрядчество?.. Правительство перешло на сторону чужеземных агитаторов и авантюристов, правительство стало против своего народа и потребовало от него отречения от старого обряда, отречения от свободы, от своего достоинства, от предков, от благочестия и народности. Правительство в полном составе изменило отечеству и этой измены потребовало от народа... Куда вы завели, до чего вы довели и куда ведете вы российский православный народ и всех нас?» Это цитата из книги конца XVIII века, но раскол Петром русского общества стал закономерным следствием духовного раскола патриархом Никоном. Чем, как не тоталитаристскими устремлениями, можно объяснить намерения Никона усилить власть церкви? Это-то в стране с развитым институтом духовничества! «Бердяям и булгакам, — пишет Иван Солоневич, — легко выдавать откровения о русском народе, а потом по многу раз менять свои взгляды «от марксизма к идеализму» и наоборот. Крестьянин не может этого себе позволить. Тогда он умрет с голоду».

Исповедальная традиция идет с языческих времен, христианство лишь наложило свою тяжелую «антропоцентристскую лапу» на весь неодушевленный мир, заменяя и обозначая силы природы человеческими именами: так исповедь Земле превратилась в исповедь человеку — духовному отцу. «В древности существовал целый класс духовничества, — пишет историк С. Смирнов. — Как верующий был свободен в выборе духовника себе, так и духовник в значительной мере был свободен в приеме детей духовных». Напоминающий индийского гуру, духовник был практически не зависим ни от светской, ни от приходской власти. Значение и ответственность этой, можно смело сказать, интеллигенции для общества того времени иллюстрируют слова протопопа Аввакума, сказанные им в минуты душевного кризиса: «Да же отлучит

мя Бог от детей духовных: понеже бремя тяжко не могу носити». В числе древнерусских духовников были такие прославленные подвижники, как Феодосий Печерский, Кирилл Белозерский, Пафнутий Боровский, Иосиф Волоколамский и др. Духовничество было цементом нации, но все тот же «джентльменский» характер отношений покаяльной семьи и пастыря нес в себе роковое разрушительное противоречие. Массовая Жертвенность как проявление духовного аристократизма — ужасная реакция на реформы Никона, это надежда обрести духовную свободу уже в ином мире. Петр же покончил со всеми надеждами: разложившееся подставное духовничество, став органом церковного надзора за верой и нравами народа, превратилось примерно в то, чем стала нынешняя «интеллигенция», считающая русский народ чуждой себе расой.

Поэтому, как остроумно заметил в № 10 «Нашего современника» за 1989 год Е. Черносвитов, «русский рок — это рок — русская судьба», и русская революционность, русский нигилизм, как реакция на рабство, — не имеет ничего общего с революционностью физиологической, **дегенеративной**. И когда Троцкий на выступлении перед партактивом говорит, что «наша задача сегодня — поставить свои головы на славянские шеи», ясно, что все уже готово для **русского рока**, одним из лидеров которого был генерал Деникин. И, любимец русского народа и его гордость — маршал Жуков, дважды спасший Россию и от Гитлера, и от Берии, также вписал славные страницы в историю **русского** рока.

* * *

«Батюшка, ты Царь-Огонь, — говорит наш народ, — всемя ты царями царь!»

Большая светлица,
Горит жар-птица.
Всяк ее знает
И обожает.

Большая светлица в поэтическом представлении народа — образ мира, горящая жар-птица — вешнее солнце. Наши предки поклонялись огню, символически обозначаемому индоарийцами **свастикой**. «Свастика» в переводе с санскрита всего лишь «своя суть», а не «фашистский знак», как нередко нам внушали с детства. Для наших предков это был основной символ счастья.

Не станем пересказывать книги Б. Рыбакова, заметим лишь, что **сваха**, подыскивающая в русских деревнях будущих супругов, значит буквально: организующая счастье, осчастливица. Интересно, что и у Иоанна Кронштадтского Христос — Солнце. Солнце веры, Солнце правды. А заглавная буква имени Христа во многих изданиях его книг также изображалась в форме свастики. Этот символ мы встречаем и в прикладном народном творчестве, и в украшениях храмов, и даже на банкнотах Временного правительства.

Для русского возрождения далеко не достаточно открытия одних лишь церквей. Необходимо возвратить народу, реабилитировать абсолютно все, что касается нашей истории, нашей культуры. Многое связано с православной верой и безусловно, ибо «церковь одна, — писал К. Победоносцев, — но русский народ иначе понимает ее, потому что вложил в нее свою русскую душу». Однако демократическое народное творчество былин, песен и сказок

имеет языческие истоки. Как мало мы знаем о тех далеких и великих временах! Полные тексты древнейших Вед переведены на все языки мира, кроме, разумеется, русского! Ведь известный по гербу Москвы воин-змееборец восходит к важнейшему в Индии мифу об Индре, убивающем Вритру (см. интересную книгу С. Плеханова «Заблудившийся Всадник». — «Молодая гвардия», 1989); а храмы, своими золочеными куполами блестящие среди бескрайних русских равнин, — не храмы ли Солнца! А возьмите знаменитую вщижскую арку XII века с изображением жар-птицы — солнца, которая перешла в виде орлана на гербы многих европейских государств. Но ведь еще сегодня появляются карикатуры с двуглавым орлом, заклевывающим бедного пролетария. И невдомек малограмотным художникам, что орел не есть символ хищника-империи (это скорее «соломонова печать» — пентаграмма, т. е. пятиконечная звезда), а его, пролетария, «своя суть»; «летит орел — дышит огнем». «А к огню отношение было особое, — пишет Г. П. Дурасов, — связывали с ним представления о свете, тепле и благе, а также и саму идею жизни». Две головы птицы-огня символизируют ее могущество.

Являясь производной от иудео-христианского провиденциализма, История справедливо считается лучшим защитником России. И полностью отказываться от христианства нет смысла, да и не нужно, поскольку само слово «православие» (т. е. «правая вера») не включает имени Христа. Поэтому нет ничего более разумного для русских, чем взять в данном случае пример с евреев: христианство есть экзотерическая ипостась национальной идеи. **Эзотерическое** же знание мы оставим себе все-таки свое: явь, правь и навь славяно-русов. Слова-то какие знакомые!

Дажь-бог, являясь ликом Сварога, ничем, думается, не хуже Лика «темного». И нас, потомков приверженцев «огненного кол-еса», не надо запугивать «Гитлером» и прочим. Славяно-русский «огонь» (Агни) — божество доброе, снисходящее к человеку, и, будучи покровителем домашнего очага, Огне-бог был самым близким к человеку божеством: путь к богам лежал через «ворота огненные».

«А шинелка-то моя!» — говорят последователи Иеговы — Яхве, т. е. христиане, вторя гоголевскому персонажу, когда речь идет о святости. Как бы не замечая того, что «святый» значит «светлый, солнечный»; как бы не замечая, что, взяв все светлое и радостное у язычества, они «одарили» мир тоталитаристскими цепями. Обвиняя язычников в поклонении идолам, жрец сам стал богом. Панислам, сионизм, «третий Рим», «третий рейх» и прочие формы теократии позволили касте жрецов подняться к высотам власти, сводя народ к положению бессловесных рабов. Почему Владимира называли «каганом»? Да потому, что «Я — змея», — говорил Иисус...

Дух язычества — дух ратный, дух змееборческий. Перун помогал в победе, Дажь-бог победу преподносил. Кризис сегодняшней духовности не в кризисе христианства, которого, по существу, и не было у нас (не считая касты жрецов — священников), а в том, что в жизни не стало правды. («Правды нет — и всего нет!» — Иван Пересветов.) Когда нет правды («прави»), явь становится навью. Создавшие для русского народа «навью жизнь» абалкины, афанасьевы, шатровы и их родственники обвиняют теперь русских в пассивности и лени, не зная, конечно, что против «навьих чар»

лучшее средство защиты — молчание и пассивность, ибо колдун всегда — провокатор.

У славяно-русов «курировал» правь Род-Святовит, поэтому правда — национальна. Поэтому, для **того чтобы поднять Россию и русский народ, нужна русская партия и русская власть.** Русская правда есть ипостась, т. е. русское воплощение единой истины всечеловечности, а не общечеловечности, лишающей нас права быть хозяевами своей земли. Русская земля есть земля, впитавшая кровь русских ратников, русскую кровь. Ее образ есть форма: Солнце-Россия-Русь.

Рок и возникает, когда затмевается солнце, когда угасает огонь, когда исчезает правда. Тогда эти две огненные ипостаси, обозначаемые нами свастикой, начинают поиск **круга.** Дионис ищет Аполлона, и в случае неудачи будет действительно страшно и «разобьется сосуд».

И гремит кол-о-кол, но катится и катится в хол-одной ночи огненное коль-цо...

В нашем веке пятиконечная звезда известна как символ фашизма. Слово «фашизм» идет от «фасио» — «объединяю», термин, родившийся в Италии. В России «пентаграмму» ввел в качестве официального символа Троцкий. Сначала — взятая из масонского обихода переплетенная «пламенеющая звезда» (см. на воротах дома по Ленинскому проспекту, в котором находится магазин «Мелодия»), потом синяя звезда перекочевала на буденовки, и, наконец, красная — на кремлевские башни. Интересно, что единственный из гербов союзных республик — герб РСФСР — не имел звезды до 1979 года, а недавно этот символ был упразднен в Венгрии. Ныне почему-то забывают, что фашизм интернационален, намеренно путая его с нацизмом.

Пентаграмма, как знак принадлежности к мировой империи, особенно облюбовали рок-группы: ☆лис☆, Бр☆во и. т. д. Конечно, и здесь тяга нашего неформала к всевозможной символике; неформал объяснит происхождение буквы А от недорисованной все той же пятиконечной звезды — «анархии», на международном молодежном языке. Но, наверное, мало кто знает, что и «незвездная» пацифистская «лапка» тоже появилась из далекого далека: перевернутая буква «шин» («трезубец») древнееврейского, а точнее, финикийского, а еще точнее — шумеро-вавилонского происхождения. Она же перешла позднее и в древнеславянский алфавит. Это оккультный знак воинственности материальной (**небожественной**) природы. Так имя (Иисус) Иешуа образуется путем вставки буквы «шин» в имя «Иегова», что по каббале — материализация божественности: бог для «гоев». И не случаен «трезубец» в анаграмме «народно-трудового союза» (НТС). Происхождение его очевидно.

Конечно, любой символ, как графический афоризм, — есть скорее энергетика мысли, а не сама мысль. Именно первая конкретна, вторая же — плод творческого воображения комментатора.

Возьмем, к примеру, иконографический сюжет — «троицу». Нимбы Бога-Отца, Сына и Святого духа в треугольнике образуют так называемую «шамбалу», ведущую нас в Гималаи... Иные в «троице» видят символическое обозначение структуры власти хазар: Иегова — идеолог — Каган, Сын — вождь — Бек, Святой Дух — тотальный информационный контроль («Пресса»). В единстве трех этих ипостасей и прочность власти, и сила веры...

Поэтому символика, как энергетический сгусток, не обошла стороной и рок-культуру. Специфика рока в способе передачи информации: рок-**тантричен**, т. е. затрагивает лишь нижние **чакры** человека.

Подобные вещи можно наблюдать в фольклоре народов Африки и, разумеется, в джазе. Джаз ведь тоже когда-то был **культурой**, для немногих — и сегодня; отличие же джаза от рока и его особенность — **в быте.** Быт есть информация и культура **глаза**, поэтому джаз можно широко определить как культуру посредника, менеджера. (Многие джазмены говорят, что они **видят** звук.) Эстрада, как примитивнейшая интерпретация быта, есть уже культура в кавычках, «массовая культура», но — искусство более или менее. В самой джазовой музыке, ее внешней виртуозности — вертлявость фарцовщика и обывательская «феня». Конечно, и боль раба, и апартеид... но в эстраде это уже полностью отсутствует.

Комично, но лозунг «сегодня джаст — а завтра родину продаст», вообще говоря, верен, но который раз прав В. В. Розанов: нации крепки своим бытом. Злой рок русской истории в нашем неумении (нежелвнии!) делать быт; «варяг» нашей истории и есть не «помещик», но — «управляющий» (спасибо христианству!), политический хозяин, жуликоватый, вороватый, нечистый на руку, непорядочный. Поэтому такому «управляющему» можно противопоставить лишь еристократизм исторического хозяина, «помещика», ибо в таких условиях от соблюдения кодекса чести зависело само существование Русского государства.

Оговоримся, что быт для нас — категория культа, и, главное, его место в миросозерцании наших предков, а не быт, так сказать, как таковой. Поэтому не в том дело, хорош или плох джаз, а в том, что не мы его создали. Да и не могли, и не хотели мы его создать; мы вообще не создали быта как субкультуры, но именно поэтому Русь — Святая.

Чувствуется, квк коробит кое-кого последняя фраза. Увы, здесь не прихоть автора, а закон экологии. Если бы все было наоборот — мы не знали бы революций... Россия нужна не только русским, как раз русским — меньше всего: она у нас в сердце; Россия нужна всем народам, всему космосу как система координат, этический эталон. Уже не секрет, что весь мир ставил над нами эксперимент и он провалился... (Наивные белые генералы...) Но катастрофа России повлечет катастрофу всего Запада со всем его цивилизаторским технократизмом, потеряй мир гуманитарный центр, обиталище своего Синтеза, Совести, нвконец. А потому мы и не могли создать быта, имея такие высокие цели, такое предназначение. Это был бы конец истории. Ненависть же к России и русским есть на деле **боязнь** того, что не вмещает ограниченное сознание. Русским это может быть неприятно, обидно, но русские никогда не смогут этого понять, поскольку Русская Идея **синтетична:** «Как? Ведь все мы — братья!» Существование целых народов значительно ниже их в духовном развитии, русским непонятно, поскольку расовая идея глубоко чужда России; в этом ее слабость и в этом же ее сила. Но именно всемирная дегенерация посягает на святость Руси, ибо Святая Русь для них — **приговор,** почти что газовяя камера, «тюрьма народов», как они любят именовать Россию. Но нельзя забывать, что всемирное могущество не просто власть, а **испытание:** поглощение бытом или ограничение бытом (резервации) не «империапизм» больших народов уничтожает во имя

«свободы» малых, а все человечество вирусом не СПИДа даже, а болезни, название которой «инстинкт смерти».

Труд есть религия здорового человечества; культура его вышла из земледелия, как культ Жизни, вокруг которого рождение и размножение, и силы, Жизнь определяющие и влияющие на нее. Всемирный посредник в этой системе координат есть преступник, человеконенавистник, природоненавистник. Экологические катастрофы поэтому есть следствие гипертрофированного посредничества, шире — дегенерации.

Итак, быт необходим, но абсолютизированный культ быта, встречающийся более или менее в культурах тех или иных народов, подобен СПИДу. Именно в отсутствии этого культа святость Руси и наша неорганизованность. Сила духа в потенциале и — поразительная рыхлость в действии.

А «бытом» для нашей аристократии были «Времена года» П. И. Чайковского, не дотянуться до которых культурам многих и многих народов. Ведь и «русский романс» не совсем «наш»; отсюда трагичность смешения высокого и низкого в песнях М. П. Мусоргского: нет настоящего «низкого», ибо действительные образцы такого смешения — произведения типа Эбенового концерта Стравинского, оперы Гершвина или «классика» Курта Эмерсона явно отдают пародией. Пародист-сатирик всегда говорит **о себе**; он просто не может, хотя и пытается заявлять, отразить действительности. Действительностью является он сам — в этом природа «маски». Н. В. Гоголь еще утверждал, что герои «Мертвых душ» — это он сам; греческая комедия и римская сатира — отображение «нравов» лишь в смысле «компетентности»! Неужели не понятно, кто был автором Сатирикона? Кто такой Петроний?..

Пресловутая «демократичность» сегодняшнего рока в его неарийском происхождении, отсюда и нет настоящей демократичности: «тусовка». Рок перестает быть самим собой, когда его проблематика выходит вовне. Разрешив его **официально**, рок уничтожается ровно на столько, на сколько «разрешено»; рок не способен ни с чем и ни с кем бороться, ибо он не революция, а перманентный заговор, секта.

Люди высокой культуры не ненавидят рок, а немножечко презирают за его **подлость**, т. е. низкое происхождение. Все акты с пеной у рта защищать рок любыми средствами следует рассматривать как автобиографии их защитников.

И все же рок нам нужен. Он функционален. Для многих это телевизор («Телевизор») или кино («Кино»), для некоторых — Дом культуры («ДК») — чуть не единственное средство приобщения к маломальской, какой-никакой культуре, тем более что на Западе у него имеются определенные художественные достижения. И русский рок может иметь место, как имеет место самобытная русская философия, тесно связанная с «неарийским» христианством. Нас привлекают в рок-культуре некоторые черты, отдаленно напоминающие языческую культуру Руси. И не случайно борьба с роком принимает сегодня христианско-мусульманскую окраску. Но необходимо видеть также, что рок «с пол-оборота» вписывается в известную хасидистскую концепцию «радости» с его циничным «плюрализмом»: зло есть первая ступень добра.

Я не плюралист хотя бы потому, что знаю буквальное значение этого слова. Я не хочу признать право **любого** рока распоряжаться в России, как не дают хамить лакеям. Но факт его популярности не в магии африканщины, а в нашей генетической памяти, в пробудившемся спавшем веками сознании «своей сути» в культах Перуна и Дажь-бога. «Покорность перед силою есть дело чисто временное, — пишет Алексей Степанович Хомяков, — хотя и не пропадает без следа. Общее стремление целого народа... всегда достигает своей цели. Покорность перед правом **свободно признанным** оставляет следы неизгладимые: она вводит народ в систему другого народа как вечно подчиненную планету; она порабощает мысль и душу народную».

Мы любим рок, потому что мы язычники. Но мы не любим рок, потому что он не выразил наших национальных идеалов. Может случиться, что он их не выразит **никогда** по причине, скажем, его неорганичности нашей культуре. Но стоит ли тогда лакейски кланяться «нерусскому» року, если у нас такая интересная, великая своя суть?!

Культура — соблазн. Это физическая воронка, затягивающая и губящая любого, кто плывет против течения — национальности и спасает тех, кто — по. Понимая согласно собственному инстинкту свободу как физическую **волю** — русский народ никогда не боролся **«с»**, но — «за»: за Царя, за Родину, за Веру... Русская история из высокой трагедии превращается в катастрофу, когда борьба ведется «с»: с кулаками, с духовенством, с «русским»... Цепь, **во имя** чего ведется борьба, по Федорову, есть Музей. То есть хранилище национальной Памяти, жизнеспособность которой в энергетическом **тонусе**, превращающем прошлое в настоящее, — как «шпаргалка» новому поколению в цепи поколений. Поэтому количественная энергетика Мысли, порожденная борьбой, должна накапливать фонды Музея, а не выкачиваться на сторону... Именно в патриотизме былая сила русского православия и в отсутствии его — подлость современного «экуменизма». В этом же и подлость современного рока, который на 99 процентов интернационален: выкачивать энергию здоровенных молодых ребят — куда? **Это место обозначено темами ваших песен, ребята!**

...Да, рок — это тоже борьба. И мы призываем бороться «за»! За свою суть.

За Святую Русь!

МАСКАРАД НА ОБОЧИНЕ

Парадоксально, казалось бы, но дискуссии о рок-музыке, разразившиеся в последние пять-шесть лет, не только не утихают, но и обретают все больший и больший накал. В дискуссиях этих меняются акценты, внимание — в основном усилиями «рокеров» — смещается с одного аспекта на другой. Думается, что стремление постоянно подсовывать своим оппонентам то те, то другие «проблемы» «развития», «истории», «значения» рок-музыки не случайно. Ведь, дискутируя по этим «проблемам», рокеры автоматически уводят своих оппонентов от главного вопроса — вопроса о сущностной роли рок-музыки.

В середине 80-х годов рок двинулся в массированную атаку на нашу культуру, прикрывшись непробиваемым щитом лозунгов «демократизации», «гласности», «перестройки». Следом за ним тянулся длинный грязный шлейф таких же «перестроечных» (имен-

но в кавычках!) собратьев — легализация эротики и порнографии, насилие, сатанизм и т. д. и т. п.

Сегодня, в конце 80-х — начале 90-х годов, рокеры сделали вдруг резкий поворот, выбросив знамя «национального рока» и «национальной рок-культуры». Космополитические бредни об «имманентно присущей человечеству рок-культуре», идущей из некоего универсального всеобщего «фольклорного космоса» посредством рок-музыкантов прямо в души слушателей, за которые столь рьяно ратовали некогда вожди Ленинградского и иных рок-клубов, похоже, срочно (но временно!) «сдаются в архив». Национальные лозунги стали самой модной упаковкой, самым ходовым товаром. На сцены рок-залов хлынули «украинский панк», прибалтийский рок всех сортов и видов и т. п. Но прежде всего, конечно же, «национальные» корни рок-музыки принялись отыскивать в русской культуре. Посыпались серии публикаций о «русском национальном роке», наиболее известной из которых была статья «Лики русского рока» в «Советской культуре».

Нетрудно объяснить, почему для этого акта вандализма прежде всего была избрана русская национальная культура. Принцип выбора предельно прост: русская культура — это апробированно высокий уровень, это престижно, да и на Западе модно и дорого стоит. Кроме того, рокерами прочно усвоено, что русская культура терпела в минувшие десятилетия и не такие надругательстве, и ничего, авторам этих надругательств все сходило с рук. Следовательно, сойдет и это.

Однако многочисленные авторы концепции «русского национального рока» понимают, что при всей бредовости их попытки отыскать корни рок-музыки в русской культуре смелые заявления о «национальном роке» надо подкреплять хоть какими-то маломальски убедительными аргументами. Что же, рок-движению не раз и не два приходилось заниматься подобными вещами. В помощь же творцам идеи «русского национального рока» были мобилизованы все имеющиеся интеллектуальные резервы доморощенных рокеров. Корни «русского рока» пытались изыскать в скоморошестве, в русских колокольных звонах (так сказать, «национальный русский металл»). Идейные же истоки «русского рока» усматривались и в православной религии, и в славянском язычестве, и в «широте русской натуры», и в вековых исканиях «русского мужика — этого вечного бунтаря-правдолюбца».

Многие из аргументов, которыми прикрываются «национальные русские» рокеры, не просто не выдерживают критики. Они «притянуты за уши» в самом худшем смысле этого слова. Например, никто никогда и нигде не доказал родства или хотя бы типологического сходства русского скоморошества и рок-музыки. Рокеры, «бунтующие» против забюрократизированности нашей системы, яро грохочущие против навешивания всех и всяческих ярлыков, попросту наклеили на свое детище ярлык «скоморохи XX века». Не будем здесь сравнивать и анализировать скоморошество и рок — эти два столь несопоставимых явления столь несопоставимых эпох. Но отметим, что система доказательств с помощью использования разного рода ярлыков и штампов в рок-музыке отработана до совершенства. Ранее «ярлыком № 1» было — «рок — борец за мир». Затем — «Рок — борец за перестройку». Ныне — «скоморохи XX века», «русский национальный рок».

Тяга к ярлыкам року присуща искони — сама его природа, связанная с идолопоклонством, влечет к этому. И по инерции рокеры начинают навешивать «рокоизированные» ярлыки на всю историю и культуру России, пыжась изо всех сил доказать свою «русскость».

Только «русскость» «доказать» нельзя. Можно быть русским по происхождению, но совершенно чуждым русскому народу по духу. И вот тут-то приходит на помощь ярлычок — и протопопу Аввакуму ярлычок, и русскому крестьянину ярлычок, и отцу Сергию Радонежскому... Вспомним, впрочем, что на Западе совсем еще недавно ярлык «рокера № 1» был привешен самому Иисусу Христу. Увы, «русский национальный рок» и здесь не пошел далее западного оригинала...

Року — всякому року — чуждо понятие «национального» и «народного». В рок-музыке понятия «русский», «узбек», «чуваш», «француз», «поляк» заведомо отсутствуют, они уничтожены уже самим фактом существования рок-музыки. Ибо, когда на рок-сцену выходит идол, каждая группа фанатов совершает акт идолопоклонства своему мини-божеству. Рок — это неизбежное разъединение, разведение по клалам. Это — действительное разрушение семьи, нации, религии, культуры. В роке нет русских, а есть поклонники «ДК», «Аквариума» или «Бригады С». Есть рабы, фанаты идолов, для которых на стадионах сплошь и рядом совершают форменные жертвоприношения — с мордобоем, с кровопролитием, с вакханалией насилия, отупления и пьянства. С этой точки зрения рок является подлинным язычеством, точнее говоря, той стадией язычества, что называется варварством, и при этом варварством в самой худшей и грубой его форме. «Космизм» рокв, о котором столько говорили и писали, обманчив, ибо никакой это не космизм, но самый натуральный космополитизм, ведь в роке существуют только фанвт и идол и не существует более ничего другого.

Надо отметить, что уже в самом этом факте начинаются отличия «варварства XX века» от древнего язычества во всех его формах и разновидностях. Рок резко отличается даже от древнего шаманизма, отличается хотя бы тем, что в нем начисто отсутствует какая-либо «обратная связь» с природой, и он весь, на все 100 процентов, технизирован, е сами «музыканты» уже давно превратились в жалкие придатки своей аппаратуры. Рок — это болезненное порождение современного изувеченного индустривлизмом сознания. Да, рок — это язычество, варварство. Но варварство XX векв, варварство, так сказать, технизированное, индустриализированное. Рок — это паранойя человечества, задыхающегося в индустриальных клетках, построенных, как это ни страшно, для себя своими же руками. Рокер шагу не может ступить без подпорок в виде электрогитар, динамиков, микрофонов, «Мини Мугов», «Ропандов», «Коргов», «Ямах» и пр., но — глядите-ка! — все туда же: что ни концепция развития рока — то вопли о «дионисийстве», о «природной стихии»...

Если разбираться с идеями рокеров о роке, то нетрудно увидеть еще одну очень важную, единую для всех разно- и противоречивых «роковых» концепций черту. Именно — эклектизм. Отсюда и сложности в полемике с рокерами: за что ни возьмись, глядь — а это уже давно использовано творцами рок-музыки в защиту «любимого чада». Рокерам действительно «всякое лыко в строку» — будь то марксизм, язычество, христианство, буддизм — все будет «обстрижено», подогнано, подработано под нужные в данный

конкретный момент «теоретические построения». Классический тому пример — заимствование из христианства (возможно, конечно, и из ряда других религиозных верований) идеи о мессии и мессианстве. Эта идея оказалась для рок-музыки воистину «золотой жилой». Рокеры не стесняясь ставят рок-музыку на место Христа, проповедуя спасение через оную для всего человечества. Идея мессианской роли рок-музыки прослеживается во всех маскарадных играх рокеров: спасение от войны — через «антивоенный рок». А разрешение национальных проблем, воплощение идей национального возрождения — соответственно через «национальный рок». Позволим заметить себе, что видоизменяемость и способность к мимикрии прямо-таки изумительная.

В чем причина такой замечательной приспособляемости?

Ответ на этот вопрос надо искать в истоках и корнях рок-музыки. На наш взгляд, самой страшной и чудовищной тенденцией в развитии современного мира является отнюдь не тенденция экологического вырождения, не безумие межнациональных конфликтов, но нарастающая, набирающая все большую и большую мощь тенденция бескультурья, тенденция «оварваризирования», если хотите. Все остальное — лишь следствие этой глобальной тенденции.

Всякая из разрушительных тенденций, действующих сейчас в мире, имеет, так сказать, свой «передовой мобильный отряд». Экологическое разрушение — безграмотную атомную энергетику, межнациональные проблемы — экстремизм. В бескультурье же этим отрядом, бесспорно, является рок. Самая подвижная, во все щели проникающая сила, прошибающая в стенах традиционной культуры бреши, словно тараном, сплошь и рядом взрывающая целые пласты этой традиционной культуры. Отсюда видоизменчивость этой силы, отсюда ее уникальная способность к мимикрии, наконец, отсюда эклектизм всех и всяческих теоретических построений, окружающих и защищающих ее.

Бескультурье в наиболее ярких своих формах и проявлениях всегда «мобильно». Можно вспомнить и привести массу примеров, подтверждающих это, из совсем недавней истории. И бескультурье всегда очень ловко использует личины, социальную демагогию — вплоть до обещания «всеобщего немедленного счастья» и «свободы, равенства, братства». Тем оно, собственно говоря, и опасно. Бескультурье — это основа того бесовства, о котором в конце прошлого века писал Достоевский: «Первым делом понижается уровень образования, наук, талантов... Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык. Копернику выкапывают глаза, Шекспир побивается каменьями... Все к одному знаменателю, полное равенство...»

Рок — это действительно «полное равенство», прежде всего равенство интеллектуальное. Толпы фанатов, не мыслящих, не рассуждающих, подчиненных только одному порыву: лицезреть своего идола и поклоняться ему — не это ли «абсолютное равенство», о котором мечтали Шигалев с Верховенским?

Часто удивляются: что удерживает рокеров на выбранной ими стезе? Ведь сплошь и рядом они не получают от этого никаких материальных выгод.

Но это не совсем верно. Одну выгоду рокеры всегда получают. И эта выгода — власть. Пусть мимолетная, пусть на два-три часа, но власть над толпой, подчиненной децибелами, завороженной мишурой световых эффектов и «мессианской сущностью» своего обожаемого идола.

Один из «выдающихся» идолов-мессий своей рок-волны, Дж. Хендрикс, однажды в приливе постнаркотического откровения рассказал о той власти (и о том упоении этой властью), которой обладает рокер на сцене: «Вы используете определенный ритм, который гипнотизирует. Большинство людей подчиняется ему в первую же минуту. Затем вы повторяете ритм — если можете, конечно, — в течение трех, четырех или пяти минут. И потом в голове у человека что-то раскрывается. И вы вкладываете то, что хотите, в образовавшуюся щель».

Что же, в толпе, чьи головы рокер препарировал, словно скальпелем хирурга, в этот момент устанавливается действительно полное равенство. В ней нет уже различий ни по возрасту, ни по уму, ни по полу. И уж тем паче — по национальности.

Тенденция бескультурья интернациональна. Связана она с путями развития индустриальной цивилизации, и никаких народных, национальных корней у нее, естественно, нет. Какие бы супернациональные ярлыки ни навешивали на те или иные проявления этой тенденции, как бы ее ни маскировали, она все равно прорывается наружу, нет-нет, да и выглядывает из-под щитообразных лозунговых заслонов. И вот уже «отечественные» «национальные» рокеры размахивают флагом со свастикой, призывая вернуться к «русскому язычеству». В этом призыве атака бескультурья видна невооруженным глазом. Ибо, по сути, предлагается через рок-музыку выбросить все то, что Россия накопила в сфере духовности и культуры более чем за тысячелетие. Ну а если не выбросить, то хотя бы признать все это по отношению к рокоизированному язычеству вторичным и... второсортным. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В сущности, рок изначально предопределяет второсортность всего, что создано в мире, по отношению к себе. Открыто, конечно, сегодня вряд ли кто-либо из рокеров заявит об этом. В недалеком же прошлом подобных заявлений было больше чем достаточно. Сам роковый (роковой?) акт, происходящий ежедневно на стадионах, однозначно предполагает, что́ первично, е что́ вторично для фанатов и рокеров. Зачем пришедшему на стадион эта «устаревшая» классическая культура? Зачем она, если рок-мессия компенсирует собою все, ото всего спасет и приведет человечество в естественное нормальное состояние?

В варварство?!

Верят ли сами рокеры в мессианское призвание рок-музыки? Думается, что таковых «истово верующих» единицы. Остальные просто играют в очередную модную игру: завидев шумную дорогу и массы людей под лозунгами национального возрождения, быстренько меняют бутвфорские наряды на обочине этой дороги, дабы в идущей по ней массе людей остаться идолом. Пусть «калифом на час», но идолом. «Пророком». Им неважно, о чем пророчествовать. Лишь бы быть в центре и лишь бы получать свои жертвы.

«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?» (Матф., 7 : 16).

И. САНАЧЕВ,
28 лет,
Владивосток

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ИДЕИ

Из писем в редакцию

ПРОШЛИ ВРЕМЕНА ИСПУГОВ...

Никто не скажет, с каких пор все отпрыски Иохима Энгеля стали называться Зориными. В том, что семь родных сынов Иохима были Энгели, сомневаться не приходится. Все они родились и выросли на тихой Вороне, все прошли так называемое реальное училище и неплохо разбирались в мельничном хозяйстве. Иохим на Вороне держал водяную мельницу, нанимая рабочих, сам жил и другим давал жить по тем временам до завидного неплохо.

В каждой семье свои секреты. В то время, когда Иохимовых чад еще дразнили и Энгелями, в действительности они уже были Зорины и жили не в захудалой Осиновке, а в Тамбове, Воронеже, Рязани, Москве и даже в Питере, всем видом походили на господ, и должности у них были вполне господские: старший Григорий назывался приват-доцентом, Борис держал частную больницу в Тамбове, Лева стал ювелиром, а другой Лева даже редактировал журнал российских пожарников в Питере.

О том, что Энгели стали Зориными, осиновцы узнали в гражданскую, когда в Осиновку заглянули красные. Отряд насчитывал до пятисот штыков, и комиссарил в нем Лева-младший, в шутку прозванный пожарником. Готовилось сражение с белыми. Появился приказ комиссара — всем мужчинам от 17 до 50 лет вступить в Красную Армию. Мужики воспротивились, в ответ последовал расстрел первой дюжины, потом второй. Наконец отряд пополнился доброй сотней осиновцев, которые в первом же бою полегли, выжили единицы. Между тем осиновцы очень даже гордились своим земляком Левой Зориным, впоследствии вошедшим в Наркомзем и ставшим ближайшим другом самого Луначарского.

Так отпрыски Иохима Энгеля, ставшие вдруг Зориными, пошли в рост. И хотя они потеряли связь с родимой землей, в их жизни наметились другие пути-дороги, не хлебопашцев или кустарей, а государственных мужей, столпов не только новой власти, но и той скрытой силы, которая способна приносить людям звания, ордена и Государственные премии, сделать их недоступными для большинства. Зорины жили в ином мире, в ином летосчислении.

Нынче много говорят о евреях, но отнюдь не русские или украинцы, а сами евреи. Объясняется это просто. В деревнях ли, в городах простолюдины никоим образом не соприкасаются с евреями, которым надобно было бы в свою очередь стать простолюдинами. Что может иметь против Льва Зорина (правнука Иохима Энгеля) Иван Безухов, правнук Ивана Безухова, расстрелянного суровым комиссаром? Лев Зорин нынче ученый-экономист, член парламента, учит крестьян крестьянствовать, дабы те по-научному кормили страну; Иван Безухов, спасаясь от деревенской разрухи и гражданской обезлички, бежал в город и стал слесарем ЖКО. Дети Льва Зорина — дипломаты в европейских столицах, заслуженные деятели искусств, главы престижных обществ и объединений, политические обозреватели телерадио, а чада Ивана Безухова — бульдозеристы, бетонщики, газосварщики, канализационники. И вдруг эти бульдозеристы или газосварщики стали проявлять недовольство, требовать улучшения своего жизненного уровня, а отдельные смельчаки — и смены «властителей дум». Вот тут-то определенные издания, как, скажем, «Огонек», «Юность», «Литературная газета», подняли крик, дескать, евреев собираются громить, их жизнь уже в опасности, потребовали от советского парламента издать закон об антисемитизме.

Читает подобные опусы Иван Безухов и возмущается теми, кто, скажем, по утверждению «Огонька», точит ножи на евреев. Он-то никак не против евреев, пусть себе живут и здравствуют. Он против существующей системы, которая продолжает растлевать и уничтожать личность, и не догадывается, что систему попирают и научно обосновывают не кто иной, как зорины, по форме русские, а по сути закоренелые семиты, которым противен русский человек.

Нынче в «чистом виде» еврея почти не встретишь: он давно «внедрился» в плоть и кровь тех народов, среди которых живет. Поэтому здравствуют на земле евреи немецкие, французские, итальянские, английские, польские, русские, даже бухарские, а еще горские на Кавказе. И хотя по именам и фамилиям они не отличаются от своих соседей по обитанию (никто никогда не принуждал их брать имена и фамилии чуждых им народов или изменять своей вере), — все-таки евреи сохранили свое национальное родство, свои обычаи, свою культуру. В этом они достойны уважения.

Не будем докапываться до причин того, почему евреям пришлось уйти в глубины безбрежного людского моря. Я сочувствую им и ратую за их возрождение. Но только на равных с любым народом планеты. Малейшее возвышение — и это уже пагуба для других. Поэтому трудись, как все народы, добывай себе хлеб, строй жилища, твори музыку и песни, но не зарься на чужое, не считай себя призванным повелевать или поучать неразумных. Нет... Не успели большевики прийти к власти в России, как все правительственные насесты заняли потомки Маркса и Энгельса. Учение о коммунизме стало для сотен тысяч бездарных демагогов попросту кормушкой. Сколько же за 73 года существования СССР родилось академиков, сотворивших и утвердивших «социалистические завоевания»! Один Ярославский с таким «довеском» марксизма, как Троцкий или Бухарин, замусорил планету донельзя, а вот вымести вон всю эту рухлядь пока строго запрещается.

Я решительно против смакования ошибок ленинцев ли, сталинцев или сегодняшних горбачевцев, упорно державшихся догм истлевших, но так и не укоренившихся идей социализма. Все это давно в прошлом. Подобные идеи здравых людей уже не воодушевляют на «героические подвиги», разве что провоцируют на казнокрадство, взяточничество, разбой, воровство, обман, лицемерие, беззаконие, — и разве все это во имя «торжества коммунизма»? Правда, сегодня лозунги уже иные — общеевропейский дом, общенародное благосостояние, гласность и торжество мировой культуры. Тоже с привкусом демагогии.

Достаточно прочитать пять-шесть номеров «Огонька», как все это обнажается до ребер. Мировая культура в его понимании — это Ростропович или Пастернак, Коротич или Мейерхольд, Арбатов или Утесов. Имен так много, что их не уместить в пятитомнике. И каждое имя (какое дано от рождения — сам всевышний не распутает) претендует на место классика в той самой мировой культуре, к которой так энергично нас ведут, не спрашивая нашего желания. При этом нас убеждают в том, что, скажем, поэт Бродский, пишущий на русском языке, но исповедующий далеко не русскую культуру, достоин канонизации в каждом русском сердце. В журнале даже введена рубрика «Русская муза XX века». А вот Борис Борин в № 51 за 1989 год возглашает: «Страницы лет, как летопись, листая, вникаю в повесть каждого листа, я вижу, как Иуда вырастает из никому не нужного Христа». Ведущего эту рубрику Евгения Евтушенко не смутило то обстоятельство, что Борис Борин не понял чуждый ему русский народ. Его больше привлекла форма «листа-Христа», а не то, что Иуды вырастали не из Христа, но из советских чиновников всех рангов, в конечном счете ставших не только бюрократами и доносчиками, но гораздо страшнее — палачами. Впрочем, они с палачества и начали...

Что же касается огоньковских «собраний русской живописи», то от них также попахивает далеко не русским духом. Вот перед нами светокопии картин (№ 41 за 1989 год) — и ни единого русского лица. Не спорю, возможно, они прекрасны, но они не русские, да и окружает их не Россия. А что стоит «Житие Ефросинии Керсновской», опубликованное в двух январских номерах «Огонька»? Можно допустить вероятность пребывания в тюрьме дочери Израиля, но это не та мученица, которая страдала, не зная за что. Здесь «Огоньку» уместнее было бы опубликовать несколько иное

«житие» — русской женщины времен минувшей войны, пахавшей землю на себе, засевавшей ниву и кормившей тех, кто бежал из западных областей, прихватив чемоданы с купюрами советских дензнаков.

До недавнего времени Россия дремала, но выстрелы в Азербайджане и Армении, дебаты в Прибалтике разбудили ее. Тут-то и выяснилось: ведут Россию в тот самый европейский дом, который на все лады расхваливают полушутливое зарубежье и наш перестроечный комитет с флагом «Огонька». А в таких случаях русский всегда туповат, он ждет разумных объяснений, что это за дом, как в нем разместится Россия, будет ли она хозяйкой в нем или домработницей? Одно очевидно: ведут-то Россию под крик «Спасите!» «избранные», которых якобы грабят средь бела дня и вот-вот готовы погубить в расцвете юных лет. Частенько включает сирену радиостанция «Свобода» и тоже клеймит тех, кто проявляет непокорность, увертывается от узды, обзывая их антисемитами. Не далее, как в рождественские праздники на волне «Свобода» выступал писатель Войнович (да, тот самый, который познакомил нас с солдатом Чонкиным, обладавшим «бесклассовым» сознанием и «сугубо русской» дебильностью) и клеймил русских антисемитов на русском языке, воздал он и «Молодой гвардии».

Единственная газета в СССР, которая более или менее достоверно осветила прошедший в Москве съезд сионистов, оказалась «Литературная Россия», она назвала не просто участников, но активных устроителей сионизма в России — Л. Лезова, Г. Каповича, В. Гольданского и многих других. Русскоязычные писатели, академики, депутаты Верховного Совета СССР. Даже инструктор идеологического отдела ЦК КПСС В. Тумаркин усмотрел в съезде вполне закономерные реалии жизни.

На Руси здравствуют десятки еврейских обществ, объединений, ассоциаций. Между тем все они озадачены одним — как удержать в руках сладкий пирог, как не дать вотчине взбунтоваться и выйти из повиновения. Каждый еврей считает своим долгом что-то предложить. Казалось бы, что могли придумать изобретатели из Биробиджанского авторемонтного завода? А вот придумали, да такое, что войдет в историю мировых открытий. Поэтому об изобретении века стоит рассказать подробнее.

Ефросинья Бычкова из рязанского села Березовка после ухода на пенсию решила всерьез заняться огородничеством. С этой целью купила садово-огородный плуг модели СПТ 1000000 ИЭ. У старухи в доме мужчин давно нет, а тут еще с монтажом уникальной покупки не ладилось. Пришлось обратиться за помощью к соседу-механизатору.

— Растолкуй мне, недотепе, где тут и как устанавливается сиденье для плугаря? — попросила соседа непонятливая Ефросинья.

Сосед изучил инструкцию загадочного механизма и уж потом разъяснил:

— Понимаешь, соседка, твой плуг никак не рассчитан на белоручку-плугаря, поэтому вместо сиденья здесь есть ось, колесо, лемех, как ударная сила плуга, и еще хомут... Да, тот самый хомут, с помощью которого плугарь будет таскать плуг, так сказать, на себе. Иначе плуг пахать землю не будет...

Вот так-то! Пусть-ка Ефросинья Бычкова на старости лет по-

таскает на себе плуг биробиджанского производства — знать, она мало потаскала его в дни бедственной войны на колхозном поле. А Ефросинья Керсновская тем временем будет рисовать детей Израилевых, на этот раз встретивших на своем пути не архипелаг ГУЛАГ, а Мессию, которого с нетерпением ждет депутат Верховного Совета СССР, писатель Г. Канович. Мессию, который должен на веки вечные закрепить власть иудея над всем миром. А не только запрячь в хомут сгорбленную и покорную Ефросинью Бычкову.

В одном из номеров «Огонька» Андрей Нуйкин одним ударом изничтожил всех врагов перестройки — и мафиози, и бюрократов, и даже воротил военно-промышленного комплекса. Ничего не скажешь — могучий человек! Правда, он не назвал ни единого конкретного лица. Так сказать, выпалил из пушки в молоко и тем потряс всех врагов перестройки. Зато сотни фактов, сообщенных читателями журналу о подлинных врагах перестройки, «Огоньком» замалчиваются. Видно, и впрямь пугать воробьишек куда безопаснее, чем вступать в борьбу с акулами. Точно так же и рождать разумные идеи куда труднее, чем нести небылицы о царствии коммунизма. Например, Л. Лезов, сотрудник научной информации АН СССР, на съезде сионистов сделал такое заявление: «Никто не знает, что сионизм возник как марксистское движение, социалистическое... Сионизм — это революция».

Вспоминается февральская сессия Верховного Совета СССР, на которой доктор юридических наук Бурлацкий выступил в защиту права собственности на... интеллект. Разумеется, у Ефросиньи Бычковой, так и не нашедшей сиденье для плугаря на мертво стоящем плуге, интеллект копеечный, его в ломбард не заложишь. Другое дело, интеллект биробиджанских конструкторов или теоретиков перестройки нашего времени — они не прочь и на будущее сохранить за собой бутерброд с паюсной икрой и место под юго-крымским солнцем.

В русской общинной семье и взрослые и дети подчиняются старейшине, то есть самому старому, а следовательно, самому многоопытному, но все они от мала до велика трудятся в поте лица своего. Лентяев нет. Интеллект старейшины — это как бы общественное достояние. а сам старейшина этим особенно-то не гордится, не возвышает себя, не требует за свой интеллект особой платы, а трудится наравне со всеми. Не так ли должно быть и в семье-государстве? Но у нас только чиновников разных мастей почти двадцать миллионов, — и каждый кормится за счет своего «интеллекта». При этом под «интеллектом» подразумевается — ничего не делать и ни за что не отвечать. Когда главою Всесоюзного Агропрома назначили Мураховского, никто не верил в то, что этот человек способен что-то улучшить в этой отрасли.

Разумеется, руководить — не землю пахать. Тем более в советском понимании. Если бы старейшина семьи пожелал стать «нахлебником» своих детей — вряд ли кто укорил его за это. Но в том-то и нравственная сила любого русского старца из древней общины — трудиться до последнего вздоха и нисколько не думать о том, как бы «посачковать». Если бы любое министерство Союза ССР руководствовалось такой народной философией, то мы бы нынче оказались самыми богатыми людьми на Земле. Но наши министерства вчера и сегодня пока путаются в сетях всякого рода триумвиратов...

Во втором номере журнала «Молодая гвардия» за 1990 год опубликовано открытое письмо этого журнала первому секретарю обкома КПСС Еврейской автономной области Б. Л. Корсунскому, рискнувшему на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС обвинить русских в антисемитизме, заодно надеялся припугнуть «Молодую гвардию» и «Наш современник», проливающих свет на историю. Разумеется, у русских читателей выступление Корсунского не вызвало положительного отклика.

«Молодая гвардия» опубликовала досье из «Жития» Корсунского. Видно по всему, политическая карьера этого человека навсегда будет приостановлена, — слишком много в ней всякой накипи. Говорят, он уходит в отставку. Но утверждают и другое, что пока не протолкнет биробиджанских конструкторов на Государственную премию, — будет держаться за пост партийного лидера.

Русские всерьез задумались, куда нас понукают, призывают, ведут? Конечно, понимают, что такие интеллекты, как академики Абалкин или Шаталин или член Политбюро Яковлев, — весьма авторитетные люди. Но вот что настораживает: будучи академиками и докторами наук, они ничем не обогатили науку, у них нет за душой ни единой живой мысли, чтобы заложить ее в ломбард, а как политические деятели они недалеко ушли от того же Корсунского или Лезова с его сионистскими лозунгами о социализме.

Сионизм, как я понимаю, — это не Маркс, не революция и не перестройка в СССР. Это одетый в новый фрак русофоб, горделивый и неприступный, по-прежнему верящий, что если припугнуть русских, накричать на них да еще окрик подкрепить особой статьей в Уголовном кодексе, которая некогда существовала на погибель русских, то вся Русь упадет в обморок и запросит пощады. Нет и нет! Прошли времена испугов.

Русское терпение отнюдь не бесконечно.

Можно согласиться с утверждением академика Абалкина (он же и вице-премьер), что русские ленивы, и это ставит под угрозу экономическую перестройку в стране. Только с поправкой. Что касается лени, то такой грех за русскими водится. Но не в труде, не в заботах о себе, о своих детях и многомиллионных иждивенцах. Они ленивы на споры, сборы и драку. Но коль их вынудят — несдобровать тем, кто жаждал вражды...

Меня могут упрекнуть в том, что якобы не по чину разговорился — и не депутат, и не академик, и не член каких бы то ни было ассоциаций или обществ. Действительно, я сам по себе. Но я русский, сын хлебороба, всеми корнями связанный с Россией, защищал ее в дни Отечественной, был ранен, потом окончил два вуза, но по политическим мотивам был лишен права трудиться по специальности (учитель русской словесности, журналист, социолог). И не судом, а правом телефонного звонка. Надеюсь, все это явится «смягчающим обстоятельством», а гласность из атрибутов шантажа, наконец, превратится в орудие правды. И никаких идейных трюкачеств и злобствований вроде: «Ах, ты советскую власть раскачиваешь!»

Только нам, русским, не до ссор и драк. Нам нужно сегодня отстоять свою самобытность, целостность, право на демократию и гласность. И при всем при том нам предстоит вершить свой парламент, учить его уму-разуму, позаботиться о своем будущем, о будущем своих поколений. И уж, конечно, не забывать о тех ва-

родах, которые испокон веку наши соседи, друзья, соратники. И на пашне, и в горниле, и в бою, и в науке. Горе тем, кому не по нутру пашня или горнило, но кому позарез хочется только командовать и управлять. Таким мы скажем и говорим сегодня: «Мы помним все и сделаем, чтобы не было среди нас властолюбцев. Наш дом должен быть по-нашему и обихожен!»

Семен КАРПОВ,
г. Сасово Рязанской обл.

ДЕТЕЙ — НА «ЗАПЧАСТИ»!

Переход социалистических стран на рельсы капитализма приведет вследствие дезорганизации производства и сравнительно низкого технологического уровня к отбрасыванию их экономики почти на довоенный уровень развитых капиталистических стран, то есть будет означать полувековое с прогрессирующим углублением отставание от них и как дальнейший итог — катастрофическое неравенство с возможными на почве антагонизмов социальными катаклизмами. Надежды на формированное развитие экономики с помощью капиталистических стран есть не более чем иллюзия, так как, во-первых, еще никогда ни в одном обществе не было избыточных благ, а во-вторых, в условиях империалистической конкуренции никому не выгодно создавать себе конкурента.

Подтверждением высоких экономических возможностей социализма при адекватной политической системе может служить вывод на основе следующих достаточно известных и вполне понятных данных:

1) Годовой национальный доход СССР во времена «застоя» вследствие крайне неэффективного, порой доходящего до преступного, управления народным хозяйством и экономикой в целом был ниже вполне достижимого на 20—30 процентов (следует из анализа результатов работы убыточных и преуспевающих предприятий и их веса в общем объеме производства);

2) Около 15 процентов годового национального дохода США составляют прибыли, получаемые в результате неэквивалентного обмена с экономически зависимыми странами;

3) Затраты США на военные приготовления составляют около 15 процентов от их годового национального дохода;

4) В условиях паритета в военной области и с учетом того, что годовой национальный доход США почти вдвое превышает годовой национальный доход СССР, затраты СССР на оборону могут быть оценены в 25—30 процентов от годового национального дохода.

В соответствии с этими данными при исключении неравнозначных военных расходов и для случая «оптимального» социализма и «неграбительского» капитализма годовой национальный доход для США остался бы прежним, а для СССР увеличился бы примерно на 50 процентов.

Нетрудно понять, что в этом случае, даже не учитывая динамику роста производительности труда за одно лишь 10-летие, каждый советский человек имел бы добавку в 10 тысяч «доперестроечных» рублей, что вполне дало бы возможность каждой семье иметь отдельную квартиру и автомашину и фактически сравняло бы уровень жизни при социализме с уровнем жизни в развитых капиталистических странах.

В идеологическом плане концепция саморазвивающегося социализма нашла свое отражение в так называемом «плюрализме мнений», что выражает нечто большее, чем только свободу высказывания мнений, а именно — якобы существующую возможность многовариантного оптимального развития общества, что уже само по себе может быть лишь недоказанным маловероятным исключением из общего правила одновариантности оптимального решения. Тем не менее «плюрализм мнений» позволяет его идеологам объявить современный капитализм, якобы получивший второе дыхание, одним из оптимальных вариантов общественного строя и, конечно, уж никак не уступающим социализму по прогрессивности. И это при незыблемости основополагающих жизненных принципов при капитализме и социализме!

Исходный принцип капитализма: «Деньги делают деньги» через паразитизм ведет к социальному неравенству, что с неизбежностью вызывает спрос на низменные «ценности», поскольку осознанный и возведенный в ранг жизненного кредо собственный паразитизм возможен лишь при признании паразитической сущности человека вообще и, следовательно, несовместим с неподдельно благородными интересами и побуждениями.

В силу того же социального неравенства предложение вышеупомянутых «ценностей» также не заставляет себя ждать, утверждая таким образом следующий принцип: «При капитализме все продается и все покупается» (вплоть до детей на «запчасти»), что еще более усиливает антагонизм между людьми, а все это, вместе взятое, приводит к обобщающему выводу: «При капитализме человек человеку — волк», независимо от уровня благосостояния буржуазного общества.

Исходный принцип социализма: «Каждому — по труду» исключает паразитирование и, естественно, делает труд главным критерием оценки человека, что и выражается в утверждении: «Труд при социализме — дело чести, доблести и геройства», а осознание ценности труда каждого для блага всех приводит к обобщающему выводу: «При социализме человек человеку — товарищ и друг». Таким образом, с нравственной точки зрения абсурдность вышеупомянутого «плюрализма» очевидна.

Неужели мы доперестраиваемся до того, что и в нашей стране станет возможной продажа детей на «запчасти»?

Г. СОКОЛОВ,
Ленинград

КТО РВЕТСЯ НА РОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ!

Нелепость, скажете вы?! Кто это может пускать сейчас такую длинную слюну, когда все прорабы перестройки с пеной у рта ратуют за «гуманный, демократический социализм», за «социализм с человеческим лицом» и прочие социализмы. Однако погодите. Ведь создана вот у нас некая «монархическая партия». А для какой цели?

Но речь сейчас не об этой партии. Начнем вот с чего.

У многих самых искренних сторонников журнала «Огонек», не-

сомненно, вызвала крайнее недоумение публикация двух статей Эдварда Радзинского о расстреле в 1918 году в Екатеринбурге царской семьи, а также интервью с проживающим на Западе главой императорского дома князем Владимиром Кирилловичем («Огонек», № 2, 1990). Характерная оценка таких публикаций содержится в письме одного крайне оскорбленного в своих «демократических» убеждениях читателя «Огонька»:

«Удивляюсь и поражаюсь напечатанной в «Огоньке» такой жалостливой статье Э. Радзинского... Что это? Неужели и вы тоскуете по царю Николаю Кровавому и его потомству? Никакие соображения о правовом государстве не могут в данном случае иметь места».

Что же побудило такой антитоталитарно настроенный журнал, как «Огонек» (а вслед за ним и телепередачи «Взгляд» и «Пятое колесо»), затронуть на своих страницах столь чуждую ему в принципе тему?

Статья Э. Радзинского «Расстрел в Екатеринбурге» имела целью оспорить общеизвестный и доказанный факт убийства Николая II Яковом Юровским и тем самым хоть частично снять обвинение с революционеров еврейского происхождения в расправе в Ипатьевском доме. «Доказательство» Э. Радзинский основывает на записанном в 1964 году на магнитную пленку показании двух «свидетелей», члена Уральской ЧК И. Родзинского и сына М. А. Медведева, принимавшего участие в событиях тех дней. Возникает вопрос, не для того ли и была устроена эта запоздалая почти на полвека запись, чтобы переложить вину за убийство Николая II с еврея Юровского на русского Медведева. В заключение статьи Радзинского редакция «Огонька» пытается вообще все дело свалить с больной головы на здоровую: «Екатеринбургский финал, «бессмысленный и беспощадный», по известному выражению Пушкина...». То есть дает понять: русский финал! Однако факты говорят о том, что в убийстве царской семьи участвовало 11 человек, из них только трое (!) русских. (Медведев, которому Радзинский приписывает убийство Николая II, в момент расстрела вышел из подвала на улицу посмотреть, нет ли прохожих и не слышны ли с улицы выстрелы («Родина», № 5, 1989).

Кроме непосредственного убийцы Якова Мовшевича Юровского, организаторами кровавой расправы были: председатель ВЦИК Свердлов Я. М. (Ешуа-Соломон Мовшович), председатель Уралсовета Белобородов А. (Вайсбард Янкель), член Уралсовета, военный комиссар Голощекин Ф. И. (Шая Исаакович), комиссар продовольствия Уралсовета Войков П. Л. (Вайнер Пинхус Лазаревич), член Уралсовета Дидковский.

Ввиду того, что непредвиденные будущие политические катаклизмы (тем более, что с отменой пресловутой 6-й статьи Конституции может быть сметена с политической арены и сама коммунистическая партия) могут привести страну к периоду экономического хаоса и безвластия, а также учитывая, что рост национального самосознания русского народа может стать основным препятствием для захвата власти космополитическими леворадикальными силами, идеологи этих сил уже заранее пытаются оживить и в нужный момент ловко преподнести идею конституционно-монархической РЕСТАВРАЦИИ ДИНАСТИИ в России. Эта идея при кризисной ситуации может принять весьма привлекательный вид в ряду с другими вариантами будущего государ-

ственно-политического устройства страны, а если предположить, что в борьбе за власть лево-радикальное крыло потерпит поражение, то, вероятно, такая идея реставрации династии будет ими усиленно предлагаться русскому народу, не искушенному в этом вопросе, ибо данная идея таит в себе «коварный подвох» при всей кажущейся ее патриотичности. Осуществление такой идеи (в результате призыва «легитимного» государя из дома Романовых, то есть без избрания его на Земском соборе) неизбежно приведет к псевдомонархии талмудического характера во главе со ставленником сионо-масонского Запада под внешне благовидным ликом государя-императора. В связи с этим небезынтересно будет познакомиться с некоторыми фактами, приведенными в брошюре «Истинное возрождение и Реставрация», изданной начальником Российского Имперского Союза-Ордена К. К. Веймарном в 1984 году на Западе.

Несмотря на то, что претензия на престолонаследие со стороны объявившего себя главой императорского дома князя Владимира Кирилловича объективно неосуществима, тем не менее в брошюре приводятся сведения, что кн. Владимир Кириллович в 1948 году женился на кн. Леониде Георгиевне Багратион-Мухранской тайным бракосочетанием. До этого кн. Леонида Георгиевна была замужем гражданским браком за американским коммерсантом еврейского происхождения Кирби, который имел, в свою очередь, первую жену — дочь известного еврейского банкира Янкеля Шиффа, щедрого «спонсора» революции в России и уничтожения царской семьи. Через год кн. Леонида Георгиевна развелась с Кирби, имея от него дочь Елену и падчерицу, которые теперь являются падчерицами кн. Владимира Кирилловича. Мать кн. Леониды Георгиевны — урожденная Золотницкая из Тифлиса, чистокровная еврейка. Супруга кн. Владимира Кирилловича — кн. Леонида Георгиевна имеет родную сестру — Марию Георгиевну, которая в свое время была женой Л. П. Берия и имеет от него детей. Эта «родня» главы российского императорского дома кн. Владимира Кирилловича из «знаменитых» фамилий: Кирби, Шифф, Берия — теперь составляют русский «царский дом»!

И вот уже «Огонек» (№ 2, 1990) представляет своим ошеломленным читателям-почитателям живой пример «демократического» либерального монархизма — «великого» князя Владимира Кирилловича, хорошо предвидя на худой конец осуществление идеи будущей масонской монархии на русской земле — последнем бастионе против сионо-масонской идеи мирового господства и установления диктатуры космополитической элиты.

P. S. В № 22 за этот год в «Огоньке» появилось очередное «детективное расследование» Э. Радзинского, где сделана новая попытка затушевать роковую роль Юровского в убиении Николая II. Автор обнаруживает еще одного «цареубийцу» — Петра Ермакова — только лишь на основании двух писем, присланных благодарными читателями «Огонька» Э. Радзинскому. «И все благодаря тебе, читатель. Письма, письма...» — умиленно восклицает наш следопыт-исследователь в своей статье. Тут же приводятся и «апокрифы», в частности, из письма некоего Д. Кауфмана, повествующие о том, что якобы некоторые члены царской семьи остались в живых.

С. НОСОВ,
Москва

РАЗГУЛ САХАРОВЩИНЫ

После смерти Сахарова наиболее оголтелые из его приспешников в разных городах выступили с требованиями присвоить его имя, в порядке, так сказать, увековечения, центральным площадям, проспектам, университетам и т. п. Да еще при жизни Сахаров то и дело провозглашался то «совестью народа», то «духовным вождем», то «национальным героем». Средствами массовой информации прямо-таки насаждается культ Сахарова.

Чем же он стал знаменит и чем так дорог нашей «прогрессивной» общественности? Да вот, судите сами. Я привожу лишь факты.

В 70-е годы Сахаров приобрел скандальную известность в мире как антисоветчик и ярый враг разрядки международной напряженности. В частности, австрийская газета «Фолькcштимме» писала в то время: «...Совсем немногие люди... например, Сахаров, так ненавидят социализм, что выступают против разрядки напряженности».

Тогда же западная пресса, чтобы придать выходкам Сахарова больший вес, стала особо выпячивать его заслуги как физика-атомщика. Сам Сахаров об этом писал следующее: «...В западной печати меня часто называют «отцом водородной бомбы». Эта характеристика в высшей степени неверно отражает истинные (и сложные) обстоятельства коллективного изобретения...»

Что касается его позиций по общеполитическим вопросам, то Сахаров определяет их, в частности, таким образом:

«...Я опасаюсь, что в настоящее время западные страны не оказывают достаточного давления на социалистические страны...

...Только сильнейшее давление, к которому так уязвимы советские власти, имеет шансы на успех...

...Давить на СССР, ограничивая его в импорте продовольствия, давить в политике цен... Необходимо использовать всевозможные рычаги воздействия — тайную и явную дипломатию, прессу, демонстрации и другие действенные средства: временный отказ от сотрудничества в той или иной области, законодательные ограничения торговли и контактов...

...Самое важное: единство западных держав, единая стратегия при подходе к все расширяющимся проблемам в отношениях с социалистическими странами...

...Единство требует лидера. Таким лидером как по праву, так и в силу своей величайшей ответственности являются Соединенные Штаты...»

Ну а если народы Советского Союза, в первую очередь — русский народ, не согласятся с такой перспективой, у ученого мужа готов рецепт:

«...Успехи в биологических науках дают возможность направлять все жизненные процессы на биохимическом, клеточном, организменном, экологическом и социальных уровнях, от рождаемости и старения до психических процессов и наследственности включительно...» *

---

* Вот что пишет, например, по поводу подобных «успехов» Э. Скобелев в «Политическом собеседнике» (№ 4, 1990 г.): «Всем ныне известно, что олигархические банды хотели бы снять противоречия мира путем насильственного сокращения человечества. Называются даже цифры: с 6 миллиардов до 60 миллионов. СПИД — это, несо-

Русский писатель В. Белов так выразил свое отношение к подобным идейкам: «...Находятся ученые, утверждающие, будто русские обладают особой агрессивностью. Они осмеливаются даже заявлять, что есть медикаментозные средства лечения этой агрессивности. Я был просто возмущен, услышав такое заявление на одном весьма представительном совещании...»

Итальянская газета «Унита» о позиции Сахарова писала: «Сахаров всегда становится на сторону империализма. Вчера он поступал так по отношению к чилийским мятежникам, сегодня по отношению к Израилю, который захватывает чужие территории, попирая элементарные права» *.

«Гуманист» и «правозащитник» не только не осудил приход к власти в Чили кровавой шайки Пиночета, но оценил это как фактор «стабилизации и консолидации». А вот свержение фашизма и победу революции в Португалии осудил как «отступление перед коммунизмом». «Гуманист» и «правозащитник» умолял американские власти не возвращать Бразинскасов, убивших бортпроводницу Надю Курченко и угнавших самолет. «Гуманист» защищал также Затикяна и его сообщников, взорвавших бомбу в Московском метро (7 погибших, 37 раненых).

Одна страсть владела академиком: «Чем хуже, тем лучше!»

Сахаров всеми своими действиями поставил себя в положение противника своего народа и государства. Его активная деятельность не осталась незамеченной. Ему была присуждена Нобелевская премия мира. Эта грязная политическая акция возмутила всех честных людей. Канадская писательница Мэри Досон написала по этому поводу: «Я слышала, что вас наградили Нобелевской премией мира. Поздравляю! У вас есть теперь лицензия на то, чтобы еще больше распространять злостной клеветы о вашей собственной стране».

Свой клеветнический запал академик донес до недавнего Съезда народных депутатов, на которых обрушил шокирующую ложь о расстрелах с советких вертолетов советских же солдат, попавших в окружение в Афганистане. Эта ложь им самим и его приспешниками оправдывалась «пацифистскими» устремлениями. В связи с этим небезынтересно вспомнить, как этот «пацифист» реагировал на американские военные действия во Вьетнаме. Тогда он выступал как «стратег» и поучал американские власти: «Политическое давление на СССР, чтобы он прекратил поставку оружия Северному Вьетнаму, быстрая отправка больших экспеди-

---

мненно, одно из разработанных средств по редуцированию народонаселения. Но направленного воздействия не получилось, СПИД вышел из-под контроля.

Теперь, как сообщают, в лабораториях синтезировано вещество, разрушающее генетические структуры и вызывающее процесс лавинообразного старения. Введенное в кровь или пищу, оно вызывает регулируемую по времени смерть. Да и военные эксперименты в космосе предопределяют появление принципипиально нового оружия массового поражения.

Кто же из мыслящих землян не задумывается о судьбе всего человечества, о судьбе наций и национальных культур? Кто из мыслящих землян не встревожен явными и тайными поползновениями к мировому господству?»

Вот на какие «успехи» каннибалов в биологической науке возлагал свои сокровенные надежды «духовный вождь», «совесть народа», и проч. А. Д. Сахаров. Вот чем угрожал людям этот «гуманист». (**Прим. ред.**)

* Не случайно поэтому и стал он почетным гражданином Израиля.

ционных сил, включая ООН, более эффективная экономическая помощь, вовлечение других стран Азии и Европы — все это могло бы повлиять на ход событий». Здесь же, на Съезде, проповедник американского лидерства демонстративно не встал вместе со всем залом при исполнении Государственного гимна своей страны.

И вот этот персонаж политического балагана центральной прессой и телевидением всемерно апологетизируется, из него культивируется образ духовного вождя и наставника, которым вдохновляется довольно заметная прослойка населения, его имя с трепетом произносится многими народными (?!) депутатами, под его именем собираются многотысячные митинги, и вот уже выдвигаются требованиня о его повсеместном увековечивании.

Итак, что же за слои населения, оказавшиеся столь чуткими и восприимчивыми к насаждению культа Сахарова вопреки, казалось бы, известным фактам и здравому смыслу?

Известно, что в Верховный Совет «правозащитника» Сахарова выдвинули 182 института Академии наук СССР. Как говорится, широкие научные круги. Известно также, что 44 процента от всех докторов и кандидатов наук в СССР составляют евреи (доля евреев в населении страны — 0,69 процента). К месту будет напомнить: еще в 1976 году в нью-йоркской газете «Русский голос» в статье «Мадам Боннэр — «злой гений» Сахарова?» сообщалось, что один из учеников физика заявил: «Похоже на то, что академик Сахаров стал «заложником» сионистов, которые через посредничество вздорной и неуравновешенной Боннэр диктуют ему свои условия». В августе 1989 года в Москве состоялся учредительный съезд сионистской организации. Давний просахаровец, еще в 1973 году «смело» выступивший в защиту Сахарова, народный (!) депутат, академик Гольданский с большим одобрением отозвался о работе сионистского съезда. В интервью корреспонденту-сионисту, заявившему: «Мы очень нуждаемся в людях, которые подобно вам реально обладают властью», просионист Гольданский ответил: «Мы делаем что можем. По вопросам ситуации, которая возникает, я обращался на самый высокий уровень и могу сказать, что наш голос, голос депутатов, будет услышан».

Небезызвестный еженедельник «Аргументы и факты» (орган общества «Знание», зам. председателя которого является тот же Гольданский) привел выборочную статистику социального состава прощальной процессии у гроба Сахарова. Из 70 тысяч «сирот» «отца русской демократии» лишь 2 процента составили рабочие, 1,4 процента — военные. Остальные 96 процентов — это научные, инженерно-технические работники, преподаватели, студенты, врачи, юристы, журналисты, актеры, режиссеры, кооператоры и т. п. Трудно предположить, что эти люди обделены информацией. К тому же, как правило, они имеют весьма широкие возможности в рабочее время знакомиться и делиться новостями, как, впрочем, и митинговать, составлять подписи под всякого рода обращениями, тут же их размножать и распространять (благо и студенты зачастую под рукой). Рабочие массы, не в пример, не имеют подобной свободы так «творчески» распоряжаться своим рабочим временем, да и доступа к множительной технике у них нет.

Итак, широкие слои научной, технической, творческой, гуманитарной и прочих интеллигенций, обладая всей полнотой необходимой информации, выбрали своим идеалом и духовным вождем человека, который, во-первых, принципиальный сторонник капитализма; во-вторых, поборник монопольного лидерства США, то есть за всемерное ослабление и подрыв своей собственной страны, выступающей как вторая сверхдержава угрозой этой монополии; в-третьих, сторонник применения к своему собственному народу медикаментозных средств моделирования его поведения и насильственного ограничения самой жизни людей в угоду первым двум целям.

Рабочие, трудовые массы, да и просто все честные люди, должны крепко задуматься над тем, как эти широкие научные, технические, экономические, управленческие слои с такими мировоззренческими установками выполняют свои служебные обязанности, расходясь после просахаровских митингов по своим кабинетам, кафедрам, лабораториям, конторам. Как эти мировоззренческие установки трансформируются в принятие конкретных технических решений то ли в отношении поворота северных рек, то ли сселения «неперспективных» деревень, то ли мест размещения атомных станций и химкомбинатов, то ли выбора космических проектов, то ли внешнеэкономических «взаимовыгодных» сделок, то ли новейших рыночных идеек модных экономистов? Какими истинными целями и интересами диктуются так называемые научные рекомендации промышленности сельскому хозяйству, администрации, тому же партаппарату? Интересами своей страны или интересами «признанного лидера»?

Высокопоставленные сахаровцы, академик Абалкин и академик Заславская, объявили причиной экономического застоя: первый — лень, вторая — бескультурье русского народа. Это не только бестактность, это — ложь!

Советские рабочие, а в основном это русские рабочие, на дедовской технике худо-бедно выдали стране значительно больше Америки — нефти, газа, руды, чугуна, стали, металлорежущих станков, тракторов, комбайнов, минеральных удобрений, цемента и т. п. Рабочий ли виновен в преступной организации хранения, транспортирования, использования природных и промышленных богатств? Рабочий ли виновен в преступно-расточительных технологиях, в преступно-бездарной организации его труда, и это при обилии растущих, как грибы после дождя, многоэтажных коробок всякого рода НИИ и КБ? Не в этих ли густонаселенных коробках, поставляющих «правозащитников» на площади и стадионы, и где, кстати, роль русских, а то и само их наличие является проблематичным, следовало бы академику Абалкину поискать истоки экономического застоя и деградации?

Русский рабочий класс виновен. Виновен в том, что дал втянуть себя в потребительскую гонку, беспечно дал атрофироваться своему классовому чутью и чувству истинного хозяина страны, выпустил из своих рук руководящее положение в партии, передоверив его выродженцам. Разгул сахаровщины явился прямым следствием ренегатства партийной верхушки.

В. САМОЙЛОВ,
г. Ростов-на-Дону

ПО СЛЕДАМ ЛИСА, ИЛИ ПОРНОГРАФИЯ БИЗНЕСА

Евгений Немов со знанием дела прошелся по следам «лиса на охоте»* Арманда Хаммера, профессионального грабителя наших национальных богатств. Авторские оценки однозначны и не требуют дополнительных толкований. Полезно, однако, взглянуть на А. Хаммера глазами тех, кто считается его соотечественниками — американцев. При таком подходе высветится громадная разница между нашим пониманием нравственности и заокеанским. Это-то понятно, но поразительно другое: громадная пропасть отделяет этические нормы хаммеров и К° от традиционной американской морали.

В 1975 году в США вышла в высшей степени апологетическая книга Боба Консидина «Замечательная жизнь д-ра Арманда Хаммера». Ее появление было вызвано драматическими обстоятельствами. Хаммер оказался одними из «героев» никсоновского Уотергейта, и Консидин сделал все возможное и невозможное, чтобы представить мультимиллиардера в образе хрестоматийного предпринимателя, любительски, по сердечной доброте иногда выряющего в политику.

«В начале президентства Франклина Рузвельта известный бизнесмен со Среднего Запада угодил в тюрьму за уклонение от уплаты налогов. Там он подружился с отбывавшим срок за убийство Чарли Уордом. Убийца стал охранником богача, защищал его от другх заключенных. Делец преисполнился такой благодарности, что пообещал по выходе из тюрьмы всю жизнь заботиться о своем защитнике. Вскоре Рузвельт помиловал дельца, а когда президент помиловал и бывшего убийцу, они стали партнерами в бизнесе. Богач умер, завещав свое дело приятелю.

Новый владелец, боготворивший Рузвельта, занялся поисками подарка для президента. В галерее Хаммера (там продавались вещи, скупленные за бесценок в СССР. — *Н. Я.*) он нашел 24-дюймовую модель волжского парохода, сделанную из золота, платины и серебра прославленным придворным ювелиром К. Фаберже в подарок цесаревичу Алексею по случаю 300-летия династии Романовых. Братья Хаммеры купили ее в московском комиссионном магазине в конце двадцатых годов, и она была доставлена в Америку вместе с другими сокровищами «коричневого дома» (резиденции Хаммера в Москве. — *Н. Я.*).

На официальную церемонию вручения нового подарка в овальном кабинете Белого дома был приглашен Максим Литвинов (нарком иностранных дел СССР. — *Н. Я.*). Это, помимо напоминания о довольно неприятной связи между президентским помилованием и изделием Фаберже, должно было ознаменовать радостное событие — скрепление сердечного согласия с Советским Союзом. Сердечность момента, однако, была омрачена. Кто-то нажал кнопку на модели, а музыкальная шкатулка, спрятанная внутри изделия, прозвенела «Боже, царя храни» — того самого царя, которого казнили такие, как Литвинов.

После смерти Рузвельта Виктор как-то встретил старого клиента, и тот заметил, что горд его 25-тысячным подарком — новым экспонатом музея и библиотеки Рузвельта в Гайд-парке.

Виктор скорчил гримасу.

— Что случилось? — спросил даритель.

Виктор сглотнул:

— Эллиот Рузвельт (сын умершего президента. — *Н. Я.*) не передал модель в Гайд-парк, — вздохнул он. — Он заявил, что она принадлежит ему, и перепродал другому торговцу».

Вот вам зарисовка правов на тогдашней верхушке власти в Вашингтоне, да и литвиновской дипломатии. Восторженный обожатель и биограф наркома З. С. Шейнис рассказал в наши дни, как это собственно происходило — переговоры в Вашингтоне, приведшие к признанию Соединенными Штатами Советского Союза 16 ноября 1933 года. Во время этих переговоров фигурировал не только игрушечный кораблик убитого мальчика. «Литвинов, — сообщает Шейнис, — вручил Рузвельту подарок — альбом с марками. Рузвельт, который был заядлым коллекционером, листая альбом, не мог скрыть своей радости». Да, радует нас и биограф. «Выяснив, что Рузвельт коллекционирует модели яхт и особенно марки, он подготовил для него альбом марок»...

Они потрудились там на славу во имя нормализации американо-советских отношений, Литвинов и его ударная дипломатическая бригада — Сквирский, Дивильковский, Уманский. Консультант, надо думать, был под рукой — А. Хаммер. Ас тогдашней американской журналистики У. Дюранти оповестил мир через «Нью-Йорк таймс» о том, что соглашения между США и СССР носят характер сделки, похожей на «торговлю лошадьми на ярмарках янки», и наставительно объяснил: «Нельзя забывать, что в жилах Франклина Рузвельта течет кровь голландских купцов и коммерсантов Новой Англии, а Максим Литвинов принадлежит к национальности, стяжавшей себе славу на коммерческой арене». Мнение Дюранти напомнил тот же Шейнис.

Что до Хаммера, пережившего всех участников памятного события, то М. Кинсли в столичной «Вашингтон пост» 1 января 1986 года публикует статью под интригующим заголовком «Порнография бизнеса». С убийственным сарказмом он повествует о жизненном пути большого друга Советского Союза:

«С оттепелью в отношениях сверхдержав д-р Хаммер — снова объект внимания журналистов, он налаживает культурные обмены и деловые сделки с Советским Союзом. Он тут же выпустил книгу «Мир Арманда Хаммера». Оплаченная акционерами его компании Оксидентал Петролеум и выпущенная издательством, специализирующимся на дорогих книгах по искусству, она содержит 255 громадных страниц цветных фотографий, иллюстрирующих блестящий и удивительный стиль жизни. В 87 лет Хаммер объясняет: «Я работаю 14 часов ежедневно, семь дней в неделю... Я не чувствую своих лет».

Но десять лет назад, когда Хаммеру было только 77 лет, один из его адвокатов так отозвался о нем: «большой старик, живущий в четырех кварталах от своего офиса, встает поздно, возвращается домой к ленчу и спит днем». Когда Хаммеру предъявили обвинение в незаконном тайном субсидировании кампании 1972 года по выборам Никсона президентом, он появился в суде в инвалидной коляске, окруженный кардиологами. Его адвокаты заверяли, что подзащитный умирает от болезни сердца. Учитывая преклонный возраст Хаммера и плохое здоровье, судья отпустил его, дав два года условно и оштрафовав на 3 тысячи долларов.

Но этот «невероятный человек», так точно описал У. Кронкайт

* Евгений Немов. Лис на охоте. — «МГ», 1990. № 2.

Хаммера в подхалимском предисловии к книге «Мир Арманда Хаммера», чудодейственным образом выздоровел, когда был положен конец его неладам с законом, в книге нет и упоминания ни о старости, ни о болезнях.

Тщеславие этой затеи неописуемо. Помимо глав о жизни Хаммера, его друзьях, его поездках, есть еще отдельная глава о каждом из его трех домов, личном «Боинге-727», его офисе. О взаимной любви Хаммера к «важным лицам» свидетельствуют главы «Королевская семья», «Прекрасные люди», «Вашингтонская элита».

Помимо очевидного покупателя, где же рынок для этой претенциозной книги? Найдется. «Мир Арманда Хаммера», в сущности, логическое доведение до конца того, что можно назвать «Порнография бизнеса». В наш век обожествления бизнеса даже серьезные деловые журналы помещают на своих глянцевых страницах соблазнительные фото бизнесменов в позах, изображающих их значимость на фоне роскоши корпораций...

Но Хаммер не только бизнесмен. Он «как никто другой, принят среди лидеров мира. Мы видим его с Мэри Гриффин, Барбарой Уолтерс, Фрэнком Синатрой, «добрым другом Мстиславом Ростроповичем», «другом Яношем Кадаром», «старым другом бароном Гансом Тиссеном», «другом Бруно Крайским», и многими, многими другими...

Легенда об Арманде Хаммере, создававшаяся десятилетиями, порядком пострадала из-за разоблачений в последние годы. Книга деликатно подновляет ее. В предислонии Кронкайта повторяется выдумка о том, что Хаммер-де «сын врача-еврея, эмигранта из России, ставшего социалистом». На деле же Хаммер-отец был одним из основателей американской компартии и коммерческим атташе Советского Союза. Об этом в книге говорится походя. Но на большом фото виден Юлиус (Хаммер), «воплотивший Американскую Мечту».

По легенде, Хаммер подружился с Лениным, когда в 1921 году он отправился в Россию помогать голодающим. В действительности Хаммер поехал деловым представителем отца и имел только одну часовую беседу с Лениным. В книге Хаммер деликатно низводится с поста близкого друга на место «одного из немногих живущих знакомых Ленина», однако подчеркивается — по этой причине «он народный герой в России». А Сталин? В этой книге он — единственный из знаменитостей, кто заслужил негативную оценку, выразившуюся в словах: «Сталин не понимал значения бизнеса».

Хаммер чувствителен к советским лидерам. Мы видим, как он произносит хвалебную речь на похоронах «его друга... Леонида Брежнева», а через несколько страниц он «воздает должное на похоронах Юрия Андропова». Хаммер посетил Константина Черненко в декабре 1984 года и согласно «Вашингтон пост» нашел его «в целом здоровым для его возраста, энергичным, остро реагирующим». Естественно, что через три месяца Хаммер был почетным гостем на похоронах Черненко. В книге большое фото Хаммера и Михаила Горбачева, сделанное по этому случаю.

Н. ЯКОВЛЕВ,
доктор исторических наук,
Москва

РЕПЛИКА

О ЩУПЛОЯНОВЫХ

Вольготная жизнь настала для антисоветчиков и русофобов. Наше плюралистическое правительство разрешило им под нажимом антисоциалистических сил беспрепятственный въезд в страну и ничем не ограниченное поле деятельности. Вот и едут к нам личности типа Войновича, Коржавина, Абрама Терца и в наших же газетах и журналах, на «творческих» встречах и конференциях льют грязь на Советскую страну, обливают вонючими помоями традиции, идеалы и нравственность советских народов, а прежде всего — народа русского.

Недавно «осчастливил» нашу страну своим приездом пресловутый А. Янов, бывший советский гражданин, а ныне «профессор политических наук в Нью-Йоркском университете». Сей визитер сразу развернул у нас бешеную антисоветскую деятельность. В том числе дал интервью работнику «Кобозра»* А. Щуплову, опубликованному в сем скандальном издании 29 июня с. г. под заголовком «Нужно сперва выжить». Этот материал переполнен ненавистью к России, оскор-

* Так любовно называют еженедельник «Книжное обозрение» его фанатичные почитатели.

бительными выпадами против советских писателей, а местами — настоящей матерщиной. Последнее — особенно нам понятно, ведь высокоинтеллектуальный работник «Кобозра» беседует как-никак с зарубежным и, само собой разумеется, еще более высокоинтеллектуальным «профессором политических наук». Вот пример. На странице 8 этого номера «Кобозра» читаем:

Янов: — ...Действительно ли умом Россию не понять и в нее нужно только верить?

Щуплов: — Есть подцензурный парафраз:

Давно пора, е.... мать,
умом Россию понимать.

Янов: — Именно это я и пытаюсь сделать...

Итак, что же пытается «сделать» зарубежный высокоинтеллектуальный профессор? Умом Россию понять? Или то, что содержится в более чем понятном каждому словосочетании «е.... мать»? (Обратите внимание, точек в этом матерном слове не три, как обычно делают, зашифровывая любое неприличное выражение, а четыре, чтобы даже самый тупой понял, что это за слово. Спасибо «Кобозру» за такую заботу о читателях.) Хорошо бы работникам «Кобозра» все же пояснить это.

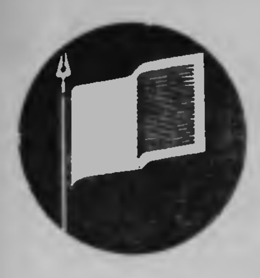
Ну а пока наш читатель С. Крогиус, оценивая эту беседу двух недоброжелателей России, откликнулся на нее такими стихотворными строчками:

Два ненавистника России
Ее клянут наперебой.
Один от ненависти — синий,
А другой — голубой!

Ах, сексуальные ребята!
Пойдут теперь щуплоинята —
Взрастут же щуплоиновы,
От ненависти пьяные!

Поскольку интеллект и интервьюера Щуплова, и «профессора политических наук Нью-Йоркского университета», и всей редакции «Кобозра», как мы отмечали, очень и очень высок, все они, конечно, глубоко проникнут в смысл этих бесхитростных строк С. Крогиуса.

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. ПИСАРЕВА

Всеволод **САХАРОВ**

РАЗРУШЕНИЕ ЭСТЕТИКИ?

И. С. ТУРГЕНЕВ И Д. И. ПИСАРЕВ

Бывают неожиданные сближения, когда выдающийся писатель старшего поколения вдруг начинает присматриваться к молодому шумному литератору совсем иных воззрений и направления, встречается и переписывается с ним, стремится понять новое поколение и, в свою очередь, рассказать молодежи о себе. Такова история взаимоотношений Тургенева и Писарева.

В наследии критика-демократа Д. И. Писарева (1840—1868) мысли, так или иначе связанные с И. С. Тургеневым и его творчеством, занимают главное место. Мы говорим именно об идеях, о размышлениях критика, которые никак не ограничиваются хрестоматийными статьями о тургеневских романах. И не в том дело, что Писарев постоянно упоминает Тургенева и его героев в статьях, посвященных другим писателям и темам, а также в переписке и сохраненных мемуаристами высказываниях.

В размышлениях о романах Тургенева, в общении с их автором вырабатываются мировоззрение и метод молодого критика.

Да и сам автор «Дворянского гнезда» много думает о Писареве, разговаривает с ним, переписывается, высказывается о нем в своих статьях и беседах с друзьями. Так что мы здесь встречаемся со сложными жизненными и литературными взаимоотношениями, важными для понимания обоих писателей, их творчества и судьбы.

Между тем многочисленные работы на тему «Писарев и Тургенев» часто ограничиваются анализом писаревских статей и переписки по поводу романа «Дым». Обычно смотрят на Тургенева глазами Писарева. Конечно, такой подход к материалу специалистов по русской общественной мысли и литературе естествен и полезен. Но он плодотворен лишь до определенных пределов. Можно пойти по пути самого Писарева, чей метод эмпирического описания приоткрывается именно в его «тургеневских» статьях. Но и тогда не будут понятны до конца эти статьи, метод и принципы оценки, само постоянное обращение Писарева к Тургеневу и его романам.

Выясняется, что мало похвалить талантливого публициста-демократа за вдохновенные и точные высказывания о выдающемся писателе и пожурить его за «преувеличения от увлечения», хлесткие грубости и откровенную необъективность. Надо объяснить, почему Писарев так внимателен к творчеству Тургенева, почему Базаров стал для него героем в полном смысле этого слова и своего рода знаменем в литературно-общественной борьбе 60-х годов.

Стоит обратить внимание и на *все* высказывания Тургенева о Писареве. Здесь старый метод умолчаний не подходит. Ведь существовал взгляд выдающегося писателя старшего поколения на молодого критика, взгляд оценивающий, проницательный и заинтересованный, равно далекий от апофеоза и разоблачения.

Известно, что Тургенев и Писарев принадлежали к разным поколениям общественных и литературных деятелей. Критик так и писал об авторе «Дворянского гнезда»: «Это поколение уже давно созрело и теперь клонится к старости; дети этого поколения уже способны решать по-своему вопросы жизни, и потому отцы постепенно становятся деятелями прошедшего времени, и для них настает суд ближайшего потомства».

Сказано это в 1861 году, еще до завершения и выхода тургеневского романа, но Писарев, сам того не зная, угадывает и тему романа, и знаменитое его название — «Отцы и дети». И позднее, в статье «Пушкин и Белинский», говоря о герценовском Бельтове и тургеневском Рудине, уточняет свою мысль: «...Мы, новейшие реалисты, чувствуем свое кровное родство с этим отжившим типом». Как же смотрел на сложную проблему «отцов и детей» сам Тургенев?

Размышляя о Писареве, Тургенев учитывал не только естественное разномыслие и разобщенность двух поколений. Он, как и его друг Герцен, думал о том, что их объединяет. Основой для объединения стало то лучшее в наследии эпохи 40-х годов, что вспоминалось при упоминании имени, дорогого и Тургеневу, и Герцену, и Писареву, — имени Белинского. Такие мысли понятны и закономерны: вспомним хотя бы несправедливо забытого талантливого критика Ю. Н. Говоруху-Отрока, писавшего в своем этюде о Тургеневе: «Брожение умов, начавшееся в конце пятидесятых годов и не замершее еще до сих пор, было, в сущности,

продолжением такого же брожения сороковых годов... В нигилизме шестидесятых годов расцвело все то, что было посеяно в конце сороковых и в начале пятидесятых годов... Герцена сменили Писарев и Чернышевский». Тургенев прибавляет к имени Герцена имя Белинского.

Как и Герцен, он пишет некролог безвременно погибшего Писарева, но помещает поминальную заметку в «Воспоминания о Белинском». Там Писарев постоянно сравнивается со своим великим предшественником. Так, по поводу одной хлесткой оценки Тургенев заметил критику во время их встречи: «Эстетическое чувство в вас слишком живо: вы не могли сказать это серьезно — вы это сказали *нарочно*, с целью». И затем писатель говорит, что Белинский так никогда не поступал. Там же точно назван непосредственный предшественник Писарева на критическом поприще — Валериан Майков. Так выстраивается Тургеневым очень интересная линия идейной преемственности от критиков-демократов 40-х годов к Писареву.

Эта мысль писателя верна, ибо «отрицатель» Писарев как позитивист, поклонник естественных наук, обращающийся к нарождающемуся, передовому по тому времени «среднему сословию», то есть российской буржуазии (а точнее — буржуазно-демократической интеллигенции, куда входили и порвавшие со своим классом дворяне вроде К. К. Случевского или самого Писарева), куда ближе к суровому молодому резонеру В. Майкову, нежели к «эстетику» Белинскому. Тургенев указал на перекресток, откуда дороги двух направлений в демократической критике разошлись. Такая оценка совпадала с идеями самого Писарева, требовавшего, в отличие от Добролюбова и Чернышевского, *исторического* отношения к Белинскому и его наследию и многое отрицавшего в этом наследии («Белинский дорог нам не как мыслитель, а как выражение известной эпохи»). Отсюда и известный спор критика с Добролюбовым в статье «Пушкин и Белинский».

Тургенева очень интересовал этот «раскол в нигилистах», породивший принципиальное размежевание «Современника» Добролюбова и Чернышевского с Герценом и с Писаревым. Между прочим, он указывал на одну важную причину такого размежевания, о которой мы иногда забываем, — на принадлежность этих людей к разным классам общества. Ведь по социальному положению и воспитанию В. Майков, Герцен (несмотря на пресловутую «незаконнорожденность») и сам Писарев — дворяне, Белинский (несмотря на «личное» дворянство), Добролюбов и Чернышевский — разночинцы. Отсюда различие и борьба мировоззрений.

Для Тургенева это обстоятельство было очень важно. Говоря о Писареве, он постоянно подчеркивал его принадлежность к «хорошей фамилии» и на этом основании противопоставлял его и Добролюбова.

Именно поэтому Тургенев не мог простить Писареву решительного разрыва с культурными ценностями пушкинской эпохи и в особенности нападок на самого Пушкина: «Я... читал его статьи с интересом, хотя со многими положениями в них, вообще с их направлением, согласиться не мог. Особенно возмутили меня его статьи о Пушкине».

Дело было, конечно, не только в Пушкине. Тургенева возмущало то, что культурный дворянин Писарев порвал со своими

корнями и традициями и стал служить идеалам нарождающейся буржуазной интеллигенции и идеям позитивизма, превозносить естественные науки и отрицать высокое искусство, классику. Сам писатель интересовался идеями позитивистов, читал О. Конта, Э. Литтре, Г. Н. Вырубова, выписывал их философский журнал и все же говорил в феврале 1867 года: «Эти позитивисты, утилитаристы, реалисты хотят, чтобы священный огонь не согревал более человечества... Напрасно ваш Писарев, впрочем, талантливый писатель, завел непосильную борьбу с великими поэтами».

И все же в отношении Тургенева к Писареву заметны доброжелательность и надежда на высокую культуру и точное эстетическое чутье молодого критика, часто шедшего, по мнению автора «Отцов и детей», вопреки этому чутью. Писатель надеялся, что талант критика «выработается», то есть созреет и очистится от необъективных, кружковых идей и мнений и преувеличений. Этими чувствами продиктованы известные слова письма Тургенева Писареву от 10 мая 1867 года: «Я ценю Ваш талант, уважаю Ваш характер — и, не разделяя некоторых Ваших убеждений, постарался бы изложить Вам причину моего разногласия — не в надежде обратить Вас — а с целью направить Ваше внимание на некоторые последствия Вашей деятельности».

Столь осторожные выражения явно продиктованы тем, что Тургенев на личном опыте убедился, что Писарев человек благородный, убежденный, но, по молодости лет, вспыльчивый, всегда готовый на резкие слова при защите своих взглядов и искренний в заблуждениях. Современникам известно было об этой черте критика, и литератор Н. Н. Страхов, например, так и писал: «Если чем известен г. Писарев в нашей литературе, так именно прямотою и откровенностью своего изложения. Г. Писарев никогда не лукавит с читателями; он договаривает свою мысль до конца».

В Писареве никогда не было мелкого журнального политиканства и иезуитизма. Поэтому-то Тургенев так интересовался мнением критика о его романах и писал П. В. Анненкову по поводу «Дыма»: «Что-то скажет Писарев? Не смейтесь! Для меня это довольно важно — как симптом». А вот о критиках журнала «Современник», и прежде всего об М. Антоновиче и его нападках на роман «Отцы и дети», Тургенев говорил без всякой надежды на взаимопонимание: «Наши любители свободы не допускают свободного отношения к сюжетам и типам. Объективность для них — тоже обида. Отнесись к их героям объективно — они тебя «и заругают»».

Писарев почувствовал доброжелательное внимание к нему Тургенева, и потому его письмо к автору «Дыма» с отзывом о только появившемся тогда тургеневском романе — не только манифест реалиста-базаровца, но и откровенная исповедь человека первого и ранимого, побывавшего в Петропавловской крепости, которому трудно нести на своих плечах тяжесть ответственной миссии критика-бойца.

Публицист влиятельных и популярных демократических журналов «Русское слово» и «Дело» вдруг жалуется на одиночество, говорит о сомнениях и трудностях: «...У меня нет кружка. Я никого не вижу и не знаю из тех людей, которых считают и называют моими последователями... Словом, я стою один и могу поделиться с Вами только моим личным мнением. Мое мнение об «Отцах и детях» было также моим личным мнением, с которым, в первое время после появления романа, не соглашался никто из моих сотрудников... Вся моя нервная система потрясена переходом к свободе, и я до сих пор не могу оправиться от этого потрясения».

Тургенев услышал эти пессимистические ноты и отвечал Писареву: «Вы мне пишете о себе, что Вы одни и что у Вас нет никакого кружка: это и хорошо — и дурно. Писателю, особенно критику, не следует быть одиноким. Вы мне скажете, что это одиночество часто не от нас зависит: и это справедливо». Один одинокий человек утешает другого, а их спор, вполне понятный и закономерный, в этой переписке как бы отходит на второй план.

Неожиданное продолжение их переписка получила позднее, когда Тургенев, намного переживший критика, работал над романом «Новь» и продумывал образ молодого революционера Нежданова, «незаконного» дворянского отпрыска, человека тонкой душевной организации, мягкого и ранимого, поэта в душе, не вынесшего прозаических трудностей жестокой политической борьбы. В черновиках романа появляется характерная запись: «Взять несколько от Писарева». Автор «Нови», оглянувшись на судьбу Писарева, ставит критика в один ряд не с такими борцами-демократами, как Добролюбов, Чернышевский или М. Е. Салтыков-Щедрин, а с лирическими, ранимыми, нервными натурами вроде Н. Успенского, к которым впоследствии присоединились С. Надсон, В. Гаршин и другие «кающиеся» интеллигенты.

Дело не в тех или иных документах или упоминаниях, а в общем тоне переписки и бесед Тургенева и Писарева, в самом характере их взаимоотношений. При всей их сложности и напряженности взаимоотношения прозаика и критика построены не как обычное деловое знакомство литературных деятелей.

Очевидно, что Писарев, пусть и не без внутренней борьбы, признает Тургенева старшим собратом по литературе, выдающимся художником и с первых шагов в критике принимает его книги, их образы, и прежде всего Базарова, как результат высокого творчества и замечательное явление в сфере литературы и общественной жизни. Следуя логике своих теорий, критик часто негодует и восстает против автора этих произведений, но отвергнуть их не может, не желая сомкнуться с критикой «Современника» и с консервативными толкователями тургеневского творчества. И здесь не последнюю роль играют эстетическое чутье и литературный вкус Писарева, заставляющие образованного и, главное, честного критика-демократа идти против его же идей и концепций.

Так что все написанное Д. И. Писаревым о Тургеневе надо судить по обозначенному Добролюбовым в статье о «Накануне» знаменитому принципу: услышать не то, что критик *хотел* сказать, а то, что *невольно* им сказалось. Только тогда станет понятно, почему Писарев выбрал Тургенева главным героем своей жесткой, прямолинейно движущейся эстетики, поставив его много выше Льва Толстого, Достоевского, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и даже своего любимца А. Ф. Писемского.

Легко заметить, что рассуждения Писарева о Тургеневе вращаются вокруг одного лица — Базарова. Даже когда персонажа этого еще не было, критик ожидал его появления и сожалел, что в «Дворянском гнезде» «нет предвестников будущего». «Мысля-

щий пролетарий» Базаров стал для Писарева таким же предвестником будущего, как Инсаров для Добролюбова. Ясно, что для критика это художественный образ огромной творческой мощи и многосмысленности, ставший знаменем, лозунгом, живым примером реального воплощения своих идей, мечты о могучем деятеле-реалисте, вооруженном новым «позитивным» мировоззрением бюхнеровского образца, естественными науками и новой моралью, а впоследствии — и новой культурой.

Напомним, что с помощью Базарова критик обращался к своим единомышленникам, пропагандировал демократические идеи молодого поколения. Ведь он прямо писал в статье «Схоластика XIX века»: «Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственною умственною пищею для нескольких десятков тысяч людей». Путь к воспитанию и объединению единомышленников в рядах демократической интеллигенции — боевой передовой журнал, главная тема и повод для разговоров с ними — Тургенев, его романы, его Базаров.

Интересна приведенная критиком цифра — несколько десятков тысяч единомышленников. Она говорит о быстром росте демократической интеллигенции, ряды которой пополняли в 60-е годы и разночинцы, и дворяне. В свое время предшественник В. Майкова и Писарева на ниве буржуазного просветительства, либеральный издатель передового журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевой довольно точно определял число своих читателей и сторонников — полторы тысячи человек. Писарев через тридцать лет называет уже другую цифру, и она тоже весьма реальна. Такова динамика развития интеллигенции в России.

И тут есть интересная перекличка с Тургеневым и его романом. Ведь в «Отцах и детях» Павел Петрович Кирсанов язвительно говорит Базарову: «Вас всего четыре человека с половиною...» Писарев отвечает тургеневскому персонажу, что на сто квадратных миль в России приходится по одному Базарову. Полемизируя с М. Антоновичем, он эту мысль развивает, ссылаясь уже на плоды своей журнально-литературной деятельности: «...Базаровский тип растет постоянно, не по дням, а по часам, и в жизни и литературе».

Дело тут не только в цифрах и выводах статистики, но и в том, что критик-демократ измеряет динамику развития общественной жизни России с помощью литературного персонажа. Сама демократическая литература подлежит той же оценке, и даже о романе Чернышевского «Что делать?» сказано, что в нем «все новые люди принадлежат к базаровскому типу». Как и всюду у Писарева, это оценка емкости и правдивости художественного образа, созданного Тургеневым.

Такой подход к литературе и к писателю в те времена был весьма редок. Тем более стоит вадуматься над ходом мысли Писарева, что от резкого и прямого критика доставалось тогда не только Льву Толстому и Щедрину, но и Пушкину и Белинскому. Да и сам Тургенев не был тут исключением.

У Писарева не раз прямо говорится о том, что Тургенев устал и «мудрит над жизнью, и иногда невпопад» и что его все обогнали, что он — «замечтавшийся до забвения действительности художник». Инсаров в «несчастном» романе «Накануне» — «ходульная фигура... ниже Штольца... поразительно фальшивые ноты». Лизу Калитину, лучший женский образ у Тургенева, критик именовал вечной и добровольной мученицей и упрекал в неразвитости. Об «Отцах и детях» сказано столь же решительно: «Дело в том, что события вовсе не занимательны, а идея вовсе не поразительно верна». Любимая Тургеневым повесть «Первая любовь» и лирические «Призраки» — «пустяки». В статье «Реалисты» о сорокашестилетнем Тургеневе сказано с откровенной грубостью: «Старость не радость». Допускаются бесцеремонные оговорки типа «Тургенев, при всех своих немощах, несравненно свежее г. Островского».

Но чтение романов этого «усталого» и «отсталого» писателя, по собственному признанию Писарева в статье «Базаров», дает странный результат: «Самый отчаянный отрицатель искусства почувствует при чтении романа какое-то непонятное наслаждение». Оценка критиком общего итога творчества писателя тоже неожиданна: «Тургеневу посчастливилось поднять в нашей умственной жизни такой вопрос, какого никогда не поднимал и не мог поднять Пушкин».

Навряд ли сам Тургенев с такой оценкой согласился бы, но прочитать ее у «нигилиста» Писарева вдвойне любопытно. По отношению к Тургеневу он иногда бывал откровенно несправедлив и просто груб, однако знакомство с тургеневскими романами приводит критика к знаменательному выводу: «Наша изящная словесность во всех отношениях стоит выше нашей критики». Понятно, что с таким выводом никак не могли согласиться Добролюбов и Чернышевский, вся критическая деятельность которых основывалась на диаметрально противоположном убеждении. И все же «нигилист» и «разрушитель эстетики» Писарев эти слова высказал публично.

Само название тургеневского романа «Отцы и дети» заставило Писарева задуматься над главной темой книги, в ней обозначенной. Каждая из литературно-общественных группировок читала это емкое название по-своему («дети, а не отцы» или «отцы, а не дети»), то есть выбирала что-то одно. Между тем название романа едино, отцы и дети в книге Тургенева соединены не только союзом «и» и кровным родством, но и русской историей. Тургенев показывает, что они произошли от одних культурных корней и что поколения нельзя сталкивать лбами. У каждого есть своя правда и право на жизнь, отсюда и известный тургеневский вывод — «ни отцы, ни дети». Поэтому роман завершается характерным «открытым» финалом и обращен в будущее.

Писарев не может согласиться с критиками романа, не может отвергнуть полюбившегося ему Базарова как карикатуру. Он видит, что в русской жизни, как и в «Отцах и детях», Базаровы произошли от Рудиных: «Вскоре после Крымской кампании... наши Рудины вообразили себе, что их время настало». Надежды их не оправдались, что привело к «холодному отчаянию», бездеятельности и отрицанию и в конце концов дало «полное самоосвобождение». Таково, по Писареву, происхождение базаровского нигилизма.

И тут критик приходит к проблеме исторического парадокса Базарова. Ибо этот смелый отрицатель внутренне свободен, но огромные силы ему девать некуда. Он не имеет четкой исторической программы, его позитивизм лишен диалектики и, следова-

тельно, верного понимания истории. Непонятно, кому, какому классу реалисты базаровы должны служить (на этот вопрос потом ответил Чехов своими инженерами, учеными и врачами). Нет у них и своей культуры, есть только ее принципиальное отрицание. У Писарева Базаров неожиданно сопоставлен с Рудиным и даже со своим непримиримым врагом Павлом Петровичем Кирсановым, который, по мнению критика, такой же эмпирик и скептик в душе. Отсюда один шаг до тургеневского лозунга «ни отцы, ни дети», и Писарев к нему присоединяется.

После полемики вокруг «Отцов и детей» и появления романа Чернышевского о новых людях, Писарев, попавший к тому времени в Петропавловскую крепость за написание революционной брошюры, возвращается к Тургеневу и его Базарову в знаменитой статье «Реалисты» (1864). Там продолжается разговор о новом направлении общественной мысли, по-прежнему основанный на критическом анализе романа «Отцы и дети» и его персонажей. Критик поясняет, почему он говорит о новых явлениях русской жизни, ссылаясь на художественную литературу: «Роман втянул в себя всю область поэзии, а для лирики и для драмы остались только кое-какие крошечные уголки... Стена между книжною мыслью и действительною жизнью пробита навсегда».

Тургенев говорил о трагизме Базарова. Многое переживший Писарев в 1864 году яснее видит эту черту персонажа и начинает трактовать Базарова как мученика передовой идеи, безуспешно пытающегося сблизиться с «отцами»: «Трагизм базаровского положения заключается в его полном уединении среди всех иных людей, которые его окружают... Нет причин для разрыва и нет возможности сблизиться». Он понимает, что этот образ — провозвестник будущего с «романтическим стремлением вдаль». Так волевой человек, реалист и боец превращается в мученика идеи и «романтика реализма» (тургеневское определение Нежданова в «Нови»), в революционно-демократическом Дон-Кихоте внезапно появляются черты русского Гамлета.

Тургенев своим Базаровым показал, что и самый сильный и цельный человек «текуч», изменчив и противоречив и что даже самые основательные теории не выдерживают порой испытания реальностью. Лучше всех об этом сказал именно Писарев: «Базаров — не клевета, не карикатура, а совершенно верный итог реалистических тенденций». Так был понят метод Тургенева-романиста. И это понимание всего дороже Тургеневу в статьях Писарева.

За все это автор «Отцов и детей» был Писареву искренно благодарен. Ибо тургеневский роман и главного его героя верно понял, защитил от нападок и правильно объяснил читателям, и прежде всего молодому поколению, талантливый критик передового лагеря. В одной из статей о Тургеневе Писарев высказался весьма прямолинейно: «Кто в России сходил с дороги чистого отрицания, тот падал». Однако говоря о Тургеневе и Базарове, критик пошел путем утверждения, и это обогатило его «реалистическую критику», сделало ее более литературной.

Д. И. Писарев имел устойчивую репутацию литературного «нигилиста» и разрушителя эстетики. Такое мнение о нем в общем справедливо, что доказывает сегодняшняя крикливая нигилистическая «писаревщина», эта «детская болезнь левизны», стремящаяся сокрушить дорогие нам ценности русской культуры. Но вопреки этой репутации и даже вопреки собственным схемам и эмоциям молодой критик, следуя за творческой мыслью И. С. Тургенева, сумел построить новую эстетику, нередко приводящую к подлинным открытиям, написал замечательные статьи о выдающемся русском романисте, которые стали классикой отечественной критики и науки о литературе. Он создал их в трудной борьбе с самим собой, с той самой «писаревщиной», превратившейся к тому времени в серьезную общественную силу. И произошло это благодаря Тургеневу. Так что эта встреча двух писателей и общественных деятелей стала и важным фактом их биографии, и заметным событием литературной жизни тех далеких лет.

Так чем же интересен и нужен нам Писарев сегодня? Может быть, он, как любят ныне пренебрежительно говорить в редакциях, неактуален? Праздный вопрос... Еще Гоголь заметил: «В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как и живые». Он же напомнил, что и среди живых литераторов попадаются мертвые души. Классиков же читают по-прежнему, они учат думать, увлекают и вдохновляют. Когда некие «литераторы», безоглядно увлеченные сегодняшней борьбой идей и мыслей, уверяют себя и читателей, что Пушкин, Толстой и Достоевский «неактуальны», хочется ответить: мир высоких ценностей бессмертен, русская классика по-прежнему с нами, помогает нам в поисках истины и, более того, нуждается сегодня в умной принципиальной защите. Об этом стоит напомнить тем, кто считает свои расхристанные писания единственно актуальными и значимыми.

Не ушла еще в прошлое и крикливая, ниспровергательная, откровенно кастовая «критика», разросшаяся пышным цветом на почве разрушения национальных культур. Оглянитесь — и вы увидите в литературе наших дней толпы маленьких «писаревых» разного возраста, взглядов и способностей (Рассадин, Сарнов, Оскоцкий, Лакшин, Чупринин, Эпштейн, Мальгин, Латынина, Т. и Н. Ивановы...). Как бледны эти копии в сравнении с оригиналом! Всяческий нигилизм, ненависть к национальным традициям и культурам, попытки сбросить классиков с «парохода современности», безоглядная вера в очередную модную книжку или имя, естественные науки и компьютер, столь многим из них заменивший собственное мышление, намеренная несправедливость, грубость, натяжки, — все это и есть та самая «писаревщина», искажающая лик нашей великой культуры.

Но, обратившись к пестрому и неравноценному наследию молодого критика-демократа, мы видим, что Писарев состоит не только из недостатков, не равен пресловутой «писаревщине» и голому нигилизму. Он умнее и лучше своих бойких подражателей, разменявших самобытные писаревские идеи на медные пятаки журнальной ругани. Многие его мысли и открытия не устарели. Критик нужен и интересен нам сегодня и как пример честного и врачего преодоления своих молодых ошибок и необъективности. Его поучительное общение с Тургеневым еще раз напоминает об этом. Пусть же исторический, реальный Писарев помогает нам познавать себя и бороться с нынешней «писаревщиной». В этом его значение и несомненная актуальность.

●

ИСКУССТВО

Юрий ДЬЯКОНОВ

КОМУ НУЖНО ПЕРЕВЕРНУТОЕ КИНО?

Кризис нынешнего кинематографа проявляется в том, что вместо традиции соборности, отличительной для отечественной культуры, стала господствовать идея противостояния. Противостояния истории, «иерархии ценностей», противостояния поколений.

Одним из выражений тупиковой ситуации, в которой оказалось современное киноискусство, можно считать фильм «Город Зеро» режиссера К. Шахназарова, возглавляющего творческое объединение на «Мосфильме».

«Зеро» в переводе с французского — «нуль». И создатели ленты пытаются убедить зрителя в полной абсурдности как нынешней советской действительности, так и прошлого нашей державы. Причем центральным, смысловым эпизодом этого фильма является некий подземный музей восковых фигур, как бы сопоставляющий ассоциативно отечественную историю с падением Римской империи. Пала-де некогда Римская империя, крушится, по мысли авторов, и другая «империя зла».

Трудно сегодня ориентироваться в безбрежном кинокеане, однако наиболее ходовые на сегодняшнем отечественном кинорынке сюжетные веяния все же усматриваются отчетливо.

Так, образ валютной проститутки — одна из колоритнейших фигур нынешнего киноискусства. Героини фильмов «Интердевочка», «Хау ду ю ду», «Группа риска», «На дне. Сколько стоит любовь», «Достоинство, или Тайна улыбки» и других — являются, по мнению актрисы Е. Яковлевой («Интердевочка»), выразителями протеста против демагогии, лжи и несправедливости современной жизни. Как хотите, но получается, что женщины, не являющиеся проститутками, — презренные конформистки, предающие идеалы перестройки. В этой связи образ советской проститутки (как и образ деятеля контркультуры) вырастает в фигуру народного борца, в фигуру поистине героическую. Вот он, наконец, искомый «идеал».

Сегодняшний кинематограф многое делает для того, чтобы возвысить эту профессию, эту многовариантность «многовариантных половых связей», эротику под любым соусом. Почти ни один фильм ныне не обходится без «постельной» сцены, все более изобретательны поводы для раздевания героев. В ленте «Роковая ошибка» юная девушка не жалеет усилий, чтобы уложить с собой в постель инвалида, пострадавшего в Афганистане, раздевается донага, карабкается на этого офицера, пытаясь «завладеть», но, увы, безуспешно. В картине «Помилуй и прости» нам демонстрируют наконец-то наш советский социалистический стриптиз в непринужденной обстановке домашнего праздника встречи сына, вернувшегося из Афганистана, причем демонстрирует стриптиз бывшая невеста воина.

Половой акт на экране стал уже обыденным: приучены к нему и кинематографисты, и зрители. В ленте «ЧП районного масштаба» комсомольский вождь, придя к любовнице в расстроенных чувствах, расстегивает штаны, задирает комсомолке юбку, используя в качестве опоры кухонный стол. Вот так подается рецепт «разрядки» в стрессовых ситуациях... Эти обыденные, даже скучноватые (для персонажей) экранные совокупления впечатляют незрелую молодежь, прививая ей весьма своеобразное, а точнее — скептическое отношение к жизни и ее «идеалам».

Свой вклад в раскрепощение советского экрана вносит секретарь Союза кинематографистов СССР кинокритик В. Демин, не только призывая «вернуть героям всю меру чувственности, всю плотскую сторону стремлений, желаний и надежд. Здоровой оптимистической эротикой нашего зрителя не запугаешь!», — не только теоретизирует он, но и воплощает свои установки в картине «Дорогое удовольствие», смело прогуливаясь среди полуобнаженных красавиц и демонстрируя, что ничего страшного в этом нет. Нежная улыбка царит в это время на его лице. И на III пленуме Союза кинематографистов в своем докладе он же, отметив устарелость «культа правильной идеи», заявил, что «слишком долго пестовалась официальная великорусская культура по тогдашней системе иерархии — как бы выше классом всех остальных...» И поучал: «Есть особого рода таланты — их новаторские поиски оторвали их от интересов среднего потребителя искусства... В этих условиях мы могли бы вернуть к жизни старое, несправедливо скомпрометированное слово — «авангард».

Еще четче это прояснил на том же пленуме режиссер М. За-

харов, по мнению которого письмо Белова, Бондарева и Распутина в «Правду» написано «ради запретительских амбиций» и объясняется «пробелами в их образовании», «отсутствием навыков демократического мышления», «недостатком внутренней культуры». Но Захаров и снисходительно объяснил недоразвитость писателей: «Можно понять человека, который из сельской местности попадает в город. Тут я писателей, обратившихся в «Правду», понимаю». Марк Захаров разъяснял несведущим, что это — «логика неофеодализма», в частности — требование положительного героя.

Однако вернемся в наш кинематографический музей абсурда 89-го года. Есть в нем такие любимые нынешним кинематографом фигуры, как юноша, девушка, смело отстаивающие противостояние контркультуры андерграунда старой отечественной культуре, такая популярная фигура, как диссидент, такая очаровательная, как проститутка. Но есть в этой коллекции, увы, и отрицательные герои, свои злодеи. Главный из них — взрослый человек, СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ. Именно из-за непонимания старших погибают юные дарования, бросаются с крыш, принимают смертельные дозы снотворного, «садятся на иглу», разочаровываются в жизни.

Поистине символичен в фильме «Трагедия в стиле рок» финальный эпизод. Сын, попав в лапы наркоманов, направляет отцовский автомобиль в пролет моста, погибает. С надеждой смотрим на его отца. Он находит на автомобильной свалке свою покореженную машину. Пришел проститься с последним прибежищем сына?.. Отец вскрывает тайник багажника, там пачки сторублевых купюр. Он, уверявший сына, что честен, оказывается вором.

Да. Отцы. В них, по мнению ряда кинематографистов, вся вина. Кинокритик Г. Масловский высказывается еще более резко (в связи с фильмом «Маленькая Вера»): «Семейство как бы обречено смерти.., все они готовы к смерти, потому что уже мертвы».

В подобных фильмах нас пытаются уверить, что обреченное смерти старшее поколение должно как можно быстрее уйти с исторической сцены, дать дорогу юным.

Таковы основные фигуры нынешнего кинематографа — ЮНЫЙ БОРЕЦ-САМОУБИЙЦА, ДИССИДЕНТ, ПРОСТИТУТКА, ЗЛОДЕЙ СТАРШЕ 30 ЛЕТ. Ушли в прошлое «народные сцены», «положительные герои», «чистая любовь», «дружба отца и сына». Поэтому появление фильмов «Лермонтов», «Борис Годунов», «Шантажист», «Садовник», где нет (страшно представить!) ни одной «постельной» сцены, ни одного стриптиза и пр., вызвало у кинокритики бурю негодования. Скажем, фильм «Шантажист», где юноша вступается за честь матери, был объявлен кинокритиком Ю. Богомоловым свидетельством... «конфронтации между поколениями» (явно заклинило нашу кинокритику на конфронтациях); ему «непонятно, за что и для чего (!) погиб молодой человек» (изумительный упрек, не нуждающийся, думается, в комментариях. — Ю. Д.).

Зрительница Н. Т. Жукова из Днепропетровска письменно обратилась в Госкино по поводу статьи в «Комсомольской правде» «От «Анжелики» до «Маленькой Веры»: «Ю. Гейко пишет, что «зритель должен вздрогнуть, словно от пощечины, и потом крепко задуматься», просмотрев фильм «Меня зовут Арлекино». Верно! Вздрогнула и задумалась. Вздрогнула, когда увидела секс в натуральном виде. Задумалась: к чему это? Какова цель этого показа?.. Если бы знали создатели этого фильма и Ю. Гейко, как это противно видеть! Какое неприятное чувство остается, и не сразу от него отделаешься. Ю. Гейко: «К сожалению, рядовому зрителю ростки нового кинематографа пока видны очень плохо». Опять виновен зритель! Эти твердолобые тупицы — рядовые. Интересно, а кто в его понимании не рядовой зритель? На кого же рассчитаны эти «шедевры»?.. Какие моральные, нравственные качества намеревались воспитать у зрительской молодежи этими фильмами?.. К каким нравственным категориям надо это отнести? Какое они должны иметь воспитательное значение?.. Я считаю это растлением нравственности... Это скудость художественного дарования».

Вообще-то, если вспомнить отечественную философию, то она также высказывалась однозначно. «Я стыжусь, следовательно, существую», — утверждал Вл. Соловьев. «Долой стыд» значит «долой человечность».

Но, предположим, что действительно «нет ничего святого». Однако есть еще один аспект проблемы, касающийся судьбы самого кинематографа. С одной стороны, наибольших восторгов и наград удостаивается элитарное кино. Вот, к примеру, «Дни затмения» А. Сокурова (с придыханием говорится ныне о «кинематографе Сокурова»). Мы знакомимся с СССР как большим концентрационным лагерем в безводной пустыне, населенным недочеловеками, у которых течет слюна изо рта. Персонажи картины одиноки и бесприютны: врач, который никого не лечит; его сосед, кончающий жизнь самоубийством, крымский татарин, уезжающий в конце концов куда-то; сумасшедший офицер с автоматом, погибающий во время погони за ним солдат; «святой» ребенок, не понятый окружающими и возносящийся в отчаянии на небеса... Весь этот кинобред произвел такое глубокое впечатление на сегодняшних руководителей кино, что едва ли не все силы брошены на популяризацию подобных фильмов. Или в самом деле наступили дни затмения разума?

С другой стороны, в целях выполнения финансовых планов на поток поставлено производство «масс-культуры» с использованием упоминавшихся восковых фигур. То есть в кино сложилась, по мнению социологов, поистине тупиковая ситуация. Спеша догнать моду на рок и порно, наши киномудрецы не заметили, что еще в 1980 году стратеги Голливуда предостерегали (и соответственно перестроились): «Глупа и недальновидна та отрасль промышленности, которая не делает основную ставку на большую часть потребителей ее продукции. Нельзя назвать искусством то, что рассчитано в основном на восприятие 12-летнего ребенка».

Обозначилось и другое противостояние: игрового кино, посвятившего себя ныне преимущественно теме полной бессмысленности земного существования, — и документального, которое в ряде произведений обращается к самым актуальным проблемам жизни народа. Нет, естественно, правил без исключения. Скажем, модная тема проституток, убийц, рокоманов, наркоманов существует и в неигровом кино. Но на документальном экране мы стали свидетелями и бесхитростных исповедей людей, размышлений о судьбе России.

Особенно впечатляют обращения к нам с экрана радетелей оте-

чественной истории и культуры, защитников народа а фильме «Русский узел» сибирского кинодокументалиста В. Кузнецова (режиссера волнующего документального фильма «Плотина»). Вот размышляет известный автор исторических романов о Руси Д. М. Балашов: «Что у нас, земли нет? Мы создали безземелье искусственно, запрещая обрабатывать землю. У нас была жилищная теснота? Простите, в царской России каждая семья имела отдельный дом с участком земли. Каждая семья, подчеркиваю. Не было семей иных. И если рабочие снимали углы в Петербурге, то у них где-то там на Вологодчине или в Костромской губернии, на родине, стоял дом в пять окошек по фасаду».

Об этом же говорит в фильме писатель В. В. Личутин: «У меня вызывает недоумение: а каким же образом, почему мы еще не стерлись с лица земли? Не превратились в пыль, как бы хотелось некоторым? Почему еще вообще существуем как нация, понимаете?»

Они обращаются — к школьникам, к юности. И нужно видеть лица ребят. От пробуждения их душ очень многое зависит.

В центре нашего внимания, естественно, оказываются подвижники, хранящие и развивающие традиции отечественной культуры, гордые своим осознанием радости созидания. О сынах Отечества мечтают авторы подобных картин, показывая противоборство с временщиками, безнравственностью разных рангов, показывая людей, беззаветно любящих свою Родину. Особенно выделяется в смысле этого противоборства игровой фильм В. Бутурлина «Садовник».

Сменяются времена года, сменяются временщики в этом уголке Русской земли, но денно и нощно стоит на страже родной земли, завещанного предками яблоневого сада их защитник дядя Леша Глазов (Олег Борисов). И вечно в нем воспоминание: как воздвигала тут сельская община арку у входа в радостный сад, как сколачивали для народа бескрайние столы, как покрывали их белыми простынями и ставили кувшины с цветами, блюда с яблоками.

Друг жалеет его: отдохнуть бы тебе в санатории. Ты ведь как с войны пришел, ни на шаг отсюда... «Я уеду, — говорит садовник, — а председатель с садом какую-нибудь пакость и сделает».

Объясняет дяде Леше его ограниченность и тетка Ирка: «Вот в Москве люди живут! Не то что вы тут — в навозе копаетесь!»

Мрачный, нелюдимый человек этот Глазов. Только и делает, что копается у своих деревьев да дерзит начальству. Лишь однажды приоткрывается неохотно — узнаем, что отец был селекционер. «Мы, Глазовы, потомственные при саде». А так всем недоволен. Даже родного сына, приехавшего на побывку, одергивает: «А че один? Че, отпуска жалко? Приехал бы с бабой своей, поработали бы, видишь, людей нет!» И еще раз прикасается к тайному, заветному, когда признается он мальчишке приблудному, Саньке-немтырю: «Ночью выйдешь — и слышно, как яблоки растут. Аж потрескивают. Не веришь? А к тебе врать не стану». И еще радость ему однажды: парень с девушкой забрели в его сад, и прошептала она: «Давай смотреть, слушать...»

«Что слушать? Музыка, что ли?» — резонно удивляется юноша. «Музыка», — убежденно говорит девушка...

В «кинопрорабской» нет ныне более бранного слова, чем «государство», «государственный». Киновед Л. Карахан с особым омерзением осуждает С. Бондарчука как «государственного художника» и восторгается пафосом «Маленькой Веры»: «В гробу мы видели всяческие идеологические монополии». И продолжает: «Похоже, что антиидеологизм становится своеобразной доминантой кинопроцесса». С удовлетворением рассматривая «признаки мощной дестабилизации, идущей в кино», критик полагает: «Теперь дело в том, чтобы законы свободного, неподвластного государственному произволу структурирования утвердились в кино». В статье «Вне игры» («Искусство кино») З. Абдуллаева отмечает: «Двадцать лет назад герои прошли, по точному определению М. Туровской, «первую стадию отрицания». Теперь — второй этап. Он ярко выражен в «Городе Зеро». Темпераментно говорит и Е. Евтушенко о «бесперспективности культа личности государства». Подтверждая это, экран самыми черными красками изображает государство и его институты идеологии, армии, правопорядка. Один из последних фильмов назван уже вполне откровенно: «В предчувствии гражданской войны». Философ В. Толстых сообщает на страницах «Правды»: «...Власти дорого достигнутое, пусть и в малом, ее идеал — «порядок», устойчивость. А художника, напротив, интересует негармоничность бытия, всевозможные деформации... Инакомыслие в природе, «в крови» искусства». Полагает он также: «Есть что-то нездоровое в призывах к нравственности, которые сейчас так распространены».

Ну а как же, спрашивается, тогда быть со старозаветными мечтами о красоте, что спасет мир, о гармонии, об общечеловеческих идеалах, об объединении людей?

«Романтическая мечта об общности, — строго поучает молодой киновед А. Тимофеевский, — основа всякой утопии, всякого фашизма и самая страшная угроза демократии».

Как же тогда нам быть? Куда податься?

А. Тимофеевский это хорошо знает: «В конфликте между личностью и государством, который теперь надолго определит духовную ситуацию в стране, каждый должен был сделать свой выбор».

С неудовольствием вспоминает он тяжкие времена, когда «колхозно-партийным сленгом» заклинали «вспоминать Родину-мать и склонить перед нею выю», «ходить на причастие к Мавзолею», когда через «высокое» искусство насаждалась всякая «духовность», «нравственность» (это слово в киноведении вызывает ныне омерзение не меньшее, нежели отталкивающее понятие «русский». — Ю. Д.) и «историческая преемственность». Имея в виду, очевидно, поэтический фильм «Влюблен по собственному желанию», вызвавший одобрение зрителей, критик ужасается лентам, «где какая-нибудь городская сумасшедшая, одержимая нравственностью и преемственностью, служила немым укором нормальному парню в джинсах с нормальными здоровыми инстинктами».

Так где же выход? Вот он. Внимайте. А. Тимофеевский торжественно вещает: «Личность выше государства». То есть (вспомним Л. Карахана): «в гробу мы видели всякие идеологические монополии».

Неудивительно поэтому, что фильм «Русский узел», где авторы пытались затронуть некоторые проблемы русского народа, вызвал немедленный строгий окрик отдела советского кино журнала «Советский экран». Отдел советского кино в отклике «В огороде бузина» потешается над неразумным В. Распутиным, говорящим об

опасности русофобии, и в «праведном» гневе отдел восклицает: «...не какой-нибудь легкомысленный сказочник, а всамделишный реалист Валентин Распутин, и говорит на полном серьезе».

Отдел особенно веселит попрание святынь...

Не хочется даже перечислять все те мерзости и непристойности, которыми «награждает» «Советский экран» русских деятелей культуры, делящихся в фильме своими болями, тревогами о судьбе России. Под конец отдел бодро вершит приговор: «По Сеньке и шапка», опираясь в своих измышлениях на «призрак Союза Михаила Архангела», без которого современная русофобия не мыслит своего существования.

Ничто, получается, не тревожит кинематографическую прессу в сегодняшнем кинопроцессе, — ни воцаряющаяся уже в каждом фильме порнография, ни сквернословие, ни отсутствие идеала, ни оккупация экрана антигероями и пошлостью, ни копирование иноземных идеалов и жанров. Ничто, кроме того, чтобы все русское понималось только со знаком «минус» и никак иначе. И удары наносятся, естественно, в первую очередь по лидерам отечественной культуры, по Распутину и Белову, по Бондареву и М. Алексееву.

Спросим себя: почему режиссер-дебютант Николай Бурляев не прислушался к советам деятелей постмодернизма и не экранизировал пьесу А. Червинского «...Из пламя и света», где Лермонтов представал в виде наглого «металлиста», демонстрирующего модное высокомерно-пренебрежительное отношение к окружающим и куражащегося над ними? Отчего он задался немодной темой воспитания в юном сердце готовности к подвигу во благо Отечества? Зачем возникает в фильме прекрасный мужественный дед поэта, генерал Д. А. Столыпин, герой войны с Наполеоном, с его сентенцией: «Готовь сердце к подвигу и ничего не бойся»? Зачем Бурляев разоблачает масонство как могучую силу, приговорившую к смерти непокорного поэта, зачем обижает ставленника масонов Николая Соломоновича Мартынова, достойного сына винного откупщика, зачем демонстрирует родовой герб Мартыновых, шестиконечные «звезды Давида» и руку с кинжалом? Неужели он не понимал, что вызовет гнев С. Соловьева, А. Плахова, В. Демина и других? Вопросы, вопросы...

Между тем почитаешь за удачу встретить на экране нормального человека. И не только на экране. С тревогой пишет Петр Проскурин в «Правде» о постепенном исчезновении созидающего, строящего героя, а Валерий Ганичев — о «вколачивании» в нашу жизнь чужеродных ритмов и традиций. Не без сарказма замечает Леопид Почивалов о неудержимом желании иных деятелей заполучить поощрительное похлопывание из-за океана: «О'кей, русские! Мы рады, что вы беретесь за ум!»

Все наоборот! Все вверх ногами! Чем хуже — тем лучше! Так и кажется, что кинокритика порой напевает эту веселую, в ритме рока, песенку. И потому антигерои «Вокзала для двоих», «Полетов во сне и наяву» и пр. объявляются критиком О. Кучкиной, признающей, что эти люди утеряли способность выполнять свой долг, отвечать за собственные поступки, жить неэгоистической жизнью, — людьми, которых надо... п о л ю б и т ь. «Нам упорно навязывается «антигерой», — пишет литературовед Ф. Кузнецов, — как некая этическая мера нашего существования...» И закономерно критик Ю. Гладильщиков определяет бесцельно сло-

няющегося по жизни, ни к чему не приспособленного героя «Курьера» в качестве «общественного героя», почти борца».

Появляются и немногочисленные, правда, ленты, где в фокусе авторского внимания не изучение собственного пупа, а судьба человеческая, судьба н а р о д н а я. Вслед за отечественной литературой и журналистикой патриотический кинематограф подступается к социально-нравственному анализу, в назидание потомкам, трагической судьбы русского крестьянства.

«У нас был колхоз имени Кагановича, — рассказывают очевидцы уничтожения крестьянства Севера России («Онежская быль», документальный фильм), — с октября по апрель все работали на лесозаготовках. Работали, по существу, бесплатно. Душа болит, совесть мучает, а людей посылать надо... Деревни пустели... Люди видели, что дальше в сельской местности, в деревне жить невозможно».

Причем из ряда документальных лент мы познаем, какой же силой духа должен был обладать это народ, чтобы выстоять в самых жестоких испытаниях. Особое место в этих киноисследованиях занимает лента «А прошлое кажется сном», повествующая о судьбах «спецпереселенцев» и их близких. Вот рассказывает Черноусова, дочь одного из раскулаченных: «Мама осталась с нами четырьмя одна: «В Игарку поедете». Что такое Игарка, знать не знали. На север куда-то. Вот так и поехали на пересыльный пункт... Здесь оказалось очень много народу и очень много детей. Мужчин было мало, потому что их всех забрали, посадили. Дня через 3—4 нас всех из бараков выгнали... погнали по дороге... Мы охранялись милицией, и если кто-то из ребятишек отставал, то они подгоняли строго... Все равно как заключенных гнали... Дети задыхались от жары... Пригнали нас на пристань. Там стоял «Спартак», теплоход. Так было тесно, так было плохо! Ну и поплыли мы вниз по Енисею. Высадили нас на берег пустынный. Ничего там не было. Я помню, проливной дождь был, нас мать закрывала клеенками. А Ирбейские там, Башимуртинские, Канский район — настолько были бедно одеты, что им даже нечем было прикрыться... Мамы наши начали строить бараки... Потом бараки разделили на комнаты. В нашей комнате было 24 человека, 4 семьи. В каждом углу по семье...»

И вот удивительное: «Тут плита и здесь мы. Пляшем. Песни поем. Любили друг друга все. Встретишь кого из тех наших — радуемся, как будто встретил самого близкого человека».

А в контрапункте фильма молитва старой женщины, обращенная к древнему храму: «Прости им, Господи, что тебя разорили. Им приказывали, и они разоряли. Они не ведали, что они творили. Господи, прости им. Все опустошили, все разорили, все превратили в мерзость...» Мы вглядываемся в руины церкви, и в ушах все стоит плач женщины (или всей России?): «На что ты похожа? Во что превратили тебя, дом мой?.. Сердца стали голые, а тела одеты в шелковье... Поклоняемся честолюбию, сладколюбию и телолюбию. И сыты, и одеты... и все ненавистничаем, обезумели мы совсем!»

И экран напоминает нам то прошлое, что кажется страшным сном. Вот молится народ, а энергичный мужчина свистит в свисток. И валится церковь. Падает маковка храма. Женщина снимает иконы. Мужчина дает знак флагом, бежит в укрытие — и

взрыв. Падает с церкви колокол и разбивается. Рука включает рубильник. И — новый взрыв...

Картина сибирских кинематографистов «А прошлое кажется сном» (авторы сценария О. Булгакова, В. Романов, режиссер С. Мирошниченко, операторы Е. Смирнов, Б. Кустов) столь впечатляюща, что поневоле задаешь себе вопрос: почему же она не обратила на себя внимания организаторов Первого Всесоюзного фестиваля неигрового кино и его жюри во главе с А. Нуйкиным? Весьма сомнительны «достижения» удостоенной главной награды фестиваля ленты Г. Франка «Высший суд», где прослеживаются приготовления к казни убийцы двух людей. Нельзя не согласиться с читателем «Советской культуры» Петром Соседовым из Кинешмы, считающим этот опус антигуманным, кощунственным, ударом ниже пояса, с чем солидарен литературовед В. Кардин. Но бог с ним, с кощунством, раз разрешено все и нет ничего святого. Все же как объяснить равнодушие устроителей форума и его жюри к талантливой картине, посвященной трагедии народа? Неужели это произошло только потому, что в эпоху постмодернизма («Иск. кино» № 9, 1987, с. 45) в кинопрессе имена современных русских писателей, «великорусская культура», «национально-патриотические бдения» упоминаются только в уничижительном смысле?

В фильме «Компьютерные игры» (Леннаучфильм) мы видим с вертолета опустевшую брошенную землю и слышим голос одного из жителей бывшей деревни: «Через 10 лет не только здесь, а вообще в деревнях никто не останется. А нас уже не будет».

Мы видим на экране одну бывшую деревню — Коданово на Вологодчине — и не можем не согласиться с горькими обобщениями ученого М. Ф. Антонова, что эпопея с сселением деревень — одно из самых позорных явлений нашей жизни. Наблюдая за последними остатками жизни погибающей земли, всматриваясь в глухие, заколоченные дома, с невольным ужасом вслушиваешься в признание одного из «туземцев»: «Держались, пока можно было... Выйду вон в поле, вечером-то, там п о о р у в п о л е, вроде полегче» (смеется). Смеется обездоленный человек, в лице его и облике вековечное российское жизнелюбие и терпение, а ведь это образ несомненно глубоко трагический. Куда до него российским и нероссийским гамлетам! Для него нет вопроса: быть или не быть? Б ы т ь! Но как быть на земле, с которой десятилетиями сгоняли всеми возможным способами, пока окончательно не выселили?

Самое сильное впечатление в фильме производят лица людей, лица открытые, добрые, лица тружеников, хозяев земли, увы, бывших. И потому соглашаешься с мыслями М. Антонова о том, как пагубна идеология «экономизма», когда мы думаем не о жизни людей, а о деньгах, когда утрачено понимание смысла жизни.

Картина А. Сидельникова «Компьютерные игры» — это и одно из первых обвинений той кинодокументалистике, во многом инсценировочной, фальсифицированной (но очень активно преследовавшей оппонентов), что десятилетиями обманывала нас, изображая российскую жизнь как тишь, гладь да божью благодать.

Вот подобная «розовая» кинохроника: «Аральское море! Миллионы гектаров можно оросить водой Аму-Дарьи, бесплодно уходящей в этот огромный водоем. Скоро вся пустыня примет новый, невиданный ранее облик... Великая стройка коммунизма!.. Наступление на Кара-Кумы началось!» Ныне Аральское море погибает, оно отошло от берега на 170 км, оголилось около трех миллионов гектаров, атмосферная засуха усиливается, начала гибнуть фауна. Перед нами — знак беды каракалпакского народа, лишенного своей прежней жизни, утратившего в результате потери Аму-Дарьи источники существования, теряющего детей от гепатита и больной воды. «Деградация земли, — отмечает Антонов, — это есть только проявление деградации человеческой души. У нас вообще идет такой странный процесс, для которого я не могу подобрать другого слова в русском языке, кроме как о д и ч а н и е. Мы утрачиваем какие-то самые исконные понятия... Нам нужно осознать свое положение. Мы настолько заврались!» С болью и тревогой Антонов говорит о том, что экономика должна быть пронизана сильным н р а в с т в е н н ы м началом. Без этого она вообще не экономика, а лишь теория р а з о р е н и я с т р а н ы!

Действительно, как иначе, если не одичанием, назвать те «великие» стройки, что уничтожили 190 городов, более 5 тысяч сел и деревень, тысячи памятников отечественной истории и культуры, 14 миллионов гектаров лугов, о чем говорится в документальном фильме «Плотина»? Поистине гражданским и нравственным подвигом сибирского писателя С. Задереева и заведующего лабораторией биосферных исследований при АН СССР Ф. Шипунова, кинодокументалиста В. Кузнецова является этот созданный ими страстный фильм-обвинение. Через всю картину проходит образ «пожогщика», поджигающего дома, подлежащие затоплению. С научной добросовестностью в фильме говорится о том колоссальном уроне, который нанес стране этот «пожогщик». Авторы показывают экономический ущерб от уничтожения заливных лугов — самой продуктивной земли — и лесов. Ведь по поймам этих рек создалась великая русская культура, и истоки ее теперь порушены.

Соглашаешься с гневными словами Валентина Распутина, сказанными им в картине «Цена воды»: «Едва ли есть смысл призывать к совести, призывать к чести и призывать к благоразумию тех, кто распоряжается и хозяйничает на Байкале. Тот, кто неспособен понимать такие вещи, тот, очевидно, не поймет их, когда мы обращаемся к его совести и когда говорим, что он обязан быть с ы н о м О т е ч е с т в а».

Именно о с ы н а х О т е ч е с т в а мечтают авторы лучших сегодняшних фильмов.

Если внимательно присмотреться, то искусство, где речь идет о духовном здоровье народа, начинает все более активно исследовать гримасы буржуазной культуры, пошлости, все более утверждаемой в молодежной «контркультуре». Так, кинематографисты Урала в документальной ленте «И не кончается дорога» размышляют о том, как мы храним традиции народного искусства. И беспощадно выявляют лакейство перед «масс-культурой», противоречащее этим традициям. «Что же должно быть сделаться с нашей душой, — замечают они, наблюдая за последними воплями зарубежной моды, успешно осваиваемой у нас, — чтобы она могла вот так перевернуться с ног на голову? Что же случилось с нами?»

Этот же тревожный вопрос волнует создателей картины «Живите в доме, и не рухнет дом», где с горечью говорится о том, что мы во многом утратили память и уважение к прошлому. Иначе

можно ли было довести до такого разорения Нилову пустынь, которую Россия создавала в течение трех веков? Была ли необходимость ставить компрессорную установку на могилах героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби? «Неужели мы живем под оккупантами? — спрашивает в картине В. Распутин. — От кого защищаем памятники? С топором приходится стоять».

Обойдена вниманием новомодной критики и блестящая работа режиссера Юрия Белянкина «Один час с Леонидом Леоновым» с непривычным признанием замечательного писателя: «Да, мы любим свое, наше, потому что на нем отпечатки мечты и золотых рук наших гениев... Гражданская совесть и стариковские предчувствия повелевают мне высказаться вслух и по поводу национальной нашей старины, за последнее время подвергшейся почти сейсмическому опустошению. Многое из сокрушенного, испепеленного по первому разряду усердием общеизвестных лиц уже не воротить. Тем громче надо вступиться в защиту уцелевшего...»

Передовая общественная мысль констатирует: социально-экономическое и нравственное состояние общества тревожно. Поистине катастрофично положение с воспитанием молодежи, где все больше фактов бездуховности.

Только это осознание, то есть общее повышение нашей культуры снизу доверху, может помочь нам в борьбе с безнравственностью и временщиками всех мастей за искусство, воспитывающее достойных сынов Отечества.

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 19.07.90. Подп. в печ. 24.08.90.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 725 000 экз. Заказ 2145. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.